Том 45, № 1
Март 2018

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.00 – исторические науки и археология, 23.00.00 – политология). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология

Belgorod State University
Scientific Bulletin
History Political Science

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:

НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»
Адрес редакции, издателя, типографии: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-63054 от 10 сентября 2015 г.

Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории Педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, заместитель директора по научной работе и международной деятельности Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент, ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А.Ю. Худавердян, С.Г. Деведжян, Ш.А. Вартанян, А.А. Енгибарян
Экстраординарные погребения из памятника Лори Берд: возможности интерпретации …… 5

Н.П. Писаревский
Новейшие результаты исследования мореплавания и морских связей древнего Средиземноморья в зарубежной историографии и археологии … 22

Я.В. Манохин
«Феофраст» и «Аммоний». Отражение ранневизантийской полемики между христианством и античным язычеством в литературном наследии риторской школы Газы …….. 29

С.Г. Бочаров
Археология Генуэзской Газарии XIII–XV вв. Определение термина …….. 35

В.П. Митрофанов, Е.Ю. Алешина
Английские крестьяне и аграрная политика Тюдоров и первых Стюартов: законодательство и крестьянская психология через социальные конфликты (1550–1640 гг.) …..... 49

О.Е. Шмелева
Религиозная политика английского парламента во времена Славной революции ……..... 56

П.В. Востриков
Общественное значение культуры танца в колониальной Виргинии XVIII века ……..... 61

Д.А. Белащенко, А.Е. Цымбалова
Особенности возникновения и развития украинского национального движения в середине XIX – конце XX вв. ……..…….. 69

В.В. Малай
Проблемы гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. в контексте франко-советских отношений …….. 77

С.Ю. Крупская, А.Ю. Крупская, Н.З. Бросова
Политика гитлеровской Германии в отношении Великобритании и СССР накануне Мюнхена (1938 г.): информационный аспект ……... 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Е.Е. Васильева
Исследования деревянных погребальных конструкций некрополя Чудова монастыря Московского Кремля …….. 90

Члены редакционной коллегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор (Ереванский государственный университет, Армения)

С. Атлагич, профессор, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б.Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотырновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, Рига, Латвия)

Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*
Компьютерная верстка *А.Н. Оберемок*

Редактор англоязычных текстов *Е.В. Литовченко*
Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко*
E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 16.03.2018
Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman, Impact
Усл. п. л. 24,9
Заказ 66
Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Дата выхода 31.03.2018

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в издательском доме «Белгород»
Адрес издателя и издательства: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

И.С. Свиридов
К вопросу о проблемах исследования религиозности крестьянства в последней четверти XIX – начале XX вв. (по материалам Тамбовской епархии) ……..……... 97

П.Г. Култышев
Женские батальоны русской армии в 1917 году как фактор размывания гендерных ролей в условиях военного времени ……. 104

Е.В. Дроботушенко
К вопросу о количестве и названиях казачьих поселений на территории Северного Китая на рубеже 1920–1930-х гг. …….. 112

Е.А. Сидорчук
Значение Севастопольской оборонительной операции на начальном этапе Великой Отечественной войны …… 122

Т.Р. Латыпов
Танки в ущельях: боевые действия бронетанковых и механизированных войск 4-го Украинского фронта в ходе Карпатско-Ужгородской наступательной операции (сентябрь – октябрь 1944 г.) ……. 132

Л.И. Вавулинская
Восстановление и развитие системы здравоохранения в Карелии в послевоенные годы (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.) …... 140

А.С. Щербаков
Деятельность Ленинградского городского совета по развитию учреждений народного образования в 1950-е годы ……... 150

В.А. Перцев
Традиции и новации в формировании концептуальной основы социальной истории советского государства 1950–1980-х годов ……..…... 158

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Р.Н. Лункин
Церковь и внешняя политика: от «русского мира» к глобализации ……. 165

К.Н. Лобанов, Л.Ю. Медовкина
Основные методы ведения информационной политики Дж. Буша на постсоветском пространстве ……..…….. 176

Д.Н. Нечаев
Ключевые аспекты совершенствования государственного управления при реализации государственной промышленной политики: политологический анализ ……..... 183

Е.С. Селиванова
Институциональная природа цифровизации российского коммуникационного пространства в системе общественно-политического и корпоративного взаимодействия ……..... 190

Сведения об авторах ……..…….. 197

Информация для авторов ……..……. 199

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018

Volume 45, № 1
March 2018
SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The journal is included into the list of the Higher Attestation Commission (HAC) of the peer-reviewed publications containing key results of the thesis for the degree of Doctor and PhD (07.00.00 – historical sciences and archaeology, 23.00.00 – political sciences).
The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ)

Belgorod State University Scientific Bulletin
History Political science

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология

Founder:
Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher:
Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House
Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-63054
September 10, 2015

Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin, rector of Belgorod State National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod State National Research University)

I.G. Onoprienko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, Editorial Assistant (Belgorod State National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

A.Yu. Khudaverdyan, S.G. Devedjyan, Sh.A. Vartanyan, A.A. Yengibaryan
Extraordinary burials from Lori Berd monument: interpretation opportunities ……. 5

N.P. Pisarevskiy
The most important results of the investigation of navigation and marine connections of the ancient Mediterranean in foreign historiography and archeology …… 22

Ya.V. Manohin
«Theophrastus» and «Ammonius». Reflection of Early Byzantine polimics between the Christianity and ancient paganism in the literary heritage of the rhetoric schools of Gaza 29

S.G. Bocharov
Archaeology of the Genoese Gasaria in the 13-th – 15-th centuries. Definition of term …... 35

V.P. Mitrophanov, E.Y. Aleshina
English peasants and agrarian policy of the Tudors and the first Stuarts: legislation and peasant mentality through social conflict communication (1550–1640-s) 49

O.E. Shmeleva
Religion policy of English parliament in times of the Glorious Revolution …….. 56

P.V. Vostrikov
The social meaning of dancing in the 18th century colonial Virginia …… 61

D.A. Belashchenko, A.E. Tsimbalova
Peculiarities of emergence and development of Ukrainian national movement in the middle of 19-th – the end of 20-th centuries ……... 69

V.V. Malay
Problems of the Spanish civil war, 1936–1939 in the context of Franco-Soviet relation 77

S.U. Krupskaya, A. U. Krupskaya, N.Z. Brosova
Hitler's Germany policy towards Great Britain and USSR on the eve of Munich (1938): information aspect …….. 85

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

E.E. Vasileva
The investigations of wooden burial constructions of the Chudov Monastery`s necropolis of the Moscow Kremlin ……... 90

I.S. Sviridov
The problems of the study of the peasantry religiousness in the last quarter of XIX-th – early XX-th centuries revisited (based on the materials of Tambov diocese) ……. 97

P.G. Kultyshev
Women's battalions of the Russian army in 1917 as a factor in the loosening of

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences (Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (The Kunstcamera))

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences,senior scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B.Sorochan, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Todorov, PhD in history, associate professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

gender roles in wartime ……... 104

E.V. Drobotushenko
Revisiting number and names of the cossack settlements on the territory of Northern China at the turn of 1920-s – 1930-s ……... 112

E.A. Sidorchuk
Value of the Sevastopol defensive operation at the initial stage of the Great Patriotic War 122

T.R. Latypov
Tanks in the gorges: combat operations of armored and mechanized troops of the 4th Ukrainian front during the Carpathian-Uzhgorod offensive operation (september – october 1944 ……..……. 132

L.I. Vavulinskaja
The restoration and development of the health system in Karelia in the post-war years (the second half of the 1940-s – mid 1950-s ……..... 140

A.S. Shcherbakov
Activities of the Leningrad city council for the development of public education institutions in the 1950-s …….……...……. 150

V.A. Pertsev
Traditions and innovation in formation the conceptual basis of the social history of the Soviet state during the 1950-s – 1980-s ..…….. 158

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

R.N. Lunkin
The church and the foreign policy: from «Russian World» to the globalization ……... 165

K N. Lobanov, L.J. Medovkina
Basic methods of implementation of George Bush's information policy in the former Soviet Union ……... 176

D.N. Nechaev
Key aspects of perfection of government management in realization of state industrial policy: political analysis ……. 183

E.S. Selivanova
The institutional nature of the digitalization of the Russian communication space in the system of socio-political and corporate interaction 190

Information about Authors …….…….....……. 197

Information for Authors ……..... 199

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*
Computer imposition *A.N. Oberemok*

English text editor *E.V. Litovchenko*
Page layout: *I.G. Onoprienko*
e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 16.03.2018
Format 60×84/8
Typeface Times New Roman, Impact
Printer's sheets 24,9
Order 66
Price free
Circulation 1000 copies
Date of publishing: 31.03.2018

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House «Belgorod», Belgorod State National Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

©Belgorod National Research University, 2018

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 930.26
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-5-21

ЭКСТРАОРДИНАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ ПАМЯТНИКА ЛОРИ БЕРД: ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

EXTRAORDINARY BURIALS FROM LORI BERD MONUMENT: INTERPRETATION OPPORTUNITIES

А.Ю. Худавердян[1], С.Г. Деведжян[1], Ш.А. Варданян[2], А.А. Енгибарян[2]
A.Yu. Khudaverdyan[1], S.G. Devedjyan[1], Sh.A. Vartanyan[2], A.A. Yengibaryan[2]

1) Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения
Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Чаренца, 15
2) Ереванский государственный медицинский университет,
Республика Армения, 0025, г. Ереван, ул. Корюна, 2

1) Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
15 Charenc st., 0025, Yerevan, Republic of Armenia
2) Yerevan State Medical University, 2, Koryun st., 0025, Yerevan, Republic of Armenia

E-mail: akhudaverdyan@mail.ru

Аннотация
Экстраординарные погребения отражают малоизученные в армянской археологии специфические формы обращения с телом умершего и его костными останками. Анализируется несколько способов обращения с останками у населения эпох поздней бронзы и железа из памятника Лори Берд: расчленение тел, выставление, кремация, захоронение только правой половины черепной коробки и фрагментов посткраниального скелета. Проведенное исследование позволяет решить широкий круг экспертных вопросов, связанных с прижизненными и посмертными нарушениями, а также идентификацией видов орудия. Тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего или средневекового населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям.

Abstract
Extraordinary burials reflect poorly studied in Armenian archeology specific forms of treatment of the deceased body and its bone remains. It is analyzed several methods of treating buried remains of the Late Bronze Age and Iron Age from Lori Berd monument, such as: body dissection, exhibiting, cremation, burial of only the right half of a cranium and fragments of postcranial skeleton. The conducted research allows to solve wide range of expert issues associated with intravital disorders and postmortem, as well as identification of types of guns. Lori Berd for the first time clearly records polyvariant manipulations with the bodies of the deceased on the territory of Armenia. In its burials the skeletal remains are fixed in a dismembered, exposed, cremated, anatomically inconsistent order and are represented by a notoriously incomplete set of bones. Author comes to the conclusion that specific types of burials reflect poorly studied in Armenian archeology specific forms of treatment of the deceased's body and its bone remains.

Ключевые слова: Армения, эпоха поздней бронзы, железный век, расчленения, кремация.
Keywords: Armenia, Late Bronze Age, Iron Age, body dissection, exhibiting, cremation.

Археологам и антропологам, работающим на погребальных памятниках, хорошо известно, что не всегда можно зафиксировать «правильное» анатомическое положение костяка, имеющего в сохранности абсолютно все скелетные элементы, которые при этом находятся в полном анатомическом соответствии. С момента погребения тело умершего начинает испытывать воздействие целого спектра естественных деструктивных факторов, приводящих к смещениям в первоначальном положении костяка, а иногда полной деструкции, как его отдельных скелетных элементов, так и всего костяка в целом. С другой стороны, согласно этнографическим данным, известны самые различные приемы преднамеренного нарушения анатомической целостности тела умершего до его погребения. Подобные способы обращения с умершими приводят к появлению археологически фиксируемых расчлененных, вторичных и парциальных погребений [Зайцева, 2005, с. 14-16].

Под расчлененным погребением мы понимаем помещение в могилу преднамеренно расчлененного после смерти или непосредственно в момент смерти тела умершего, причем расчлененное тело могло захораниваться как полностью, так и частично, как в одном месте, так и в разных местах. Под вторичным погребением предполагается перемещение и перезахоронение человеческих останков после «временного» (первичного) погребения. Парциальное погребение предполагает помещение в могилу только части тела умершего или его костных останков. Парциальное погребение может являться частным случаем расчлененного, если после расчленения захоранивается только часть трупа, или его отдельные части погребаются в разных местах. Парциальное погребение может также быть частным случаем вторичного, если после первичного погребения кости были собраны не полностью, или же кости одного индивида преднамеренно захоранивались в разных местах.

Интерес к погребениям с нарушенной анатомической целостностью костяка появился в Армении в начале XXI в. Ныне существование в Армении расчлененных, парциальных и вторичных погребений в различные периоды от бронзы до позднего средневековья уже не ставится под сомнение [Деведжян, 2006, с. 98; Худавердян и др. 2013, с. 81, 83, 85-88]. Часто такие погребения в силу своей редкости совсем не используются в анализе и систематизациях или только упоминаются в работах, что не способствует их детальному изучению. С другой стороны, подчеркиваются серьезные методические сложности и отсутствие четких критериев их выявления. Но тщательное рассмотрение «нестандартных» древних объектов может дать чрезвычайно важную информацию об особенностях жизни и смерти древнего или средневекового населения, которые нельзя установить по «стандартным» погребениям.

Погребальный обряд – один из наиболее семантически насыщенных и информативных источников по изучению древнего мировоззрения. Все разновидности погребальных обрядов находят мировоззренческую первооснову в представлениях о смерти-перерождении. Погребальный обряд представляет собой особый цикл действий, последовательно совершаемых с момента смерти человека до его погребения. Интерпретация археологически фиксируемых особенностей погребального обряда возможна только при условии широкого привлечения данных этнографии и фольклора, т.е. сопоставления разных семиотических текстов, в которых дублировалась традиционная модель мира. «Расчленение вселенной, животного, человека, вещи представляет один из наиболее универсальных мотивов мировой мифологии. …расчленение обозначает умерщвление. …убить, т.е. лишить сущности, можно лишь, разъяв тело чисто физически на части, клочья, куски… Покойник часто не считался окончательно мертвым до тех пор, пока не был окончательно расчленен, т.е., пока не была нарушена физическая целостность его тела» [Евсюков, 1988, с. 45]. Представление о том, что расчленение способствует возрождению, имеет очень древние корни и широко засвидетельствовано в мировом фольклоре [Пропп, 1998, с. 186]. Расчленение в этом смысле, как и сожжение, у многих народов означает освобождение души от оков телесности и является способом перевода в иное состояние [Пропп, 1998, с. 186]. Существовали и представления о расчленении как препятствии к возрождению [Худавердян и др., 2013, с. 85-87]. В селькупской сказке о борьбе Ичи с великаном Пюнегуссе, последнему все же не удается восстать из мертвых и после того, как Ича порубил его на куски, причем Пюнегуссе «приобрел новую жизнь и еще новую силу,

сделавшись несравненно более могущественным, чем был ранее» [Доннер, 1915, с. 45]. Иче пришлось для того, чтобы предупредить всякую возможность повторного возрождения Пюнегуссе полностью уничтожить его тело – сжечь на костре. Здесь мы видим, что сожжение оказывается более радикальным средством. Ю.А. Шилов же рассматривает расчлененные погребения как человеческие жертвоприношения, обращая внимание читателя на арийский Гимн Пуруше [Шилов, 1995, с. 13]. По мнению исследователя, такие жертвоприношения были добровольными. В том случае, если в погребении находились двое погребенных, один в стандартной позе, а второй расчлененный, то последний субъект как бы усиливал магические способности сопровождавшегося им «обычного» покойника.

Первыми расчленяли тела умерших homo erectus 500–300 тыс. лет назад [Ullrich, 1989. S. 227-236]. Расчленение тел – характерная черта ранних мустьерских погребений [Rosos etc., 2012, p. 61]. Расчленения встречаются в комплексах ямной [Агульников, 2010, с. 323-344], катакомбной [Мельник, 1991, с. 114], белозерской [Агульников, 2010, с. 184], срубной [Усачук и др., 2010, с. 197-198] культур. Ритуальное расчленение умерших известно и в скифское время [Гречко, 2014-2015, с. 194-195].

Захоронения расчлененных трупов в могильниках Армении обнаружены с эпохи средней бронзы (Лори Берд, Артик, Степанаван, Верин Навер, Карашамб, Талин, Лчашен II, Канагех, Арцваник, берег Апаранского водохранилища, Хнаберд, Бовер, Багери Чала, Барцрял, Ширакаван) [Хачатрян и др., 1975, с. 146; Деведжян, 2006, с. 98; Худавердян и др., 2013, с. 81; Худавердян и др., 2015, с. 48].

Иногда наблюдается ошибочная тенденция, когда любое нарушение анатомической целостности костяка и/или его некомплектность объясняется расчлененным погребением. Определить, было ли в могилу помещено тело с уже нарушенной анатомической целостностью, или же наблюдаемое анатомическое несоответствие в положении костяка вызвано постдепозиционными смещениями и нарушениями, на основе чисто археологических методов зачастую оказывается невозможным. Выход из сложившейся ситуации видится нам в привлечении возможностей естественных наук и интеграции методов археологии, физической антропологии, судебно-медицинской экспертизы и тафономии.

Комплексный подход, тщательный анализ и фиксация всего антропологического материала позволят установить, произошло ли расчленение после смерти человека и является ли особой формой обращения с телом умершего, или же расчленение стало причиной смерти. Каким бы образом не осуществлялась процедура расчленения тела на отдельные сегменты, следы этих операций всегда фиксируются на костях [Худавердян и др., 2013, с. 81; Ullrich, 1989. S. 51-71]. Их наличие может служить надежным тафономическим индикатором расчлененных погребений. Даже в случае очень аккуратного и «профессионального» расчленения по суставам, следы порезов или рубки обязательно останутся в области суставных поверхностей костей. Чаще всего рубленые повреждения трубчатых костей встречаются при исследовании расчлененных трупов [Дементьева, 1955, с. 9]. Острота лезвия, толщина, уровень погружения и выраженность углов определяют морфологические свойства повреждений. Огромное значение также имеют условия воздействия [Шадымов, Рыкунов, 2012, с. 43] – высокая скорость и большая масса (которые обеспечивают достаточную энергию удара) в сочетании с направлением удара (встречное, под острым углом). По классификации Х. Ульриха [Ullrich, 1989. S. 51-71], к посмертным искусственным разрушениям относятся следы надрезов, ямки, скобления, неглубокие вдавления сходной структуры, дефекты сочленовных поверхностей и в местах прикрепления мышц, разрушение основания черепа, фрагментация черепа и посткраниальных элементов, продольное расщепление диафизов и полировка костных фрагментов. По другой классификации, посмертные преднамеренные разрушения проявляются в извлечении мозга, повреждениях лицевого скелета, обугливании костей, расчленении, отсутствии некоторых элементов скелета (в т.ч., многих позвонков), расщеплении диафизов длинных костей, обнажающем полость костномозгового канала; в надрезах, костных разломах, абразивных повреждениях, причиненных орудиями, полировке фрагментов [Pearson, 1999, p. 76].

Традицию кремации можно отнести к универсальным человеческим феноменам, ее возникновение фиксируется на различных территориях, в разнообразных культурных контекстах во все эпохи существования самой погребальной обрядности. Наиболее ранние погребальные памятники, в которых можно предполагать следы преднамеренного использования огня, относятся к среднему палеолиту [Смирнов, 1997, с. 119]. Особенности проведения кремации известны нам по текстам - сценам погребения Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера [Гомер, 1949, с. 115-257, 785-800]. Практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, была призвана обеспечить благосклонность богов. На Ближнем Востоке кремация тел считалась привилегированным способом погребения умершего [Rosen, 2004, p. 127]. Данный способ обращения с останками встречается в культуре хеттов. Среди табличек из Богазкёя есть ряд фрагментов, относящихся к описанию ритуала похорон царя или царицы. Согласно описанию, в первый день совершалась кремация тела. «На 2-й день, как только рассветает, женщины идут…, чтобы собрать кости… Они берут кости серебряной *лаппа* и погружают их в очищенное масло в серебряном кувшине, затем они вынимают кости из очищенного масла и кладут их на льняной *гаццарнулли*, под который подложена «красивая одежда». Кончив собирать кости, они заворачивают их вместе с льняной тканью в «красивую одежду» и кладут их на стул; а если это женщина, они кладут их на скамеечку… Перед стулом, на котором лежат кости, они ставят стол и угощают горячими хлебами… И всех, кто пришел собирать кости, они потчуют едой… [Затем] они берут кости… и приносят их в его “Каменный дом”» [Герни, 1987, с. 146-147].

Во многих евразийских культурах энеолита - бронзы (трипольская, софиевская, баденская, Злота, Волынь и др.) обнаружены погребения с кремированными останками человека [Rosen, 2004, p. 127-129]. С середины II тыс. до н.э. обряды трупосожжения приобретают массовый характер на территории Евразии. Ряд ученых [Conklin, 1995, p. 88; Turner, Turner, 1999, p. 267] связывают обряд трупосожжения с каннибализмом. По мнению Тернеров, в доисторическом Эназаси свои жертвы перед съеданием жарили на костре.

Обряд «выставления», когда раздетые догола тела умерших выставляли на открытом месте на растерзание хищным птицам, являлся важнейшим определяющим признаком обширной этнической общности, известной в античных источниках ахеменидского и эллинистического времени [Пьянков, 1988, с. 214-215]. По учению Ахурамазды, всё, связанное со смертью, считалось нечистым, в т.ч., всякий труп, который не должен был соприкасаться с чистыми стихиями - землей, водой и огнем. Поэтому зороастрийцы практиковали выставление раздетых тел умерших на растерзание хищным птицам, а кости сбрасывались затем на дно колодца, облицованного камнем [Токарев, 1986, с. 344-345]. Для хорезмийского варианта зороастризма также было характерно выставление трупов для очистки, но с последующим погребением костей в специальных костехранилищах-оссуариях [Ягодин и др., 1985, с. 331]. В этом случае остатки трупа (элементы силы тьмы и зла), надежно изолировались от чистых стихий, и, в первую очередь, от земли и воды.

Лори Берд – уникальный памятник относительно погребального обряда, но этническое ли это, или же социальное своеобразие? Необходимо комплексное исследование погребений из раскопок 2007-2011 гг. с нарушенной анатомической целостностью костяка. В этих погребениях скелетные останки фиксируются в расчлененном, выставленном, кремированном, анатомически несогласованном порядке и представлены заведомо неполным набором костей. «Особые» виды погребений отражают малоизученные в армянской археологии, специфические формы обращения с телом умершего и его костными останками. Привлечение также этнографических источников в определенной мере позволит раскрыть некоторые стороны мифоритуальных представлений, определявших подобные способы обращения с умершими.

Погребение 103 (раскопки 2007-2008 гг., рис. 1). Диаметр кромлеха 8,5 м. Грунтовая, прямоугольная камера (2,4×1,2×1,2 м) с северо-восточной и юго-западной ориентацией. Погребение датируется эпохой поздней бронзы. Прослежены следы вторичного проникновения в камеру. В центре погребения был помещен череп одного индивида (условно 1) и были сгруппированы фрагменты костей черепа другого (условно 2). Неполные кости посткрани-

альных скелетов расположены не в анатомическом порядке и дистанцированы в пределах могилы. По морфологическим признакам скелет № 1 принадлежал мужчине, биологический возраст которого определяется в пределах 20-29 лет. У индивида выявлены лопатообразные формы верхних латеральных резцов и метопический шов. Поротический гиперостоз фиксируется на правой теменной кости. Маркер формируется в детском возрасте и чаще всего ассоциируется с железодефицитной анемией, которая развивается при хроническом течении инфекционных и паразитарных заболеваний. Обнаружены поражение (типа cribra) в области правого наружного слухового прохода, что представляет собой результат адаптации организма к ветренным условиям. Обнаружены также остеофитные образования в области наружного слухового прохода, которые представляют собой опухоли остеобластического происхождения, в виде бесформенных масс. Появление экзостозов связывается с напряжением надкостницы и формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале. Эмалевая гипоплазия, маркер стрессов детского возраста, обнаружена на клыках и на правом первом премоляре, что позволяет считать, что в возрасте от 6 месяцев до 10 лет индивид перенес сильный физиологический стресс (недоедание, наблюдался дисбаланс в рационе питания и т.д.). На левом втором премоляре выявлен кариес. Клинические данные связывают наличие кариеса у индивидов с потреблением большого количества карбогидратов (углеводов). На правом клыке обнаружено травматическое повреждение непреднамеренного происхождения. Серьезным травмирующим фактором при случайном попадании на зуб могут служить мелкие обломки костей, застрявшие в мясе. Увеличение толщины компактного слоя правой бедренной кости можно трактовать как гиперостоз от перенапряжения, т.е. результат повышенной механической нагрузки на нижнюю конечность. Превышение показателей компактного вещества над шириной костномозгового канала говорит о рабочей гипертрофии - одной из наиболее частых форм интенсификации костеобразовательного процесса. Сильно выражен на правой бедренной кости linea aspera, образовавшийся под влиянием многолетней верховой езды [Capasso etc., 1999, p. 104]. Следы расчленения выявлены на правой бедренной и левой плечевой костях (рис. 2, 3). Расчленение проводили в то время, когда кости были связаны мягкими тканями. По морфологическим признакам скелет № 2 принадлежал мужчине 40-49 лет. Остатки костяков неполные. У индивида обнаружено острое гнойное воспаление тканей левого сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). При мастоидите бактерии проникают из среднего уха в ячейки сосцевидного отростка, где воспаление приводит к разрушению костных структур. Следы расчленения не выявлены.

Погребение 105 (раскопки 2009 г., рис. 4)**.** Прямоугольная камера в каменном ящике ориентирована на восток-запад (4,4×1,6 м, глубина 1,6 м). Судя по описи инвентаря (железный браслет с золотыми головками, роскошные стеклянные вазы, бронзовый котел урартского типа, бронзовые чаши, ковш, трезубец и т.д.), погребение датируется VI-V вв. до н.э. На восточной стороне камеры были выложены в псевдоанатомическом порядке останки мужчины 18-20 лет. *Костные остатки* – далеко *не полные***.** У индивида фиксируются следующие краниоскопические признаки: os zygomaticum bipartitum, foramina zygomaticofacialia, os wormii suturae squamosum, os postsquamosum, os wormii suturae lambdoidea, canalis condyloideus, foramina mastoidea. Одонтологический комплекс характеризует индивида как представителя «западного» одонтологического ствола. Фиксируются бугорок Карабелли (балл 3), каленчатая складка метаконида, 2med (II), четырехбугорковые формы на первых и вторых нижних молярах, межбугорковые борозды на M_1 имеют “У” тип узора, на M_2 – “Х”. Поротический гиперостоз фиксируется на правой теменной кости. У правого ушного прохода обнаружены поражения типа cribra и остеофитные образования. Отдельные фрагменты посткраниального скелета - со следами расчленения. На рис. 5-6 демонстрируются разрубленные фрагменты правой бедренной (на уровне fossa trochanterica) и безымянной (на латеральной стороне в области limbus acetabuli) костей. Удар со значительной силой по бедру привел к частичному погружению в кость лезвия оружия (рис. 5). Край разруба скругленный, длина разруба составляет 7 мм, ширина –

4 мм. Только при ударе со значительной силой края повреждения на наружной костной пластинке бывают ровные, а концы П-образные. Отмечается локализация сколов, как на поперечной части разруба, так и на боковых его стенках. Это явствует, что производился удар оружием с углом заточки 30° [Шадымов, Рыкунов, 2006, с. 43]. Ширина сколов от 2 до 4 мм. На дне разруба обнаружены костные осколки. На безымянной кости длина разруба равна 6 мм, ширина – 5 мм. Обряд частичной кремации умершего прослежен в погребении. Частичное сожжение костей могло производиться после расчленения. Косвенным подтверждением этому служит малый объем жженных остатков в этом погребении, не исключено, что в могилу помещали только часть обожженных остатков. Сожжение тела совершалось на стороне, вероятно, на погребальном костре, так как в погребении следов прокала не обнаружено, и предметы не подвергнуты воздействию огня. После кремации кальцинированные кости переносились в могилу. На зубах (рис. 7) и на фрагментах костей посткраниального скелета (рис. 8) деформации умеренные. Это дает основание предполагать, что трупосожжение шло при t 300 °С [Walker, etc., 2008, p. 135].

Погребение 106 (раскопки 2008 г., рис. 9). Камера в каменном ящике ориентирована на восток-запад. Погребение датируется VI-V вв. до н.э. Средняя длина камеры 5,8 м, ширина 2 м, глубина 2,1 м. В погребении обнаружены костные останки двух индивидов. *Сопровождающий инвентарь* состоит из халцедоновой цилиндрической печати неоассирийского или неовавилонского типа, золотые украшения (серьги), серебряный браслет с зажимом, серебряная и бронзовая чаши, пиалы красного и черного цвета, железные удила и т.д. На восточной стороне камеры фрагменты костей черепа мужчины 30-39 лет выложены на гладком камне. Нижняя челюсть отделилась и находилась к западу от фрагментов черепа. У индивида фиксируются следующие дискретно-варьирующие признаки: os wormii suturae sagittalis, os asterion, os wormii suturae lambdoidea. Фиксируются редукция гипоконуса на M^2, пятибугорковые формы на первом нижние моляре, межбугорковые борозды на M_1 имеют “У” тип узора, четырехбугорковые формы выявлены на вторых и третьих молярах и имеют “+” тип узора. Полностью отсутствуют признаки восточного одонтологического ствола. Макроскопический метод исследования позволил установить закономерности структурной перестройки затылочной кости. Ответной реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму является образование затылочных структур (torus occipitalis). Torus occipitalis развит умеренно (балл 2). Эмалевая гипоплазия обнаружена на резцах, клыках и премолярах. На левом втором моляре выявлен кариес. Следы расчленения обнаружены на левой бедренной кости (рис. 10). На костях также выявлены следы ямок, скобления, дефекты сочленовных поверхностей (рис. 11). «Расчесы» и «погрызы» затрагивают всю окружность длинных костей. Нет сомнений, что эти деструкции – результат деятельности мелких животных при полном или частичном поедании мягких тканей. Тело индивида, возможно, оставили на возвышенности для распада мягких тканей и съедания хищными птицами и только потом похоронили. На костях посткраниального скелета следы частичного сожжения (температура 300 °С) [Walker, etc., 2008, p. 135]. По морфологическим признакам череп № 2 принадлежал мужчине 50-59 лет. У индивида фиксируются теменные отверстия (краниоскопический признак). Отдельные фрагменты черепа и посткраниального скелета со следами частичного сожжения (t 300°С). На затылочной кости обнаружена прижизненная травма со следами воспаления, которая была получена незадолго до смерти.

Погребение 107 (раскопки 2008 г., рис. 12). Камера в каменном ящике (3.35×1.8, 1.75×1.7) ориентированная на северо-запад. Погребение датируется VII-V вв. до н.э. В северной части камеры, на небольшой каменной плите, находилась правая половина черепа мужчины 50-55 лет (рис. 13). Череп был размещен внутри бронзового пояса. Лицевая часть была обращена на запад. В погребении также были захоронены две лошади, положенные на брюхо вытянуто, головы повернуты влево. *Сопровождающий инвентарь* состоит из железных удил, бронзовых гривен, кинжала и т.д. Череп очень длинный (199 мм), высота правой ветви нижней челюсти очень большая (73 мм), высота тела – средняя (30

мм), толщина – очень большая (15 мм), наименьшая ширина ветви большая (37 мм). На черепе фиксируются следующие дискретно-варьирующие признаки: foramina supraorbitalia, os wormii suturae squamosum, foramina parietalia, os asterion, foramina mastoidea (вне шва). Четырехбугорковые формы фиксируются на первом, втором и третьем молярах нижней челюсти, межбугорковые борозды имеют "У" (M_1, M_2) и "Х" (M_3) типы узоров. Полностью отсутствуют признаки восточного одонтологического ствола. Поротические изменения на верхней стенке орбиты (cribra orbitalia) выражены сильно (балл 3). Поротический гиперостоз фиксируется и на затылочной кости. Обнаружены поражение типа cribra в области правого наружного слухового прохода и остеофитные образования (экзостозы). Также сильно выражены лингвальные экзостозы на верхней (torus palatines, балл 3) и нижней (torus mandibularis, балл 3) челюстях. Челюстные экзостозы имеют сложную этиологию и определяются как генетическими, так и средовыми факторами. Считается, что у генетически предрасположенных индивидов челюстные экзостозы появляются тогда, когда средовой стресс достигает определенного уровня. К первоочередным средовым факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, относят жевательную гиперфункцию. Травматические повреждения непреднамеренного происхождения выявлены на премоляре (P^2) и моляре (M^1). Отложение зубного камня обнаружены на премоляре (P^2) и молярах (M^1, M^2). Образование зубного камня имеет сложную этиологию и частично зависит от диеты. Эмалевая гипоплазия обнаружена на резце (I^2), клыках (С) и премоляре (P_1). Кариес зафиксирован на молярах (M^2, M_1). Используя программу балловой оценки «функциональных комплексов» элементов рельефа костей черепа [Худавердян, 2016, с. 103-105], мы определили возможную степень развития скелетной мускулатуры. Затылочные структуры выражены средне (occipital torus: балл 2, retromastoid process: балл 1, posterior supramastoid process: балл 1). В результате повышения нагрузки на кости верхних конечностей изменилась форма, ширина ключицы, увеличилась толщина его компактного слоя. У индивида сильно выражена внекапсульная мощная клювовидно-ключичная связка (lig.coracoclaviculare), конусовидный бугорок (коническая связка, lig. conoideum) и трапециевидная связка (lig. trapezoideum). Следы расчленения выявлены на суставной поверхности акромиона (рис. 14). На отдельных костях посткраниального скелета обнаружены «расчесы» и «погрызы». Отдельные фрагменты посткраниального скелета со следами частичного сожжения (температура 300°С) [Walker, etc., 2008, p. 135].

Погребение 109 (раскопки 2011 г.). Прямоугольная камера в каменном ящике ориентирована на восток-запад. Погребение датируется VI-V вв. до н.э. Высота камеры 0.75 м, длина 4.15 м, ширина 1.5 м, глубина 1.5 м (рис. 15). В погребении обнаружены костные останки одного индивида. *Сопровождающий инвентарь* состоит из бронзовых колоколов, стеклянных предметов, железных копий, стрел и т.д. По морфологическим признакам фрагменты костей скелета принадлежат мужчине 50-55 лет. На нижней челюсти зафиксированы дополнительные подбородочные отверстия (foramina mandibularia: дискретно-варьирующий признак). Фиксируются пятибугорковые формы на первом нижние моляре, четырехбугорковые - выявлены на втором моляре и имеют "Х" тип узора. Нами зафиксирован один из редких расово-разграничительных признаков – «Бугорок Карабелли де Йонге». Этот дополнительный бугорок обнаружен на лингвальной поверхности нижнего второго моляра. Из признаков восточного одонтологического ствола фиксируется коленчатая складка метоконида. Цвет толщи компактной костной ткани на фрагменте нижней челюсти светло-серый (рис. 16), в ряде мест заметны потемнения. Такие характеристики дают основание предполагать, что трупосожжение проходило при высокой температуре (600–700 °С) [Walker, etc., 2008, p. 135] на открытом воздухе.

От физической смерти к социальной. Описанные выше останки человеческих скелетов позволяют предполагать, что тела части умерших лори-бердцев подвергались расчленению, выставлению и частичной кремации. Морфологические исследования повреждений костей скелета имеют важное диагностическое значение, так как позволяют решить широкий круг экспертных вопросов и относятся к числу сложных и малоизученных вопросов,

связанных с прижизненными и посмертными нарушениями, а также идентификацией видов орудия по видоспецифическим особенностям причиненных повреждений. Костная ткань является хорошим следовоспринимающим объектом. Экспертиза костей показала, что расчленение тел в Лори Берде проводились после смерти или непосредственно в момент смерти умерших. В камеру помещали только фрагменты тела умершего или его костных элементов. Мы предполагаем типы орудия, которыми могли быть нанесены посмертные повреждения на костях скелета. Разновидность широколезвийного топора с ручкой была обнаружена в погребении 106 (Лори Берд, рис. 17). Держа такой топор прямо под лезвием, им можно было наносить удары как кастетом. Подобным топором расчленяли головы в древнем Египте (рис. 18). Могли расчленять и оружием в форме серповидного рубяще-режущего меча (секачи). По форме и функциональным возможностям это что-то среднее между мечом и топором. На рисунках внутри египетских пирамид при нанесении рубящих ударов изображены именно подобные орудия (хопеш) (рис. 19).

С момента наступления физической смерти до окончательного погребения и смерти «социальной» проходит определенный период, зачастую весьма продолжительный, в который совершаются многообразные церемонии и ритуальные действия с трупом. По мнению некоторых исследователей, погребальный обряд следует рассматривать в ряду других «обрядов перехода» [Худавердян и др., 2013, с. 85], означающих перемены в статусе индивида (рождение, инициация и т.д.). В данном случае, погребальный обряд – это переход умершего члена общества из мира живых в мир мертвых. Мы можем говорить о поливариантности манипуляций с телами умерших в памятнике Лори Берд. На костях посткраниального скелета отчетливо видны следы рубленых дефектов, часть из которых нанесена сверху вниз. Исходя из характера повреждений, рубящий предмет был с «острым» лезвием (края и стенки дефектов ровные, приконцевые изменения незначительные). На безымянной и бедренных костях лезвие топора частично вонзали в кости трупа (рис. 2, 5, 6, 10). После расчленения в соответствии с существующими традициями могло подвергнуться выставлению как все тело, так и определенная его часть. На двух скелетах (пог. 106/1, 107) наблюдались «расчесы» и «погрызы» - следствие первичного воздушного погребения. Для получения такого же эффекта тело умершего могло помещаться во «временную могилу», которая выкапывалась в центре селения, на «сакрализованной» площади, и использовалась для всех умерших жителей деревни [Леви-Стросс, 1984, с. 110-112]. Р. Херц в своей работе «Коллективные представления о смерти» рассматривал подобные погребения в контексте воззрений на жизнь и смерть и указывал, что наступление окончательной смерти считалось только по окончании разложения трупа [Venbrux, 2007, p. 5-8]. П. Меткальф высказал противоположное предположение, что погребения с нарушенной антропологической целостностью скелета были результатом действия времени, необходимого соплеменникам для выполнения ряда ритуальных действий, требующих немалых материальных затрат. В это время тело сберегалось в определенном месте, которое можно считать первичным местом погребения [Schroeder, 2001, p. 80]. Также не следует исключать, что трупы умерших людей в холодное время года, когда было затруднительно сооружать каменные ящики, оставлялись непогребенными до весны, тогда могли совершать предварительное наземное или воздушное погребение. И уже потом, с приходом благоприятного сезона, останки человека переносились в подготовленную камеру.

При расчленении тела его части могли быть помещены как в одном месте, так и в разных. У двух мужчин (пог. 105: 18–20 лет; 107: 50–55 лет) головы отчленили и разрубили посередине; были захоронены только правые части черепной коробки и фрагменты посткраниального скелета [Худавердян и др., 2013, с. 85]. Правый и левый – одно из главных противопоставлений в древних мифологиях (особенно в дуалистических и близнечных мифах). Для большинства мифологий характерно использование признака «левый» в значении отрицательного, связанного с неправотой и загробным наказанием; «правый» - в значении положительного, а также мужского начала, будущего, света.

Обряд частичной кремации является продолжением ритуальных действий, совершаемых с телами умерших. Сожжение тела, по заложенному в нем смыслу (освобождение костей), не отличается от разрушения тела животными или природными факторами [Буркерт, 2000, с. 432]. Интересно, что кремации могло подвергаться не всё тело умершего, а лишь его часть [Берндт, Берндт, 1981, с. 374]. Кости индивидов из пог. 106 (на двух скелетах), 107 лишь несколько обуглились или слабо обгорели и не превратились в золу и пепел. Существует несколько возможных объяснений: а) зажигались ритуальные огни, и труп помещался на них, пока огонь еще не совсем погас; б) тела помещались на горящие угли, или же в) на краю костра, и проводилось сжигание на костре. Размеры кремированных фрагментов крупные, термические деформации умеренные (за исключением пог. 109). Кремация могла производиться после воздушного погребения, так как ко времени проведения обряда останки уже были лишены значительной части влаги и жировых веществ. Косвенным подтверждением этому служит малый объем фрагментов костей в камерах. Сжигали тела, вероятно, без одежды, так как в противном случае среди кремированных останков должны были сохраниться сгоревшие остатки украшений, нашитых на одежду. Основная часть праха могла быть помещена в другое место или развеяна по воздуху, рассыпана по земле. Оставшиеся костные останки помещали в погребальную камеру. По мнению некоторых ученых [Гуляев, 2006, с. 7], физическое состояние трупа и состояние души часто взаимосвязаны. Только когда труп достигал стабильной физической формы, будь то через разложение или кремацию, в конце данного процесса душа действительно становилась полноправным членом загробного мира.

Проблеме сознательной манипуляции с человеческими костными останками, вторичного обращения с ними до сих пор не уделялось широкого внимания. Типы погребального обряда (т.е. принципиально разные способы обращения с трупами), существующие единовременно в рамках одной культуры, имеют отношение к фактам социальной стратификации[1]. Различия в погребальных ритуалах могли быть вызваны разницей в статусе умерших индивидов внутри данного общества, а также причиной (способом) смерти. Итак, обряд захоронения можно рассматривать как презентацию, назначение которой - продемонстрировать отношение к умершему, делая по необходимости акцент на его социальный статус, религиозную или этническую принадлежность.

По суммарной характеристике краниологических и одонтологических признаков индивиды из Лори Берда демонстрируют сходство с синхронными и более ранними сериями с территории Армении [Худавердян, 2010, с. 194-200; Khudaverdyan, 2014, p. 14-17]. Следовательно, это население сохраняло черты, присущие более древнему местному субстрату. Очевидно, захоронения в этих погребальных камерах принадлежали не рядовым жителям, и манипуляции с телами были связаны с образом умершего человека. Объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале во многом зависел от социального статуса умершего индивида. Эти затраты отразились в таких чертах погребения, как его размеры, методы обращения с трупом и способ его захоронения, характер погребального инвентаря (предметы роскоши, пищи, имущества). По тем остаткам вещевого набора, которые дошли до нас, можно говорить о присутствии в этих погребениях богатого набора предметов роскоши, снаряжения коня и т.д. На высокий социальный статус погребенных здесь указывает особенная сложность и продолжительность погребального ритуала. Вероятно, в этих камерах были похоронены служители культа, общинные вожди или старейшины.

Кости покойного обычно ориентированы в погребении относительно сторон света. Главный смысл ритуальной ориентации покойника заключается в том, чтобы указать направление, в котором умерший (его душа) должен направиться для достижения мира мертвых [Косарев, 2003, с. 153]. Для Лори Берда характерна ориентировка погребения по линии восток-запад, с покойниками головой на восток – к восходу солнца, в сторону гря-

[1] П. Акко пишет: «В основной массе случаев, известных этнографически, культура или общество не характеризуется одним типом погребений, но, напротив, одно общество будет практиковать несколько разных форм погребения, и ... эти формы часто будут коррелировать со статусом умерших» [Chapman, 1981, p. 8-9].

дущего возрождения. Расчленяя, освобождая от плоти, частично разрушая (при кремации) тело, люди стремились всячески способствовать быстрейшему отделению души от тела покойного. В данных действиях прослеживается семантический комплекс «предки - кости - возможность новой жизни». Смерть при этом связывается с расчленением, растерзанием, сжиганием тела, захоронением и последующим возрождением. Лори Берд впервые четко фиксирует поливариантные манипуляции с телами умерших на территории Армении. В изучении погребального обряда внедрение методов физической антропологии, судебной медицины представляется весьма перспективным.

Рис. 1. Лори Берд, пог. 103
Fig. 1. Lori Berd, burial 103

Рис. 2. Расчлененный фрагмент диафиза правой бедренной кости (пог. 103-1)
Fig. 2. The dissected fragment of the diaphysis of the right femur (burial 103-1)

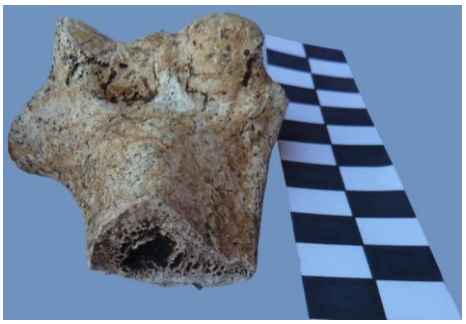

Рис. 3. Расчлененный фрагмент диафиза левой плечевой кости (пог. 103-1)
Fig. 3. The dissected fragment of the diaphysis of the left humerus (burial 103-1)

Рис. 4. Лори Берд, пог. 105
Fig. 4. Lori Berd, burial 105

Рис. 5. Неполное расчленение правой бедренной кости
Fig. 5. Incomplete dismemberment of the right femur

Рис. 6. Неполное расчленение безымянной кости
Fig. 6. Incomplete dismemberment of a nameless bone

Рис. 7. Фрагменты зубов с термической деформацией
Fig. 7. Fragments of teeth with thermal deformation

Рис. 8. Фрагменты костей постканиального скелета с термической деформацией
Fig. 8. Fragments of the bones of the post-cynical skeleton with thermal deformation

Рис. 9. Лори Берд, пог. 106
Fig. 9. Lori Berd, burial 106

Рис. 10. Неполное расчленение левой бедренной кости
Fig. 10. Incomplete dismemberment of the left femur

Рис. 11. Фрагменты костей постканиального скелета со следамы ямок, скобления
и с термической деформацией
Fig. 11. Fragments of the bones of the post-cynical skeleton from the traces of pits, scrapings and with thermal deformation

Рис. 12. Лори Берд, пог. 107
Fig. 12. Lori Berd, burial 107

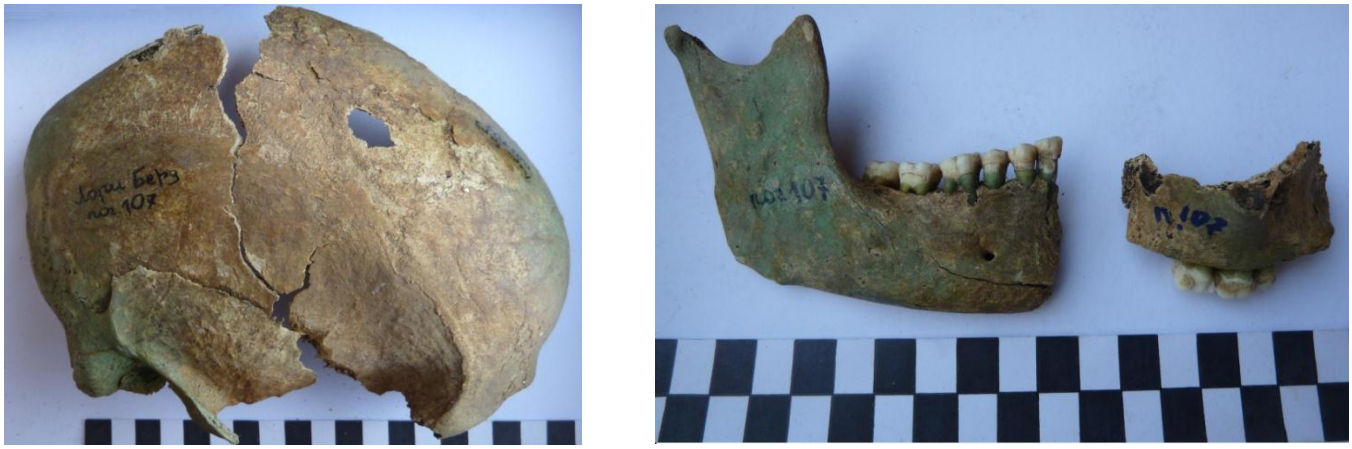

Рис. 13. Правая часть черепа индивида из пог. 107
Fig. 13. Right side of an individual's skull from burial 107

Рис. 14. Расчленение суставной поверхности акромиона
Fig. 14. The dismemberment of the articular surface of the acromion

Рис. 15. Лори Берд, пог. 109
Fig. 15. Lori Berd, the burial 109

Рис. 16. Фрагмент нижней челюсти с термической деформацией
Fig. 16. Fragment of the lower jaw with thermal deformation

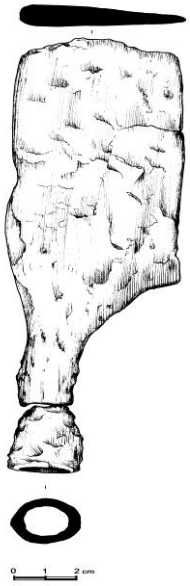

Рис. 17. Топор (пог. 106)
Fig. 17. The ax (burial 106)

Рис. 18. Держа жертву за волосы, голову отсекают топором
Fig. 18. Holding the victim by the hair, the head is cut off with an ax

Рис. 19. Хопеш
Fig. 19. Hopesh

Список литературы
References

1. Агульников С.М. 2010. Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья. Индоевропейская история в свете новых исследований. М., Московский государственный областной университет, 183-192.

Agul'nikov S.M. 2010. Nekotorye osobennosti pogrebal'nogo obryada Belozerskoy kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya. Indoevropeyskaya istoriya v svete novykh issledovaniy. M., Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, 183-192.

2. Берндт Р.М., Берндт К.Х. 1981. Мир первых австралийцев. М., Наука, 222.

Berndt P.M., Berndt K.Kh. 1981. Mir pervykh avstraliytsev. M., Nauka, 222.

3. Буркерт В. 2000. Homo Necans. Жертвоприношение в древнегреческом ритуале и миф. Жертвоприношения: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., Языки русской культуры, 405-478.

Burkert V. 2000. Homo Necans. Zhertvoprinoshenie v drevnegrecheskom rituale i mif. Zhertvoprinosheniya: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dney. M., Yazyki russkoy kul'-tury, 405-478.

4. Герни О.Р. 1987. Хетты. М., Наука, 310.

Gerni O.R. 1987. Khetty. M., Nauka, 310.

5. Гречко Д.С. 2014-2015. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII-IV вв. до н. э. Древности. 13. С. 181-200.

Grechko D.S. 2014-2015. Ob osobykh vidakh pogrebeniy u naseleniya vostochnoevropeyskoy Leso-stepi VII-IV vv. do n. e. Drevnosti. 13. C. 181-200.

6. Гомер. 1949. Илиада. Пер. с древнегреч. В. Вересаева. М.-Л., Гослитиздат, 910.

Gomer. 1949. Iliada. Per. s drevnegrech. V. Veresaeva. M.-L., Goslitizdat, 910.

7. Гуляев В.И. 2006. Изучении погребального обряда в зарубежной археологии. Российская археология. 2: С. 5-14.

Gulyaev V.I. 2006. Izuchenii pogrebal'nogo obryada v zarubezhnoy arkheologii. Rossiyskaya arkheologiya. 2: C. 5-14.

8. Деведжян С. 2006. Лори Берд, Ереван, ЕГУ, 256.

Devedzhyan S. 2006. Lori Berd, Erevan, EGU, 256.

9. Дементьева С.Ф. 1955. К методике исследования рубленых повреждений мелких трубчатых костей. Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Хабаровск, 20.

Dement'eva S.F. 1955. K metodike issledovaniya rublenykh povrezhdeniy melkikh trubchatykh kostey. Avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Khabarovsk, 20.

10. Доннер К. 1915. Самодийский эпос. Труды Томского общества изучения Сибири. Томск, 3. 1: 38-53.

Donner K. 1915. Samodiyskiy epos. Trudy Tomskogo obshchestva izucheniya Sibiri. Tomsk, 3. 1: 38-53.

11. Евсюков В.В. 1988. Мифология китайского неолита: По материалам росписей на керамике культуры яншао. Новосибирск, Наука, 288.

Evsyukov V.V. 1988. Mifologiya kitayskogo neolita: Po materialam rospisey na keramike kul'tury yanshao. Novosibirsk, Nauka, 288.

12. Зайцева О.В. 2003. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс… к. ист. наук. Новосибирск, 22.

Zaytseva O.V. 2003. Pogrebeniya s narushennoy anatomicheskoy tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii. Avtoref. diss… k. ist. nauk. Novosibirsk, 22.

13. Косарев М.Ф. 2003.Основы языческого миропонимания. М., Наука, 206.

Kosarev M.F. 2003.Osnovy yazycheskogo miroponimaniya. M., Nauka, 206.

14. Леви-Стросс К. 1984. Печальные тропики. М., Мысль, 422.

Levi-Stross K. 1984. Pechal'nye tropiki. M., Mysl', 422.

15. Мельник В.И. 1991. Особые виды погребений катакомбной общности. М., Наука, 198.

Mel'nik V.I. 1991. Osobye vidy pogrebeniy katakombnoy obshchnosti. M., Nauka, 198.

16. Пропп В. 1998. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., Лабиринт, 502.

Propp V. 1998. Morfologiya <volshebnoy> skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. M., Labirint, 502.

17. Пьянкова Л.Т. 1998. Энеолит и бронзовый век. Ранний железный век: памятники материальной культуры. История таджикского народа. Душанбе, АН, I: 124-200.

P'yankova L.T. 1998. Eneolit i bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek: pamyatniki material'-noy kul'tury. Istoriya tadzhikskogo naroda. Dushanbe, AN, I: 124-200.

18. Смирнов Ю.А. 1997. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., Восточная литература, 394.

Smirnov Yu.A. 1997. Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar'. M., Vostochnaya literatura, 394.

19. Токарев С.А. 1986. Религии в истории народов мира. М., Политиздат, 526.

Tokarev S.A. 1986. Religii v istorii narodov mira. M., Politizdat, 526.

20. Хачатрян Т.С. 1975. Древняя культура Ширака. Ереван, АН АрмССР, 374.

Khachatryan T.S. 1975. Drevnyaya kul'tura Shiraka. Erevan, AN ArmSSR, 374.

21. Худавердян А.Ю. 2010. Морфологическая изменчивость некоторых структурных особенностей черепа у населения Армянского нагорья в свете эпохальных процессов. Человек: его биологическая и социальная история. М., Одинцовский гуманитарный институт, 1: 194–200.

Khudaverdyan A.Yu. 2010. Morfologicheskaya izmenchivost' nekotorykh strukturnykh osobenno-stey cherepa u naseleniya Armyanskogo nagor'ya v svete epokhal'nykh protsessov. Chelovek: ego biologiche-skaya i sotsial'naya istoriya. M., Odintsovskiy gumanitarnyy institut, 1: 194–200.

22. Худавердян А.Ю. 2016. Биоархеологические подходы к изучению следов искусственного воздействия на череп (на примере популяций эпохи бронзы и раннего железного века с территории Армении). Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1 (32): 103-114.

Khudaverdyan A.Yu. 2016. Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniyu sledov iskusstvennogo voz-deystviya na cherep (na primere populyatsiy epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka s territorii Armenii). Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 1 (32): 103-114.

23. Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. 2013. Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения): по данным палеоантропологии. Вестник археологии, антропологии и этнографии. 4 (23): 80-93.

Khudaverdyan A.Yu., Devedzhyan S.G., Eganyan L.G. 2013. Cposoby obrashcheniya s telami umershikh v pamyatnikakh Shirakavan i Lori Berd (Armeniya): po dannym paleoantropologii. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 4 (23): 80-93.

24. Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Обосян С.Г. 2015. Основные адаптивно значимые факторы природной и социальной среды у древнего населения бассейна р. Шнох (Лорийская область, Армения). Биологический журнал Армении НАН РА. 3 (LXVII): 47-60.

Khudaverdyan A.Yu., Engibaryan A.A., Obosyan S.G. 2015. Osnovnye adaptivno znachimye faktory prirodnoy i sotsial'noy sredy u drevnego naseleniya basseyna r. Shnokh (Loriyskaya oblast', Arme-niya). Biologicheskiy zhurnal Armenii NAN RA. 3 (LXVII): 47-60.

25. Усачук А.Н., Подобед В.А., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В. 2010. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта г. Донецка. Донецький археологічний збірник. 13-14: 185-202.

Usachuk A.N., Podobed V.A., Polidovich Yu.B., Tsimidanov V.V. 2010. Raskopki kurgana srubnoy kul'tury na territorii aeroporta g. Donetska. Donets'kiy arkheologichniy zbirnik. 13-14: 185-202.

26. Шадымов А.Б., Рыкунов И.А. 2012. Влияние условий внешнего воздействия на формирование рубленых переломов костей свода черепа. Медицинская экспертиза и право. 3: 42-46.

Shadymov A.B., Rykunov I.A. 2012. Vliyanie usloviy vneshnego vozdeystviya na formirovanie rublenykh perelomov kostey svoda cherepa. Meditsinskaya ekspertiza i pravo. 3: 42-46.

27. Шилов Ю.А. 1995. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев, б.и., 556.

Shilov Yu.A. 1995. Prarodina ariev: Istoriya, obryady i mify. Kiev, b.i., 556.

28. Ягодин В.Н., Никитин А.Б., Кошеленко Г.А. 1985. Хорезм. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., Наука, 317-337.

Yagodin V.N., Nikitin A.B., Koshelenko G.A. 1985. Khorezm. Drevneyshie gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii. M., Nauka, 317-337.

29. Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. 1999. Atlas of Occupational Markers on Human Remains. Teramo, Edigrafital S.p.A., 455.

30. Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. 1981. Approaches to the Archaeology of Death // The Archaeology of Death. Chapman R., Kinnes I., Randsborg K. (eds). Cambridge, Cambridge University Press, 1-24.

31. Conklin B.A. 1995. Thus Are Our Bodies, Thus Was Our Custom: Mortuary Cannibalism in an Amazonian Society. Amer. Ethnologist. 22 (1): 75–101.

32. Khudaverdyan A. Yu. 2014. Diachronic Evidence in Nonmetric Morphological Characters of Teeth in Armenian Highland and Georgia Populations. Dental Anthropology (U.S.A.). 28 (3): 3-18.

33. Pearson M.P. 1999. The archaeology of death and burial. Sutton Publishing Limited, 412.

34. Rosen F. 2004. Cremation in America. N.Y., w.p., 428.

35. Rosos A., Estalrrich A., Garía-Tabernero A., Bastir M., Garía-Vargas S., Sánches-Mesegner A., Huguet R., Lalueza-Fox C., Peña-Melán A., Kranioti E.F., Santamaría D., de la Rasilla M., Fortea J. 2012. Les Néandertaliens d'El Sidron (Asturies, Espagne). Actualisation d'um nouvel échantillon. L'anthropologie. 116 (1): 57-76.

36. Schroeder S. 2001. Secondary disposal of the dead: cross-cultural codes. World cultures. 12(1): 77-93.

37. Turner C.G., Turner J.A. 1999. Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest. Salt Lake City, UT, 324.

38. Ullrich H. 1989. Kannibalismus im Palaolithikum. Religion und Kult. Berlin, w.p., 51-71.

39. Venbrux E. 2007. Robert Herz's seminal essay and mortuary rites in the Pacific region. Journal de la Société des Océanistes. 124: 5-10.

40. Walker P., Miller K., Richman R. 2008. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone. The analysis of burned human remains. L., Acad. Press, 129-136.

УДК 94 (391)
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-22-28

НОВЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МОРЕПЛАВАНИЯ И МОРСКИХ СВЯЗЕЙ ДРЕВНЕГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

THE MOST IMPORTANT RESULTS OF THE INVESTIGATION OF NAVIGATION AND MARINE CONNECTIONS OF THE ANCIENT MEDITERRANEAN IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY AND ARCHEOLOGY

Н.П. Писаревский
N.P. Pisarevskiy

Воронежский государственный университет,
Университетская пл., 1, г. Воронеж, Россия, 394006

Voronezh state University, Universitetskaya pl., 1 Voronezh, Russia, 394006

E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Аннотация
В статье анализируются результаты исследований мореплавания эпохи древности и вклад современных западноевропейских учёных на концептуальном уровне в разработку данной проблемы. Выходу на новый этап научной разработки проблемы в 2000-е гг. способствовало, как введение в научный оборот новых фактов, так и переосмысление старых. Собственно, данным обстоятельством и предопределилось, с одной стороны, расширение представлений относительно складывания морских сетей Крито-Микенского периода, а с другой – результаты, достигнутые зарубежными учёными в области изучения истории и тенденций развития экономических и торговых связей в Эгеиде, и на Древнем Ближнем Востоке эпохи бронзы в целом.

Abstract
The article analyzes the results of seafaring studies of the ancient epoch and the contribution of modern Western European scientists at the conceptual level to the development of this problem. To the rising of scientific development of the problem on a new stage in the 2000s contributed both the introduction of new facts into science, and the rethinking of old ones. Actually, this circumstance predetermined, on the one hand, the expansion of views on the folding of the marine networks of the Crete-Mycenaean period, and on the other - the results achieved by foreign scholars in the study of history and trends in the development of economic and trade ties in the Aegean and the Ancient Near East of the Bronze Age in general. The understanding of this essence of the sea business and navigation in the societies of Ancient Greece and Rome was the result of the comprehension and elaboration of the problem in the science of the second half of the 20th century, the significant contribution to which was made by the reflected in publications both special and generalizing works, researches of experts in the field of archeology and historiography of Antiquity. In achieving this level, science has overcome many difficulties of source study, methodological and specifically scientific order.

Ключевые слова: мореплавание, корабли, международные сети, распределение, морские связи, историография.
Key words: seafaring, ships, trade, seamenship, maritime networks, redistribution, historiography.

Античное судоходство и мореплавание своим возникновением, существованием и развитием было связано с воздействием естественно-географических предпосылок и исторических условий Средиземноморья и примыкающих к нему областей ближневосточной и евразийской периферии [Писаревский, 2013, с. 155-159; Писаревский, 2015, с. 118-119].

Понимание данной сущности морского дела, судоходства и мореплавания в обществах Древней Греции и Рима стало итогом осмысления и разработки проблемы в науке второй половины XX в. [Betancourt, 1991; Bourdieu, 1990; Broodbank, 2013; Casson, 1991].

Со времени появления первых обобщающих трудов по истории мореплавания (Ф. Дампстер, архиепископ Бишоп и др.) изучение проблемы происходило в рамках отдельных наук, отдельными специалистами и в контексте самых разных, но отдельных, имеющих к ней отношение, аспектов [Broodbank, 2000; Read, 2008, p. 1–16; Chatterton, 2010; Cline, 1994; Gillmer, 1994; Horden, Purcell, 2000]. На рубеже конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. появились первые обобщающие труды (А. Кёстер, А. Ассманн, Сп. Маринатос) и начальные попытки обращения к освоению источниковой базы и специальной литературы по данной тематике в молодой советской науке (Б.Л. Богаевский, В.Д. Блаватский и др.) [Писаревский, 2000, с. 8-39; Maran, 2007; Mark, 2009; McCarthy, 2005]. В науке послевоенного периода, в связи с нарастанием подводно-археологического изучения памятников античных кораблекрушений, и в особенности, с применением точных методик в анализе и обобщении информации разнотипных источников, в научном обороте появились капитальные обобщающие разработки (Л. Кэссон, Дж. Моррисон, Дж. Коэйтс, В. Мюррей, О. Хёккманн и др.) [Gould, 2011; Green, Leidwanger, Özdaş, 2011, p. 60–68; Greene, Lawall, Polzer, 2008, p. 685–711; Nazou, 2010, p. 3-15]. Всё это способствовало формированию археологии и истории древнего мореплавания в особое научное направление в историографии Древнего Востока и античности. Движение в данном направлении заметно усилилось на рубеже 60-х – 70-х гг. прошлого века, когда интерес к разработке всей совокупности проблем был инициирован и подкреплён новейшими методами социальных и естественных наук. Именно в это время акцент в изучении разнотипных проблем был перенесён на количественные методы исследования. Тогда же впервые в зарубежной историографии зародилась идея использования ЭВМ и самых первых компьютеров для анализа сопоставлявшихся в едином потоке анализа форматов памятников иконографии, литературных, пространственных и цифровых источников [Horden, Purcell, 2000; Knapett, 2011].

Однако, самый крупный и более существенный поворот был достигнут в начале 80-х - 90-е гг. XX в., когда определился вектор движения науки (и, соответственно, направление исследовательского поиска) в сторону изучения технологий судостроения на Древнем Ближнем Востоке и в Эгеиде эпохи бронзы, позволивший обратить внимание на их широкое распространение, общие истоки и сходство. Это способствовало повороту в организации исследования данной проблемы в плоскость комплексных методов исследования и реанимации внимания к идеям Ф. Броделя, использование которых позволило дать объективное объяснение установленному феномену [Braudel, 1972; Political Economies of the Aegean, 2010]. В контексте разработок антропологических аспектов античной архитектуры, математических знаний, и главное, использования идей Аристотеля о золотой пропорции и цифровом ряде чисел была порождена новая потребность в обращении к использованию законов современной теории корабля и разработке более совершенных методик интерпретации и реконструкции остовов корабельных корпусов из памятников разновременных кораблекрушений античности, определило необходимость использования законов современной теории корабля. Наложение эмпирическим путём достигнутых знаний на отложившиеся в античной традиции фрагментарные и эпизодические свидетельства об используемых законах определения основных размеров древних судов способствовало переводу исследований на уровень философии. Её основы были заложены Р. Штеффи и Л. Бэшэм, а основные идеи были высказаны в обобщающей коллективной монографии 2004 г. и ряде иных работ [The Philosophy of Shipbuilding, 2004, p. 25; Show, Show, 1993; Sanvage, 2008; Wedde, 2000].

В результате, поиск стал развиваться в контексте разработок антропологических аспектов античной архитектуры, математических знаний, и главное, использования идей Аристотеля о золотой пропорции и цифровом ряде чисел (подход, включивший социологию и историю техники, историко-культурную и экономическую географию, гендерные исследования и изучение письменных источников). Именно в это время Р. Штеффи высказал проницательную идею, согласно которой изучение морского дела древних обществ представляет собой поиск, основанный на уникальной комбинации археологических исследований, практи-

ческого инженерного опыта и личного досконального изучения остатков древних судов. В ходе чтения своих лекций он неоднократно ссылался на «философию судостроения», благодаря которой ему удалось создать фундаментальную концепцию подхода к пониманию дизайна и конструкции корабля. Основанная на когнитивном подходе к судостроению и мореплаванию обществ эпохи ранней древности методология позволила этому учёному не только суммировать знания, почерпнутые из изучения основных традиций судостроения, но и сформулировать системный метод вскрытия секретов древних технологий, отображавших потребности действительной практики судовождения и судоходства. Последовавшие вслед за этим публикации свидетельствовали о том, что в философии судостроения мы имеем возможность найти основы создания одного из поворотных пунктов и главную теоретическую основу как самого связанного с ним процесса, так и выяснить самую существенную часть использовавшихся в производственной деятельности населения морских технологий. Это открытие знаменовало собой финальное достижение археологии и истории античного мореплавания как особой науки и специализированного направления исследований в историографии античности в целом.

Следующий, существенного порядка, сдвиг в данной области исследований истории древнего мира определился в начале XXI в., когда история мореплавания, морских плаваний, судостроение и судоходство были включены в проблематику социальной антропологии, испытавшей в этот период глубокое воздействие достижений квантовой физики. Данный поворот был предопределён, в том числе, и открытиями XX в. в области физики (теория относительности А. Эйнштейна и квантовой механики Н. Бора). Открытие квантовых чисел, исследование структуры атомного ядра и разработка теории поля имели своим следствием рождение современных концепций «фракталов», «теории хаоса» и «бифуркаций», которые понятия «атом» и «индивидуум» заменили понятием «целого» (holos). В результате на смену теории атомизма пришла теория, рассматривающая вселенную в качестве единого целого, цельного, нерасчленимого единства. Теория холизма (так она называется) рассматривает любой объект в качестве целостной системы, понимание природы и сущности которого может быть достигнуто с помощью теории целостных систем, т.е., на основании учёта диалектики целого и частей системы, а также соотношения частей системы друг с другом. Но самое важное заключается в том, что внутренняя организация целостной системы рассматривается как имеющая динамичную структуру, характеризующуюся подчинённостью и соподчинённостью частей, т.е., иерархию. На этом постулате и утвердился основополагающий принцип оценки «традиционного» общества как социума, структура которого представляет иерархию, возникновение, развитие которой связывает людей с вселенским законом и миропорядком [Писаревский, 2013, с. 118-119].

Другим проявлением воздействия естественных наук на характер исследований в области древнего средиземноморского мореплавания стала разработка теории малых миров. Её основы были выработаны в ходе эксперимента Ф. Милгрэма, сумевшего установить важнейшие узлы коммуникации в ходе теоретических расчётов с применением графического метода. Но свою актуальность она приобрела под воздействием теории баланса сетевого эффекта сетевого воздействия. В дальнейшем данная идея была развита в результате исследований Дж. Гуаре и М.Н. Дж. Ньюмена, доказавших наличие определяемого по величине интервала, который существует между отдельными элементами сетей [Newmann, 2000, p. 819-841]. При этом, большинство из них являются не соседними друг другу, почему могут быть определены числом скачков или шагов. В особенности, сеть малого мира определяется в качестве таковой там, где типическое расстояние L между двумя наугад выбранными узлами сети (требуется число шагов) растёт пропорционально логарифму некоторого числа узлов N. В контексте типологии социальной сети такой распорядок имеет своим следствием появление в феномене малого мира неизвестных, но близко взаимосвязанных между собой короткими цепочками (скачками) величин. Их фиксация позволяет посредством выполнения эмпирических графиков представить воочию действительную архитектуру социальных и иных связей [Newmann, 2000, p. 837].

Распространение указанных идей и их практического внедрения в исследование проблемы не замедлило сказаться на всей системе существовавших к этому времени пред-

ставлений. В частности, оно проявилось во внедрении системного подхода в зарубежную социальную антропологию и социологию вообще, изучение древних цивилизаций, в частности. Это обусловило распространение в науке теории сетевых связей, которая в соединении с уже упомянутыми идеями Ф. Броделя (1972), а также мир-системной концепцией И. Валлерстайна (1974), стала составной частью методологии исторического осмысления древней истории. Не меньшее значение приобрели и близкие к марксистскому подходу оценки П. Хордена и Н. Пурселя (2000) относительно определяющей роли социальной деятельности человека в создании общества и культуры [Horden, Purcell, 2000]. Понятно, что они стали прилагаться и к осмыслению истории судостроения, судоходства и мореплавания в Средиземноморье эпохи бронзы и античности, чему в немалой степени способствовала положительная практика применения междисциплинарного подхода. Более того, следуя результатам исследований М. МакКормика [McCormick, 2001], Р. Ван де Ноорта [Van de Noort, 2011] и К. Брудбэнка [Broodbank, 2013], учёными была установлена чёткая закономерность, согласно которой взаимоотношения по морю вызывают возникновение частичного порядка пространственно-географические, технологические и познавательные контексты, в которых соответствующая окружающая среда представляет собой результат, энергично сформированный морской топографией и микро-экологическим дроблением. В развитие этой идеи, И. Малкин сформулировал тезис, вносивший уточнение в концепцию Ф. Броделя. По мнению учёного, «контраст между «центром и периферией» не имел никакого значения и не создавал с варварами биполярности большого значения».[1] Из этого следовал вывод о необходимости изучения т.н. малых миров, поскольку динамика их развития быстро сокращала взаимоотношения, линии связей и деятельности, обеспечивая, таким образом, расцвет контента цивилизации и собственных самооценок идентичности от частичного перекрытия понятий до их разрастания» [Malkin, 2011, p. 205-224].

Поскольку морская история вообще, и вместе с ней история корабля, в частности, в очень незначительной степени дублируют друг друга, то включение в неё морских аспектов, обеспечивая стройность как целостной системы, так и отдельных её частей, существенным образом расширяет объект и предмет изучения. Понимание данной перспективы в анализе всего комплекса морской проблематики указало на необходимость соединения системного метода со структурным. Некоторые современные исследователи даже объединяют оба подхода, относя их к единому системно-структурному методу [Leidwanger, 2013, p. 302–308; Burns, 2010]. Важное место в системном методе занимает принцип изоморфизма. Суть его заключается в том, что если элементы разных систем подобны друг другу, то между этими системами на основании присущих им свойств может быть найдено подобие. По всей видимости, это послужило основанием разработки в зарубежной археологии Эгеиды эпохи бронзы разноаспектных ландшафтного и меершафтного подходов, непосредственным результатом введения которых стало внедрение методики кластерного анализа памятников древней корабельной иконографии. Наряду с прогрессом историко-культурной интерпретации и историко-технической реконструкции архитектуры древних кораблей Средиземноморья было достигнуто понимание узости смыслов, вкладывавшихся учёными в понятие «мореплавание» [Писаревский, 2015, с. 154-156; Thomas, 2005, p. 63; Писаревский, 2014, с. 303-311]. На самом деле, как оказалось, мореплавание древнего мира – сложное, связанное своим происхождением, становлением и развитием с естественно-географическими и историческими условиями историческое явление, представляющее собой развивавшуюся в пространстве и во времени систему разнотипных отношений, имевшее свою основу, структуру, формы, закономерности и тенденции.

Выходу на новый этап научной разработки проблемы в 2000-е гг. способствовало как введение в научный оборот новых фактов, так и переосмысление старых. Собственно, данным обстоятельством и предопределилось, с одной стороны, расширение представлений от-

[1] По мнению учёного, цивилизация и этническая идентичность кристаллизировались не тогда, когда племена древних греков располагались близко друг к другу, но когда они оказались далеко друг от друга. Это произошло только в архаический период, когда греки основали приморские города-государства и торговые порты, постоянно расширяя горизонты, от Украины до Испании [Malkin, 2011, p. 3-65].

носительно складывания морских сетей Крито-Микенского периода, а с другой – результаты, достигнутые зарубежными учёными в области изучения истории и тенденций развития экономических и торговых связей в Эгеиде, и на Древнем Ближнем Востоке эпохи бронзы в целом [Monroe, 2007, p. 1-18]. Важнейшим из них стала констатация факта наличия иерархической системы «мировой» экономики в эпоху Ранней древности, одним из важнейших показателей которой выступала ориентация торговых путей из глубин континента в сторону морских портов Средиземноморского побережья Передней Азии. Именно в этот регион в 2000-1550 гг. до н.э. от Испании на западе до Дуная на северо-востоке доставлялись различные товары [Burns, 2010, p. 117; McCormick, 2001. Origins of the European economy, 2001; Earle, 2008, 54-65; Lupack, 2011, p. 207–217]. Было выведено и принципиального порядка наблюдение как о соответствии метеоусловий, так и о самой возможности осуществления плаваний в различных направлениях с учётом морских течений, внедрения парусного движителя и практики хождения судов против ветра, начиная с XVI в. до н.э. [Scafer, 1991; Schaeley, 2008, p. 79; Sanvage, 2008; Newman, 2000, p. 819–841]. Картину современного состояния исследования проблематики по истории мореплавания эпохи бронзы и античности необходимо дополнить информацией относительно регулярности проведения отраслевых, тематических и общенаучных международных симпозиумов и научных конференций по самым актуальным проблемам исследовательской (исторической, археологической, антропологической) парадигмы в данной области (конференции под эгидой Aegeum, Hespeiros, Metaphysis, Camnes, Mediterranean Maritime History Network, Mediterranean Ecotechnics, International Symposium on Boat and Ship Archaeology Dutch Maritime Museum, Tropis и др.).[1]

Обобщающие труды Ш. Ваксманна и Дж. Басса, Р. Тартарона, И. Ивановой, Т. Бёрнса и других зарубежных учёных знаменовали собой начало качественно нового этапа исследовательского поиска в данной области [Tartaron, 2013]. Тесное сотрудничество специалистов различного профиля позволяет целенаправленного изучать морские связи одновременно в переделах и за пределами Средиземноморья [Cardesi Valeri, 2009; Collar, 2013. Religious networks in the Roman Empire, 2013; Costanacopolou, 2007; The Dance of the Islands, 2007; Crielaard, 2006, p. 271–297; The Role of Palatial Economic Organization, 2015]. Это, с учётом сформулированных к настоящему времени ответов на самые актуальные вопросы,[2] позволяет объединить огромный потенциал науки в направлении более продвинутого понимания происхождения и роста мореплавания и морских связей, получивших широкое распространение на территории Старого Света с эпохи ранней древности. Как свидетельствует манифест «Торонто 2013», принятый участниками международного симпозиума по археологии и истории мореплавания в древних обществах Эгеиды и соседних с ним областей эпохи Поздней бронзы (1750/1680 – 1180 гг. до н.э.) достигнутое понимание в отношении необходимости расширения спектра изучаемых проблем указывает со всей очевидностью на вступление науки на новый этап их разработки. [3]

Список литературы
References

1. Писаревский Н.П. 2000. Морской флот античных государств Северного Причерноморья. Часть 1. Источниковедение и аспекты историографии. Воронеж, ВГУ, 166.

Pisarevskiy N.P. 2000. Morskoy Flot antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya. Ch. 1. Istochnikovedenie I aspekty istorii. Voronezh, VGU, 166. (in Russian)

[1] Например, под эгидой European Maritime Heritage (2015-2017). См. также: [Network analysis, 2013; Crielaard, 2006, p. 271–297; Yassur-Landau, 2010].

[2] Они таковы: 1) насколько далеко мы можем проследить истоки мореплавания? 2) какую методологию должны применить археологи относительно доказательства наличия мореплавания? 3) с чего начинать археологическую историю мореплавания, как оно возникло, и какое место в его происхождении играло население островов Эгеиды? 4) что представляет собой мореплавание как научное понятие (является ли оно узким, широким, или представляет собой системную структуру морских занятий разного типа?

[3] Манифест принят на конференции «Сетевые системы морских связей в Древнем Средиземноморье» (Networks of Maritime Connectivity in the Ancient Mediterranean), проводившейся в Первом университете Торонто (Toronto I) в ноябре 2013 г.(http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/leidwanger342).

2. Писаревский Н.П. 2013. Древний Ближний Восток, Минойский Крит и Микенская Греция: проблемы стадиального родства и различий. Дворцовая цивилизация и морское дело. Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 2: 155-159.

Pisarevskiy N.P. 2013. Drevniy Blizhniy Vostok, Minoyskiy Krit I Mikenskaya Grfetsia: problemy stadialnogo rodstva i razlichiy: morskie aspekty. Vestnik VGU. Seriya istoriya, politologiya, sotsiologiya. 2: 155-159. (in Russian)

3. Писаревский Н.П. 2014. Островные общества Эгеиды эпохи бронзы и морской ландшафтный подход к их изучению в современной зарубежной археологии. Верхнедонской археологический сборник. 6: 303-311.

Pisarevskiy N.P. 2014. Ostrovnye obshestva Egeidy epohi bronzy I morskoi landshaftnyi podhod k ih izycheniju v sovremennoi zarubexhnoi arheologii. Verhnedonskoy arheologicheskiy sbornik. 6: 303-311. (in Russian)

4. Писаревский Н.П. 2015. Древний Ближний Восток, Минойский Крит и Микенская Греция: проблемы стадиального родства и различий. Исторические записки. Воронеж, ВГУ. 17: 118-119.

Pisarevskiy N.P. 2015. Drevniy Blizhniy Vostok, Minoyskiy Krit I Mikenskaya Grfetsia: problemy stadialnogo rodstva I razlichiy. Istoricheskie zapiski. 17: 118-119. (in Russian)

5. Писаревский Н.П. 2015. Рец. на кн.: Wachsmann Sh., Bass G. Seagoing Ships and Seamenship in the Bronze Age Levant. Texas, 2009. Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. 4: 154-156.

Pisarevskiy N.P. 2015. Rets. na kn.: Wachsmann Sh., Bass G. Seagoing Ships and Seamenship in the Bronze Age Levant. Texas, 2009 // Vestnik VGU. Seriya istoriya, politologiya, sotsiologiya. № 4. S. 154-156. (in Russian)

6. Betancourt Ph. 1991. Pseira and Minoan Sea-trade. Aegeum. 1991. 7: 16-22.

7. Bourdieu P. 1990. The Logic of Practice. Cambridge, UP, 386.

8. Braudel F. 1972. The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II. New York, CUP, 556.

9. Broodbank C. 2010. An island archaeology of the early Cyclades. Cambridge, Univ. Press, 428.

11. Broodbank C. 2010. The making of the Middle Sea: a history of the Mediterranean from the beginning to the emergence of the Classical world. New York, CUP, 202.

12. Burns B. E. 2010. Mycenaean Greece, Mediterranean Commerce and the Formation of Identity. Cambridge, UP, 622.

13. Cardesi Valeri V. 2009. Minos of Knossos: King, Tyrant and Thalassocrat. Texas: University, 528.

14. Casson L. 1991. The Ancient Mariners: Seafarers and Sea-Fighters of the Mediterranean in Ancient Times. Princeton, University Press, 326.

15. Chatterton E. 2010. The History of Sailing Ships: the story of their development from the Earliest times until 19th Century. Bremen, See, 600.

16. Cline E. H. 1994. Sailing the Wine-Dark Sea: International Trade and the Late Bronze Age Aegean. Oxford, British Archaeological Reports International Series 591, 568.

17. Collar A. 2013. Religious networks in the Roman Empire: the spread of new ideas. Cambridge, UP, 722.

18. Costanacopolou Chr. 2007. The Dance of the Islands: insularity, Networks, the Athenian Empire, and the Aegean World. Oxford, UP, 488.

19. Crielaard J.P. 2006. Basileis at sea: elites and external contacts in the Euboean Gulf region from the end of the Bronze Age to the beginning of the Iron Age. Ancient Greece: from the Mycenaean palaces to the age of Homer / Ed. by S. Deger-Jalkotzy, I.S. Lemos. Edinburg, Cornell, p. 271–297.

20. Earle J. W. 2008. Trade and Culture in the Cycladic Islands during the Late Bronze Age. New York, Publishers, 652.

21. Gillmer Th. 1994. Authentic Replica Ships: Theory and Practice. Tropis II. 2-nd International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Proceedings. Delphy 1987 / Ed. H. Tzalas. Athens, Apamea, 45-67.

22. Gould R.A. 2011. Archaeology and the Social History of Ships. Cambridge, UP, 526.

23. Green E.S., Leidwanger J., ÖzdaŞ H.A. 2011. Two early Archaic shipwrecks at Kekova Adası and Kepçe Burnu, Turkey. International Journal of Nautical Archaeology. 40. 1: P. 60–68.

24. Greene E.S., Lawall M.L., Polzer M.E. 2008. Inconspicuous consumption: the sixth-century B.C.E. shipwreck at Pabuç Burnu, Turkey. American Journal of Archaeology. 112: 685–711.

25. Horden P., Purcell N. 2000. The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History. London, Kings Coll., 572.

26. Knapett C. 2011. An archaeology of interaction: network perspectives on material culture and society. Oxford, UP, 328.

27. Leidwanger J. 2013. Modeling distance with time in ancient Mediterranean seafaring: a GIS application for the interpretation of maritime connectivity. Journal of Archaeological Science. 40: 302–308.

28. Lupack S. 2011. Redistribution in Aegean Palatial Societies. A View from Outside the Palace: The Sanctuary and the Damos in Mycenaean Economy and Society. American Journal of Archaeology. 115: 207–217.

29. Malkin I. 2011. A Small Greek World: Networks in the Ancient Mediterranean. Oxford; New York, UP, 710.

30. Maran J. 2007. Seaborne Contacts between Aegean, the Balcans and the Central Mediterranean in the 3rd Millenium B.C. – The Unfolding of the Mediterranean World. Between the Aegean and Baltic Seas: Prehistory across borders. L., McMillan, 422.

31. Mark S. 2009. Homeric Seafaring. Texas, UP, 328.

32. McCarthy M. 2005. Ships fastenings: from sewn to steamship. Texas, UP, 410.

33. McCormick M. 2001. Origins of the European economy, communications and commerce AD 300–900. Cambridge, UP, 498.

34. Monroe, Christopher M. 2007. Vessel Volumetrics and the Myth of the Cyclopean Bronze Age Ship. Journal of the Economic and Social History of the Orient. 50. 1: 1–18.

35. Nazou M. 2010. Grey areas in past maritime identity? The case of Final Neolithic-Early Bronze Age Attica (Greece) and the surrounding islands. Shima: The International Journal of Research into Island Cultures. 4. 1: 3–15.

36. Network analysis in archaeology: new approaches to regional interaction. 2013 / Ed. C. Knapett. Oxford, UP, 522.

37. Newman M. E. J. 2000. Models of the Small World. A Review. Journal of Statistical Physics. 101. 34: 819–841.

38. Political Economies of the Aegean Bronze Age. Papers from the Langford Conference Florida State University, Tallahassee, 22-24 February 2007 / Ed. Danial J. Pullen. Oxford, UP, 2010, 328.

39. Read D. W. 2008. A formal explanation of formal explanation // Structure and Dynamics. 3(2): 1–16.

40. Sanvage L. 2008. Trade and Exchanges in the Late Bronze Age: an adaptation to the environmental milieu. Proceedings of the 4th International Congress of Archaeology of the Ancient Near East / Ed. H. Kuhne. Berlin, Verlag, 1-20.

41. Scafer J. 1991. Amnisos –harbour-town of Minos? Aegeum. 7: Athens, 1-15.

42. Schaeley M. 2008. Atlas of Travel and tourism development in the Ancient World. 2008. Bonn-Berlin, Verlag, 710.

43. Show J. W., Show M.C. 1993. A Proposal for Bronze Age Aegean Ship-sheds in Crete. Tropis V. 5-th International Symposium on Ship Construction in Antiquity. Nauplia, 1993. Proceedings / Ed. H. Tzalas. Athens, Apamea, 1-17.

44. Tartaron T. F. 2013. Maritime networks in the Mycenaean world. Cambridge, UP, 446.

45. The Philosophy of Shipbuilding. Conceptual Approaches to the Study of Wooden Ships / Ed. by Frederick M. Hocker, Cheryl A. Ward. Texas, 2004. P. 4-25.

46. The Role of Palatial Economic Organization in Creating Wealth in Minoan and Mycenaean States By Serge Svizzero and Clem Tisdell. Economic theory. Applications and Issues. Working Paper. June 2015. 74 (http://www.uq.edu.au/rsmg/clem-tisdell-working-papers).

47. Thomas C. 2005. Finding People in Early Greece. Missuri, UP, 328.

48. Van de Noort R. 2011. North Sea archaeologies: a maritime biography 10,000 BC to AD 1500. Oxford, UP, 486.

49. Wedde M. 2000. Towards a germeneutics of Aegean Bronze Age Ship imagery. Mannheim, Verlag, 472.

50. Yassur-Landau A. 2010. On Birds and Dragons: A Note of the Sea-Peoples and Mycenaens Pax Hethica. Studien zu den Bogaskoy-Texten. Herausgegeben von Komission fur den Alten Orient der Akademie Wiessenschaften und der Literatur. Studies on the Hittites and their neighbours in honor of Ithamur Singer. Bd. 51. Mainz, Verlag, 213-227.

УДК 94(495)
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-29-34

«ФЕОФРАСТ» И «АММОНИЙ». ОТРАЖЕНИЕ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛЕМИКИ МЕЖДУ ХРИСТИАНСТВОМ И АНТИЧНЫМ ЯЗЫЧЕСТВОМ В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ РИТОРСКОЙ ШКОЛЫ ГАЗЫ

«THEOPHRASTUS» AND «AMMONIUS». REFLECTION OF EARLY BYZANTINE POLIMICS BETWEEN THE CHRISTIANITY AND ANCIENT PAGANISM IN THE LITERARY HERITAGE OF THE RHETORIC SCHOOLS OF GAZA

Я.В. Манохин
Ya.V. Manohin

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: reno2010@rambler.ru

Аннотация
Статья посвящена двум важным памятникам позднеантичной литературы – работам Энея Газского «Феофраст» и Захария Ритора «Аммоний». Данные произведения представляют собой полемические христианские труды, составленные в форме диалога, направленные против философского учения неоплатоников. Их авторы были современниками и представителями одной и той же христианской риторской школы Газы. Изучение данных произведений и их сравнительный анализ приводит к выводу, что они очень похожи по стилю и форме, и имеют много общего в плане содержания. Однако, несмотря на это, каждое из данных сочинений является уникальным и отражает особенности написания и личные качества авторов.

Abstract
Before our time preserved a large number of works reflecting the literary struggle of the representatives of Christianity and the pagan sophists. In the early Byzantine period before the Persian conquest (4-6 cent. A.D.) in Gaza city there was a major Christian theological school, which has played not unimportant role in the formation of Christian dogma. Its members left behind a rich literary legacy. A special place among them is occupied by well-known polemical works of the representatives of the Christian rhetoric of this school that reflects the Christian-pagan disputes. «Theophrastus» of Aeneas of Gaza and «Ammonius» of Zachariah Rhetor (also known as Zacharias Scholasticus or Zacharias of Mytilene) represent polemical works composed in the form of a dialogue directed against the philosophical doctrines of the Platonists. Their authors were contemporaries and representatives of the same Christian rhetoric school in Gaza. The study of these works and their comparative analysis leads to the conclusion that they are very similar in style and shape and have a lot in common in the content of their works. However, despite this, these works are unique and reflect the characteristics of writing and personal qualities of the authors.

Ключевые слова: Ранняя Византия, Газа, «Аммоний», «Феофраст», Эней, Захарий Схоластик, христианство, неоплатонизм, полемика.
Keywords: Early Byzantium, Gas, Ammonius, Theophrastus, Aeneas, Zacharias Scholasticus, Christianity, Neoplatonism, and controversy.

Переход от Античности к Средневековью был сопряжен с различного рода изменениями в системе государственного и муниципального управления, экономике, внутренней и внешней политике, военном искусстве, и даже в бытовой сфере жизни населения. В ре-

лигиозной жизни людей также начались серьезные перемены, связанные с изменением мировоззренческих ориентиров. Античное язычество и, уравненное с ним в правах, христианство с IV в. начинают взаимную активную борьбу за статус государственной религии [Trombley, 1995]. Конфронтация между данными конфессиями безусловно существовала и раньше, однако ранее она выражалась в отчаянных попытках римских языческих властей физического истребления приверженцев христианства. В христианском литературном наследии этого периода преобладают преимущественно апологетические и юридические трактаты, целью которых являлась защита самой христианской религии и, кроме того, адвокатская поддержка обвиняемых в исповедании своей веры христиан. Но с IV в., когда христианство получает право свободно и официально существовать в империи, литература от защиты переходит к полемике, оппонентом в которой выступает античная языческая философия. Данная борьба продолжалась в империи вплоть до VI в., когда была закрыта вследствие политики императора Юстиниана I Великого (527-565 гг.) Афинская Платоновская академия в 529 г. [Болгова, 2016, с. 32-34].

До нашего времени сохранилось большое количество произведений, отражающих литературную борьбу представителей христианства и языческих софистов. Самыми известными христианскими полемистами являлись святители Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Нисский и многие другие, а среди языческих – Либаний, Фемистий, Гимерий и др. Субъектами данных споров выступали не только конкретные личности, но и крупные институты – христианские богословские и языческие риторские школы, которые, в свою очередь, располагались в крупных административных центрах империи, например, таких как: Александрия, Антиохия, Эдесса, Кесария Палестинская, Кесария Каппадокийская, Эфес, Афины, Константинополь. Участниками данной полемики выступали и школы, располагавшиеся не в административных центрах имперских провинций, а в торгово-промышленных городах, среди которых выделяется палестинский город Газа [Trombley, 1995, p. 187-245].

В ранневизантийский период (V-VI вв.) в городе Газа существовала крупная школа, которая сыграла немаловажную роль в формировании христианской догматики. Ее представители оставили после себя богатое литературное наследие. Среди них особое место занимают известные полемические произведения христианских представителей данной риторской школы, отражающие христиано-языческие споры.

Наиболее активная полемика, в которой принимали участие христианские философы из Газы, велась с неоплатониками. Во главе их стоял руководитель Платоновской Академии в Афинах, при котором она достигла своего последнего расцвета перед закрытием, Прокл Диадох (412-485 гг.) Предметом спора был вопрос о сотворении мира и его вечности. Объектом спора стало сочинение Прокла «О вечности мира». Самым успешным оппонентом Прокла выступал александриец Иоанн Филопон, известный также, как Иоанн Грамматик (ок. 490-570 гг.), чье мнение было отражено в его сочинении «О вечности мира против Прокла». Данное произведение состоит из 18 глав, в которых автор подробно пытается опровергнуть учение Прокла о вечности мира, раскрывая христианское учение без ссылок на Священное Писание, используя только философскую терминологию неоплатоников.

Со стороны Газской школы было написано три таких полемических произведения: «Феофраст» христианского философа Энея, «Аммоний» Митиленского епископа Захарии Схоластика и фрагмент «Опровержение Прокла» известного ритора газской школы Прокопия. Последнее сочинение не сохранилось в оригинале до наших дней, и по поводу проблемы его авторства и сегодня продолжаются дискуссии, так как оно является частью произведения более позднего богослова Николая Мефонского «Опровержения Начал теологии философа неоплатоника Прокла». Но авторство первых двух произведений сомнению не подвергается, а тексты дошли до нашего времени в полном объеме. Поэтому мы рассмотрим данные произведения, определим их положение среди подобных сочинений других авторитетных авторов и выявим их уникальность. К сожалению, в отечественной историографии данные произведения изучены очень слабо. Кроме того, эти произведения не опубликованы в переводе на русский язык.

Сочинение Энея Газского «Феофраст или о бессмертии души и воскресении» написано в форме диалога, что характерно для многих античных произведений философов [Aujoulat, 1986]. Как известно, Эней обучался в александрийской школе под началом неоплатоника Гиерокла, который, по мнению немецкого исследователя Карла Прехта, и стал прообразом главного действующего лица данного произведения - афинского софиста Феофраста [Praechter, 1913, p. 1480], о котором Эней пишет с любовью и почтением в начале первого диалога [Saffrey, 1954]. По содержанию «Феофраст» представляет собой полемику между двумя людьми, один из которых софист неоплатоник Феофраст из Афин, а другой - христианский философ сириец Евксифей, которая состоялась на берегу реки Нил. Итог данной полемики сводится к тому, что христианский философ склоняет на свою сторону неоплатоника, который соглашается со всеми его доводами.

«Феофраст» состоит из двух частей. В первой части раскрывается неоплатоническое учение переселении душ и их предсуществовании, а во второй - христианское учение о сотворении мира и бессмертии души. «Феофраст» считается христианским произведением, несмотря на то, что в данном произведении автор нигде не упоминает имя Христа и не приводит цитаты из книг Библии, подобно произведению Филопона. Кроме того, в тексте отсутствуют ссылки на авторитетных Отцов и Учителей Христианской Церкви, но при этом автор регулярно цитирует античных философов. На этот факт уже давно обратил внимание ряд исследователей [Sikorski, 1907, p. 53]. С одной стороны, это кажется необычным и странным явлением для христианского писателя. Но, с другой стороны, это был апологетический прием, используемый для того, чтобы объяснить принципы христианской веры без использования церковной терминологии, оперируя при этом только терминами неоплатоников. Подобный метод использовали в своих произведениях такие известные апологеты как Марк Минуций Феликс в своем произведении «Октавий», Тертуллиан в «Апологиях». Этот способ был намного более эффективным, поскольку позволял собеседникам общаться на одном языке и использовать понятные друг другу термины, и также опираться на труды авторитетных и всем известных авторов. Использование же церковной терминологии, а также опора на библейский текст не имели бы результата, так как для античного язычника данные аргументы не являлись авторитетными, кроме того, он мог быть не знаком с ними, по крайней мере, подробно их не изучал. Таким образом, диалог в «Феофрасте» ограничен рамками философии, где неоплатонизм и христианство являются противоположными точками зрения.

Согласно содержанию сочинения, некий сириец по имени Евксифей направляется на корабле в Афины, однако неблагоприятный ветер относит корабль к берегам Египта, и тот оказывается в Александрии. В этом городе он встречает своего бывшего одноклассника по Александрийской школе Эгипта, при встрече с которым они вспоминают свою учебу и своего учителя Гиерокла. Также в непринужденном разговоре Евксифей спрашивает своего школьного товарища о состоянии философской науки в нынешней Александрии, на что тот, отвечая, рассказывает об упадке в Александрии данной науки. Для того, чтобы узнать что-то новое о развитии философии, Эгипт советует собеседнику обратиться напрямую в Афинскую школу, а пока такой возможности нет, то у него есть друг, некий Феофраст – представитель Афинской философской школы. Евксифей был очень удивлен, но, в то же время, обрадовался, что на берегу Нила нашел афинского философа. После того, как Эгипт познакомил Феофраста и Евксифея, он больше не принимает участия в беседе (Th. 1-3).

В диалоге поднимаются две основные темы: космология, вопрос о судьбе человеческой души до рождения и после смерти (предсуществование и переселение душ у неоплатоников и воскресение человека у христиан). В полемике по вопросам космологии приводится понимание сущности Бога в платонизме, неоплатонизме и христианстве, и также сравниваются модели сотворения мира. В процессе беседы Евксифей обращает внимание собеседника на разногласия между платоническим учением и учением неоплатоников в данных вопросах. Также поднимается вопрос и о Троичности Бога в христианстве, который сравнивается с тремя высшими божествами неоплатонизма. При обсуждении сотворения мира против трансцендентного принципа творения в неоплатонизме, где управление миром поручено тварным божествам, а Демиург-творец не участвует в жиз-

ненном процессе своего творения, приводится христианская модель, в которой Творец не остается в стороне от Своего творения, а принимает активное участие в его жизни. Также Эней достаточно подробно раскрывает догмат о взаимоотношении между Ипостасями Святой Троицы, в рамках процесса творения мира и после него, вплоть до его заката [Wacht, 1969, S. 38-143].

Сочинение «Феофраст» считается христианским произведением, в котором раскрывается учение о бессмертии человеческой души, вопреки учению александрийского христианского философа Оригена [Болгова, Болгов, 2016, с. 146-150], которое он заимствовал у Платона, о пресуществовании и переселении душ. Это учение окончательно будет осуждено только на V Вселенском соборе в 553 г. уже после кончины Энея. Так как Ориген пытался соединить христианское вероучение с античной философией, то вместе с формами, приемами и принципами этой философии он перенял и её идеи. Это отразилось на его учении о предсуществовании и переселении душ. Таким образом, учение Оригена было схоже с языческими идеями платонизма и использовало терминологию, близкую к терминологии неоплатонизма.

Эней с иронией опровергает учение неоплатоников о реинкарнации и привязанности или переселении человеческой души в тела животных, согласно их жизненным пристрастиям. Так Евксифей спрашивает у Феофраста, что неужели душа Одиссея соединилась с душой муравья, так как тот был очень трудолюбив и брал на себя много работы и ответственности, или душа Гектора вселилась в осу, так как он был воинственным и пролил много крови? Евксифей приводит также множество примеров из учения неоплатоников, показывая их абсурдность и несостоятельность, считая при этом, что такие аргументы не могут рассматриваться всерьез (Th. 14: 19-24). Он развивает аргументы, приводимые св. Мефодием Патарским (ок. 260-312 гг.) против неоплатоников о том, что целью переселения души является ее исправление, и каким же образом она будет исправляться, если души людей похотливых переселять в собак, а тунеядцев и чревоугодников в свиней? Здесь получается не наказание, а наоборот, потакание человеческим страстям. Евксифей сравнивает такого бога с судьей, к которому привели вора, а он вместо того, чтобы наказать преступника, велит отвести его в храм и разрешить ему взять все, что тому заблагорассудится. В таком случае человек не несет наказания, и даже понятия не имеет о том зле, которое он сделал, не считая свои действия плохими (Th. 15). И затем он говорит, что Богу, который видит наши сердца и знает наши мысли, достаточно одной нашей земной жизни, чтобы увидеть наши наклонности и определить вечную участь (Th. 15).

Вторым крупным и серьезным сочинением против неоплатоников, происходящим из Газы, является произведение Захарии Ритора «Аммоний». Скорее всего, диалог «Аммоний» был написан несколько позже, чем «Феофраст» Энея. В данном диалоге автор ставит философа Аммония представлять античную философию неоплатоников. В основу полемики было положено противоречие между Платоном и Аристотелем. Аммоний пытается прикрыть данное разногласие, однако сделать это не просто. Факт того, что такая попытка была сделана реальным человеком - Аммонием (435-445 – 517-526 гг.), сыном Гермия – схолархом Александрийской философской школы неоплатонизма, подтверждается его учеником Асклепием из Тралл (сер.VI в.) [Dillon, Russell, Gertz, 2014, p. 97]. Это свидетельствует о том, что описываемый диалог пересказывает реально состоявшиеся беседы. Также диалог «Аммоний» свидетельствует о том, что автор был знаком с образованными людьми Газы и других мест, а также с их трудами, среди них, например, с Аммонием Александрийским (рубеж V-VI вв.) [Reuss, 1941, S. 13-20] и Гессием (нач. VI в.) [Watts, 2008, p. 32] – александрийским врачом и ученым. Третьим различием является тот факт, что Захария, в отличие от Энея, который использовал в диалоге только платоновскую терминологию и не делал ссылок на Священные Писание и Предание, активно в своем труде цитирует Библию и Святых Отцов.

Диалог Захарии «Аммоний» состоит из четырех бесед: первая с Аммонием, вторая с Гессием и еще две с Аммонием. Каждая беседа начинается введением и заканчивается заключением. Как уже было сказано, в данном диалоге Аммоний пытается философски обосновать разногласия между Платоном и Аристотелем. Однако, Захария настроен до-

статочно серьезно, если не сказать враждебно, поэтому Аммонию очень трудно справиться со своей задачей: все доводы, какие он приводит, дабы оправдать различия между двумя античными философами, оказываются недостаточно аргументированными и несостоятельными. Подобно Филопону, Захария на первое место ставит данное различие позиций в языческом лагере и акцентирует внимание на буквальное понимание Тимея, который не согласен с учением Аристотеля о вечности мира (Amm. II, 424-428; 565-566; 668-697; 745-746; 843-850). Основным тезисом, против которого выступает Захария – утверждение неоплатоников о том, что мир совечен богу. Некоторые исследователи считают, что настоящий Аммоний не мог поддерживать данный тезис, а тем более, защищать эту точку зрения, поскольку неоплатоники в вопросе о взаимоотношении мира с богом-творцом, ссылаясь, впоследствии, на Прокла, четко разграничивают понимание термина вечности: вневременного вечного существования божества от бесконечного продолжения мира [Verrycken, 2001, p. 241-266]. Этот и некоторые другие примеры некоторые исследователи приводят для обоснования своей точки зрения о том, что «Аммоний» – все же псевдоним, условный образ, а не реальная личность [Nissen, 1940, p. 15-22]. Однако аргументы, встречающиеся в трудах ученика Аммония Асклепия, свидетельствуют об обратном [Dillon, Russell, Gertz, 1914, p. 97].

Обзорно рассмотрев два полемических труда Газской школы, постараемся сравнить эти два произведения, которые похожи друг на друга и написаны людьми – выходцами из Газы по одному и тому же поводу, в одном и том же стиле. В двух местах текста Захария упоминает некоего «мудрого мужа», предположительно, Энея и цитирует последнего, не называя автора [Dillon, Russell, Gertz, 1914, p. 98]. Этот факт, хотя и косвенно, но все же свидетельствует о том, что Захария был знаком с творчеством Энея и находился под впечатлением от диалога «Феофраст» [Klitenic Wear, 2013]. Но все же разница между данными двумя произведениями очевидна. Она проявляется в следующих пунктах.

1. Ключевым различием является тон диалогов. Несмотря на то, что оба автора демонстрируют свою склонность к энергичной и жаркой полемике, Эней устами героя достаточно демократично и очень уважительно относится к оппоненту. Захария же наоборот - обвиняет собеседника в глупости, невежестве и нечестии.

2. Вторым различием является и факт того, что герои диалога Энея являются вымышленными персонажами, тогда как в диалоге Захарии описывается беседа, при которой явно присутствовал, а, возможно, и принимал активное участие сам автор. Это дает возможность предположить, что диалог «Аммоний» Захарии был написан для другой аудитории в отличие от «Феофраста» Энея [Watts, 2005, p. 221-222].

3. Отличается также и структура сочинений. Диалог Захарии достаточно сложный и представляет собой четыре разных беседы. «Феофраст» же Энея – монолитное произведение, представляющее собой одну беседу на разные темы.

4. Еще одна значительная разница между двумя произведениями – отсутствие в диалоге Захарии «Аммоний» обсуждения темы платоновского учения о предсуществовании душ и их реинкарнации, когда этой теме посвящена чуть ли не большая часть произведения Энея «Феофраст». С другой стороны, вопрос о вечности мира не является главной темой диалога Энея, зато является главным предметом обсуждения в диалоге «Аммоний». Возможно, Захария считал, что раньше недостаточно убедительно и не так много обсуждалась эта тема, поэтому акцентировал внимание именно на ней.

При изучении данных произведений складывается впечатление, что они взаимодополняют друг друга [Dillon, Russell, Gertz, 1914, p. 98; Watts, 2006]. Кроме того, в диалоге «Аммоний» автор старается сгладить те сложности, которые возникают в «Феофрасте», и которые Эней обходит, чтобы не исказить христианское учение [Aujoulat, 1987]. Примером такого редактирования является фрагмент беседы, в котором один из собеседников поднимает вопрос о том, почему Бог сотворил мир временным, а не вечным сразу, но в конце собирается его изменить? (Amm. II. 1176-1220) Данный вопрос поднимается и в диалоге «Феофраст» [Wacht, 1969, S. 121-129], где Евксифей должен был объяснить, почему человек не получил бессмертия? На это Эней отвечает, что он пал как разумное существо (природа) и стал мятежником, и Эней прямо указывает, что это - причина смерти

(смертности) (Th. 50,22-51,2). С другой стороны, Захария добавляет к «разумному существу» – «человеческое существо», так как под разумными существами понимаются еще души людей и ангелы.

Сравнив данные произведения, можно сделать вывод, что эти два полемических сочинения не просто имеют много общего между собой, а представляют собой преемственную традицию полемических произведений данной школы, которые сохранились до наших дней. Эта традиция четко показывает систему мышления представителей христианской риторской школы Газы, которая похожа на мысль других школ, но и является посвоему уникальной [Champion, 2014].

Список литературы
References

1. Болгова А.М. 2016. К проблеме закрытия Афинской философской школы в 529 г. Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия. М.-Белгород, 32-34.

Bolgova A.M. 2016. K probleme zakrytija Afinskoj filosofskoj shkoly v 529 g. Imperija romeev vo vremeni i prostranstve: centr i periferija. M.-Belgorod, 32-34. (in Russian).

2. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2016. Эней Газский против неоплатоников и оригенистов: к изучению наследия Энея в отечественной науке. 1917-2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Воронеж, ВГУ, 146-150.

Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2016. Jenej Gazskij protiv neoplatonikov i origenistov: k izucheniju nasledija Jeneja v otechestvennoj nauke. 1917-2017: uroki stoletija. Materialy ezhegodnyh Mitrofanovskih cerkovno-istoricheskih chtenij. Voronezh, VGU, 146-150. (in Russian).

3. Aujoulat N. 1987. Le De providentia d'Hierocles d'Aiexandrie et le Theophraste d' Enee de Gaza. Vigilia Christiana. 41: 1, 55-85.

4. Aujoulat N. 1986. Le Theophraste de Enee de Gaza: Problemes de chronologie. Koinonia. 10: 67-80.

5. Champion, Michael W. 2014. Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza. Oxford, University Press, 241.

6. Dillon J., Russell D., Gertz S. 2014. Aeneas of Gaza, Theophrastus with Zacharias of Mytilene, Ammonius. London, Bloomsbury, 210.

7. Klitenic Wear, Sarah. 2013. Another Link in the Golden Chain: Aeneas of Gaza and Zacharias Scholasticus on Plotinus *Enn*. 4.3. Greek, Roman, and Byzantine Studies. 53: 146-155.

8. Nissen Th. 1940. Eine christliche Polemik gegen Julians Rede auf den König Helios. Byzantinische Zeitschrift, 40: 15-22.

9. Pauli A. 1907. Die Irrisio des Hermias / Forschungen zur christl. Literatur- und Dogmengeschichte 7, 2 Paderborn Schöningh, 160.

10. Praechter K. 1913. Art Hierokles. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft Band VIII, Halbband 16, Hestiaia-Hyagnis Stuttgart, 1313–2624.

11. Reuss J. 1941. Der Exeget Ammonius und die Fragmente seines Matthäus- und Johannes-Kommentars. Biblica Bd. 22: 13-20.

12. Saffrey H.D. 1954. Le Chrétien Jean Philopon et la survivance de l'école d'Alexandrie. Revue des Etudes Grecques v. 67: 396–410.

13. Sikorski S. 1909. De Aenea Gazaeo // Breslauer Philologische Abhandlungen 9, 5. Breslau: Verlag von V.A.H. Marcus, 57.

14. Trombley F. 1995. Hellenic Religion and Christianization. Leiden, Brill. 1: 370-529.

15. Verrycken K. 2001. La métaphysique d'Ammonius chez Zacharie de Mytilène. Revue des sciences philosophiques et théologiques. 85: 241-266.

16. Wacht M. 1969. Aeneas von Gaza als Apologet. Bonn, Peter Hanstein verlag GMBH, 151.

17. Watts E. 2005. An Alexandrian Christian Response to Neoplatonic Influence. The Philosopher and Society in Late Antiquity. Swansea, SW, 221-222.

18. Watts E. 2006. Creating the Ascetic and Sophistic Mélange: Zacharias Scholasticus and the Intellectual Influence of Aeneas of Gaza and John Rufus. Aram. 18: 153-164.

19. Watts E. 2009. The Enduring Legacy of the Iatrosophist Gessius. Greek, Roman, and Byzantine Studies 49, Durham: Duke University Press, 113-133.

УДК 94/904
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-35-48

АРХЕОЛОГИЯ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ XIII–XV вв. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА[1]

ARCHAEOLOGY OF THE GENOESE GASARIA IN THE 13-th – 15-th CENTURIES. DEFINITION OF TERM

С.Г. Бочаров
S.G. Bocharov

Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
РФ, 420012 г. Казань, ул. Бутлерова 30
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
РФ, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

Alfred Khalikov Institute of Archeology. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
30 Butlerova St, Kazan, 420012, Russia
Kazan (Volga Region) Federal University,
18 Kremlyovskaya St, Kazan, 420008, Russia

E-mail: sgbotcharov@mail.ru

Аннотация
Основная тема статьи - рассмотрение вопросов, связанных с присутствием Генуэзской республики в Северном Причерноморье в XIII–XV вв. В регионе генуэзцами была создана целая система городов и поселений, трансформировавшихся в отдельное государственное образование, границы которого охватывали территорию от дельты Дуная на западе, до Кавказского побережья на востоке, а также всё побережье Крыма. Сегодня в научной литературе нет чёткого определения историко-территориального понятия Генуэзская Газария. В большинстве случаев этим термином объединяют объекты, принадлежавшие Генуэзской республике на Крымском полуострове. В статье вводится определение – «археология Генуэзской Газарии», как часть византийской археологии и, одновременно, археологии Золотой Орды. Понятие охватывает все материальные следы генуэзского присутствия в Северном Причерноморье. Эта отдельная ветвь археологии Византии как отражение общего процесса проникновения латинян и, в том числе, генуэзцев на приморские территории империи в Восточном Средиземноморье. Но в то же время, это составная часть археологии Золотой Орды, так как латиняне, в целом, и генуэзцы, в частности, селились на ордынских землях, и материальные остатки их присутствия, при определённом своеобразии, составили единый комплекс с материальной культурой этой степной империи.

Abstract
The main topic of this article is the research of issues about presence of the Genoese Republic in the Northern Black Sea Region in the 13th - 15th centuries. In this region, the Genoese created a system of cities and settlements that were transformed into a separate State. The borders of this State covered the territory from the Delta of the Danube in the West to the Caucasus Coast in the East and including all coast of the Crimean peninsula. Today in scientific literature there is no clear definition of the historical and territorial concept of the Genoese Gazaria. In most cases this term is used to the objects belonging to the Genoese Republic on the Crimea. The article introduces a definition - the Archeology of the Genoese Gazaria as part of the Byzantine archeology and archeology of the Golden Horde, which encompasses all material evidences of the Genoese presence in the Northern Black Sea Region. This component is the branch of the Byzantine Archeology as a reflection of the general process of penetration of the Latins and including the Genoese into the coastal territories of this State in the Eastern Mediterranean, but on the other hand is an integral part of the Archeology of the Golden Horde, since Latin in general and Genoese

[1] Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00213).

in particular settled on the lands of the Golden Horde and formed a same complex with the mass material culture of the Golden Horde state.

Ключевые слова: Византийская империя, Золотая Орда, Генуэзская республика, Генуэзская Газария, Северное Причерноморье, Крымский полуостров, историческая география, археология.
Key words: Byzantine Empire, Golden Horde, Genoese Gazaria, Northern Black Sea Coast, Crimean peninsula, historical geography, archaeology.

Этой работой завершается цикл из трёх статей, в которых рассматривались обозначения, которые можно использовать при изучении вопросов итальянского, а в широком смысле - латинского присутствия в регионе Северного Причерноморья в XIII–XV вв. Первая публикация была посвящена описанию термина Латинская Газария [Бочаров, 2017а, с. 57-63]. Вторая статья рассматривала определение для более узконаправленного термина Венецианская Газария, который соотносим с материальными следами присутствия республики св. Марка в изучаемом регионе [Бочаров, 2017б]. В третьей, заключительной статье мы хотели бы определить значение термина Генуэзская Газария и окончательно закрепить за ним определённое место в средневековой археологии Юго-Восточной Европы.

В XIII–XV вв. на Северном побережье Чёрного моря Генуэзская республика создала цельную систему городов и торговых поселений. По сути, на краю Европы возникло специфичное государственное образование, основанное на землях Золотой Орды, но подчинённое Генуе. Эта система возникла не сразу и развивалась в несколько этапов. В своём завершённом виде к концу XIV в. она состояла из городов и поселений в дельте Дуная (Килия и Ликостомо), на Северном берегу Чёрного моря (Маврокастро, Зинестра, Иличе), на Азовском побережье и дельте Дона (Портети, Паластра, Кабарди, Тана, Пексо), на Таманском полуострове (Копа, Матрега), на побережье Северного Кавказа (Мапа, Мауро Лачо). Главное место в этой системе занимают четыре города Крымского полуострова (Каффа, Солдайя, Чембало, Воспоро), их сельские округи, а также деревни и замки Южного берега Крыма. Столицей этих владений был крымский город Каффа (рис. 1), глава которого - консул был верховным правителем для всей этой территории [Карпов, 2000, с. 12].

В данной работе задействованы три крупные категории источников. Первая - источники письменные, на основании которых можно реконструировать историческую канву и получить основные хронологические реперы [Карпов, 2015; Пономарёв, 2005; Устав, 1863; Balard, 1973; 1989; Balbi, Raiteri, 1973; Gregorae, 1830]. Многие исторические свидетельства опубликованы российскими [Барабанов, 1995; Зевакин, Пенчко, 1938; Карпов, 1997; 2000; Ковалевский, 1905; Мыц, 2009, Русев, 1999; 2015] и европейскими исследователями [Атанасов, Павлов, 2011; Balard, 1978; Nystazopoulou Pélékidis, 1970; Papacostea, 2006; Pistarino, 1988]. Второй крупный блок источников - археологические. Значительный комплекс данных накоплен по итогам работ археологической экспедиции «Каффа», которая проводит исследования под руководством автора этой статьи и уже более 20 лет изучает материальные памятники генуэзского присутствия на Крымском полуострове [Адаксина, Мыц, 2015; Бочаров, 1998; 2004; 2005; 2009; 2011; 2012; 2013; 2015а; 2015б; 2015в; 2016б; 2017в; Масловский, 2016]. Третья категория источников – картографические, изучение которых позволяет рассмотреть топонимику и локализовать торговые пункты, указанные на средневековых морских картах, а также реконструировать особенности планировки генуэзских городов и отдельных объектов, которые получили отражение на позднесредневековых генеральных планах городов и местностей, присоединяемых к Российской империи [Волков, 1992; 1998; Фоменко, 2007].

Для понимания предмета исследования рассмотрим основные этапы становления генуэзского присутствия в Северном Причерноморье в XIII–XV вв. и территории, на которых это произошло. Общеизвестно, что базовые генуэзские города и поселения были размещены на Крымском полуострове, но торговцы и официалы республики св. Георгия были представлены по всему пространству Северного Причерноморья.

В дельте Дуная генуэзское присутствие зафиксировано в трёх городах: Вичине, Килии и Ликостомо (рис. 1) [Balard, 1978, p. 143]. Расцвет генуэзской торговли в Вичине относится к правлению темника Ногая в последней четверти XIII в. Первое упоминание о существовании фактории в Вичине датировано 1281 г. [Papacostea, 2006, p.160; Атанасов, Павлов, 2011, с. 11], но сведения о генуэзском консуле в этом пункте сохраняются до 1361 г. [Русев, 1999, с. 114]. Основные данные о присутствии генуэзцев в Килии относятся к середине XIV в. и происходят из нотариальных актов, оформленных в этом городе в 1360-1361 гг. Антонио ди Понцо [Balard, 1980, p. 11]. В 1361 г. есть упоминание генуэзского консула в Килии [Balard, 1978, p. 146]. Ликостомо располагался на острове дельты Дуная, известно, что его жители были защищены каменной крепостью [Balard, 1978, p. 146]. В городе работали генуэзские нотарии в 1373 и 1383-1384 гг., главы города – консулы упоминаются в 1373 и 1384 гг. [Balbi, Raiteri, 1973, p. 5].

Следующий населенный пункт расположен в низовьях реки Днестр – город Монкастро (совр. Белгород-Днестровский) (рис. 1) [Русев, 1999, с. 62-65, 103-107; Papacostea, 2006, p. 202-210]. В нижнем течении Днепра располагались селение и замок Иличе (рис. 1), первое упоминание генуэзского консула здесь относится к 1374 г. [Пономарёв, 2005, с. 49, 71, 89]. В 1441 г. замок Иличе был выкуплен коммуной Каффы у частных владельцев [Барабанов, 1995, с. 21]. В 1455 г. замок и селение были захвачены жителями Монкастро, подданными Молдавского княжества, после чего шла долгая тяжба о возвращении его генуэзским властям [Русев, 2015, с. 28-29].

Базовым пунктом генуэзцев на Азовском море была Тана (совр. Азов), где они соседствовали с венецианцами. К 1304 г. относится первое упоминание генуэзского консула, возглавлявшего факторию [Карпов, 1997, с. 15]. Исходя из данных современных археологических исследований золотоордынского города Азак [Масловский, 2016, с. 238], площадь городских кварталов, занятая всеми выходцами с запада, составляет ок. 6,6 га [Бочаров, 2017б]. Из письменных источников известно, что генуэзцы владели в городе каменной крепостью [Устав, 1863, с. 808; Зевакин, Пенчко, 1938, с. 77]. И.В. Волков определяет площадь крепостных сооружений венецианцев города в 2,6 га [Волков, 1992, с. 89]. Исходя из этого, территория генуэзского замка в Тане и неукреплённого предместья занимали участок примерно 4,0 га.[1]

Далее на восток, необходимо упомянуть фактории Копа в древнем устье реки Кубань [Волков, 1998, с. 37] и Матрега (рис. 1) на побережье Таманского полуострова. Владетелем Матреги, после брака с дочерью местного феодала, становится Симон Гизольфи в 1419 г. При поддержке администрации Каффы во 2-й пол. XV в. его потомки возводят в Матреге

[1] О расположении и внешнем облике генуэзского замка Таны будет полезна следующая аналогия. На плане 1699 г. иллюстрируются события, связанные с осадой Азова российскими войсками годом раньше. За турецкими земляными укреплениями показана каменная крепость (рис. 3). В восточной части этой (Френк-Хисар) крепости И.В. Волков видит венецианские укрепления Таны (рис. 2) [Волков, 1992, с. 89]. Если османы продолжают использовать венецианскую крепость Таны, то, возможно, ими был сохранён и генуэзский замок. По сообщению турецкого путешественника Эвлия Челеби, восточная часть этой каменной крепости (Топрак-Кале) построена турками в 1616 г. [Эвлия Челеби, 1979, с. 202]. Возможно, центральная часть османской крепости (Орта-Хисар) (рис. 3) – это и есть сохранившийся генуэзский замок Таны посл. четв. XV в. Это предположение вызывает многочисленные вопросы, как с фортификационной точки зрения, так и с политической, учитывая постоянную конкуренцию и вражду генуэзцев и венецианцев – мог ли генуэзский замок одной стеной быть пристроен к венецианской крепости. Н.Н. Ковалевский в своём труде о Тане так описывает обстановку последних лет её латинского существования: «Вопреки представлению, исконные соперницы, Генуя и Венеция, в виду общего врага, со всех сторон наступающего на них Ислама, стремились в своих колониях в Азовском море жить в мире и добром согласии». «Когда в конце 3-й четверти XV в. для венецианской колонии явилась, как мы видели, необходимость озаботиться новым укреплением своих стен, та же потребность стала ощущаться и ее ближайшими соседями – генуэзцами». В подтверждение приводится письмо 1473 г. протекторов Банка св. Георгия к генуэзскому консулу Таны, которые хвалят его «…за то, что он не помышляет о причинении какого-либо вреда венецианцам, а, наоборот, заботится об одновременном спасении и их замка, и того, который поставлен под его начало» [Ковалевский, 1905, с. 164-165]. Этот сюжет нуждается в специальном исследовании.

каменный замок [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 81]. Присутствие генуэзцев в Копе отмечено в нотариальных актах конца XIII в., но первое упоминание консула в этом пункте относится к 1427 г. [Balard, 1978, p. 156]. Внутреннему устройству Копы посвящены несколько глав Статута Каффы 1443 г. [Устав, 1863, с. 801-807]. В Мапе (совр. Анапская бухта) также был поставлен генуэзцами замок, единственное упоминание о котором датировано 1423 г. [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 84]. Населенные пункты Кало Лимена с замком Батарио (совр. Цемесская бухта) и Мауро Лачо (совр. Геленджикская бухта) размещались далее на восток на кавказском побережье (рис. 1) [Зевакин, Пенчко, 1938, с. 84, 105, 125]. Здесь мы указали только основные пункты (рис. 1), но кроме них, существовала целая сеть селений и якорных стоянок по побережью Чёрного и Азовского морей, которые способствовали каботажному плаванию и торговому обмену, и были нанесены на компасные карты портоланы [Фоменко, 2007, с. 272-275, 313-331].

Главным административным и экономическим центром генуэзцев в регионе был город Каффа (совр. Феодосия) в Восточном Крыму (рис. 4). Точная дата основания торгового поселения - фактории здесь не известна. В византийской хронике Никифора Григоры приводится 1266 г. как дата возникновения генуэзского поселения [Gregorae, 1830, p. 684]. Однако французский историк Мишель Балар считает эту дату неверной и относит основание города ко времени между 1268 и 1275 гг., причём, более вероятным, по его мнению, выглядит 1275 г. Постепенно Каффа набирает силу, получает административное управление. Первое известие о главе городского управления - консуле относится к 1281 г. [Balard, 1978, p. 118]. Частым становится упоминание Каффы в генуэзских нотариальных актах после 1285 г. Из записей (1289-1290 гг.) каффинского нотариуса Ламберто ди Самбучето получены многочисленные свидетельства жизни в ранний период городской истории. В актах запечатлён небольшой город, разделённый на кварталы (контрадо), защищённый земляным рвом и валом с деревянным частоколом. Несколько домов располагались за пределами изгороди [Balard, 1973, p. 45].

В итоге осады города войсками золотоордынского хана Тохты в 1308 г. Каффа была оставлена жителями. После 1316 г. колонисты возвращаются, и начинается строительство новой каменной оборонительной стены, которое значительно изменит внешний облик и статус города. Со времени её возведения в средневековой Каффе появляются две основных градообразующих части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели, и городские кварталы, расположенные за её пределами (бург) (рис. 5) [Бочаров, 1998, с. 96]. Площадь укреплённой городской территории составила 11,3 га. Фортификационные работы будут продолжены в 1383–1389 гг. строительством внешнего оборонительного кольца вокруг бурга (площадь вновь укреплённой территории 82,0 га). После этого городской пейзаж Каффы приобретёт свой законченный вид: квартальная застройка внутри цитадели, кварталы внутри оборонительного кольца (burg) и неукреплённое предместье – антибург (antiburg) (рис. 6) [Бочаров, 2015б, с. 819].

В Каффе XIV-XV вв. в городских кварталах проживали представители разных народов и нескольких религиозных групп. В этот период в городском пейзаже доминировали христианские храмы трёх основных конфессий - католической, православной (византийской) и армянской. Были два иудаистских молельных дома и одна мечеть [Бочаров, 2015б, с. 821]. К концу XIV в. город достиг наивысшего расцвета, его общая площадь составляла 120 га [Бочаров, 2017а, с. 58]. На протяжении 2-й пол. XIV – 1-й пол. XV вв. Каффа играла ведущую роль не только в торговой, но и политической жизни Черноморского региона. Однако, после захвата турками Константинополя в 1453 г. сообщение между колониями и Лигурией стало затруднительным, в связи с чем начинается постепенный спад городской жизни и отток населения. В ноябре 1453 г. коммуна Генуи за сумму в 5500 ливров передала свои владения в Северном Причерноморье Банку св. Георгия. А уже в следующем 1454 г. турецкий флот подошёл к стенам Каффы, но военного столкновения удалось избежать - город вынужденно признал свою зависимость от османского султана и обязывался ежегодно выплачивать дань [Мыц, 2009, с. 237-239].

Ещё в середине XIV в. складывается сельская округа города (campania), которая занимала территорию вдоль восточного побережья Крыма на 30 км в длину и на 3,0 – 9,0 км в ширину (рис. 4). Кампанья Каффы состояла из семи селений, три из которых возникли еще в предыдущий византийский период (Калиера, Посидима, Провато) [Бочаров, 2015в, с. 93; Бочаров, 2017в, с. 410], одно в золотоордынский (Отуз), а еще три появились при генуэзцах (Тепе-Оба, Тихая бухта, Падилкой). Кроме того, в сельской округе находились два греческих монастыря (св. Петра и св. Георгия) и один армянский (св. Иоанна Предтечи), а также один замок (Калиера), [Бочаров, 2011, с. 138–145; Бочаров, 2015в, с. 83-84].

Вторым в Крыму генуэзским городом по величине, количеству населения и административному значению была Солдайя (совр. Судак) (рис. 4). Этот бывший византийский город под монгольским управлением был главным торговым конкурентом Каффы с конца XIII в. до 3-й четв. XIV в. [Nystazopoulou Pélékidis, 1970, с. 17]. В 1365 г. генуэзцы захватывают у Золотой Ордой Солдайю и 18 селений её округи, в ходе чего ликвидируют свой главный порт-конкурент [Pistarono, 1988, с. 214]. Городская территория Солдайи площадью 29,4 га включала цитадель (castrum Sancti Elie) (рис. 7) площадью ок. 0,21 га; кварталы площадью 12,9 га, защищённые внешней оборонительной линией, возведённой в 1385-1414 гг. (castrum Sancti Cristi), протяжённость которой составляла 925 м; портовый район площадью 5,7 га, огороженный отдельной каменной стеной протяжённостью 255 м [Бочаров, 2017г, с. 110], а также неукреплённый пригород площадью 3,6 га (рис. 8) [Бочаров, Масловский, 2015, с. 40–41]. Администрация Каффы не использовала Солдайю в качестве международного морского порта, роль города была сведена к региональному сельскохозяйственному центру и ключевому фортификационному узлу. Сельская округа города сформировалась ещё в византийский период (XI–XIII вв.) и перешла к генуэзцам уже в сложившемся виде. Она состояла из 18 селений. Солдайское консульство занимало приморскую территорию южного склона восточной части Главной гряды Крымских гор на протяжении 50 км (рис. 4) [Бочаров, 2005, с. 282–294].

Третьим по величине крымским городом генуэзцев был Чембало (совр. Балаклава) (рис. 4). Первое упоминание о генуэзском консуле в этом городе относится к 1347–1349 гг. [Карпов, 2015, с. 39]. На первом этапе в 40-х гг. XIV в. Чембало был укреплён земляными рвом и валом с деревянным палисадом [Адаксина, Мыц, 2015, с. 14], а строительство каменной цитадели на горе Кастрон началось в 1357 г. (площадь 0,16 га). У входа в бухту между 1386–1388 гг. генуэзцы построили вторую цитадель (замок св. Николая) площадью 0,18 га. Городской пейзаж претерпевает значительные изменения во время войны [Papacostea, 2006, с. 259–276] с крымской поствизантийской сеньорией Феодоро в 20-30-х гг. XV в.: каменная крепостная стена протяжённостью 1080 м (castrum Sancti Cristi) приходит на смену земляным оборонительным сооружениям, а общая площадь укреплённой городской территории увеличилась до 3,3 га (рис. 9) [Адаксина, Мыц, 2015, с. 12–18]. Неукреплённый пригород, площадью 2,8 га находился на восточном берегу бухты (рис. 10). Чембало играл важную роль в снабжении Каффы продовольствием и обороне западных границ Генуэзской Газарии, был административным центром значительной территории с греческим (поствизантийским) населением. Кроме того, он был центром сельской округи (рис. 4), состоявшей из более чем 10 селений и 4-х греческих монастырей [Бочаров, 2017д, с. 210].

Воспоро (современная Керчь) – четвёртый город, подчинённый генуэзцам в Крыму (рис. 4). Точная дата основания генуэзского консульства в городе неизвестна. Крепостные сооружения города возводились в два этапа. Цитадель была построена во 2-й пол. 60-х гг. XIV в. Затем, в середине 1380–90-х гг. цитадель была усилена оборонительной линией и рвом, защищавшим городские кварталы. Одновременно возводятся внешнее оборонительное кольцо, внешняя крепостная линия и городской ров. Площадь укреплённой городской территории составила 3,52 га (рис. 11). Западнее крепости располагался неукреплённый пригород (площадью 2,4 га) [Бочаров, 2015а, с. 143]. Такие значительные крепостные сооружения использовались для обеспечения генуэзского превосходства в Керченском проли-

ве. Крепость Воспоро контролировала все торговые пути с полуострова на Северный Кавказ, а также основную морскую торговую магистраль в Азовское море [Bocharov, 2015, p. 452]. В результате археологических разведок экспедиции «Каффа» на Керченском п-ове удалось локализовать 8 селений отмеченных на портоланах XIII-XIV вв., которые были зависимы от города Воспоро (рис. 4) [Бочаров, 2013, с. 37–40; Бочаров, 2016б, с. 157].

Помимо крупных городов с их сельскими округами генуэзцы владели в Крыму небольшими населенными пунктами в прибрежной полосе. В период 1365-1380 гг. переходят под власть Генуи территории Южного берега Крыма с 13-ю селениями [Бочаров, 2009, с. 109; Бочаров, 2012, с. 111]. Это прибрежная территория, протянувшаяся на 100 км с запада на восток от мыса Сарыч до долины реки Сотера (рис. 4). Административное деление Южнобережья состояло из пяти консульств с центрами в Алуште, Партените, Гурзуфе, Ялте и Симеизе (рис. 4). В этих пяти селениях в конце XIV – начале XV вв7 генуэзцы строят приморские замки для резиденций консулов [Бочаров, 2004, с. 186-201]. Навигация и, как следствие, морская торговля вдоль берегов Западного Крыма и Тарханкутского п-ова (рис. 4) обеспечивалась сетью из 10 прибрежных поселений, экономически тесно связанных с итальянскими владениями в Северном Причерноморье [Бочаров, Коваль, 2009, с. 45–46].

Итак, к последней четверти XIV в. в Северном Причерноморье Генуэзской республикой было создано новое государственное образование с центром на Крымском п-ове в городе Каффа. Оно, наряду с Золотой Ордой (позднее Крымским ханством) и Византийской (Трапезундской) империей определяло политическую ситуацию в регионе и влияло на все исторические события. При этом, встаёт важнейший вопрос - как называть это политическое образование, и к чему относить его материальные археологические свидетельства?

Сегодня вопросы генуэзского присутствия в Северном Причерноморье на землях, принадлежавших основанному монголами государству Улус Джучи, в зависимости от исследовательского вектора, рассматриваются либо в рамках византиноведения, либо - изучения Золотой Орды [Бочаров, 2017а, с. 60]. До настоящего времени не появилось единого термина, которым можно было бы охватить феномен генуэзского присутствия на Востоке средневековой Европы. В рамках византиноведческих штудий существует общее понятие Латинской Романии: по определению С.П. Карпова, это совокупность владений западноевропейских феодалов, а также итальянских морских республик, Генуи и Венеции, на территории Византийской империи в целом [Карпов, 2000, с. 9]. В отдельные области изучения выделяется Генуэзская Романия [Balard, 1978, p. 6-7], как предмет для исследования всего комплекса присутствия республики св. Георгия на византийских землях. В рамках Генуэзской Романии принято выделять Генуэзскую Газарию. Под термином Генуэзская Газария в подавляющем большинстве случаев понимаются все владения Генуэзской республики на Крымском п-ове. Правильно ли это? По нашему мнению, термин Генуэзская Газария было бы верным применить для всей совокупности генуэзских владений на землях Золотой Орды и особенно для прибрежных северопричерноморских ордынских территорий. Ключевым параметром для Средних веков был вопрос собственности на землю. Исходя из этого критерия, правильным будет определить Генуэзскую Газарию как отдельное политическое образование, поскольку разрешение на обустройство своих поселений в Северном Причерноморье республика св. Георгия получала не от византийских императоров, а от ханов Золотой Орды. Новые поселения располагались не в византийских владениях, а на землях золотоордынского государства и на тех условиях, которые выдвигали правители этой страны. Основное отличие между Генуэзской Газарией и Генуэзской Романией состоит именно в этом пункте – кто был собственником тех земель, на которых генуэзские торговцы обустраивали свои поселения. В политическом отношении это были автономные образования в Северном Причерноморье, подчинённые Генуэзской Республике, которые по способу управления М. Баларом были определены как латинократии [Balard, 1998, 17-18].

В географическом выражении это территория северного побережья Чёрного моря (включая крымское) и все побережье Азовского моря с близлежащими территориями от устья Дуная с городами Килия и Ликостомо до Геленджикской бухты (пункт Мавро Лако).

На западе они были ограничены в разные периоды землями Византийской империи, затем Второго Болгарского царства, позднее Молдавского княжества, а на востоке - прибрежными территориями Грузинского царства. Чётких государственных границ в прямом смысле у этой территории не было (рис. 1). Генуэзская Газария охватывала прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, а после середины XV в. – под властью их преемников. В золотоордынских городах генуэзцы получали отдельные кварталы и пользовались автономными правами, основывали на побережье свои поселения или пользовались прибрежными гаванями для закупок различных товаров, в первую очередь, зерна. Исключение составлял Крым, где генуэзцы обустроили целую систему городов с сельскими округами, с чёткими административными границами (рис. 4) [Бочаров, 2016, с. 263]. Предмет археологического изучения Генуэзской Газарии - вся совокупность материальных свидетельств генуэзского присутствия на очерченной территории – культурные напластования городов, селений, якорных стоянок и некрополей, иных памятников в хронологических рамках XIII–XV вв. Армия и флот Османского султана Мехмета II под руководством великого визиря Гедик Ахмед паши при поддержке татар в 1475 г. захватывает Каффу и все генуэзские владения на Крымском полуострове, в Приазовье и на Западном Кавказе [Мыц, 2009, с. 419-498]. Последними, в 1484 г., падут входившие в состав Молдавского княжества города Монкастро и Килия [Гонца 1984: 33-34, 85]. Так закончится эпоха генуэзского присутствия в Северном Причерноморье, и политическое образование Генуэзская Газария исчезнет с исторической арены.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАШ	-	Высшая антропологическая школа. Кишинёв.
ИИ АН РТ	-	Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
КалГУ	-	Калмыцкий государственный университет им. В.В. Городовикова. Элиста.
КГИАМЗ	-	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. Краснодар.
РГУ	-	Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону.
ЮНЦ РАН	-	Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.

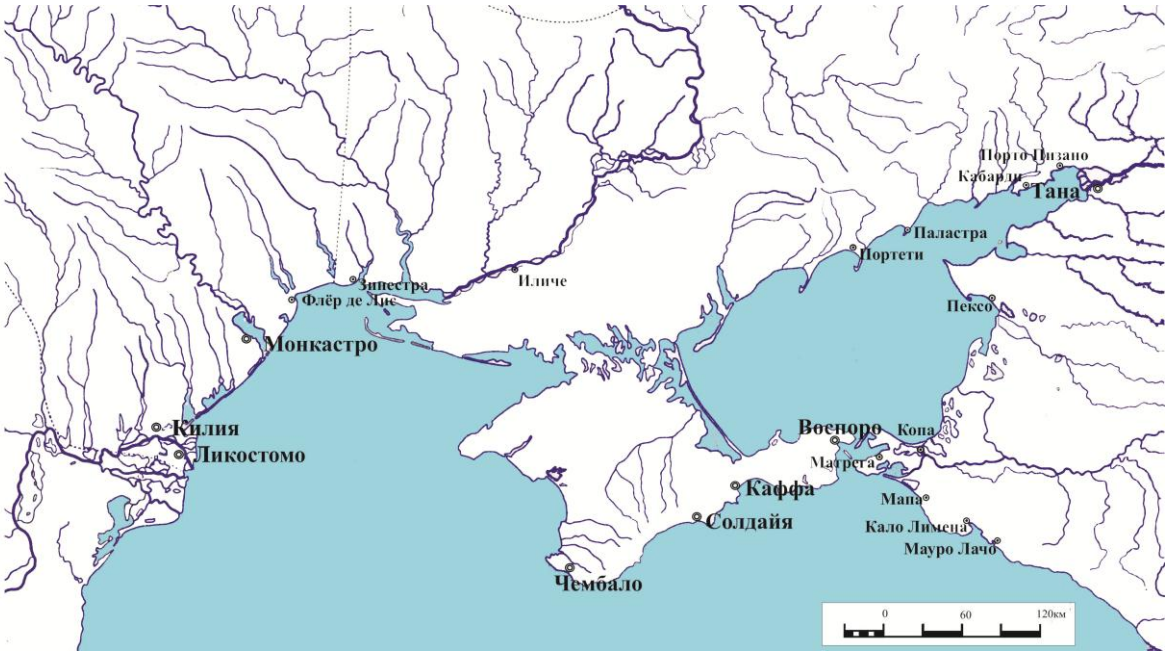

Рис. 1. Карта Северного Причерноморья с городами, селениями и гаванями Генуэзской Газарии в XIII-XV вв., упоминаемыми в тексте статьи

Fig. 1. The map of the Northern Black Sea Region with the cities, villages and harbors of the Genoese Gazaria in the 13th-15th centuries, mentioned in the text of the article

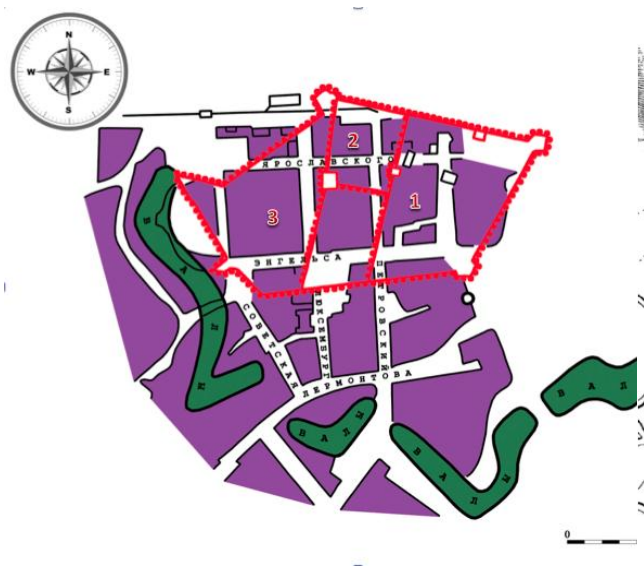

Рис. 2. Привязка к местности каменных стен крепости османского Азака. 1 - укрепления венецианской Таны (Френк-Хисар), 2 – предположительно генуэзский замок (Орта-Хисар), 3 – Топрак-Кале [по Волков, 1992, рис. 3]

Fig. 2. Localization of the stone walls of the fortress of the Ottoman Azak. 1 - fortifications of the Venetian Tana (Frank Hissar), 2 - supposedly Genoese castle (Orta-Hisar), 3 - Toprak-Kale [after Volkov, 1992, fig. 3]

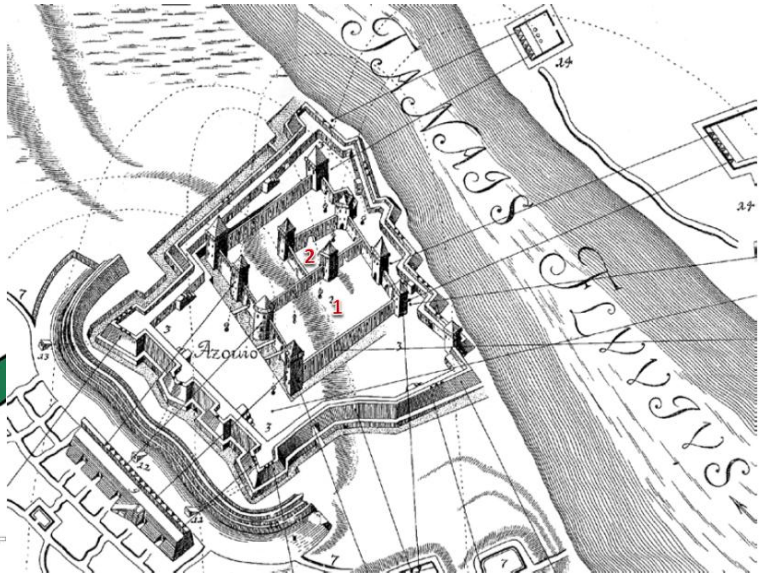

Рис. 3. План осады Азова в 1696 г. из дневника И.Г. Корба (1698 г.) на котором показаны каменные стены османской крепости Азак. 1 - укрепления венецианской Таны (Френк-Хисар), 2 – предположительно генуэзский замок (Орта-Хисар) [по Аваков, Гусач, Дедюлькин, 2016, рис. 2]

Fig. 3. The plan of the siege of Azov in 1696 from I.G. Korb diary (1698), which shows the stone walls of the Ottoman Azak fortress. 1 - fortifications of the Venetian Tana (Frank Hissar), 2 - supposedly Genoese castle (Orta-Hisar) [after Avakov, Gusach, Dedyulkin, 2016, fig. 2]

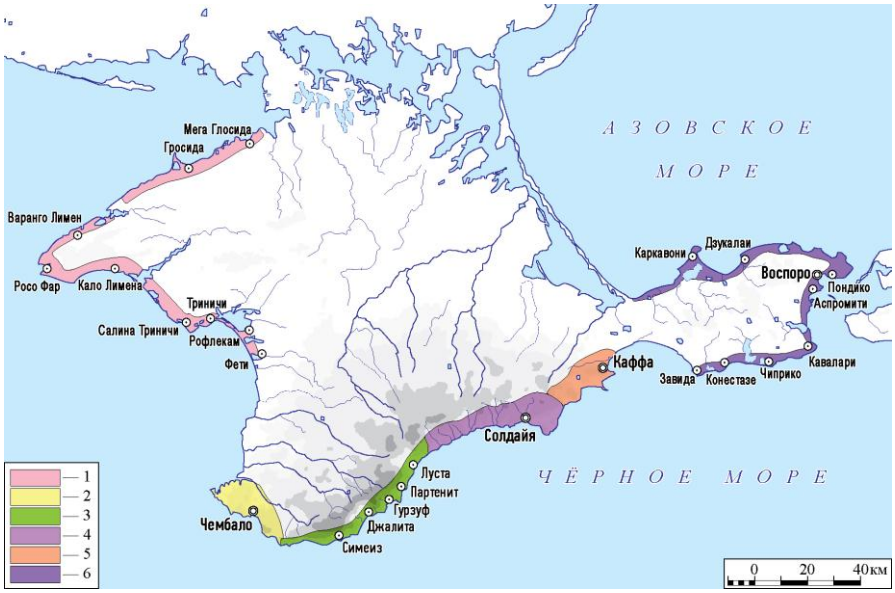

Рис. 4. Карта части Генуэзской Газарии - владений Генуэзской республики на Крымском полуострове в последней четверти XIV в: 1 - генуэзские территории на Тарханкутском полуострове; 2 – консульство Чембальское; 3 – генуэзские владения на Южном берегу Крыма; 4 – консульство Солдайское; 5 – кампания Каффы; 6 – консульство Воспорское

Fig. 4. Map of the part of the Genoese Gazaria - the domain of the Genoese Republic on the Crimean peninsula in the last quarter of the 14th century: 1 - Genoese territory on the Tarkhankut Peninsula; 2 – Consulate of Cembalo; 3 –domain of the Southern Coast of Crimea; 4 – Consulate of Soldaya; 5 – Campania of Caffa; 6 – Consulate of Vosporo

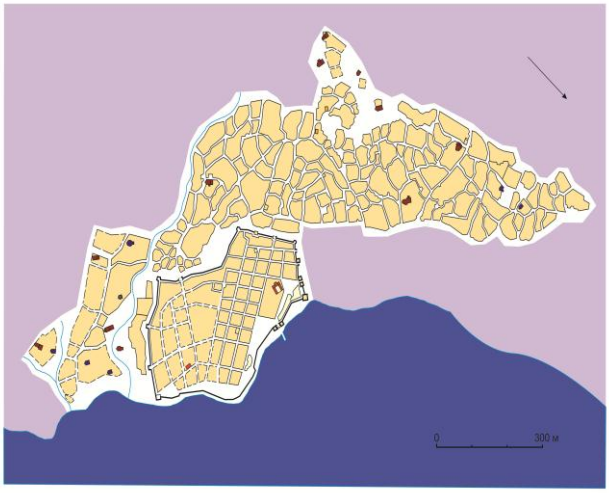

Рис. 5. План Каффы (середина XIV в.)
Fig. 5. The plan of Caffa (middle of the 14th century)

Рис. 6. План Каффы (конец XIV в. – 1475 г.)
Fig. 6. The plan of Caffa (end of the 14th century - 1475)

Рис. 7. Цитадель и внешняя оборонительная линия Солдайи. Вид с северо-запада.
Fig. 7. The citadel and the external defensive line of Soldaya. View from the north-west

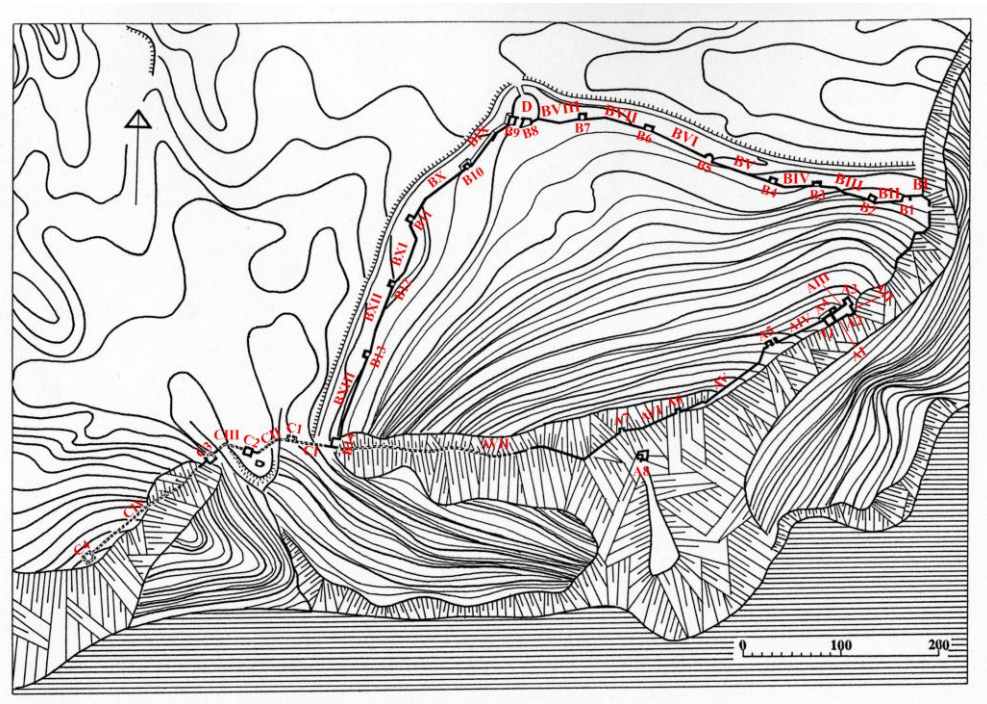

Рис. 8. План крепостных сооружений Солдайи
Fig. 8. The plan of fortifications of Soldaya

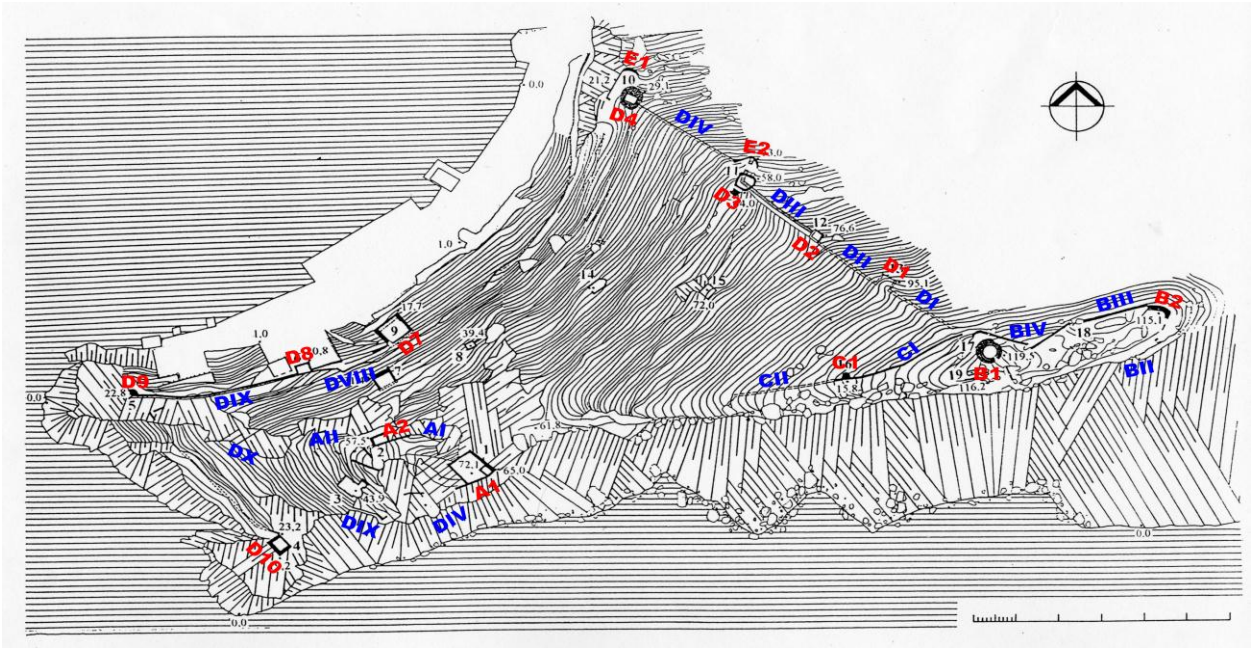

Рис. 9. План крепостных сооружений Чембало [по Адаксина, Мыц, 2015, рис. 1]
Fig. 9. The plan of fortifications of Cembalo [after Adaxin, Mitz, 2015, fig. 1]

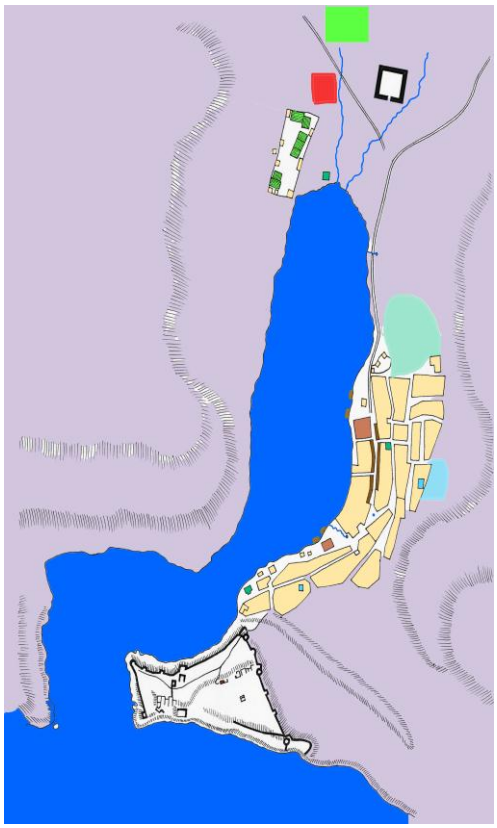

Рис. 10. План застройки неукреплённой части Чембало
Fig. 10. The plan of urban landscape of the unfortified part of Cembalo

Рис. 11. План городской застройки и крепостных сооружений Воспоро.
Fig. 11. The plan of urban landscape and fortifications of Vosporo

Список литературы
References

1. Аваков П.А., Гусач И.Р., Дедюлькин А.В. 2016. На границе империй: османские и российские укрепления Северо-Восточного Приазовья по данным археологии. От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI – XVIII вв. Материалы научной конференции. Отв. ред. Л.А. Беляев, А.В. Юрасов. Москва, Вологда, Русский Север, 379–397.

Avakov P.A., Gusach I.R., Dedyul'kin A.V. 2016. Na granitse imperiy: osmanskie i ros-siyskie ukrepleniya Severo-Vostochnogo Priazov'ya po dannym arkheologii. Ot smuty k imperii. Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI – XVIII vv. Materialy nauchnoy konferentsii. Otv. red. L.A. Belyaev, A.V. Yurasov. Moskva, Vologda, Russkiy Sever, 379–397. (in Russian)

2. Адаксина С.Б., Мыц В.Л. 2015. Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1476 гг.). Таврические Студии. Исторические науки. Симферополь, 7: 12–18.

Adaksina S.B., Myts V.L. 2015. Formirovanie malykh gorodov Genuezskoy Gazarii (na primere faktorii v Chembalo: 1345–1476 gg.). Tavricheskie Studii. Istoricheskie nauki. Simferopol', 7: 12–18. (in Russian)

3. Атанасов Г., Павлов П. 2011. Tataro-Bulgarica – три этюда о болгарско-татарских контактах на Нижнем Дунае в XIII–XIV вв. Археология Евразийских степей. Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, Фолиант, 13: 3-32.

Atanasov G., Pavlov P. 2011. Tataro-Bulgarica – tri etyuda o bolgarsko-tatarskikh kontak-takh na Nizhnem Dunae v XIII–XIV vv. Arkheologiya Evraziyskikh stepey. Otv. red. F.Sh. Khuzin. Kazan', Foliant, 13: 3-32. (in Russian)

4. Барабанов О.Н. 1995. Судебное дело Бруноро Сальвиаго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования. Причерноморье в средние века. Отв. ред. С.П. Карпов. М., МГУ, 2: 127–148.

Barabanov O.N. 1995. Sudebnoe delo Brunoro Sal'viago (Kaffa, 1454 g.). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya. Prichernomor'e v srednie veka. Otv. red. S.P. Karpov. M., MGU, 2: 127–148. (in Russian)

5. Бочаров С.Г. 1998. Фортификационные сооружения Каффы (конец XIII - вторая половина XV вв.). Причерноморье в средние века. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб., Алетейя, 3: 82-117.

Bocharov S.G. 1998. Fortifikatsionnye sooruzheniya Kaffy (konets XIII - vtoraya polovina XV vv.). Prichernomor'e v srednie veka. Otv. red. S.P. Karpov. SPb., Aleteyya, 3: 82-117. (in Russian)

6. Бочаров С. Г. 2004. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма. «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. Отв. ред. В.Л. Мыц. Киев, Стилос, 186–205.

Bocharov S. G. 2004. Zametki po istoricheskoy geografii genuezskoy Gazarii XIV–XV vv. Yuzhnyy bereg Kryma. «O drevnostyakh Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh». Sbornik nauchnykh trudov po materialam konferentsii v chest' 210-letiya so dnya rozhdeniya P.I. Keppena. Otv. red. V.L. Myts. Kiev, Stilos, 186–205. (in Russian)

7. Бочаров С.Г. 2005. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское. Античная древность и средние века. Екатеринбург, 36: 282 – 294.

Bocharov S.G. 2005. Zametki po istoricheskoy geografii genuezskoy Gazarii XIV–XV vv. Konsul'stvo Soldayskoe. Antichnaya drevnost' i srednie veka. Ekaterinburg, 36: 282–294. (in Russian)

8. Бочаров С.Г. 2009. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар. Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье. Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь, Издательство А.Э. Барановского, 108–114.

Bocharov S.G. 2009. Predvaritel'nye rezul'taty arkheologicheskogo issledovaniya ukreple-niya Uchansu-Isar. Vzaimootnosheniya Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu i srednevekov'e. Otv. red. S.G. Bocharov, V. Kozhokaru. Simferopol', Izdatel'stvo A.E. Baranov-skogo, 108–114. (in Russian)

9. Бочаров С.Г. 2011. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV—XV веков (Кампанья Каффы). Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Отв. ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань, ИИ АН РТ, 137–145.

Bocharov S.G. 2011. Zametki po istoricheskoy geografii Genuezskoy Gazarii XIV—XV vekov (Kampan'ya Kaffy). Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na evraziyskom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya G.A. Fedorova-Davydova. Otv. red. D.V. Vasil'ev, Yu.A. Zeleneev, A.G. Sitdikov. Kazan', II AN RT, 137–145. (in Russian)

11. Бочаров С.Г. 2012. Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году. Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого археологического кружка Казанского университета. Отв. ред. Д.А. Сташенков. Казань, ИИ АН РТ, 109–121.

Bocharov S.G. 2012. Arkheologicheskie issledovaniya srednevekovogo zamka Gelin-Kaya v 2006 godu. Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ya. K 65-letiyu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta. Otv. red. D.A. Stashenkov. Kazan', II AN RT, 109–121. (in Russian)

12. Бочаров С.Г. 2013. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани. Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции. Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар, Изд. Экоинвест, 37–40.

Bocharov S.G. 2013. Poseleniya XIII–XV vv. na poberezh'e Kerchenskogo poluostrova – svyazi s regionom Kubani. Materialy Shestoy Kubanskoy Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii. Otv. red. I.I. Marchenko. Krasnodar, Izd. Ekoinvest, 37–40. (in Russian)

13. Бочаров С.Г. 2015а. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро. Причерноморье в средние века. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб., Алетейя, 9: 127-148

Bocharov S.G. 2015a. Fortifikatsionnye sooruzheniya genuezskogo Vosporo. Prichernomor'e v srednie veka. Otv. red. S.P. Karpov. SPb., Aleteyya, 9: 127-148. (in Russian)

14. Бочаров С.Г. 2015б. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. Былые годы (Bylye Gody). 38-1: 808–824.

Bocharov S.G. 2015b. Genuezskie vladeniya v Krymu vo vtoroy polovine XIV v. Bylye gody (Bylye Gody). 38-1: 808–824. (in Russian)

15. Бочаров С.Г. 2015в. Генуэзский замок Калиера. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Симферополь, Кишинев, Stratum plus, 47–99.

Bocharov S.G. 2015v. Genuezskiy zamok Kaliera. Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda. Otv. red. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan', Simferopol', Kishinev, Stratum plus, 47–99. (in Russian)

16. Бочаров С.Г. 2016а. Историческая география Генуэзской Газарии. Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинёв, Stratum plus, 263–269.

Bocharov S.G. 2016a. Istoricheskaya geografiya Genuezskoy Gazarii. Dialog gorodskoy i stepnoy kul'tur na Evraziyskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy. Materialy VII Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati G.A. Fedorova-Davydova. Otv. red. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kishinev, Stratum plus, 263–269. (in Russian)

17. Бочаров С.Г. 2016б. Средневековое сеение Дзукалаи на Керченском полуострове. Поволжская Археология. Казань, 4: 88–103.

Bocharov S.G. 2016b. Srednevekovoe seenie Dzukalai na Kerchenskom poluostrove. Povolzhskaya Arkheologiya. Kazan', 4: 88–103. (in Russian)

18. Бочаров С.Г. 2017а. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание. Труды III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западном: движение культур, технологий и империй». Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток, Дальнаука, 57-63.

Bocharov S.G. 2017a. Arkheologiya Latinskoy Gazarii: opredelenie termina i nauchnoe soderzhanie. Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey «Mezhdu Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologiy i imperiy». Otv. red. N.N. Kradin, A.G. Sitdikov. Vladivostok, Dal'nauka, 57-63. (in Russian)

19. Бочаров С.Г. 2017б. Археология Венецианской Газарии XIII-XV вв. Определение термина и научное содержание. Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск, 4: 233-249.

Bocharov S.G. 2017b. Arkheologiya Venetsianskoy Gazarii XIII-XV vv. Opredelenie termina i nauchnoe soderzhanie. Problemy istorii, filologii, kul'tury. Magnitogorsk, 4: 233-249. (in Russian)

20. Бочаров С.Г. 2017в. Селение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII–XIV вв.). Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X-XVIII вв. Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев, Stratum plus, 2: 409–447.

Bocharov S.G. 2017v. Selenie Posidima v Yugo-Vostochnom Krymu i ego keramicheskiy kompleks (rubezh XIII–XIV vv.). Polivnaya keramika Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya v X-XVIII vv. Otv. red. S.G. Bocharov, V. Fransua, A.G. Sitdikov. Kazan', Kishinev, Stratum plus, 2: 409–447. (in Russian)

21. Бочаров С.Г. 2017г. Фортификация генуэзских городов Крыма. Вопросы истории фортификации. Отв. ред. К.С. Носов. М., СПб., Остров, 6: 106–111.

Bocharov S.G. 2017g. Fortifikatsiya genuezskikh gorodov Kryma. Voprosy istorii fortifikatsii. Otv. red. K.S. Nosov. M., SPb., Ostrov, 6: 106–111. (in Russian)

22. Бочаров С.Г. 2017д. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Чембальское. Поволжская археология. 2: 204–223.

Bocharov S.G. 2017d. Zametki po istoricheskoy geografii Genuezskoy Gazarii XIV–XV vv. Konsul'stvo Chembal'skoe. Povolzhskaya arkheologiya. 2: 204–223. (in Russian)

23. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. 2009. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV вв. (Западный Крым). Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей. Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Казань, ИИ АН РТ, 45–46.

Bocharov S.G., Koval' V.Yu. 2009. Zametki po istoricheskoy geografii Genuezskoy Gazarii XIV-XV vv. (Zapadnyy Krym). Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa po arkheologii Evraziyskikh stepey. Otv. red. A.G. Sitdikov, Kazan', II AN RT, 45–46. (in Russian)

24. Бочаров С.Г., Масловский А.Н. 2015. Солхатская война и её отражение в генуэзской фортификации Восточного Крыма. Крым в войнах России. Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, ЮНЦ РАН, 38–45.

Bocharov S.G., Maslovskiy A.N. 2015. Solkhatskaya voyna i ee otrazhenie v genuezskoy fortifikatsii Vostochnogo Kryma. Krym v voynakh Rossii. Otv. red. G.G. Matishov. Rostov-na-Donu, YuNTs RAN, 38–45. (in Russian)

25. Волков И.В. 1992. Азовская крепость глазами Эвлии Челеби и русских военных топографов XVII–XVIII вв. Историческая география Дона и Северного Кавказа. Отв. ред. В.Е. Максименко, В.Н. Королёв. Ростов-на-Дону, РГУ, 83–94.

Volkov I.V. 1992. Azovskaya krepost' glazami Evlii Chelebi i russkikh voennykh topografov XVII–XVIII vv. Istoricheskaya geografiya Dona i Severnogo Kavkaza. Otv. red. V.E. Maksimenko, V.N. Korolev. Rostov-na-Donu, RGU, 83–94. (in Russian)

26. Волков И.В. 1998. О возможностях локализации Копы (Копарио – Ло Копа). Древности Кубани. Краснодар, КГИАМЗ, 12:14-42.

Volkov I.V. 1998. O vozmozhnostyakh lokalizatsii Kopy (Kopario – Lo Kopa). Drevnosti Kubani. Krasnodar, KGIAMZ, 12:14-42. (in Russian)

27. Гонца Г.В. 1984. Молдавия и Османская агрессия в последней четверти XV – первой трети XVI века. Кишинёв, Штиница, 150.

Gontsa G.V. 1984. Moldaviya i Osmanskaya agressiya v posledney chetverti XV – pervoy treti XVI veka. Kishinev, Shtinitsa, 150. (in Russian)

28. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. 1938. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. Исторические записки. М., 3: 72-129.

Zevakin E.S., Penchko N.A. 1938. Ocherki po istorii genuezskikh koloniy na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vv. Istoricheskie zapiski. M., 3: 72-129. (in Russian)

29. Карпов С.П. 1997. Когда и как возникла Тана (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине). Византийский Временник. Т. 57(82): 5–18.

Karpov S.P. 1997. Kogda i kak voznikla Tana (O proiskhozhdenii ital'yanskoy faktorii na vizantiyskoy okraine). Vizantiyskiy Vremennik. T. 57(82): 5–18. (in Russian)

30. Карпов С.П. 2000. Латинская Романия. СПб., Алетейя, 256.

Karpov S.P. 2000. Latinskaya Romaniya. SPb., Aleteyya, 256. (in Russian)

31. Карпов С.П. 2015. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. Причерноморье в средние века. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб., Алетейя, 9: 7–42.

Karpov S.P. 2015. Ital'yanskie morskie respubliki i Zolotaya Orda. Krizis 1343–1349 gg. Prichernomor'e v srednie veka. Otv. red. S.P. Karpov. SPb., Aleteyya, 9: 7–42. (in Russian)

32. Ковалевский М.М. 1905. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV в. Труды XII Археологического съезда. М., 2: 109–174.

Kovalevskiy M.M. 1905. K ranney istorii Azova. Venetsianskaya i genuezskaya kolonii v Tane v XIV v. Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda. M., 2: 109–174. (in Russian)

33. Масловский А.Н. 2016. Структура золотоордынского Азака. Городские районы и их изменения во времени. Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции. Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста, КалмГУ, 237–242.

Maslovskiy A.N. 2016. Struktura zolotoordynskogo Azaka. Gorodskie rayony i ikh izmeneniya vo vremeni. Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. Materialy V Mezhdunarodnoy Nizhnevolzhskoy arkheologicheskoy konferentsii. Otv. red. P.M. Kol'tsov. Elista, KalmGU, 237–242. (in Russian)

34. Мыц В. Л. 2009. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, Универсум, 528.

Myts V. L. 2009. Kaffa i Feodoro v XV veke. Kontakty i konflikty. Simferopol', Uni-versum, 528. (in Russian)

35. Пономарёв Л.А. 2005. Путеводитель по рукописям массарии Каффы 1374 г. Причерноморье в средние века. Отв. ред. С.П. Карпов. СПб., Алетейя, 6: 41–138.

Ponomarev L.A. 2005. Putevoditel' po rukopisyam massarii Kaffy 1374 g. Prichernomor'e v srednie veka. Otv. red. S.P. Karpov. SPb., Aleteyya, 6: 41–138. (in Russian)

36. Русев Н.Д. 1999. На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. Кишинёв, ВАШ, 240.

Rusev N.D. 1999. Na grani mirov i epokh. Goroda nizoviy Dunaya i Dnestra v kontse XIII – XIV vv. Kishinev, VASh, 240. (in Russian)

37. Русев Н.Д. 2015. Два варианта городской истории средневекового Причерноморья – Белгород и Олешье. Генуэзская Газария и Золотая Орда. Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Симферополь, Кишинев, Stratum plus, 19–38.

Rusev N.D. 2015. Dva varianta gorodskoy istorii srednevekovogo Prichernomor'ya – Belgorod i Olesh'e. Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda. Otv. red. S.G. Bocharov, A.G. Sitdikov. Kazan', Simferopol', Kishinev, Stratum plus, 19–38. (in Russian)

38. Фоменко И.К. 2007. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М., Индрик, 408.

Fomenko I.K. 2007. Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII – XVII v. M., Indrik, 408. (in Russian)

39. Устав 1863. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Пер., вступит. статья и примечания В.Н. Юргевича. Записки Одесского общества истории и древностей. V: 629-857.

Ustav 1863. Ustav dlya genuezskikh koloniy v Chernom more, izdannyy v Genue v 1449 g. Per., vstupit. stat'ya i primechaniya V.N. Yurgevicha. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. V: 629-857. (in Russian)

40. Эвлия Челеби 1979. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., Наука, 2 288.

Evliya Chelebi 1979. Kniga puteshestviya (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v.). Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. M., Nauka, 2 288. (in Russian)

41. Balard M. 1973. Gênes et l'Outre-Mer. T.I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. Paris, La Haye, 420.

42. Balard M. 1978. La Romanie Génoise (XIII e — début du XV e siècle). T. I. Rome: École Française de Rome; Genova: Societá Ligure di Storia Patria, 494.

43. Balard M. 1980. Gênes et l'Outre-Mer. T.II: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo 1360. Paris, La Haye, 209.

44. Balard M. 1998. État de la recherché sur la Latinocratie Méditerranée Orientale. In: Ricci e Poveri nella Società dell'Oriente Grecolatino. A cura di C. Maltezou. Venezia, Giglio: 17-36.

45. Balbi G., Raiteri S. 1973. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, Istituto Internazionale Studi Liguri, 242.

46. Bocharov S. 2015. Vosporo fortress in the system of Genoese fortification of the Crimean peninsula of 14th – 15th centuries. Classica et Christiana. Voi. 10. Yassi: 443– 459.

47. Nystazopoulou Pélékidis M. 1970. Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle. Thesaurismata. Vol. 7: 15-51.

48. Papacostea Ş. 2006. La Mer Noire carrefour des grandes routes intercontinentales 1204–1453. Bucureşti, Biblioteca de istorie, Institutul Cultural Roman, 379.

49. Pistarino G. 1988. I Gin dell'Oltremare. Genova. Civico Istituto Colombiano, Studi e Testi - Serie Storica, 11. Genova, 512.

50. Nicephori Gregorae 1830. Historiae Bizantinae // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Pars XIX. Vol. II. Bonnae: 681-687.

УДК 942.055; 316.485.2; 81.2
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-49-55

ENGLISH PEASANTS AND AGRARIAN POLICY OF THE TUDORS AND THE FIRST STUARTS: LEGISLATION AND PEASANT MENTALITY THROUGH SOCIAL CONFLICT COMMUNICATION (1550–1640-s)

АНГЛИЙСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ТЮДОРОВ И ПЕРВЫХ СТЮАРТОВ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И КРЕСТЬЯНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ (1550–1640 гГ.)

V.P. Mitrophanov, E.Y. Aleshina
В.П. Митрофанов, Е.Ю. Алешина

Пензенский государственный университет,
440026, Россия, г. Пенза. ул. Красная, 40

Penza State University
40, Krasnaya str., 440026,Penza, Russia,

E-mail: alcatherine@yandex.ru, vm@england.ru

Аннотация
В статье отмечается сущность социальных конфликтов, в которых участвовали крестьяне в период 1550-1640 гг., их составные компоненты в контексте междициплинарного подхода. Анализ источников и современных текстов в историографическом контексте позволяет авторам выявить характерные черты крестьянского менталитета (исторической социальной психологии) позднесредневековой Англии в отношении процесса огораживаний, законодательства об огораживаниях и аграрной политики монархии в целом. Преимущественное внимание уделено аграрной политике Тюдоров и первых Стюартов накануне Английской буржуазной революции.

Abstract
The article focuses on the essence of social conflicts involving peasants in the period of 1550-1640-s and the constituents of these conflicts. The analysis of contemporary texts enables the authors to reveal the characteristic features of the peasant mentality in their attitude to enclosures, enclosure legislation and the monarchy's agrarian policy as a whole. English-speaking historians highlighted the peasants' reaction to enclosures in legal forms, but the special studies of this aspect are scarce. They paid more attention to the gentry's attitude to the agrarian legislation of the Tudors and the first Stuarts. Moreover, it is noteworthy that some of them approached or partly studied this aspect of peasant history in their studies of agrarian history of 16th-17th century England. The statutes on restriction of enclosures, some of which were passed in Parliament and others which were extended until the next session, surely considered the interest of peasants holding full allotments (not less than 20 acres). Formally, the laws did not suppose any difference between freeholders and copyholders and, on the whole, offered them good opportunities to search for protection from the gentry's and landlords' illegal land grab in courts of common law and courts of justice. For the peasants, this made it possible to solve the conflicts by peaceful means. Meanwhile, in the peasants' social consciousness, a non-peaceful way of solving conflicts through revolts and insurgencies became more acceptable.

Ключевые слова: Статуты, огораживания, крестьяне, Парламент, пахотные земли, менталитет, социальный конфликт.
Key words: Statutes, enclosures, peasants, Parliament, plough-lands, mentality, social conflict.

English-speaking historians highlighted the peasants' reaction to enclosures in legal forms, but the special studies of this aspect are scarce. They paid more attention to the gentry's attitude to the agrarian legislation of the Tudors and the first Stuarts. Moreover, it is noteworthy that some of them approached or partly studied this aspect of peasant history in their studies of agrarian history of 16th-17th century England. Many peasant petitions and other documents con-

tain information on the issue under study, and offer a deeper understanding of peasant mentality, particularly which component of conflict situations drove them to riot and revolt. The peasant attitudes in conflict can be revealed through an analysis of primary sources dated 1550-1640 [Calendar of State Papers. Domestic series. Vols. 1547-1640, 1867, p. 18-21, 22, 23, 25, 26 etc. (Hereafter: CSPD)]. The classic conflict structure model includes the following components: direct conflict parties (two or more); the object of conflict; indirect conflict parties (organizers, instigators); third party (mediators); social environment. The conflict specifics are determined by the situation that gives rise to the conflict as well as by the "*time slice*" in the historical background. The text of a conflict situation can be analyzed from the perspective of its information and communication properties. Communication characteristics of the text dicteme [Coser, 1956, p. 56-67] (a thematic unit of the text) can help reveal the types of information actualized in the given text and aid in analyzing the language framework of its formation. The information complex of a dicteme as well as speech acts realized in the dicteme determine the type of conflict discourse. Simultaneously, argumentation is an important means of expressing conflict in communication. Text analysis enables us to highlight the most important arguments the peasants shared and expressed. The interdisciplinary approach, supplementing historical background with linguistic properties of conflict discourse, helps to better reveal the characteristics of peasant mentality of the epoch regarding the policies of enclosures.

It should be borne in mind that the peasants certainly knew about the legislation against enclosures. It is another matter entirely how well they understood its complicated and numerous articles. On the whole, it becomes evident from the peasants' petitions and litigations that they tried to make the authorities observe the laws. Still, in their complaints they never referred to the definite articles of statutes and proclamations. This may be regarded not only as their juridical illiteracy but also as a proof of their holistic perception of the legislation. In their complaints and litigations in courts the peasants always highlighted the fact of the "illegality" of enclosures. Thus, one of the entries of the Privy Council dated 1590 states:

"….A griveious complaint has been exhibited unto us by Richard Beckensaw in the behalf of himselfe and 500 person inhabiting within the manor of Highcleare, burcleare and divers other lordships in the Bishoprick of Winchester against Richard Kingsmel, esquire, Surveyour of Here Majesty's Court of Warders and Liveries, concerning the breach of sundry customs, innovations of titles, encrochmentes of pasture, alteration of tenures and other manifold injuries practiced and committed by the said kingsmell to the derogation of th'aucthoryty of Here Majesty laws and the generall disconteutment of Here Majesty subjectes dwelling in those places, which ought in no wise to be tolerated if the suggestions shall be by good proofs verified. Foresmuch as this matter is fitt to be ordered in some Court of Equity, where the testimony of sundry witnesses is to be received for the discovery and manifestation of the truth, we have thought it most expedient to pray your Lordship to take up you the hearing and determination of this variaunce, and with as convenient expedicion as you may to appoint a day certain for that purpose, that the complainants being at the time thereunto prescribed by Your Lordship ready with such proofs as they shall be to produce for the laying open of the pretended oppressions, may receave such justice and redress of the said abuses as Your lordships shall upon examing of the same judge and decree" [Great Britain. Privy Council. Acts of the Privy Council of England. Vol. XX, 1900, p. 160-161 (Hereafter: APC)].

A similar document dated 1586 states:

"…that There Lordships are advertised out of Somersetshire that people inhabiting nere to a peece of ground that the Lord Sturton has begone to inclose, wich has bene alloways time out of minde used as common, to their greate (sic.), do openly shew by their murmuring and discontentement thereof; in respect whreof to avoide gerirg them occasion of furder mislyking at this[time] specially of durth and in these doubtfull times, His Lordship is required to forbeare furder proceeding in his begon inclosure until Their Lordship shall have furder considered thereof " [APC. Vol. 14, 1897, p. 305]. The above excerpts show that peasants regarded the existing practice of enclosures as contradicting the essence of the agrarian legislation. The texts present factual information narrating the cases of violation of the agrarian laws. Meanwhile, the presented text dictemes demonstrate how intellectual information is actualized in the narrative. The intellectual information reflects the flow of the writer's thought (e.g. "*Foresmuch as this matter is fitt to be*

ordered in some Court of Equity, where the testimony of sundry witnesses is to be received for the discovery and manifestation of the truth, we have thought it most expedient to pray your Lordship ...”). The above features, together with communication etiquette norms, are quite common for the narrative of the time. The texts also possess a certain degree of expressivity which is seen through the use of such words as “*grievous*”, “*oppressiveness*”, “*discontent*” that help reveal the peasants’ attitude to enclosures (“*... as they shall be to produce for the laying open of the pretended oppressions, may receave such justice and redress of the said abuses as Your lordships shall upon examing of the same judge and decree*”). At the same time, similar to the time during the Wat Tyler Revolt of 1381, the peasants were seriously convinced that the king was not aware of their plight and demanded that the officials notify the monarch of the real state of affairs. With the transfer from the open-field to allotted land tenure system and destruction of community ties, the peasants were prompted to change their attitude regarding the agrarian legislation and agrarian policy of the Tudors and Stuarts. The process of changing attitudes was also influenced by the eviction of a part of peasants into the marginal layers of paupers. The peasants who became paupers soon forgot about their purely peasant interests. As their return to their former status was impossible, they formed other interests and attitudes to the state policy in the agrarian sphere. There was also a religious impact: the growth of Puritanism, its persecution, and the aspirations for land and religious freedom in the New World were especially common in the first third of the 17th century [Штокмар, 1956, с. 138-168; Штокмар, 1974, с. 124-134; Штокмар, 1981, с. 93-104; Винокурова, Дмитриева, Федосов, 2013, с. 203-204; Винокурова, Дмитриева, 2013; с. 534-536].

It is common knowledge that already during R. Kett’s rebellion in 1549 the peasants demonstrated their mixed attitude to enclosures. It is not by chance that the pamphlet literature of the second half of the 16th century presents more voices supporting enclosures [Семенов, 1949, с. 86-87]. Among English peasantry there existed a legend about the first enclosurer named Aheb. He was described as possessing the meanest of human qualities, such as greediness and avarice. The peasants called him “*the father of enclosurers*” and were sure that he would be excommunicated for his misdeeds [Tawney, 1912, c. 148]. This legend, however, was likely not widespread, because of the peasants’ changing attitude to enclosures and the fact that enclosures by agreement were becoming more common. The name of “the father of enclosurers” is likely to have originated from the Biblical character, Ahab the eighth King of Israel, as a general image of a greedy and self-interested person.

The peasants’ attitude about the agrarian acts also depended on their sense of justice. In the Middle Ages their feelings were traditional and were expressed primarily by their belief in the idea of a generous king and the inviolability of the manorial custom. As it was the monarch who approved the acts to restrict enclosures, the idea of the king’s (or queen’s) being against enclosures was rooted deep in the peasants’ consciousness. The idea was periodically confirmed by royal proclamations about enclosures. This was always highlighted in the preambles of statutes, proclamations and orders [The Statutes of the Realm of England, 1819 (Hereafter: SR); Tudor and Stuart Proclamations. Vol. I, 1910, p. 66, 84, 101, 124 (Hereafter: TSP)]. Thus in one of their petitions to the queen the peasants wrote: *“…also complain of the enclosure of a heath; of 800 acres, by the townsmen of Colchester, by which they, the poor, are utterly spoiled. It is said to be done by leave of Sir Thoms. Heneage; do not think good sir Thomas would give such a leave. Pray for vengeance on them. Beg redress from the Queen, as mother of her subjects…*” [CSPD. Vol. III, 1867, p. 153 no 115]. The extract presents a clear realization of the speech act of complaint. It seemed to the peasants that their attitude to enclosures fully coincided with the queen’s position in this matter. They are asking the queen to punish the enclosurers without providing extra arguments apart from the facts of breaking the law.

This idea was also confirmed by the measures of the Tudor and the first Stuart governments with respect to converting the peasants’ plough-lands into pastures. By distributing committees on investigation of enclosures in 1549, 1565, 1607 and the 1630s around a number of shires, the English monarchs created conditions enabling the peasants to observe these committees working, to be present at the trials, to give testimony before committee members and judges, and to act as claimants and even informers. This can be justified by all sources, directly or indirectly reflecting the activity of various royal committees.

All this contributed to the growing peasants' belief that enclosures were illegal and the government was clearly fighting against them. Bringing to justice and punishing some of the gentry, enclosurers surely reinforced the peasants' assurance. The process of enclosures of plough-lands and eviction of peasants created a base for a social conflict between the peasants and the gentry. On the latter's side were the representatives of local authorities who, according to the peasants, did not follow the right agrarian laws. If this was the case, the legal means of fighting against evil were not efficient enough, and illegal means could not then be considered wrong. It should be taken into consideration that the common law did not contain a detailed classification of crimes. Only three kinds of crimes were defined: treason, felony, and misdemeanor [История государства и права, 1988, с. 256]. Formally, destroying the hedges and other violent actions directed at enclosurers did not match any of the above crimes. This is evidently why the course of numerous local revolts and rebellions testify to the peasants' deep conviction about their actions against enclosurers being legal from the viewpoint of common law [The Victoria History of the Counties of England. A History of the county of Derbyshire, 1907, p. 174; APC. Vol. 13, 1896, p. 338; APC. Vol. 14, 1897, p. 91, 133, 159 etc.; Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable The Marquest of Salisbury, 1892., p. 52]. It is thus clear why the peasants were persistent in asserting their land rights in litigation with enclosurers. The peasants' arguments against enclosures were not restricted to the formula "enclosures are illegal". The key argument in their petitions was a thesis about "the common good of tillage" which had marked the peasant mentality since the 14th century, as reflected in the peasant literature of the time, particularly in the poem by William Langland [Ленгленд, 1941]. In the late 16th century and beginning of the 17th century, this feature was periodically supported by each new statute about restriction of enclosures whose preambles contained a keynote about the benefit of tillage for the state. In the course of parliamentary debate on passing these statutes the members of the House of Commons and the House of Lords used to provide strong arguments [A Compleat Journals of The Notes, Speeches and Debates, Borth of The House of Lords and House of Commons Throughout The Whole Reign Of Queen Elizabeth, 1693, p. 212, 536, 546, 551-552, 674].

The traditional trait of the peasants' sense of justice was to appeal to the common law. This may be seen in their petitions to justice as well as in the numerous and long litigations in the courts of equity where it was difficult to prove who was in the right by referring to the common law. Thus K. Lindly provides an interesting fact when considering the peasant protest against campaigns of drainers in the eastern shires in the 1620s. There were many freeholders who had the rights according to the treaty signed by Sir John Maubray during the reign of Edward III. Sir John Maubray, as lord of the manor, in exchange for peasants' consent to enclose part of the commons, granted them the remaining lands free from any improvements by the lord and his heirs. This contract was dated May 31, 1359, and community members had carefully kept it in the Huxley church in a special iron box. They were sure that neither of the heirs of the lord nor Charles I had the right to capture their communal lands. If someone tried to seize their lands, they revolted. We can thus see that peasants could sometimes submit documents to the court confirming their right to lands their ancestors received in the 14th century, though these were mostly exceptional cases. Most often, peasants were unable to produce similar written confirmations proving their rights, so they resorted in court to the traditional argument stating that they had been commonly using the land "*in times out of memory*". It is interesting that they were aware of the gentry's intentions regarding enclosures and could reveal them at the quarter sessions of corporate royal courts. This was particularly common in the case of intentions to cut parts of royal roads and enclose those lands [Bacon, 1915, p. 27-28]. By doing so, the peasants were hardly taking care of state interests. Their communal interest likely urged them to notify the authorities of the gentry's intentions to cut a piece of the royal road. Royal roads could lie next to community lands and even on those lands, so the enclosures could precede the grabbing of some parts of community lands.

The peasants also used to file complaints to the monarchs about their lords or tenants even in the case of smaller enclosures in their domains. Apart from the typical "*in times out of memory*", they used an argument "*against all the rights and good consent*" [VH. A History of the county of Middlesex, 1969, p. 91]. Their petitions often contained requests for help with returning the lands that the gentry had taken from them and already enclosed [Tudor and Stuart

Proclamations. 1910, p. 30]. Sometimes the monarch of the Privy Council received complaints from peasants of several villages in the neighboring shires. This happened, for instance, in 1577 [Tudor and Stuart Proclamations. 1910, p. 30]. In such cases the Privy Council responded immediately, not only asking the Justice of the Peace and sheriffs to deal with the complaint, but also demanding the urgent, forced reconversion of illegally seized peasant lands and the restoration of peasant households. The Privy Council's motto in these cases could be described as "*the injustice causing hatred of a number of people*", "*the reduction of their conveniences and freedoms which they had been using since time out of memory*" [APC. Vol. IX, 1894, p. 296]. These arguments of the Privy Council lead us to suppose that the usual peasant argumentation for their rights for community lands ("*since time out of memory*") could be considered and accepted by the Privy Council.

Nevertheless, the official policy of the state in relation to enclosures remained ambiguous. In some years during the reign of Elizabeth I and James I, restrictions to enclosures were eliminated (1593-1597, 1604-1607). How did the peasants take such dramatic changes in enclosure policies? Unfortunately, the sources do not contain any direct evidence in this respect. The peasants were likely unaware of the changes as there were no special parliamentary acts regarding abolition of statutes on enclosure restriction in 1593 or 1604. There were no corresponding royal proclamations either. Those parliamentary sessions passed only the statutes on extension or non-extension of previous acts or their separate articles [SR. Vol. IV. Eliz.cap.7, 4 Jac.I. cap.25]. Therefore, it is likely that royal judges, during quarter sessions, and local authorities simply did not inform the peasants which acts or articles were amended. Parish priests were also unable to deal with the juridical specifics and inform the peasants of the new changes in agrarian statutes. They could get complete information on laws and enclosure restrictions only in royal courts of law during enclosure litigation. Obviously, that is the reason why the official documents (state papers, calendars, the Privy Council acts, etc.) do not mention peasant petitions about non-extension or repeal of anti-enclosure acts by Parliament. There exists only one petition to the Queen dated 1593, in which the peasants ask her to protect the plough-lands from the claims of lords (the enclosurers) and also to reduce subsidies and different military service duties [CSPD. Vol. III, 1867, p. 362]. The peasants probably never thought that the king (or queen), their defenders from enclosurers, would allow these acts to be repealed. In 1624, the repeal of the Elizabethan act of 1563 ("*Act on support of agriculture*") did not incite peasant protest due to keeping the similar acts of 1598 ("*Act on support of tillage and plowing*", "*Act against decay of villages and plowing*"), and also because of the spread of enclosures on agreement within the peasantry.

Still, in the 1590s the Queen and her supreme dignitaries received many peasant complaints. They reached a peak in the years 1595-1596, but those were complains about the enclosure process proper and not about the act of 1593 on restriction of enclosures. Before 1593 and after 1598 there were not many peasant complaints about the imperfection and incoherence of those acts. The peasants continued regarding them the way they wanted, neglecting the articles prohibiting conversion of plough-lands into pastures as well as the articles allowing the possibility of enclosures of plough-lands and other lands. This may be viewed as a traditional feature of peasant ideas of justice going back several centuries. Enclosure practices did not reflect the peasants' attitude to state legislation. They noticed the fact that anti-enclosure acts and similar royal proclamations did not always protect them from eviction and enclosures of their plough-lands by landlords while community lands were not protected by common law. Scholars remark that even freeholders, to say nothing of copyholders and cotters, were not guaranteed these protections [Лавровский, 1966, с. 122-165]. The peasants realized that the main obstacle in executing laws against plough-lands, conversion, and support of plowing was the local gentry, especially those who were among local authorities, and, above all, the Justice of the Peace. This gave rise to the peasants' relentless pursuit of fighting the local authorities' and gentry's sabotage in executing the laws, especially during anti-enclosure revolts and insurgencies. Agrarian bills gave them these opportunities through the officially registered institute of informers which existed in every shire and parish. Though the sources do not make it clear who they were, either from peasants or other layers of society, it would be logical to assume that they were mostly villagers who were well aware of the agrarian situation in their manors and parishes. In any case, the statutes did not prevent them from whistle blowing according to the social status. Therefore, they could be peas-

ants who knew the most about enclosures in their parishes. Besides, the law enabled informers to receive part of the fines from enlosurers after the courts' indictment.

It is common knowledge that the second half of the 16th century up until the beginning of the civil wars of the 1640s was marked by numerous peasant uprisings against enclosures. The peasants themselves viewed these uprisings as the last means in making anti-enclosure acts work and solving the conflict. The sources present many cases of organized, collective peasant actions. For example, they could conduct litigations for an extended time, collect money for legal costs, and even hire military squads to protect their lands from the gentry's attempts, among other things. On the whole, it is worth mentioning that the peasants first took the enclosure restriction acts and government measures to carry them out as fair and necessary for protecting their lands from enclosurers. As seen from the texts of official documents, they were convinced of the justice of these acts and government actions. They were deeply convinced that those acts and government actions were directed exclusively against the gentry and bourgeoisie who were involved in grabbing peasant lands. Secondly, peasants perceived only the "*spirit of the laws*" but not their *"letter*". They inattentively read numerous articles, allowing different concessions for enclosurers. Thirdly, in the peasant mentality, enclosures were associated with eviction and depopulation of villages. Naturally they did not wish for that to happen and knew that the monarch and the government did not want it to occur, either. Fourthly, the conflict of agrarian legislation and enclosure practices formed in the peasant mind an idea of fairness and legality concerning their struggle with enclosurers and for keeping their plough lands and community plots both by legal means and revolts. All agrarian policy of English kings and queens of the Tudor and Stuart dynasties only strengthened this idea, which became deeply rooted in peasant mentality.

The statutes on restriction of enclosures, some of which were passed in Parliament and others which were extended until the next session, surely considered the interest of peasants holding full allotments (not less than 20 acres). Formally, the laws did not suppose any difference between freeholders and copyholders and, on the whole, offered them good opportunities to search for protection from the gentry's and landlords' illegal land grab in courts of common law and courts of justice. For the peasants, this made it possible to solve the conflicts by peaceful means. Meanwhile, in the peasants' social consciousness, a non-peaceful way of solving conflicts through revolts and insurgencies became more acceptable.

Список литературы
References

1. Винокурова М.В., Дмитриева О.В., Федосов Д.Г. 2013. Англия, Шотландия и Ирландия в конце XV–XVI вв. Всемирная история: Т.3. Мир в раннее Новое время. Отв. ред. В. А. Ведюшкин и М. А. Юсим. М., Наука, 193-211.

Vinokurova M.V., Dmitrieva O.V., Fedosov D.G. 2013. Anglija, Shotlandija i Irlandija v konce XV–XVI vv. Vsemirnaja istorija: T.3. Mir v rannee Novoe vremja. Otv. red. V.A. Vedjushkin i M.A. Jusim. M., Nauka, 193-211. (in Russian)

2. Винокурова М.В., Дмитриева О.В. 2013. Англия в XVII веке. Всемирная история. Т.3 Мир в раннее Новое время. Отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. М., Наука, 534-552.

Vinokurova M.V., Dmitrieva O.V. 2013. Anglija v XVII veke. Vsemirnaja istorija. T.3 Mir v rannee Novoe vremja. Otv. red. V. A. Vedjushkin, M. A. Jusim. M., Nauka, 534-552. (in Russian)

3. История государства и права зарубежных стран. 1988. Под ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. Часть I. М., Наука, 201-257.

Istorija gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. 1988. Pod red. O. A. Zhidkova i N. A. Krasheninnikovoj. Chast' I. M., Nauka, 201-257. (in Russian)

4. Лавровский В.М. 1966. Исследование по аграрной истории Англии 17-19 вв. М., Наука, 256.

Lavrovskij V.M. 1966. Issledovanie po agrarnoj istorii Anglii 17-19 vv. M., Nauka, 256. (in Russian)

5. Ленгленд, Уильям. 1941. Видение Уильяма о Петре пахаре. Перевод и вступительная статья Д. М. Петрушевского. М.-Л., АН СССР, 274.

Lenglend, Uil'jam. 1941. Videnie Uil'jama o Petre pahare. Perevod i vstupitel'naja stat'ja D. M. Petrushevskogo. M.-L., AN SSSR, 274. (in Russian)

6. Семенов В.Ф. 1949. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. М.-Л., АН СССР, 372.

Semenov V.F. 1949. Ogorazhivanija i krest'janskie dvizhenija v Anglii XVI veka. M.-L., AN SSSR, 372. (in Russian)

7. Штокмар В.В. 1956. Пуританское движение в 70-80-е годы XVI в. в Англии. Ученые записки: Исторические науки. Л., ЛГУ, 21: 138-168.

Shtokmar V.V. 1956. Puritanskoe dvizhenie v 70-80-e gody XVI v. v Anglii. Uchenye zapiski: Istoricheskie nauki. L., LGU, 21: 138-168. (in Russian)

8. Штокмар В.В. 1974. Борьба с пуританами как один из аспектов социальной политики Тюдоров во второй половине XVI в. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., ЛГУ, 1: 124-134.

Shtokmar V.V. 1974. Bor'ba s puritanami kak odin iz aspektov social'noj politiki Tjudorov vo vtoroj polovine XVI v. Problemy social'noj struktury i ideologii sredne-vekovogo obshhestva. L., LGU, 1: 124-134. (in Russian)

9. Штокмар В.В. 1981. Особенности пуританского движения конца XVI – первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией. Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., ЛГУ, 3: 93-104.

Shtokmar V.V. 1981. Osobennosti puritanskogo dvizhenija konca XVI – pervoj treti XVII v. i nachalo konflikta mezhdu puritanami i absoljutnoj monarhiej. Problemy soci-al'noj struktury i ideologii srednevekovogo obshhestva. L., LGU, 3: 93-104. (in Russian)

10. Bacon N. 1915. The official papers of Sir Nathaniel Bacon of Stiffkey, Norfolk as justice of peace 1580-1620 / Ed. by H. W. Sanders. Camden Society. Third Series. L., Stat. off., XXVI: 11-123.

11. Calendar of State Papers. 1867. Domestic series. Vols. 1547-1640 / Ed. by M. A. Everitt Green, etc. L., H.M. Stat.office, Vol. III (1591-1594). L., 699.

12. Calendar of State Papers. 1894. Domestic series. Vol. IV (1595-1597) / Ed. by M. A. Everitt Green and etc. L. H.M. Stat.office, 687.

13. Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable The Marquest of Salisbury. 1892. Preserved at Hatfield House. Herefordshire / Ed. by M. S. Gouseppi and J. Mac. N. Lochie and others. Part IV. L., Stat. off., 717.

14. Coser L. 1956. The Functions of Social Conflict. New York, The Free Press, 188.

15. A Compleat Journals of The Notes, Speeches and Debates, Borth of The House of Lords and House of Commons Throughout The Whole Reign Of Queen Elizabeth. 1693. By D'Ewes. London, 689.

16. Lindly K. 1982. Fenlands Riots and English Revolution. L., Heinemann Education Books, 276.

17. Great Britain. Privy Council. Acts of the Privy Council of England. 1896. Vols. 32 / Ed. by J. R. Dasent. L., Stat. office, 1890-1950; Vol. 13 (1581-1582). L., 507.

18. Great Britain. Privy Council. 1897. Acts of the Privy Council of England. Vol. XIV (1586-1587). L., s.e., 450.

19. Great Britain. Privy Council. 1894. Acts of the Privy Council of England. Vol. IX (1575-1577). L., s.e., 452.

20. Great Britain. Privy Council. 1900. Acts of the Privy Council of England. Vol. XX (1590-1591). L., s.e., 409.

21. Selected Cases in Court of Requests (1489-1569). 1898 // Seldom Society. Publications. Vol. 12 / Ed. by I. S. Leadem. L., Stat. Off., 257.

22. The Statutes of the Realm of England. 1819 / Ed. A. Luders, T.E. Tomplins. Vol. IV. L., s.e., 362.

23. Tawney R.H. 1912. The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. London, New York, Longmans, Green and Co, 438.

24. Tudor and Stuart Proclamations. 1910. Vol. I / Ed. by Robert Steel under direction of the Earl Crawford. Oxford, Clarendon Press, 537.

25. Tudor Royal Proclamations. 1964. Vol. I / Ed. Paul L. Hughes, James F. Larkin. New-Haven; L., 642.

26. Tudor Economic Documents. 1924 / Ed. by R.H. Tawney, E. Power. Vol. I. L., Longmans, Green and Co., 389.

27. The Victoria History of the Counties of England. A History of the county of Derbyshire. 1907. Vol. 2 / Ed. William Henry Page. L., Constable and company limited, 209.

28. The Victoria History of the Counties of England. A History of the county of Yorkshire. 1913. Vol. 3 / Ed. W. H. Page. L., Constable and company limited, 548.

29. The Victoria History of the Counties of England. A History of the county of Middlesex. 1969. Vol. I / Ed. by Cockburn J.S., King H.P.F., McDonnele K.G.T. Oxford, University press, 385.

УДК 94(410)
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-56-60

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА АНГЛИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА ВО ВРЕМЕНА СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

RELIGION POLICY OF ENGLISH PARLIAMENT IN TIMES OF THE GLORIOUS REVOLUTION

О.Е. Шмелева
O.E. Shmeleva

Ивановский государственный университет
Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

Ivanovo State University,
39, Ermaka str., Ivanovo, 153025, Russian Federation

E-mail: shmelevaoe@gmail.com

Аннотация
В статье рассматривается религиозная политика английского парламента во времена «Славной революции» на основе законодательных актов. Подробно анализируются статуты, имеющие отношение к религиозной политике данного периода. Дается их краткое содержание. Как историческое событие «Славная революция» оценивается учеными по-разному. Особенностью современной зарубежной историографии является то, что данное явление исследователи перестали воспринимать и оценивать только как исключительно английское, характеризующееся борьбой придворных парламентских группировок. В современной отечественной историографии данная проблематика изучена недостаточно и представлена, в основном, работами по пограничным темам. Неоспоримым является тот факт, что революция возникла как из-за причин политического характера, так и причин религиозных.

Abstract
This article presents the religion policy of English parliament in times of the Glorious Revolution on the basis of laws. Statutes related to the religious policy of this period are analyzed in detail. The summary is provided. The author comes to a conclusion that, parliament is toughening the basis of religious policy towards people of Catholic faith, but there is another tendency, manifested in increasing loyalty towards people of other faiths. A feature of modern foreign historiography is that researchers have ceased to perceive and evaluate this phenomenon only as exclusively English, characterized by the struggle of court parliamentary groups. In modern national historiography, this problematics has been studied insufficiently and is represented, in the main, by works on border topics. Unquestionable is the fact that the revolution arose both because of the reasons for the political nature and the reasons for religious ones. James II, began to strengthen the position of the Catholic minority in England: in particular, Catholics again got the right to hold public office and head educational institutions. Similarly, the king markedly increased his army, mainly with the help of Scottish and Irish officers of the Catholic faith. Parliament under James II was dissolved. Both parties of the parliament were dissatisfied with the prevailing situation in the country and paved the way for a prepare the riot, as a result of which William III of Orange, the Protestant, became king. An extremely important task in connection with this was to study the changes in the legislative framework with respect to religion in general and to Catholicism in particular. What changes have taken place in the religious sphere, after the King-Protestant ascended to the throne? The author tried to answer these Author is trying answer the questions in this article, and concludes that the parliament is toughening the basis of religious policy towards people of Catholic faith, but at the same time, another tendency is manifested in the manifestation of increasing loyalty towards individuals other denominations. It is also interesting that, despite the adoption of laws that clearly infringe upon the rights of Catholicism, the parliament acts very cautiously, sometimes without impeding the activities of the recusants.

Thus, the question of the interaction between the Church of England and Catholicism remains.

Ключевые слова: религиозная политика, Славная революция, Английский парламент, Англиканская церковь, католицизм, статуты, Яков II Стюарт, Вильгельм III Оранский, Мария II Стюарт.
Keywords: religion policy, Glorious Revolution, English parliament, statutes of the realm, Catholicism, William III of England, James II Stuart, Church of England, Mary II Stuar.

Принятое в исторической литературе название государственного переворота 1688–1689 гг. в Англии, немного позже получило свое обличие в виде наименования «Славной революции». В результате случившегося произошло смещение с престола Якова II Стюарта и провозглашение королем Вильгельма III Оранского. Данное событие породило настоящий взрыв в английском обществе, положив начало множеству дискуссий о природе английской монархии, полномочий парламента и о правах и свободах поданных. После победы «Славной революции» произошли изменения и в темпах, и в характере развития Англии.

Первыми стали называть государственный переворот «Славной революцией» современники этого периода, ее участники. Гильберт Бёнет и граф Сандерленд называют случившееся в своих письмах именно так [Burnet, 1706, p. 54]. Термин «Славная революция» не использовался в официальных документах, но в них же можно увидеть, что о принце Оранжском говорится как о «славном инструменте освобождения королевства от папства» [The Journals of the House of Commons, 1802, p. 28]. В конце XVIII в. появляется новый взгляд на данные события. Эдмунд Бёрк утверждал идею аналогичности «Славной революции» с реставрацией монархии Стюартов [Burke, 1790, p. 29]. Он был политиком вигского направления, поэтому его понимание революции в полной мере соответствовало идеологии вигов. Т.Б. Маколей в книге «История Англии после восшествия на престол Якова II» утверждает, что революция была всего лишь государственным переворотом, с целью замены короля-католика на короля-протестанта. Но перемены были недостаточны, по Маколею, не одно право населению дано не было [Macaulay, 1849, p. 35]. Г.М Тревельян, будучи так же, как и Бёрк, сторонником вигского направления, полагал что «изгнание Якова являлось революционным актом, но дух этой странной революции был противоположен революционному» [Trevelyan, 1965, p. 4]. При этом автором отмечается, что лейтмотивом государственного строя стала личная свобода в религии и политике, зафиксированная законодательно. В последние десятилетия XX и начале XXI в. характер историографии «Славной революции» начал меняться в сторону более реалистичной её оценки, без попыток подогнать ее под идеологические догмы и направления. Эдвард Вэленс в книге «Славная революция 1688 года: борьба Британии за свободу», показал что все эти события были на самом деле проявлением жестокой борьбой протестантов за власть [Valance, 2006, p. 50]. Тим Хэрис в своей книге «Революция: великий кризис Британской монархии в 1685–1720 годах» говорит о революции, как о смене правления, достигнутого посредством насилия [Harris, 2006, p. 62]. Особенностью же современной историографии является то, что исследователи перестали рассматривать революцию как исключительно английское явление, характеризующееся борьбой придворных парламентских группировок.

В отечественной историографии данная тема изучена довольно мало. Освещаются лишь некоторые составляющие «Славной революции». Многие аспекты внешней и внутренней политики Европы были представлены в работах Ю.Е. Ивонина [Ивонин, 1987]. О «Славной революции» писал в своем труде «Великая английская революция в портретах ее деятелей» М.А. Барг. Он отмечает что, революция 1688 г. не была бы «бескровной» если бы ей не предшествовала другая революция, отличающаяся своей бескомпромиссностью и жестокостью борьбы [Барг, 1988]. Б.Ф. Поршнев в своих трудах анализирует события Славной революции и их влияние на Европейское пространство [Поршнев, 1970]. Следует отметить труд и работу Н.И. Кареева, исследовавшего две английские революции XVII в. [Кареев, 1924]. По итогам этого исследования был создан труд с одноименным названием. Рассуждения Кареева о революциях как реформации в Англии в некоторой мере перекликаются с мнением М.А. Барга о народно-реформационном течении в пурита-

низме. Особое внимание данной теме уделяется в работах Т.Л. Лабутиной, Т.А. Павловой, Н.С. Креленко, посвященных политической истории Англии. Так, Т.Л. Лабутина освещает аспекты политической борьбы в период реставрации Стюартов [Лабутина, 1982]. Т.А. Павлова говорит об освещении английской буржуазной революции в современной англо-американской историографии [Павлова, 1979]. Н.С. Креленко характеризует английскую общественную мысль XVII-XIX вв., акцентируя внимание на так называемой «пуританской» революции [Креленко, 1999].

Важнейшим вопросом того времени был религиозный. О статутах парламента, претворяющих в жизнь религиозную политику в Англии в тот период времени и пойдет речь в данной статье. Одним из первых, по данному вопросу, статутов стал «Акт о веротерпимости», принятый парламентом в 1689 г. Он смягчил религиозную политику Стюартов, но только по отношению к протестантским общинам (баптистам и квакерам). Квакерам, которые считали невозможным принесение любой присяги, достаточно было ограничиться устным заявлением, по смыслу совпадавшему с клятвой. Баптистам же разрешалось подписать закон без статьи, объявлявшей законным крещение младенцев. Под действие данного акта не попали католики (присяга содержала в себе отказ от доктрины пресуществления, что было для них неприемлемо) [Statutes of the Realm, 1819, p. 150]. Религиозная политика парламента в Англии времени «Славной революции» характеризовалась дальнейшим усилением мер против лиц католического вероисповедания. Папским рекузантам было запрещено находиться в Лондоне и других крупных городах на расстоянии не менее 10 миль, также они лишались своих постов, если не принимали клятву верности Церкви в установленные для этого сроки. Об этом свидетельствует Акт 1688 г. «О неизвестных и известных папистах, проживающих в Лондоне или Вестминстере или на расстоянии 10 миль от оных» [Statutes of the Realm, 1819, p. 323-324]. Данный статут сообщает нам о том, что большое количество папистов предпочитают проживать в Лондоне или Вестминстере, тем самым, подвергая опасности мир и безопасность Англии. Поэтому данный закон был принят во имя поддержания общей безопасности страны, предотвращая возможные ее нарушения со стороны папских рекузантов. Согласно данному акту, Лорд-мэр Лондона должен был всячески содействовать каждому судебному разбирательству по данной проблеме. Более того, кроме территорий, уже вышеобозначенных, в графствах Мидлесекс, Сурей, Сассекс могли время от времени возбуждать дела против каждой личности, проживающей на данной земле, а также в радиусе десяти миль, если такая личность имела папистскую репутацию. Если выяснялось, что папские рекузанты присутствовали и в парламенте, то им было необходимо присягнуть на верность Англиканской церкви, в случае отказа такие персоны облагались штрафами как папистские преступники, и они были вынуждены покинуть данные земли и не приближаться к ним на расстояние менее чем десять миль. Данный закон серьезно ограничивал проживание папских рекузантов в Лондоне, Вестминстере и графствах Англии. Естественно, на граждан иностранных государств и послов принятие присяги и подписание декларации не распространялось. Английским торговцам и ремесленникам, проживающим на данной территории, надлежало в срок с 13 февраля 1688 до 1 августа 1689 г. заверить свою личность и место жительства соответствующим сертификатом, заверенным на судебных сессиях, уплатив секретарю пошлину, не превышающую двух пенсов [Statutes of the Realm, 1819].

Статуты о религиозной политике парламента касались также и образования. Это иллюстрируют разнообразные законодательные меры, в частности, статут 1688 г. «О передаче указаний в двух университетах и о бенефициариях, принадлежавших папистам» [Statutes of the Realm, 1819]. В этих актах, как правило, четко прописывалось кто именно не может занимать преподавательские должности и осуществлять образовательную деятельность в колледжах и крупнейших университетах: Оксфорде и Кембридже. Разумеется, здесь речь идет о лицах, отказавшихся принять клятву.

Парламент в 1688-1689 гг. внес поправки во многие предшествующие религиозные законы. В частности, были введены новые формы клятв верности, аннулированы старые. Ознакомиться с формой новой присяги можно, изучив статут «Об аннулировании клятвы

верности и преданности и назначение других клятв». Этот статут опирается на предшествующую законодательную базу, а именно на акты Елизаветы I Тюдор «О восстановлении древних прав короны над церковью» и статуты Якова I «Акт об обнаружении и подавлении папских рекузантов» и акт «О принятии клятвы верности или повиновении». Особое внимание акцентировалось на том, что человек при принесении присяги должен был подтвердить также согласие и с вышеуказанными актами, в противном случае клятва считалась аннулированной. Для людей, имеющих сан епископа или архиепископа, а также титул выше баронского, предусматривалось принятие клятвы на Суде канцелярии или же Суде королевской скамьи, а также по месту жительства на открытом заседании летней главной квартальной судебной сессии, между 9 и 12 часами дня, до 1 августа. Все это должно было строго фиксироваться в протоколах заседаний. Если кто-нибудь из священнослужителей отказывался подписывать декларацию до 1 августа 1689 г., то он временно отстранялся от исполнения своих обязанностей сроком на шесть месяцев. Если же по истечении и этого срока декларация не подписывалась, то священнослужители лишались своих бенефициев и церковных приходов. В отношении лиц, работающих в колледжах, распространялись такие же условия, но, после шестимесячного отстранения, в случае повторного отказа, они лишались всех своих стипендий и привилегий. Люди должны были произнести клятву, повторить ее и подписать декларацию. Если кто-то отказывается принимать поправки к клятвам в течение трех месяцев, то он должен был выплатить штраф размером не больше 40 шиллингов. Если по истечении трех месяцев человек все так же отказывался принять клятву, то он заключался под стражу на срок до шести месяцев и выплачивал штраф, в размере от 5 до 10 фунтов.

Указывается также, что, согласно статуту принятому при Карле II «Для большей защиты личности короля от опасностей, исходящих от папистских рекузантов в парламенте», за нарушение принятия клятвы предусматривалась конфискация имущества и смещение с должности. В данном статуте в отдельных пунктах рассматриваются нюансы принятия присяги офицеров (как морских, так и сухопутных), и те, кто отказался принимать присягу, признавались недееспособными для выполнения своих обязанностей и освобождались с должности. Присягу они давали перед Лордом Верховным Адмиралом или перед другими лицами, имеющими схожие полномочия. Вот один из примеров клятвы для присяги: «Искренне клянусь и обещаю, что буду верой и правдой служить их Высочествам королю Вильгельму и королеве Марии, да поможет мне Бог» [Statutes of the Realm, 1819, pp. 214-218]. Существовали и особые пункты статута. Например, пункт, посвященный работникам канцелярий. В нем указывалось, что если по какой-либо причине люди, занимающие ответственные посты, не могли подписать декларацию в указанные сроки, то они имеют право сделать это до 1 августа 1699 г. на квартальной сессии по месту проживания. Особенностями религиозной политики являлось то, что нонконформисты были с помощью новых статутов «включены» в жизнь Англии, но в сравнении с людьми, исповедовавшими англиканство, эта «включенность» оказалась весьма невелика. Прослеживалась и явная тенденция к ущемлению католических прав (особенно в Ирландии и Шотландии).

Изучая законодательную практику английского парламента во времена «Славной революции», можно заключить, что религиозная политика данного периода отличалась все большим ужесточением законодательства, направленного против католиков. Причина такого ужесточения законов по отношению к католикам объяснялась не только внутренними, но и внешнеполитическими аспектами, в частности, тем, что Людовик XIV развернул гонения на протестантов и имел очень сильное влияние как на Карла II, так и на Якова II. Яков начал укреплять позиции католического меньшинства в Англии, в частности, католики снова получили право занимать государственные должности и возглавлять образовательные учреждения. Также король заметно увеличил свою армию, преимущественно, с помощью шотландских и ирландских офицеров католического вероисповедания. Парламент при Якове II был распущен. Остро стоял вопрос о престолонаследии религиозном, ведь, как известно, обе дочери короля были протестантками, а, таким образом, усилия монарха вернуть Англию в лоно католический церкви могли стать тщетными, но рождение

сына решило этот вопрос в пользу папства. Обе партии парламента были особенно недовольны сложившимся положением в стране после подписания королем «Декларации о веротерпимости», которая уравняла в правах католиков, протестантов и англиканство, и подготовили почву для государственного переворота, в результате которого королем стал Вильгельм III Оранский, являющийся протестантом. В результате «Славной революции» на престол в Англии взошел протестантский король и, дабы не допустить дальнейших попыток возвращения трона католикам, парламент ужесточил основы религиозной политики по отношению к лицам католического вероисповедания, запретив монархам вступать в браки с католиками. После принятия «Билля о правах» монарх не мог быть папистом.

Список литературы
References

1. Барг М.А. 1991. Английская революция XVII в. в портретах ее деятелей. М., Наука, 366.

Barg M.A. 1991. Anglijskaja revoljucija HVII v. v portretah ee dejatelej. M., Nauka, 366.

2. Барг М.А., Черняк Е.Б. 1988. Великие социальные революции XVII-XVIII вв. М., Наука, 412.

Barg M.A., Chernjak E.B. 1988. Velikie social'nye revoljucii XVII-XVIII vv. M., Nauka, 412.

3. Ивонин Ю.Е. 1987. Позднее средневековье или ранняя новая история. Вопросы истории. 1: 48-52.

Ivonin Ju.E. 1987. Pozdnee srednevekov'e ili rannjaja novaja istorija. Voprosy istorii. 1: 48-52.

4. Креленко Н.С. 1990. «Пуританская» революция и английская общественная мысль XVII-XIX вв. Саратов, СГУ, 288.

Krelenko N.S. 1990. "Puritanskaja" revoljucija i anglijskaja obshhestvennaja mysl' XVII-XIX vv. Saratov, SGU, 288.

5. Лабутина Т.Л. 1982. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов. 1660-1681. М., Наука, 364.

Labutina T.L. 1982. Politicheskaja bor'ba v Anglii v period restavracii Stjuartov. 1660-1681. M., Nauka, 364.

6. Павлова Т.А. 1979. Английская буржуазная революция в освещении современной англо-американской историографии. Новая и новейшая история. 5: 20-24.

Pavlova T.A. 1979. Anglijskaja burzhuaznaja revoljucija v osveshhenii sovremennoj anglo-amerikanskoj istoriografii. Novaja i novejshaja istorija. 5: 20-24.

7. Поршнев Б.Ф. 1970. Франция. Английская революция и европейская политика середины XVII в. М., Наука, 466.

Porshnev B.F. 1970. Francija. Anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika serediny XVII v. M., Nauka, 466.

8. An Act for Exempting their Majestyes Protestant Subjects dissenting from the Church of England from the Penalties of certaine Lawes. 1819. Statutes of the Realm. 1685-1694. V. 6. L., s.e., 150-155.

9. An Act for the Abrogating of the Oathes of Supremacy and Allegiance and Appointing other Oathes. 1819. Statutes of the Realm. 1685-1694. V. 6. L., s.e., 214-218.

10. An Act for the Amoving Papists and reputed Papists from the Cityes of London and Westminster and Ten Miles distance from the same. 1819. Statutes of the Realm. 1685-1694. V. 6. L., s.e., 323-324.

11. An Act to vest in the two Universities the Presentations of Benefices belonging to Papists. 1819. Statutes of the Realm. 1685-1694. V. 6. L., s.e., 326-328.

12. The Corporation Act of 1661 is an Act of the Parliament of England. 1819. Statutes of the Realm. 1628-1680. V. 5. L., 115-117.

13. Burke E. MDCCXC (1790). Reflections on the Revolution in France and on the proceedings in certain societies, relative to that event. In a letter intended to have been sent to a gentleman in Paris. London, s.e., 29–30.

14. Burnet G. 1706. A Sermon Preached at the Cathedral Church of Salisbury. London, s.e., 310.

15. Harris T. 2006. The Revolution: The Great Crisis of the British Monarchy, 1685–1720. London, CC, 510.

16. Macaulay Th. B. 1849. The History of England from the accession of James the Second. London, s.e., 388. Vol. 2.

17. Trevelyan G. M. 1965. The Glorious Revolution 1688–1689. Oxford, UP, 501.

18. Valance E. 2006. Glorious Revolution, 1688: Britain’s fight for liberty. London, CC, 488.

УДК 94:792.7(73) «17»
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-61-68

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ТАНЦА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ВИРГИНИИ XVIII ВЕКА

THE SOCIAL MEANING OF DANCING IN THE 18TH CENTURY COLONIAL VIRGINIA

П.В. Востриков
P.V. Vostrikov

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Kursk State University,
33 Radishcheva St., 305000, Russia

E-mail: Sortavala2015@inbox.ru

Аннотация
Танец в колониальной Виргинии рассматривается в данной работе не только как форма развлечения, но и особое невербальное средство самовыражения, присущее той или иной социальной группе. В восприятии различных видов танцев проявлялась иерархичность колониального общества. У джентри, фермеров среднего класса, негров и коренных американцев имелась своя культура танца. Танцы были также связаны с традицией необычайного гостеприимства плантаторов, живших на большом расстоянии друг от друга, страдавших от изоляции и испытывавших большое стремление к общению. Символическое значение танца в колониальной Виргинии было настолько велико, что невербальному языку танца придается такое же значение для исторической интерпретации, какое имели многочисленные проповеди, оставшиеся от пуритан Новой Англии.

Abstract
As colonial society acquired characteristic stable features at the turn of the 17th and 18th centuries, a special identity, characteristic of Virgins, arose. Dancing in colonial Virginia is regarded in this essay not only as a form of leisure activity but also as a particular non-verbal means of expression associated with a sense of belonging to a certain social group. Virginians revealed via dancing the hierarchical principle of the colonial society. Gentry, middle-class planters, blacks and native people – all had a dancing culture of their own. Dancing was also a part of the tradition of unusual hospitality which was one of the colonial planters' most impressive characteristics of the time. Those colonials lived at great distances away from one another therefore, they suffered from their isolation and hankered for socializing. The symbolic meaning of the dance in colonial Virginia was so great that the non-verbal dance language was given the same significance to the historical interpretation as the numerous sermons left by the Puritans of New England had.

Ключевые слова: колониальная Виргиния, социальная иерархия, общественный класс, школы танцев, традиции гостеприимства, менуэт, джига.
Key words: colonial Virginia, social hierarchy, social class, dancing schools, traditions of hospitality, minuet, jig.

Виргиния колониального периода до сих пор славится своими традициями гостеприимства, что отмечается всеми историками Старого доминиона, начиная с Роберта Беверли. Плантаторы разного достатка любили демонстрировать свою щедрость и веселость, принимая гостей. Удивительным было отсутствие формальностей, и особые приглашения не требовалось. «Путешественникам не нужна никакая рекомендация, достаточно лишь просто называться человеком. Страннику надо лишь спросить дорогу, по которой он может дойти до до-

ма джентльмена или хорошего домовладельца, где он будет принят со всей гостеприимством. Этот обычай столь распространен среди этих людей, что джентри, когда путешествуют за границей, приказывают своему главному слуге принимать всех посетителей… Бедные же плантаторы, которые имеют только одну кровать, готовы сидеть или лежать на каком-нибудь подобии кушетки всю ночь, лишь бы предоставить усталому путешественнику возможность отдохнуть» [Beverly, 1855, p. 258]. Удаленность плантаций, жилищ друг от друга, долгое пребывание в изоляции, обостряло жажду общения. Важными чертами проявления гостеприимства было употребление горячительных напитков и танцы. В 1917 г., когда движение за сухой закон в Америке становилось активным, Мария Стэнард отмечала, что для жителя колониальной эпохи представления сторонников запрета выпивки были немыслимы и считались бы сумасшествием. Тот век был веком пития [Stanard, 1917, p. 126]. В то время еще не считали курение и выпивку вредными привычками. Напитки как импортировались, так и изготовлялись дома. Например, в 1686 г., Уильям Фонтлруа имел в своем подвале 90 галлонов рома, около тысячи бутылок вина, и это еще было не самым большим запасом. Употребление алкоголя располагало к беседе и разным увеселениям, важнейшими из которых были музыка и танцы. В домах плантаторов было достаточно много музыкальных инструментов, иногда можно было собрать и небольшой оркестр, часто состоявший из черных рабов. Иногда имело место сольное исполнение музыки для прослушивания или для танца каким-либо членом семьи, и это могли быть и женщины [Bruce, 1907, p. 177-178]. То, что танцы были также любимым времяпровождением виргинцев в часы досуга, верно в отношении всех слоев общества, хотя для джентри танцы имели особенный символизм и порой были знаком принадлежности к властным структурам.

По мере того, как колониальное общество приобретало характерные стабильные черты на рубеже XVII и XVIII вв., возникала особая, присущая виргинцам, идентичность. Уровень смертности снизился, многие семейства джентри приобретали признаки элитного сообщества: они накапливали богатства, приобретали земли и рабов, строили роскошные особняки, а также стали обладать большим временем для досуга [Van Winkle Keller, 2007, p. 176]. В 1724 г. Хью Джонс писал: «В Капитолии Уильямсбурга во времена общественных собраний можно видеть много красивых, хорошо одетых джентльменов. И в доме губернатора… на балах и собраниях я видел прекрасные и изысканные развлечения при губернаторе Александре Спотсвуде» [Jones, 1724, p. 31]. Джентри задавали тон во многих проявлениях общественной жизни, сами при этом следовали английским образцам, а жители провинции бросились подражать джентри, и танцы сделались их особенной страстью. Происходило порой смешение людей разных рас, общественного положения, что влияло и на сами танцы, и могло изменять их стиль. Танцевальные вечера проводились везде: в домах плантаторов, тавернах, танцзалах, на улицах и посреди негритянских дворов.

Танцы обладали социальным и политическим смыслом. Быть хорошим танцором значило обладать хорошим воспитанием и происхождением, например, менуэт считался особенно сложным танцем, где демонстрировалась ловкость мужчины в сохранении равновесия и координации движений с партнершей. Хорошее исполнение менуэта могло укрепить авторитет исполнителя и, наоборот, недостаток мастерства мог лишить его благорасположения окружающих. Сохранилось впечатление 18-летней виргинской девушки Люси Ли Орр о танце одного капитана: «Я никогда не смеялась так сильно в своей жизни, как это было вчера вечером при исполнении менуэта капитаном Григгом… Это самое нелепое, что я видела когда-либо, а главное в том, что он сам думает, что он прекрасно танцует» [Orr, 1871, p. 37]. Балы давали мужчинам и женщинам возможность проявить себя в выборе одежды, партнера и типа танца. Здесь демонстрировалась новая модная одежда, заводились знакомства, начинались ухаживания, укреплялись связи, обсуждались новости политики и экономики. Балы были событиями, во время которых мужчины и женщины из разных семей имели редкую возможность общения. Для семейств джентри танцевальные дни были особенно важны, они служили неким символом их власти в социуме, которая поддерживалась за счет заключения браков между ведущими семействами.

Балы были средством произвести положительное впечатление на собрание или же оказать давление на соперника. На балу проявлялось не только умение танцевать, хотя и это было важным социальным показателем. На балу менуэт исполнялся одной парой в определенный момент времени и далее – по нисходящему социальному рангу. То есть, губернатор колонии имел бы своим партнером даму наиболее знатную. Например, в феврале 1711 г. Уильям Бёрд Второй посещал в Уильямсбурге бал со своей женой Люси Парк. Губернатор Александр Спотсвуд, будучи в то время холостяком, выбрал Люси в качестве партнерши. И его выбор оказывал честь не только жене Бёрда, но и ему самому, как второму мужчине в колонии после губернатора. При официально организованных балах порой соблюдались некоторые строгие формальности, ведь правила, которые устанавливались в Британии, становились нормой и в Виргинии, о чем свидетельствует и следующее постановление: «Леди в ночных халатах и мужчины в сапогах допускаться не будут. Танцы начинаются в зимнее время ровно в 5. В каждом танце могут принимать участие не более десяти пар. Менуэты исполняются в порядке очередности. Танцы прекращаются после 11 вечера. Чай, кофе и алкогольные напитки не допускаются в танцевальном зале» [First Assembly Minute Book, 1746]. Балы сопровождали празднование важных дат и событий. Таковыми могли быть коронации, дни рождения членов королевской семьи, военные победы, прибытие каких-нибудь важных лиц. Балы проходили во время Рождества и по окончании сбора урожая.

Все виды танцев примерно делились на два типа: «изысканные» танцы, такие как менуэт, котильон, аллеманда; а также «деревенские» танцы, наподобие кадрили (reel), которая ближе к середине столетия приобрела характерный местный колорит и стала называться «виргинская кадриль» (Virginia reel). Стоит упомянуть и хорнпайп (английский старинный матросский танец), обычно сольный, названный по имени музыкального инструмента – волынки (hornpipe), под сопровождение которой он и исполнялся). «Деревенские» танцы были проще и демократичнее, часто в них все танцующие пары взаимодействовали между собой. Рабы, кабальные слуги также любили танцевать, они организовывали свои вечера, где демонстрировали джигу и кадриль, и другие варианты танцев, которые имели более свободные неформальные движения, часто имели шотландское происхождение и элементы африканских традиций. Позднее, эти смешанные формы танца стали популярны и среди высших слоев общества и были ими адаптированы [Stalіling].

Популярность танцев сделала эту виргинскую страсть предметом удивления для многих европейских путешественников XVIII в. в Виргинии, оставивших свои дневники. Эндрю Бернаби, посещавший Виргинию в 1759-1760 гг., замечал, что «они неумеренно увлечены танцами… при этом их вкус и элегантность оставляют желать лучшего». Он таким образом описывал свои впечатления от джиги: «Ближе к вечеру, когда вся компания уже достаточно устает от деревенских танцев, обычно переходят на джигу. Этот танец был изначально заимствован, как я полагаю, у негров. Подобные танцы не имеют каких-либо особых методов или правил: джентльмен и леди встают и кружатся по комнате, затем кто-то из них удаляется, и в действо вступает другой, затем их пути пересекаются в фантастической манере без какой-либо закономерности» [Burnaby, 1904, p. 57-58].

Любопытно, что Николас Крессвел, описывая бал, посвященный шекспировской постановке «Двенадцатой ночи» в Александрии в 1775 г., также был критичен к виргинской манере, отметив, что «они не могут выполнять движения с достаточной элегантностью». Что касается его впечатлений от деревенских танцев, то вот что он писал по поводу джиги: «Среди популярных в этой среде танцев я бы выделил то, что я называю вечной джигой. Пара встает и начинает танец… (под какую-нибудь негритянскую мелодию), затем подходят другие и встраиваются между ними, и эти танцы продолжаются ровно столько, сколько хватит сил у скрипача играть. Это способствует обращению в обществе, но я думаю, это скорее некая вакханалия, нежели танец, который можно наблюдать в приличном обществе» [Cresswell, 1924, p. 53]. О неумеренности в танцах находим упоминание у Хэдфилда [Hadfield, 1933, p. 10], а Эбенезер Чэзард был поражен, что в маленьком Фредриксбурге жители позволили себе построить «дом распутства, один зал в котором был отдан танцам, другой

был выделен для игры в карты, что служило доказательством приверженности к роскоши и расточительности» [The Journal of Ebenezer Hazard, 1954, p. 403].

Дневник Филипа Фифиана, принстонского учителя, оказавшегося в Виргинии в 70-е годы в качестве домашнего учителя детей плантатора Роберта Картера, полон упоминаний о танцевальных сессиях, уроках и вечерах. Сколь большое значение придавалось танцам в среде джентри, можно увидеть из данной записи одного дня: «После завтрака мы отправились в танцевальный зал… Было приятно видеть такое количество хорошо одетых молодых людей, двигающихся свободно, под звуки прекрасно исполняемой музыки… Танцы продолжились до двух, мы обедали в половину четвертого, а вскоре после обеда снова отправились в танцевальный зал. Когда же стало слишком темно, чтобы танцевать, мы удалились в мою комнату… Когда зажгли свечи, мы в последний раз вошли в танцзал. Сначала каждая пара исполнила менуэт, затем все, как и раньше, начали деревенские танцы, которые продолжались до тех пор, пока Кристиан ушел в половине восьмого» [Farish, 1957, p. 64-65; Journal and Letters of Philip Vickers Fithian, 1957, p. 64-67].

Так называемые «деревенские танцы» имели достаточно простые движения, и их можно было освоить путем простого наблюдения и самостоятельной практики, но очень часто умение танцевать считалось искусством, которому требовалось специально обучать. В семействах ведущих плантаторов придавалось большое значение формальному обучению утонченным танцам. Большой известностью пользовался учебник Джона Плейфорда «Английский учитель танцев» [John Playford's The English Dancing Master, 1698], с 1651 по 1728 г. выдержавший 11 изданий. Книга содержала описания более тысячи различных танцев, каждое новое издание пополнялось новыми. Частые переиздания были обусловлены не только популярностью идей автора, но и постоянным пополнением коллекции танцев, что отражало определенные перемены в обществе [Van Winkle Keller, 1698].

Учителя танцев стремились приобрести учебник Плейфорда, и если они не имели копию учебника, то копировали рисунки движений. Но самым популярным пособием было творение француза Рауля-Ожера Фейетта «Хореография…» [Feuillet, 1700], 1700 г. и переведенная на английский в 1706 г. под названием «Искусство танца». Фейетт использовал новую систему диаграмм для обучения разным видам танцев.

Часто уроки проводились учителями, прибывшими из Европы, а Колледж Уильяма и Мери организовал программы обучения и имел танцзал даже в то еще время, когда состав преподавателей всех остальных дисциплин еще не был утвержден. В 1716 г. некто Уильям Ливингстон получил разрешение использовать помещение колледжа «для обучения учителей и студентов танцам, пока его собственная танцевальная школа в Уильямсбурге не будет закончена» [Isaac, 1982, p. 81]. Также многие виргинцы из разных слоев общества могли впервые познакомиться с танцами в Уильямсбурге, где средством популяризации этого развлечения был первый театр «The Play Booth», открытый в 1718 г. под руководством того же Ливингстона. Обучение танцам было важной частью образования для джентри, и в Виргинии классического, «золотого» века было множество учителей, как мужчин, так и женщин.

Большую популярность в XVIII в. получили балы по подписке в больших городах, таких как Норфолк, Уильямсбург, Ричмонд и Александрия. Билеты на такие мероприятия могли быть приобретены у местных учителей танцев или в ассамблее. Чарльз Стегг и его жена, актеры местного театра и кабальные слуги вышеупомянутого Ливингстона, также были известными учителями танцев. К 1720 г. Стегги освободились от кабальных обязательств, и Чарльз стал успешным странствующим учителем танцев.

Стегг прекрасно играл на скрипке, ему не требовался музыкант в его поездках. Он водил дружбу с Бёрдом, часто они путешествовали вместе. Миссис Стегг в 1735 г. стала вдовой и продолжала занятия, конкурируя с другой известной вдовой, мадам Граффенрейдт, швейцарского происхождения, чей муж Кристофер Граффенрейдт, приобрел колонию для немцев в Северной Каролине в 1709 г. [Van Winkle Keller, 2007, p. 190-202] Объявления в «Виргиния газет» свидетельствуют о соперничестве, развернувшемся между двумя школами танцев. Например, мадам де Графенрейдт объявила бал 26 апреля 1737 г. и танцевальное собрание 27

апреля, билеты на мероприятия могли быть приобретены у нее дома. Миссис Стегг организовала собрания в Капитолии, сразу после нее – 28 и 29 апреля, где билеты стоили полпистоля».

В марте 1738 г. миссис Стегг рекламировала собрание танцующих в Капитолии, когда «несколько гротескных танцев, прежде никогда не виданных в Виргинии должны быть представлены… там будет лотерея со многими полезными товарами, среди которых будет и один молодой негр» [Stanard, 1917, p. 142-143]. Чтобы не отстать, мадам де Граффенрейдт спустя несколько дней объявила бал с лотереей, среди призов которой была и «справная виргинская негритянка с ее ребенком». У обеих дам были знатные ученики. Графенрейдт обучала членов семей Харрисонов и Бёрдов (сохранилось рекомендательное письмо Уильяма Бёрда Второго) [Bassett, 1834, p. 473]. Стегги занимались детьми Роберта «Кинга» Картера в поместье Коротоман. Интересно отметить разницу в классовом происхождении представительниц двух школ. Графенрейдт была женой барона, а Стегги поначалу были кабальными слугами, подписавшими контракт с Левингстоном в 1716 г.

В 1737 г. у двух дам уже, впрочем, был конкурент, Уильям Дериг, художник – портретист, который давал объявления в «Газетт», что он мог научить «всех детей джентльменов танцевать в новейшей французской манере». «Газетт» также полна ссылок на миссис Шилдс, дочь француза-гугенота, трижды бывшую замужем, и последние ее два мужа были держателями таверны, где она проводила балы и вечера. Француз, представлявшийся рыцарем Перуни, преподавал в Уильямсбурге французский язык, танцы, фехтование в годы, предшествовавшие Франко-индейской войне, в которой он принимал участие вместе с молодым Вашингтоном (против французов) [Stanard, 1917, p. 143].

Среди достойных учителей находилось немало и шарлатанов. В 1745 г. в «Виргиния Газетт» появилось объявление от некоего господина из Мэриленда, который полагал, что его кабальный слуга сбегал в Виргинию и мог выдавать себя за учителя танцев [Stallings].

С 40-х до 70-х годов в колонии славился странствующий учитель танцев известный как Кристиан, его приглашали в дома различных плантаторов. Первый раз он упоминается в 1758 г., когда он обучал Прискиллу и Марию Рут в графстве Кинг-энд-Квин, за что он получал 20 фунтов. В 1773-м он давал уроки в нескольких семействах в Уэстерморленде и соседних графствах, среди них были и представители семейства Картеров, имевших поместья в Наомини Холл и Сабине Холл, где к тому времени объявился и Фифиан, оставивший нам красочное описание уроков Кристиана, а также бала в январе 1773 г., который давал Ричард Генри Ли, в то время холостяк, в своем имении Ли Холл, который находился в нескольких милях от Наомини. Бал длился четыре дня, он начался утром в понедельник и закончился поздно вечером в четверг, когда многие из семидесяти гостей были весьма утомлены и засобирались домой, при том, что сам хозяин умолял их остаться. Обед был великолепен для такой компании. Среди подаваемых напитков было несколько сортов вина, лимонного пунша, тодди, сидра и портера. Около семи леди и джентльмены начали танцевать под музыку французских рожков и двух скрипок. Сначала был менуэт, затем джига и кадриль и несколько деревенских танцев с некоторыми маршами» [Farish, 1957, p. 95-96].

Полковник Картер, видимо, был пресыщен-таки танцами, ибо они отнимали много времени у учебы его детей. В дневниковой записи 1774 г. он выражает удовлетворение тем, что Кристиан прекратил свои уроки в округе, и его мальчики будут теперь иметь время на остальные предметы обучения [Stanard, 1917, p. 145].

В определенный период в Уильямсбурге насчитывалось около 13 учителей танцев, еще примерно 30 были странствующими преподавателями среди плантаций и ферм. Объявления в разных газетах свидетельствуют о большом количестве учителей танцев, музыкантов и танцоров в разных местах Виргинии [Van Winkle Keller, 2007, p. 249-255]. Фифиан был под впечатлением от строгой формальности, сопровождавшей уроки танцев в среде джентри, но сам он, по всей видимости, воздерживался от участия в балах. Возможно, сказалось его пресвитерианское воспитание, полученное на родине в Нью-Джерси [Upton, 1997, p. 219]. В его дневнике имеется также немало замечаний по поводу африканских влияний на европейский стиль во время пребывания в поместье Роберта Картера.

Фифиан однажды увидел, например, как сын Картера Гарри и его племянник Бен принимали участие в негритянских развлечениях: «В этот воскресный вечер негры собрались в школе и начали играть на скрипке и танцевать… Я вошел в класс и увидел Гарри и Бена в их компании, Гарри танцевал без жакета. Тогда я разогнал их немедленно» [Farish, 1957, p. 61-62]. Черные рабы присутствовали во время балов, наблюдали за хозяевами, а позже могли имитировать их движения и манеры в качестве пародии или всерьез. Многие музыканты также были черными, то есть, происходило скрытое или порой явное взаимодействие культур уже на ранних этапах развития американской музыки и танца.

Н. Крессвелл в своем дневнике 29 мая 1774 г. записал: «Я решил пойти посмотреть на негритянские танцы. Воскресенье – это единственный день, который они имеют в своем распоряжении, так что они всегда собираются вместе, чтобы потанцевать под звуки банджо, инструмента похожего на тыкву, имеющего четыре всего струны… В своих танцах они обычно упоминают какие-нибудь привычки и обычаи своих хозяев в весьма сатирической манере… Танцы их представляют собой довольно буйное веселье… Они кажутся весьма довольными на этих увеселительных пикниках» [Cresswell, 1924, p. 18-19].

Джордж Вашингтон, известный историкам своим стремлением во всем походить на образцового английского джентльмена, кажется, не мог не проявлять интереса к танцевальным вечерам, хотя формально он не учился танцам. В его дневнике встречается любопытное, весьма критичное замечание о бале в Александрии, в 1760 г.: «Там было изобилие хлеба и масла, печенья, кофе и чая; последние невозможно было отличить на вкус от просто сладкой воды. Носовые платки использовались в качестве скатертей и салфеток… Я теперь буду называть этот бал бутербродным балом (the bread and butter ball)» [Sparks, 1839, p. 512].

В глубине Виргинии, в долине Шенандоа, где преобладали переселенцы из Шотландии, Ирландии и Германии с их более строгими поведенческими нормами, чем в прибрежной Виргинии, не проникло влияние культуры джентри; ирландский фокстрот и различные виды джиг и кадрили, были основным развлечением для молодых людей. Более сложные танцы, наподобие менуэтов и котильонов, были им неведомы [Kersheval, 1833, p. 374].

В домах плантаторов средней руки танцы также сопровождали значимые праздники, хотя об этом мы, в основном, имеем лишь косвенные свидетельства в мемуарах евангелистов-радикалов времен Великого пробуждения. Будучи новообращенными, они весьма неодобрительно отзывались о прошлых своих увлечениях. Деверо Джаррат несколько раз упоминает танцы и прочие подобные развлечения в своей автобиографии, но нигде не дает никаких деталей. Когда юный Джаррат появился дома на каникулах после некоторого отсутствия, то не находил приемлемыми для себя и для других «танцы, выпивку, развлечения»: «Я сказал им все, что я думаю по этому поводу… Я пытался много раз их убедить их оставить все эти непотребства, но, по-видимому, без особого успеха». А несколько ранее он пишет, что «карты, скачки, танцы и прочие подобные занятия до сих пор еще являются любимым времяпровождением для злонравных и развращенных, тогда были весьма в великой моде» [Jarratt, 1806, p. 23, 43].

Джеймс Айрлэнд был бедным школьным учителем, прибывшим из Шотландии, не имевшим почти никаких семейных связей в Виргинии. Он поселился в графстве Фредерик, где «танцы, балы, пение под звуки скрипки были преобладающей практикой…, а танцы так вообще были его дорогим идолом, его ценили и дамы восхищались его мастерством…», так что он стал товарищем и протеже одного знатного джентльмена, и вместе с ним «ругался, пил и веселился, а также участвовал в скачках» [Ireland, 1819, p. 49-50]. Если бы не произошло его обращения, то он бы имел перед собой неплохую карьеру и перспективы удачной женитьбы, то есть, обеспечил бы место среди колониальной элиты. Айрлэнд не жалел о своем выборе, наоборот, сожалел о своем прошлом. Но мы на подобном примере можем видеть, какую роль танцы могли играть в социальной мобильности. Представляется, что как Джаррат, так и Айелэнд писали о «глубине своего падения» в духе самокритичной покаянной христианской традиции, для окружающих они едва ли могли выглядеть очень дурным примером.

В жизни коренных жителей Виргинии имела место своеобразная манера танца. Сохранились многочисленные описания жизни коренных виргинцев в творениях Томаса Хэрриота, Джона Смита, Джорджа Перси Ериха Госнолда. В составе одной из первых экспедиций был художник Джон Уайт, который оставил потомкам знаменитые акварели, описывающие коренных жителей Виргинии, есть у него и изображения танца. Англиканский священник-миссионер Александр Уайтекер, известный тем, что крестил Покахонтас, сравнивал индейскую манеру танцевать с английскими танцами Морриса, когда танцующие привязывали колокольчики к ногам. Джордж Перси писал: «Один из дикарей встал среди них и начал петь, ударяя в ладоши, все остальные вокруг него кричали, подвывали, топали, делали разные странные движения, корчили рожи, производя шум, подобно волкам или дьяволам…, так они танцевали в течение получаса. Когда они закончили, капитан подарил им бусы и другие мелкие побрякушки».

Капитан Джон Смит, будучи пленником, также оставил свидетельство индейского танца: «Тридцать молодых женщин обнаженными (прикрытые только в интимных местах несколькими листьями) выскочили из кустов; тела их были раскрашены, некоторые белой краской, некоторые – красной, другие – черной, некоторые покрыты разноцветными смесями, и все имели разный окрас. Их предводительница прикрепила оленьи рога себе на голову и препоясалась шкуркой выдры, еще одна шкурка была на ее руке, за спиной висел колчан со стрелами, и лук и стрелы она держала в руке. Та женщина, что выступила следом, была с саблей в руке, следующая была с дубинкой… Женщины бросались в круг, пели и танцевали, движения их были чрезвычайно разнообразными. Описания индейских танцев встречаются у Уильяма Бёрда и французского путешественника Франсуа Мишеля [Van Winkle Keller, 2007, p. 171-174]. Вряд ли кто-либо из всех упомянутых наблюдателей мог сознавать символизм представлений, выраженных в танце [Davis, 1978, p. 144]. Роберт Беверли уделил много места в своем описании Виргинии индейской культуре. Есть у него и описания танцев по поводу разных событий в жизни племени [Beverley, 1855, p. 149, 175-176].

В августе 1774 г. Джон Блэр отметил в своем дневнике, что он был свидетелем танцев представителей племен ноттоуей и чероки. Об этом имеется и сообщение в «Виргиния Газетт». Вождь чероки прибыл в Уильямсбург с сорока сопровождающими лицами, то было посольство для установления торговых связей с Виргинией. Затем прибыла группа индейцев ноттоуей. Ожидалась между ними драка, но каждая группа выбросила белые флаги и исполнила мирные песни. После некоторых речей и трубки мира обе делегации танцевали вместе вокруг большого костра [Van Winkle Keller, 2007, p. 174-175]. Интересно, что Вашингтон оставил в своем дневнике также свидетельство о танцах индейцев во время походов вглубь Огайо: «Мы были приятно удивлены при виде более тридцати индейцев, вернувшихся с войны... Через некоторое время у них возникло желание потанцевать. Тот, кто был среди них лучшим танцором, вдруг резко вскочил и начал двигаться по кругу в наиболее комичной манере. За ним последовали остальные. Затем они начали исполнять свою музыку при помощи горшка, наполовину наполненного водой и оленьей кожей, плотно натянутой поверх его, а также тыквы с какой-то погремушкой внутри и конским хвостом для некоего изящества. Один из них тряс тыквой, а другой стучал в барабан, пока остальные танцевали вокруг костра» [Sparks, 1839, p. 417]. Для Вашингтона, белого виргинца, любителя танцев и представителя плантаторов это зрелище должно было быть весьма интересным. Танец в его восприятии был невербальным средством выражения, признаком принадлежности к определенной общественной группе или, как в случае с индейцами, явлением варварским, но любопытным и достойным подробного описания.

В танце могли проявляться и политические пристрастия, но чаще это было заметно во времена больших перемен, то есть, начиная с 1765 г., и особенно с началом революционных событий, когда признаки политических привязанностей были связаны с выбором партнера, одежды, самого танца. Надевать наряд, сшитый в Виргинии и отказ появляться в платье, доставленным из Британии, считалось признаком сочувствия делу патриотов, и наоборот. Так, 1770 г. Генеральная ассамблея давала бал, на котором «женщины все были в платьях виргин-

ского производства. Эми Сталлингс отмечает, что балы, таким образом, давали женщинам нечастую возможность выразить свое мнение как вербальным (через разговор с мужчинами на балу), так и невербальным способом (посредством выбора одежды) [Stallings].

Символическое значение танца в колониальной Виргинии было настолько велико, что историк Рис Айзек, представитель направления культурной антропологии, придавал невербальному языку танца такое же значение для исторической интерпретации, какое имели многочисленные проповеди, оставшиеся от пуритан Новой Англии [Isaac, 1982, p. 81].

Список литературы
References

1. Bassett J.S. 1901. The Byrd Family in Virginia. In: The Writings of Colonel William Byrd of Westover in Virginia Esq. Edited by J. S. Bassett. N.Y., Doubleday, Page & Co.

2. Bassett J.S. 1834. William Byrd. The Correspondence of the Three William Byrds of Westover, Virginia, 1684 – 1776). Charlottesville. Vol. 2.

3. Beverley R. 1855. The History and the Present State of Virginia. Reprint. Richmon, VA: J.W. Randolph.

4. Burnaby A. 1904. Burnaby's Travels through North America. NY., A Wessels Company.

5. Cresswell N. 1924. The Journals of Nicolas Cresswell, 1774–1777. N.Y., Doubleday, Page & Co.

6. Davis 1976. R.B. Intellectual life in the Colonial South. Knoxville, University of Tennessee Press.

7. Farish H.D. 1957. Journal and Letters of Phillip Vickers Fithian, 1773–1774. Williamsburg.

8. Feuillet M. 1700. Choregraphie, ou, L'art de décrire la dance, par caracteres, figures, et signes démonstratifs avec lesquels on apprend facilement de soy-même toutes sortes de dances : ouvrage tres-utile aux maîtres à dancer & à toutes les personnes qui s'appliquent à la dance. Paris.

9. First Assembly Minute Book. December, 1746. URL: www.ket.org/artoolkit/wodm/tour/...williamsburg. (data obrashcheniya: 11.94.2016).

10. Hadfield J. 1933. An Englishman in America 1785. Toronto, Hunter-Rose Co.

11. Ireland J. 1819. The Life of Rev. James Ireland. Winchester, VA: J.Foster.

12. Isaac R. 1982. Transformation of Virginia. Chapel Hill, University of North Carolina Press.

13. Jarratt D. 1806. The Life of Devereax Jarratt. Baltimore, Warner & Hanna.

14. John Playford's The English Dancing Master. L., 1698.

15. Jones H. 1865. The Present State of Virginia. N.Y., Reprint for Joseph Sabin.

16. Journal and Letters of Philip Vickers Fithian. Charlottsville, 1957.

17. Kersheval S. 1833. A History of the Valley of Virginia. Winchester, VA: J. Foster.

18. Orr L.L. 1871. Journal of a Young Lady in Virginia, 1782. Baltimore, Murphy & Co.

19. Sparks J. 1839. The Writings of George Washington. Being His Correspondence, Addresses, Messages, and Other Papers, Official and Private, Selected and Published from the Original Manuscripts; with a Life of the Author. Vol. II. Boston: VA, Ferdinand Andrews.

20. Stallings A. Dance During the Colonial Period. In: Encyclopedia Virginia. URL: http://www.EncyclopediaVirginia.org/Dance_During_the_Colonial_Period. (data obrashcheniya: 11.04.2016).

21. Stanard M. N. 1917. Colonial Virginia. Its People and Customs. Philadelphia and London: J.B. Lippincott Company.

22. The Journal of Ebenezer Hazard in Virginia, 1777. Virginia Magazin of History and Biography. No.4 (October 1954).

23. Upton D. 1997. Holy Things and Profane. Anglican Parish Churches in Colonial Virginia. New Haven.

24. Van Winkle Keller K. 2007. Dance and its Music in America, 1528–1789. Hillsdale - N.Y., Pendragon Press.

25. Van Winkle Keller K. Social Change as Reflected in the Dancing Master. URL: www.colonialmusic.org). (data obrashcheniya: 11.04.2016).

26. Wright L.B. 1958. The Life of William Byrd of Virginia. In: The London Diary (1717–1721) and Other Writings / Ed. by L.B. Wright and M. Tinling. N.Y., Oxford University Press: 345-376

УДК 323.1
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-69-76

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕРЕДИНЕ XIX – КОНЦЕ XX вв.

PECULIARITIES OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF UKRAINIAN NATIONAL MOVEMENT IN THE MIDDLE OF 19-TH – THE END OF 20-th CENTURIES

Д.А. Белащенко, А.Е. Цымбалова
D.A. Belashchenko, A.E. Tsimbalova

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: dmi-belashhenko@yandex.ru, tsimbalova.n@gmail.com

Аннотация
Статья затрагивает такую актуальную и малоизученную тему, как истоки формирования украинского национализма, а также его исторические, культурные, политические аспекты. Рассматриваемый период охватывает события с середины XIX в. до начала 1990-х гг. Целью статьи является выявление исторических предпосылок, которые сформировали специфические черты украинского национализма. Особое внимание уделяется влиянию внешнего фактора, роли идеологов и позиции украинской диаспоры. Полученные результаты позволяют выделить как традиционные черты украинского национализма, присущие многим национальным движениям, так и специфические, придающие ему определенную уникальность.

Abstract
This article investigates such acute and little-known topic as the origins of Ukrainian nationalism, as well as its historical, cultural and political aspects. The period under review covers the events of the middle of 19-th century to the early 1990s: from the genesis of the Ukrainian national movement till the collapse of the Soviet Union when Ukraine became the independent state. This approach allows to consider and compare the development of Ukrainian nationalism within the Russian Empire and the Soviet Union. The goal of this article is to identify the historical background that shaped the specific features of Ukrainian nationalism. Particular attention is paid to the influence of external factors, the role of ideology and position of the Ukrainian diasporas, especially in Canada and the United States of America. The achieved results allow to make a conclusion that Ukrainian nationalism has neither traditional features inherent in many national movements, nor specific, giving it a certain uniqueness.

Ключевые слова: украинское национальное движение, украинский национализм, Организация украинских националистов, интегральный национализм, украинская диаспора, малороссы, русины, коренизация, украинизация, украинофильство.
Key words: Ukrainian national movement, Ukrainian nationalism, Organization of Ukrainian Nationalists, integral nationalism, Ukrainian diaspora, Malorossy, Rusyns, indigenization, ukrainization, ukrainophilism.

Единого определения национализма или подхода к его изучению на настоящий момент не выработано ни среди российских ученых, ни среди зарубежных. Во многом это связано с тем, что невозможно вывести определение, которое бы удовлетворяло всем требова-

ниям и в полной мере соответствовало действительности, так как это очень многогранное явление. Нет смысла и необходимости вводить универсальные характеристики, каждый случай проявления национализма по-своему специфичен, и его стоит рассматривать в отдельности. В рамках данного исследования украинский национализм рассматривается в конструктивистской парадигме, в которой этническая группа определяется как общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных взаимосвязях. Сама по себе этничность не порождает конфликта, но действия элит, которые мобилизуют этничность и используют ее как политический ресурс для реализации собственных целей, могут привести к росту национального самосознания, плавно перетекающего в национализм.

Интересно отметить, что в начале XX в. российскими учеными национализм понимался как высшая форма патриотизма как сознательного, так и неосознанного. Со временем данное понятие в российской науке уже стало больше ассоциироваться с шовинизмом и этническим экстремизмом, чем с патриотизмом, хотя такое понимание тоже присутствует, и даже отмечается его позитивная роль в разумных пределах. Таким образом, социально конструируемая природа национализма в рамках выбранной парадигмы требует определения тех типов социальных систем и тех условий, при которых возрастает вероятность возникновения межгруппового конфликта и насилия [Аклаев, 2008, с. 71]. Поэтому основная задача исследования заключается в вычленении тех факторов, которые способствовали постепенной трансформации национализма. На начальных этапах это было стремление сохранить культурно-языковую самобытность и иметь свое государство в дальнейшем. Впоследствии национализм трансформировался в идеологию превосходства одной этнической группы над другой и собственной исключительности. На практике данный переход выражался в росте неприязни и вражды по отношению к другим этническим группам.

Объектом исследования выступает украинское национальное движение, прошедшее за последние два века путь от выделения культурно-лингвистических различий в трудах деятелей интеллигенции (Н.И. Костомаров, М.П. Драгоманов, П.А. Кулиш, Н.И. Гулак, Т.Г. Шевченко и др.) до преобразования в идеологию этнического превосходства над другими народами и нациями (труды Д.И. Донцова, Н.О. Сциборского, Ю.И. Липы, Н.И. Михновского и др.). На практике эта трансформация происходила от создания национально-культурных обществ до образования политических партий и организаций, обладавших значительными военными ресурсами.

Украинский национализм начинает формироваться в середине XIX в. на территории двух империй – Российской и Австрийской (впоследствии Австро-Венгерской). Однако некоторые его предпосылки находятся гораздо глубже и относятся к периоду феодальной раздробленности Древнерусского государства и культурно-религиозного притеснения православного населения Речи Посполитой. Приняв активное участие в разделах Польши, Россия объединила в своих границах практически все территории современной Украины, за исключением Галиции и Закарпатья. На присоединенных землях большое влияние имела местная политическая элита, чьи политические и культурные взгляды были сформированы польскими традициями [Щелин, 2014]. Одним из последствий этих событий стало возникновение в России т.н. «украинофильства». Продвижение идей культурной самобытности и развитие интереса к малорусским традициям, прежде всего, к языку, были первым направлением деятельности зарождающегося украинского национального движения [Щелин, 2014].

Тенденции украинофильства поддерживались и развивались не только на территории исторической Малороссии, но и среди петербургской и московской интеллигенции. Модное течение романтизма способствовало популяризации украинской культуры и языка, а также закреплению в российском культурном поле носителей украинского языка и традиций. В то же время активизируют свою деятельность поляки, пытавшиеся влиять на население Малороссии путем разработки и внедрения теорий о существовании отдельных русской и украинской наций. Поляки пытались использовать украинский фактор во время восстания 1830–1831 гг., однако не нашли ожидаемой поддержки. Впоследствии среди польских эми-

грантов будет активно распространяться теория «польского панславизма», сформулированная поэтом А. Мицкевичем и генералом Л. Мерославским [Курлатов, 2009].

Особенности географического положения и исторического развития способствовали обособлению западных территорий современной Украины и установлению тесных культурных, религиозных и политических связей с западными государствами. Наличие польского фактора влияло на рост, укрепление и распространение идей об уникальности украинского этноса. Стоит отметить тот факт, что многие националистические, сепаратистские и патриотические движения начинались именно с усиления интереса к традициям, появления культурно-языковых, а позднее политических требований. В качестве примера можно привести развитие баскского национального движения, прошедшего этапы от продвижения идей культурно-языковой самобытности до формирования политических требований [Корнилов, Цымбалова, 2012, с. 345], что также характерно для украинского национализма.

Следующим этапом развития украинского национализма стало появление в 1846-1847 гг. в Киеве Кирилло-Мефодиевского братства, тайной организации, выступавшей за либерализацию политической жизни России и создание единой всеславянской федерации. В состав братства входили видные представители украинского движения Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко, П.А. Кулиш, В.М. Белозерский, Н.И. Гулак и др. Примечательно, что многие члены братства не являлись этническими малороссами, но активно выступали за расширение прав украинского народа. Примером может служить историк Н.И. Костомаров, написавший один из программных документов братства «Книгу бытия украинского народа» («Закон Божий»). Впоследствии этот документ ляжет в основу призывов «Братья украинцы!» и «Братья великороссияне и поляки!», в которых пропагандировались идеи славянской федерации, принципы устройства нового общества, отмена крепостного права и т.д. [Відозва «Брати українці», 1847]. Второй призыв также содержал в себе положения об угнетении украинцев со стороны русских (великороссиян) и поляков [Відозва «Братья великороссияне и поляки», 1847]. Кирилло-Мефодиевское братство было ликвидировано в 1847 г. Стоит отметить, что, хотя его участники выступали за расширение прав и свобод украинского народа, развитие украинской культуры, они не рассматривали украинцев отдельно от русских. В частности, Н.И. Костомаров писал об украинцах как о «южнорусской народности» [Костомаров, 1861]. Идеи Кирилло-Мефодиевского братства находили поддержку лишь среди некоторых слоев образованной городской интеллигенции и студенчества. Впрочем, как отмечал, Н.И. Костомаров, «…идея двух русских народностей не представлялась в зловещем виде, и самое стремление к развитию малороссийского языка и литературы не только никого не пугало призраком разложения государства, но и самими великороссами принималось с братской любовью» [Ульянов, 1996, с. 144].

Пристальное внимание на украинофильство власти обратили лишь после польского восстания 1863 г. Мятежники в очередной раз пытались привлечь на свою сторону малороссов, апеллируя идеями «польского панславизма». Результатами этого стали Валуевский циркуляр (1863 г.) и Эмский указ (1876 г.). Циркуляр, составленный министром внутренних дел П.А. Валуевым, ограничивал книгопечатание на «малороссийском наречии» (украинском языке), оставляя для него только нишу «изящной литературы» [Миллер, 2000, с. 240-241]. Эмский указ существенно расширял положения Валуевского циркуляра, запрещая, в частности, ввоз из-за границы книг на украинском языке и печатание каких-либо украиноязычных книг [Миллер, 2000, с. 242-244]. После вступления в силу Валуевского циркуляра украинофильские настроения в российском и малороссийском обществах постепенно снизились. Часть наиболее активных деятелей была вынуждена эмигрировать в Галицию. Постепенно центром украинофильства становится Лемберг (Львов).

Таким образом, характерной чертой украинского национализма является его распространение «сверху» от политических элит западных государств, идеологов, а не «снизу» от самих представителей этнической группы, которые, осознавая свои культурно-языковые отличия, решили бороться за расширение своих прав и свобод. Об этом также свидетельствует тот факт, что запрет книгопечатания на украинском языке не усилил патриотические и националистические настроения (как это бывает в случаях, когда протест

идет от большинства представителей этнической группы), а привел к спаду украинофильского движения и эмиграции идеологов.

Развитие украинского национализма в Австрии происходило под влиянием других, нежели в России, факторов. Точкой отсчета принято считать 1848 г., когда на территории Галиции оказалась российская армия, посланная Николаем I для подавления восстания венгров. Именно тогда между ней и местным населением, русинами, произошли контакты, вследствие которых обнаружилось сходство языков и церковных обрядов. После подавления восстания в Галиции возникает сильное русофильское движение, сторонники которого отстаивали культурно-лингвистическое единство с Россией. Высказывались и радикальные лозунги о необходимости территориального объединения. Власти Австрии видели в русофильском движении угрозу сепаратизма. В качестве противовеса широкую государственную поддержку получило движение украинофилов («народовцев»), отстаивавших идею обособленности от России. Русины и русские стали обозначаться как представители двух диаметрально противоположных рас: первые относились к истинным наследникам славянских племен, вторые – к потомкам племенного конгломерата, включавшего в себя финно-угров, прибалтов и монголов [Баринов, 2012, с. 72-73]. Окончательное разделение галицийского национального движения на русофилов (москвофилов) и «народовцев» произошло в 1860-х гг. В этот же период при поддержке властей в Галиции, Буковине и Закарпатье стала активно распространяться украинофильская литература в киевской и харьковской версиях «малороссийского» языка, существенно отличавшихся от местного говора. Постепенно в обиход вошли идеи польского автора Ф. Духинского, согласно которым русские не являются славянами, а представляют собой потомков азиатских кочевников, говорящих на испорченном церковнославянском языке. Также украинофилы активно пропагандировали идеи о тождественности терминов «Украина» и «Русь» [Баринов, 2012, с. 76, 81]. При мощном административном ресурсе, поддержке униатской церкви и отсутствии контрпропаганды движение украинофилов постепенно перешло от деятельности по обоснованию культурно-лингвистических и этнических различий между украинцами и русскими к оформлению в полноценное политическое движение с определенными территориальными требованиями. Причем к территории будущей независимой Украины были отнесены не только Галиция, Буковина и Закарпатье, но и Малороссия.

В результате, движение, которое изначально носило более позитивный патриотический характер и выступало за сохранение культурно-языковых особенностей, становится все более радикальным. Одной их характерных его черт оказывается не приверженность ценностям и особенностям своего этноса (как в случае с патриотизмом), а противопоставление себя другим этническим группам, в данном случае русским, что в дальнейшем стало следующим шагом на пути к оформлению политического движения с выраженными территориальными претензиями.

Первая Мировая война, революции в России и Гражданская война привели к тому, что возникло сразу два украинских государства – Украинская Народная Республика (УНР) на территории бывшей Малороссии и Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) в Восточной Галиции. Сформировать полноценные государства не удалось из-за целого ряда факторов: отсутствие опыта реального государственного управления, большая роль внешней поддержки, нереализуемость многих целей украинского национального движения. Впоследствии основная территория УНР вошла в состав СССР в качестве Украинской Социалистической Советской Республики (УССР). Во многом схожая ситуация сложилась и в ЗУНР, которая стала частью возрожденной Польши.

В СССР украинский национализм получил неожиданный импульс в рамках политики коренизации. После Гражданской войны территория УССР расширилась за счет новых регионов, население которых было практически незнакомо с украинским языком и культурой. По замыслу организаторов украинизации, необходимо было перевести на украинский язык образование, книгопечатание, СМИ, делопроизводство и прочие сферы общественной жизни. С этой целью привлекались как местные кадры, так и представители западноукраинской интеллигенции [Борисенок, 2006, с. 10-11], в том числе, и состоявшие ранее в антироссийских организациях. В частности, из эмиграции вернулся М.С. Грушев-

ский, автор труда «История Украины-Руси», в котором излагался альтернативный взгляд на историю Древнерусского государства.

В 1929 г. в Вене на основе нескольких небольших националистических организаций образуется Организация украинских националистов (ОУН) во главе с Е.М. Коновальцем. В качестве идеологии ОУН принимает идеи, изложенные в книге Д.И. Донцова «Национализм» (1926 г.). В этом труде автор выдвигает концепцию украинского интегрального национализма (т.е. отвергающего традиционный либеральный национализм и призывающий к решительным действиям), основанного на принципах социал-дарвинизма и вождизма и разделении рас на низшие и высшие [Зайцев, 2011]. Еще одним видным идеологом ОУН был Н.О. Сциборский, изложивший в книге «Нациократия» (1935 г.) теоретическую модель украинского тоталитарного государства, во многом схожую с режимами в Италии и Германии. По мнению Сциборского, в будущем Украинском государстве должна была господствовать модель нациократии – «режим господства нации в собственном государстве, осуществляемый властью всех социально полезных слоев» [Зайцев, 2011]. С этих пор в работах украинских авторов – сторонников национализма – появляются указания на избранность Украины, ее превосходство над окружающими странами и народами, в частности, на исконный, древнейший характер ее культуры, связь с античными цивилизациями [Баринов, 2013, с. 171]. В связи с этим фальсифицировались истории России и Польши, а их заслуги приписывались исключительно украинскому народу. ОУН пользовалась поддержкой со стороны спецслужб Германии и Италии. В Берлине и Риме рассчитывали использовать украинских националистов в будущей войне против СССР. После убийства в 1938 г. Е.М. Коновальца в ОУН наступает кризис, который заканчивается расколом на сторонников более умеренного А.Ф. Мельника (ОУН(м)) и радикалов во главе с С.А. Бандерой (ОУН(б)).

После поражения Германии и разгрома Украинской повстанческой армии в середине 1950-х гг. лидеры ОУН оседают в Западной Европе, США и Канаде. Некоторые из наиболее популярных деятелей были впоследствии ликвидированы советскими спецслужбами. На долгое время развитие украинского национального движения приостанавливается. В послевоенном СССР украинский национализм развития практически не получал. Единственным заметным проявлением стала деятельность диссидентов, выступавших против «русификации» УССР. Диссидентство проявлялось в основном во Львове и в Киеве, хотя сами активисты происходили из различных областей Украины, преимущественно восточных. Украинские диссиденты по своему социальному статусу относились преимущественно к творческой интеллигенции [Помогаев, 2005].

Расцвет украинского национализма начался во второй половине 1980-х гг. Первым крупным альтернативным политическим движением Украины стал созданный в 1988 г. «Народный Рух» во главе с известным диссидентом В.М. Чорновилом [Бялый, 2014]. Радикальных лозунгов руховцы старались избегать, чтобы не провоцировать недовольство юго-восточных регионов, где украинский национализм никогда не пользовался популярностью. После распада СССР в Украину стали возвращаться представители националистических организаций, действовавших среди украинской диаспоры. Характерно, что каждая из организаций отвечала за работу с определенными кругами украинского общества и власти: – ОУН(з) («зарубежная»), связанная с наиболее респектабельными политическими кругами Запада, в основном налаживала коммуникации в научных, преподавательских, медийных кругах Украины; – ОУН(м) проявляла максимальную активность в работе с властно-бюрократическими и предпринимательскими кругами; – ОУН(б) уделяла особое внимание «силовым» элитам Украины и, в первую очередь, армии и спецслужбам [Бялый, 2014]. Стоит отметить хорошо налаженное взаимодействие украинской диаспоры со страной исхода. По разным источникам, в мире к началу XXI в. вне исторической родины находилось от 17 до 20 млн. украинцев. Наиболее многочисленные сообщества украинцев проживали в России (2 943,5 тыс.), Канаде (около 1 млн.), США (890 тыс.), Казахстане (около 500 тыс.), Молдове (450 тыс.), Польше (300 тыс.), Бразилии (300 тыс.), Белоруссии (295 тыс.), Аргентине (100 тыс.) [Бабута, 2008, с. 3]. Самая многочисленная украинская диаспора на Западе проживает в Канаде. Относительно большое количество ее

представителей принимают активное участие в политической жизни страны, занимая в разные периоды высокие посты на федеральном и региональном уровнях, вплоть до мэров крупных городов и кабинета министров [Субтельный, 1993, с. 701]. К тому же в Канаде хорошо развита сеть украинских профессиональных и бизнес-клубов [Субтельный, 1993, с. 699]. Украинские канадцы, в том числе, политические и бизнес круги, поддерживают исторические связи с Украиной и, тем самым, выступают украинским лобби во внешней политике Канады и посредником в двусторонних отношениях. Подтверждением тому является наличие на территории Канады более 1000 украинских организаций [Украинско-канадские отношения, 2013]. С 1940 г., на средства федерального правительства, существует Конгресс украинцев Канады. При этом члены данной организации видят Украину исключительно глазами выходцев из Галиции и Волыни [Гусаров, 2015]. Украинская община в США также отличается большим количеством организаций. Активные члены диаспоры совместно с общинами поддерживают тему Украины в топе новостей для конгрессменов, сенаторов и президента США. Для воздействия на политиков местного уровня применялась другая стратегия. Диаспора подчеркивала, что украинцы являются избирателями этих политиков. Для чиновников США люди – это, прежде всего, избиратели, а, следовательно, появляется четкое осознание необходимости представлять и защищать их интересы. Такой подход дает украинской диаспоре еще один инструмент влияния на власть, одновременно стараясь уменьшить влияние российской пропаганды на федеральных и местных политиков [Почему украинская диаспора в США сильнее лобби кремлевских олигархов, 2016]. Учитывая приоритеты внешней политики на постсоветском пространстве и большой опыт в использовании фактора национальных общин, США объективно заинтересованы в институционализации и усилении украинской диаспоры в рамках проведения своей международной политики. Организованная украинская диаспора является не только неким соединяющим мостом между странами, но и эффективным фактором влияния на внутриполитические процессы в самой Украине [Галстян, 2014]. Украинские американцы активно поддержали образование украинского государства и приветствовали происходившие там изменения. Однако впоследствии представители украинской диаспоры в США несколько снизили позитивность своих оценок, испытав разочарование от коррупции и неэффективной политики властей [Бабута, 2013, с. 144]. Закономерным итогом такой активности украинской диаспоры и различных организаций стало преобладание в гуманитарной сфере Украины сторонников национализма. Кроме того, выходцы с Западной Украины сосредотачивали в своих руках министерские посты, связанные с образованием, культурой, молодежной политикой. Националисты расширяли свое присутствие в формирующейся медийной сфере. Совокупность этих факторов позволила националистической идеологии оказывать серьезное влияние на украинское общество.

Как уже неоднократно было отмечено, распространение национализма происходило «сверху», и в тех исторических обстоятельствах не было возможности выработать националистическое учение в позитивном, патриотическом ключе. Прежде всего, вмешательство внешнего фактора в лице Польши и Австро-Венгрии было направлено на формирование этнической идентичности, строящейся на противопоставлении другим этносам. Искусственность взращенных националистических идей выражается и в том, что исторически различия между русскими и малороссами были минимальными и заключались в культурно-языковой специфике. Поэтому было необходимо усилить эти различия путем формирования нового варианта украинского языка, создать образ «внешнего врага» и распространить идеи в тех регионах и слоях, где они могли бы быть лучше всего восприняты. Территориально таким регионом стала Галиция, изначально обособленная от основной части Украины, а средой – малограмотные крестьяне, которым было достаточно указать на «внешнего врага» и обвинить его в их тяжелом положении. Основы национализма постепенно укоренялись в этническом самосознании, подогревались внешними силами и внутренними идеологами и со временем прочно закрепились на бытовом уровне многих жителей Западной Украины. В то же время, восточная часть, являясь более экономически развитой, не предложила какой-либо альтернативной идеологии, что не было сделано и правительством «сверху», чтобы преодолеть националистические настроения. Тем не менее, за период независимости нацио-

налистическая идеология не смогла распространиться на всю территорию Украины. Украинский национализм исторически обладает рядом специфических особенностей, среди которых: распространение «сверху», сильное влияние внешнего фактора в лице других государств и диаспоры, особенности географического положения и специфические исторические обстоятельства, активная поддержка со стороны католической и униатской церквей, формирование национализма в отрицательном ключе, влияние большевистской политики коренизации, отсутствие популярной альтернативной идеологии в центральной и юго-восточной частях Украины. В то же время, можно наблюдать черты, присущие многим националистическим течениям. Это: переход от культурно-языковых требований к политическим, формирование идеологами образа «внешнего врага» и акцентирование внимания на отличиях украинцев от других этнических групп, распространение радикальных идей в молодежной среде, появление «мучеников национализма», а также недостаточность внимания со стороны украинских властей.

Список литературы
References

1. Аклаев А.Р. 2008. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. 2-е изд., испр. М., Дело АНХ, 480.

Aklaev A.R. 2008. Etnopoliticheskaya konfliktologiya: Analiz i menedzhment. 2-e izd., ispr. M., Delo ANKh, 480. (in Russian)

2. Бабута М.Н. 2013. История формирования украинской диаспоры в Новом и Новейшем Свете (конец XIX – XX вв.). Известия Томского политехнического университета. 322. 6: 142 – 148.

Babuta M.N. 2013. Istoriya formirovaniya ukrainskoy diaspory v Novom i Noveyshem Svete (konets XIX – XX vv.). Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 322. 6: 142 – 148. (in Russian)

3. Бабута М.Н. 2008. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX – начало XXI веков). Автореферат дис. … канд. ист. наук. Томск, 26.

Babuta M.N. 2008. Formirovanie i sovremennoe sostoyanie ukrainskoy diaspory (konets XIX – nachalo XXI vekov). Avtoreferat dis. … kand. ist. nauk. Tomsk, 26. (in Russian)

4. Баринов И.И. 2013. Воображаемая история? (Украинский национализм, Третий рейх и современная украинская историография). Общественные науки и современность. 1: 169 – 176.

Barinov I.I. 2013. Voobrazhaemaya istoriya? (Ukrainskiy natsionalizm, Tretiy reykh i sovremennaya ukrainskaya istoriografiya). Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1: 169 – 176. (in Russian)

5. Баринов И.И. 2012. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма. История и современность. 1(15): 70 – 89.

Barinov I.I. 2012. Ukrainskaya doktrina v politike Avstro-Vengrii i genezis ukrain-skogo natsionalizma. Istoriya i sovremennost'. 1(15): 70 – 89. (in Russian)

6. Борисенок Е.Ю. 2006. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., Европа, 256.

Borisenok E.Yu. 2006. Fenomen sovetskoy ukrainizatsii. 1920–1930-e gody. M., Evropa, 256. (in Russian) (in Russian)

7. Бялый Ю. 2014. Радикальный украинский национализм: постсоветский концептуально-идеологический реванш. URL: https://gazeta.eot.su/article/radikalnyy-ukrainskiy-nacionalizm-postsovetskiy-konceptualno-ideologicheskiy-revansh (дата обращения: 18.08.2017).

Byalyy Yu. 2014. Radikal'nyy ukrainskiy natsionalizm: postsovetskiy kontseptual'no-ideologicheskiy revansh. URL: https://gazeta.eot.su/article/radikalnyy-ukrainskiy-nacionalizm-postsovetskiy-konceptualno-ideologicheskiy-revansh (data obrashcheniya: 18.08.2017). (in Russian)

8. Галстян А. 2014. «Украинское лобби» США: до и после Майдана. URL: http://globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Ukrainskoe-lobbi-SShA-do-i-posle-Maidana-16724 (дата обращения: 20.08.2017).

Galstyan A. 2014. «Ukrainskoe lobbi» SShA: do i posle Maydana. URL: http://globalaffairs.ru/ukraine_crysis/Ukrainskoe-lobbi-SShA-do-i-posle-Maidana-16724 (data obrashcheniya: 20.08.2017). (in Russian)

9. Гусаров С. 2015. Чем сильна украинская диаспора в Канаде? URL: http://silent-ussar.livejournal.com/131045.html?nojs=1 (дата обращения: 20.08.2017).

Gusarov S. 2015. Chem sil'na ukrainskaya diaspora v Kanade? URL: http://silent-ussar.livejournal.com/131045.html?nojs=1 (data obrashcheniya: 20.08.2017). (in Russian)

10. Зайцев А. 2011. Украинский интегральный национализм в поисках «особого пути» (1920–1930-е годы). http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/za4.html (дата обращения: 19.08. 2017).

Zaytsev A. 2011. Ukrainskiy integral'nyy natsionalizm v poiskakh «osobogo puti» (1920–1930-e gody). http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108/za4.html (data obrashcheniya: 19.08. 2017). (in Russian)

11. Корнилов А.А., Цымбалова А.Е. 2012. Структура и особенности функционирования баскского национального освободительного движения. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 4(1): 341 – 346.

Kornilov A.A., Tsymbalova A.E. 2012. Struktura i osobennosti funktsionirovaniya bask-skogo natsional'nogo osvoboditel'nogo dvizheniya. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 4(1): 341 – 346. (in Russian)

12. Костомаров Н.И. 1861. Две русские народности. Основа. 3: 33-80.

Kostomarov N.I. 1861. Dve russkie narodnosti. Osnova. 3: 33-80. (in Russian)

13. Курлатов С. 2009. Арийско-польский исток украинского национализма. URL: http://skurlatov.livejournal.com/785436.html (дата обращения: 16.08.2017).

Kurlatov S. 2009. Ariysko-pol'skiy istok ukrainskogo natsionalizma. URL: http://skurlatov.livejournal.com/785436.html (data obrashcheniya: 16.08.2017). (in Russian)

14. Миллер А.И. 2000. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., Алетейя, 260.

Miller A.I. 2000. «Ukrainskiy vopros» v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.). SPb., Aleteyya, 260. (in Russian)

15. Помогаев В.В. 2005. Украинский национализм после Второй Мировой войны: маски и лицо. URL: http://www.e-cis.info/news.php?id=4188 (дата обращения: 19.08.2017).

Pomogaev V.V. 2005. Ukrainskiy natsionalizm posle Vtoroy Mirovoy voyny: maski i li-tso. URL: http://www.e-cis.info/news.php?id=4188 (data obrashcheniya: 19.08.2017). (in Russian)

16. Почему украинская диаспора в США сильнее лобби кремлевских олигархов? URL: http://klyros.org/potchemu-ukrainskaya-diaspora-v-ssha-silynee-lobbi-kremlevskih-oligarhov.html (дата обращения: 20.08.2017).

Pochemu ukrainskaya diaspora v SShA sil'nee lobbi kremlevskikh oligarkhov? URL: http://klyros.org/potchemu-ukrainskaya-diaspora-v-ssha-silynee-lobbi-kremlevskih-oligarhov.html (data obrashcheniya: 20.08.2017). (in Russian)

17. Украинско-канадские отношения. URL: http://zarubegom.com/ukrainsko-kanadskie-otnosheniya/ (дата обращения: 20.08.2017).

Ukrainsko-kanadskie otnosheniya. URL: http://zarubegom.com/ukrainsko-kanadskie-otnosheniya/ (data obrashcheniya: 20.08.2017). (in Russian)

18. Ульянов Н.И. 1996. Происхождение украинского сепаратизма. М., Индрик, 287.

Ul'yanov N.I. 1996. Proiskhozhdenie ukrainskogo separatizma. M., Indrik, 287. (in Russian)

19. Щелин П. 2014. Как придумали украинский национализм. URL: http://topwar.ru/index.php?newsid=47876 (дата обращения: 16.08.2017).

Shchelin P. 2014. Kak pridumali ukrainskiy natsionalizm. URL: http://topwar.ru/index.php?newsid=47876 (data obrashcheniya: 16.08.2017). (in Russian)

20. Відозва «Брати українці», написана М. І. Костомаровим, вилучена у М. І. Гулака під час обшуку в Олексіївському равеліні 2 квітня 1847 р. Вибрані документи з матеріалів слідчих справ членів Кирило-Мефодіївського товариства. URL: http://litopys.org.ua/rizne/kmt01.htm (дата обращения: 18.08.2017).

Vidozva «Brati ukraïntsi», napisana M. I. Kostomarovim, viluchena u M. I. Gulaka pid chas obshuku v Oleksiïvs'komu ravelini 2 kvitnya 1847 r. Vibrani dokumenti z materialiv slidchikh sprav chleniv Kirilo-Mefodiïvs'kogo tovaristva. URL: http://litopys.org.ua/rizne/kmt01.htm (data obrashcheniya: 18.08.2017). (in Ukrainian)

21. Відозва «Братья великороссияне и поляки», вилучена у М. І. Гулака під час обшуку 2 квітня 1847 р. Вибрані документи з матеріалів слідчих справ членів Кирило-Мефодіївського товариства. URL: http://litopys.org.ua/rizne/kmt01.htm (дата обращения: 18.08.2017).

Vidozva «Brat'ya velikorossiyane i polyaki», viluchena u M. I. Gulaka pid chas obshuku 2 kvitnya 1847 r. Vibrani dokumenti z materialiv slidchikh sprav chleniv Kirilo-Mefodiïvs'kogo tova-ristva. URL: http://litopys.org.ua/rizne/kmt01.htm (data obrashcheniya: 18.08.2017). (in Ukrainian)

22. Субтельный О. 1993. Історія України. Київ, Либідь, 720.

Subtel'nyy O. 1993. Istoriya Ukraïni. Kiïv, Libid', 720. (in Ukrainian)

УДК 94(44)
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-77-84

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ 1936–1939 гг. В КОНТЕКСТЕ ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

PROBLEMS OF THE SPANISH CIVIL WAR, 1936–1939 IN THE CONTEXT OF FRANCO-SOVIET RELATIONS

В.В. Малай
V.V. Malay

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д.85

Belgorod State National Research University, 85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: malay_v@bsu.edu.ru

Аннотация
В работе на основе анализа архивных (АВП РФ) и опубликованных документов изучены роль и место проблем гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. в контексте франко-советских отношений. Выделены общие интересы двух европейских стран в связи с началом испанского конфликта и выявлены расхождения в становлении политики невмешательства в дела Испании. На примере отношений Франция-СССР показано влияние испанских событий на ход формирования военно-политических союзов кануна Второй мировой войны. Франция по многим направлениям оказалась бессильна, франко-советскому пакту не суждено быть реализованным (не без влияния испанского фактора). Провал консолидации Франции и СССР в годы Гражданской войны в Испании означал начало конца политики коллективной безопасности.

Abstract
In work on the basis of the analysis of archival (Russian Federation's State Archives) and published diplomacy documents of main European countries, the role and place of the problems of the Civil War in Spain, 1936-1939 are studied in the context of Franco-Soviet relations. The common interests of the two European countries are highlighted in connection with the beginning of the Spanish conflict and the differences in the formation of the Non-Intervention policy in Spain are revealed. The example of France-USSR relations has showed the influence of Spanish events on the course of the formation of military-political alliances on the eve of the Second World War. France was powerless in many areas; the Franco-Soviet pact was not destined to be realized (not without the influence of the Spanish factor). The failure of France and the USSR consolidation during the Civil War in Spain has marked the beginning of collective security policy's end.

Ключевые слова: предвоенный политический кризис, гражданская война в Испании 1936-1939 гг., политика невмешательства, франко-советские отношения.
Keywords: the pre-war political crisis, the Spanish Civil War, 1936-1939, Non-Intervention policy in Spain, Franco-Soviet relations.

Гражданская война 1936-1939 гг. превратила Пиренейский полуостров в регион, от положения на котором зависело спокойствие не только Испании. В силу как территориальной близости, так и своей стремительной интернационализации этот конфликт фактически сформировал новое силовое поле на европейском континенте. В роли его генератора выступили как сами ведущие европейские государства, так и провозглашенная ими беспрецедентная международная политика - «невмешательство в дела Испании».

С началом Испанской войны внешнеполитическая уязвимость Франции, безусловно, значительно обострилась: не только помощь (в любой форме) Испанской республике, даже

солидарность с нею таила опасность серьезного осложнения отношений как с Италией и Германией, так и Великобританией. Как подчеркнул уже 24 июля 1936 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос в беседе с советским полпредом в Лондоне И.М. Майским, «Европа стоит сейчас перед пропастью войны»[1]. Положение Франции было едва ли не самым незавидным в Западной Европе. Так, по немецкой оценке (осень 1936 г.), «Франция слаба и стара»; по итальянской: «Франция воспринимается сегодня необычайно менее важным фактором, чем ранее» [Ciano, 1948, p. 45][2]. Внешнеполитическими приоритетами Блюма станут «подъем упавшего французского престижа за рубежом с помощью четкого определения общности интересов со своими друзьями, особенно с Великобританией, известное, но осторожно взвешенное культивирование отношений с Советской Россией»[3].

В начале испанского конфликта у Франции и Советского Союза совпали, пусть и формально, задачи: не позволить конфликту выйти за рамки Испании, сохранение ее территориальной целостности, укрепление собственных геостратегических интересов. В советской позиции в Испании июля-сентября 1936 г. прослеживается здоровый прагматизм: не вмешиваясь открыто в конфликт, попытаться отвлечь с его помощью внимание западных держав, в первую очередь, Германии, от центрально- и восточноевропейских проблем [Пожарская, 2002, с. 64].

Франция, как и Великобритания, сочла на начальном этапе войны лучшим вариантом «нейтральную» позицию – невмешательство, как возможность отсрочки большой войны и локализации собственно испанской. В 20-х числах июля 1936 г. в Лондоне на совещании в рамках подготовки конференции 5-ти держав речь шла только о европейской безопасности, испанская проблема не поднималась[4]. Зарубежные исследователи расходятся в трактовке последствий визита Блюма в Лондон (23-24 июля 1936 г.) для провозглашения политики невмешательства [Eden, 1962, p. 476; Edwards, 1979, p.15-39, 172-175; Gallagher, 1971, p. 58; Grandmougin, 1962, p.223; Joll, 1960, p. 38; Stone, 1989, p. 212; Thomas, 1977, p. 344-345, 387-389, 825].

В документах АВП РФ за 2-ю половину июля 1936 г. (данные 13 фондов) испанская проблема упоминается трижды, причем почти везде – в подчиненном другим европейским вопросам контексте[5]. Так, И. Дельбос во время визита в Лондон, пригласил на встречу в отель «Савой» советского полпреда И.М. Майского (24 июля), сочтя необходимым через него поставить в известность советское руководство о ходе шедшего совещания 5-ти держав. Текст беседы с И. Дельбосом, переданный Майским в НКИД СССР, изложен на пяти листах и уже после подписи Майского, в постскриптуме упоминается, что Дельбос отметил, между прочим, что «испанские события сильно играют на руку Гитлеру, который ведет усиленную пропаганду против СССР», обвиняя его в «организации испанской революции»[6]. Несколько ранее французский премьер Л. Блюм в беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом сообщил о положительной реакции на просьбу Мадрида о военных поставках [Gallagher, 1971, p. 58].

Именно во Франции начало испанской войны 1936-1939 гг. вызвало едва ли не наибольший внешнеполитический дискомфорт. Дискуссии на уровне правительства и парламента по поводу отношения к испанским событиям, на начальном этапе носили самый острый характер именно в этой стране[7] [Colton, 1966; Dreifort, 1973; Gallagher, 1971; Warner, 1962, p. 203-220; Watt, 1975, p. 243-262; Whealey, 1971, p. 233, etc.]. Уже 23 июля

[1] Архив внешней политики МИД РФ (далее: АВП РФ). Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л.25.

[2] Documents on German Foreign Policy. (Далее - DGFP) 1918-1945. Ser. C. (1933-1937). The Third Reich: First Phase. Vol.5 March – Oct.31, 1936. L., 1966. P. 778.

[3] DGFP. Ser. C. Vol.5. Doc.499. P.876-879.

[4] Documents on British Foreign Policy. (Далее –DBFP). 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 13-16, 18, etc. P.14-19, 20-21.

[5] АВП РФ. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 25-29; Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 47-49; Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 78-80.

[6] Там же. Ф. 069. Оп. 20. П. 60. Д. 4. Л. 25, 29.

[7] Documents Diplomatiques français (1932-1939) (Далее – DDF). 2e sér. T.III. Paris, 1966. Doc. 25, 33, 34, 36, 66, 69, 77, etc.

министр авиации П. Кот (с одобрения председателя Совета министров Л. Блюма и министра иностранных дел И. Дельбоса) предложил поставить республиканцам 20-30 бомбардировщиков. 24 июля французская сторона получила официальную просьбу Мадрида о продаже самолетов, боеприпасов, ружей, пушек и пулеметов. Но начавшаяся в правой французской печати антиреспубликанская и антиправительственная кампания, наложившаяся на впечатления премьера от поездки в Лондон, вынудили Блюма отступить. В своих мемуарах Блюм охарактеризует ситуацию во французских политических кругах конца июля 1936 г. как «разновидность парламентского переворота»[1] [Gallagher, 1971, p. 59].

Дальнейшая политика французского руководства в испанском вопросе, вплоть до 4-5 августа (предложение европейским державам курса невмешательства) отличалась колебаниями, непоследовательностью, ожесточенной внутриполитической борьбой. В итоге в ночь с 1 на 2 августа после длительных и жарких дебатов французское министерство иностранных дел приняло коммюнике с предложением правительствам Великобритании и Италии придерживаться общего для всех правила невмешательства в испанские дела (не поддерживать ни одну из воюющих сторон)[2]. Таким образом, на том этапе французское руководство определилось со своей тактикой в отношении Испании. Франция в нотах Великобритании и Италии от 2 августа 1936 г. предлагала заключить соглашение о невмешательстве в дела Испании (отказаться от поставок оружия обеим воюющим сторонам) под предлогом наибольшей выраженности интересов этих стран на Пиренейском полуострове и в бассейне Средиземного моря (т.н. «средиземноморское соглашение»). Предложив европейским державам «нейтралитет» - невмешательство, Париж 9 августа вновь подтвердил постановление от 25 июля о запрете поставок оружия республиканцам[3].

В письме британского министра иностранных дел А. Идена французскому временному поверенному Камбону от 4 августа 1936 г. потенциальными участниками соглашения названы Великобритания, Франция, Германия, Португалия и Италия (страны, способные поставлять оружие и амуницию в Испанию) [Ciano, 1948, p. 27-28][4]. Данная информация в тот же день стала известна советской стороне: именно французский поверенный в делах Ж. Пайяр поведал об этом заместителю заведующего 3-м Западным отделом НКИД СССР Х.С. Вейнбергу. В советский архивный документ (запись беседы), отражающий этот факт, закралась опечатка – вместо Португалии там названа Польша[5]. Пайяр мотивировал свои действия опасениями «как бы на испанской почве не началось прямое противостояние между Германией, Италией и Францией»[6]. Париж интересовала позиция Москвы и перспектива поддержки Франции в испанском вопросе. Кэ д'Орсе испытывал нервозность в связи с визитом в те дни заместителя министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситтарта в Берлин. Советский Союз удачно мог подойти на роль противовеса.

Французский вариант соглашения о невмешательстве в дела Испании предполагал участие в нем и СССР, но предложение французская дипломатия не решалась выдвинуть, не заручившись принципиальным согласием Москвы. Следующий шаг Парижа в этом направлении – передача СССР днем позже, 5 августа, уже официального предложения принять принцип невмешательства во внутренние дела Испании и «участвовать в отмеченном соглашении». Великобритания о данной акции не была заранее проинформирована[7]. Более того, временный поверенный в делах Франции в Великобритании М. Камбон в беседе 6 августа с Дж. Маунси (помощник зам. министра иностранных дел Англии. – *В.М.*), не упомянул о советском ответе и отказался от предложенного британского посредничества в Москве[8].

---

[1] Ibid. Doc. 17, 25. P. 52. Ref. 3.

[2] Ibid. Doc.56, 59. P.97-98, 100-101; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.44. P. 47-48.

[3] DDF. 2e sér. T.3. Doc. 30, 33, 34, 56, 59, 66, 69, 111.

[4] DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58.

[5] DDF. 2e sér. T. 3. Doc. 56, 59; DBFP, 2nd ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58; Doc. 54. P. 60; АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 193.

[6] АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 194-195; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 52. P. 58-59.

[7] АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 193.

[8] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 64. P. 68.

Германия, Италия и Португалия из опасения открытой поддержки республиканцев Советским Союзом хотели связать его соглашением о невмешательстве. Эти демарши, а также нежелание скомпрометировать себя в глазах общественного мнения побудили Лондон в итоге смириться с фактом присоединения СССР к соглашению о невмешательстве. Если в июле 1936 г. Москва выжидала, то с начала августа советская дипломатическая активность в испанском вопросе заметно возросла («с ответом медлить нельзя»[1]). Мотивировались эти шаги тем, что СССР может быть втянут в длительные переговоры, во время которых (первые четкие контуры советской позиции в испанском вопросе!) Франция будет считать себя связанной переговорами, а Германия и Италия будут продолжать помогать мятежникам[2]. В ЦК ВКП(б) «испанский вопрос» было поручено курировать секретарю ЦК Л.М. Кагановичу, по линии НКИД, кроме Крестинского, Х.С. Вейнбергу. В течение августа 1936 г. Вейнберг 16 раз встречался для обсуждения испанской проблемы с поверенным в дела Франции в СССР Ж. Пайяром. Дважды Литвинов направлял ему ноты. 5 служебных записок по Испании за это время Крестинский подготовил Сталину (14 августа – 2). Одновременно шел интенсивный обмен телеграммами НКИД СССР с советскими полпредами в ведущих европейских странах[3]. 8 августа 1936 г. Пайяр передал в НКИД СССР проект декларации о невмешательстве. Советское руководство не согласилось с преамбулой соглашения, точнее, разделом, обосновывавшим цель его заключения, подчеркивая, что мотивы подписания данного документа у стран-участниц не совпадают, и «трудно найти формулировку, которая была бы приемлемой для всех стран». Вводная часть, подчеркивал Крестинский в тот же день в служебной записке Сталину, составлена таким образом, чтобы под ней могли подписаться государства, симпатизирующие противоположным сторонам испанского конфликта. Тем самым, документу придавался «характер декларации, легализующей фашистов в качестве равноправной воюющей стороны»[4]. Крестинский считал, что правильнее ограничиться перечислением обязательств, которые принимали бы на себя договаривающиеся стороны. С этим предложением не были согласны французы, что подчеркнул Пайяр в беседе с Вейнбергом 13 августа. Франция опасалась, что аналогичные коррективы начнут делать другие страны для внесения поправок уже по существу текста соглашения. О содержании инструкции французского МИДа, полученной в тот же день, Пайяр счел необходимым проинформировать в частном порядке Вейнберга и в конце беседы попросил принять его на следующий день для официального разговора по существу вопроса[5].

При анализе хода выработки текста соглашения прослеживается стремление английской стороны оказать давление на Францию и желание взять процесс под свой контроль. Английских политиков и дипломатов настораживало, что Париж действовал излишне самостоятельно, не консультируясь с ними, и не всегда ставя в известность о предпринимаемых шагах. После отказа от предложенной Лондоном политической и дипломатической поддержки французским инициативам в Москве (6 августа), английская дипломатия активизировала свою деятельность по испанскому вопросу в Лиссабоне, Риме и Берлине. 11-15 августа Иден и его помощники в ходе интенсивного обмена мнениями и информацией с Клерком и британскими послами в Италии и Германии, с французским посольством в Лондоне пытались корректировать французские действия[6]. Возникли даже некоторые временные англо-французские разногласия тактического характера: англичане предлагали сначала запретить экспорт оружия и амуниции в Испанию, французы отстаи-

[1] АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 19-20. Н.Н. Крестинский – генеральному секретарю ЦК ВКП (б) тов. И.В. Сталину, 5 августа 1936 г.

[2] Там же. Ф.098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 218-219.

[3] Там же. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14; Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53; Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658; Ф. 415. Оп. 8. П. 57. Д. 2; ДВП СССР. Т. 19. Прим. 156. С. 761.

[4] ДВП СССР. Т. 19. С. 397; АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 28. Н.Н. Крестинский – генеральному секретарю ЦК ВКП (б) тов. И.В. Сталину, 8 августа 1936 г.

[5] АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 28, 41.

[6] DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 64, 79- 81, 83-84, 86-96. P. 67-68, 85-104.

вали идею заключения полномасштабного соглашения. Как показывает анализ, события пойдут по британскому сценарию[1].

14 августа Пайяр вручил Вейнбергу памятную записку, передав просьбу Дельбоса снять советские поправки к вводной части проекта соглашения и срочно дать ответ. В записке отмечалось, что настойчивость советской стороны по содержанию преамбулы соглашения дает другим правительствам (в частности, итальянскому) повод затянуть на неопределенный срок обсуждение остальных пунктов. И в данной записке, и в ходе беседы Пайяра с Вейнбергом подчеркивалась мысль, что особое значение факту полного сохранения вводной части проекта придает британское правительство[2]. В тот же день Сталину вместе с этим французским документом была передана служебная записка Крестинского, предлагавшего снятие советской поправки только, если с этим согласятся другие государства. Во всех иных случаях позиция Москвы оставалась неизменной: «У нас нет в данный момент оснований пересматривать свое отношение к вводной части французского проекта». Это предложение было зафиксировано в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 августа (протокол № 42) и повторено в тот же день Вейнбергом Пайяру[3].

Воспользовавшись затягивавшейся паузой, инициативу перехватила Великобритания, постепенно навязывая свои правила игры. Британский проект ноты, переданный 14 августа Клерком Дельбосу, предлагал под предлогом острой необходимости принятия срочных мер подписать соглашение в двустороннем порядке. Эта нота (о запрете экспорта оружия и амуниции в Испанию, прямого или косвенного) повторяла первоначальный французский вариант. Французская сторона, согласившись на британское предложение, не усмотрела в этом демарше достаточно тонкий ход: в декларации говорилось о вступлении в силу только после подключения к ней Германии, Италии, Португалии и Советского Союза. 15 августа в Париже были подписаны оба эквивалента декларации[4].

По мнению Ф. Вейнберга, 16 августа обсуждавшего этот факт с Пайяром, французский дипломат был несколько удивлен двусторонним характером обмена нот. В сообщении же Пайяра в Париж (17 августа) отмечалось, что задержка советской стороны с ответом свидетельствовала о ее замешательстве: в случае принятия предложенной процедуры некоторые страны могли трактовать и использовать ее условия в своих интересах, породив опасную двусмысленность. Англо-французский демарш произвел, как показалось Пайяру, неблагоприятное впечатление на советских лидеров. Французский дипломат был убежден, что Советский Союз «относительно своей международной политики страдает комплексом неполноценности, который иногда определяет его обидчивую реакцию»[5]. В последующие дни британские дипломаты в Риме и Берлине активно убеждали своих итальянских и германских коллег в необходимости максимально быстро присоединиться к соглашению и не настаивать на включении каких-либо изменений в текст декларации.

Берлин высказал принципиальное согласие 17 августа 1936 г., а присоединился к соглашению неделей позже, 24 августа. Подвижки в позиции Италии явились, по мнению Ингрэма, результатом переговоров французского посла в Риме Шамбрена с Чиано в ночь с 19 на 20 августа. На следующий день Италия и Португалия стали очередными участниками соглашения. Итальянский вариант ноты о невмешательстве, как, впрочем, и немецкий и португальский, не содержал преамбулы с мотивацией[6]. О достигнутых положительных результатах в Риме и Берлине Пайяр 21 августа сообщил Вейнбергу, но полнота информации, как и объем записей беседы двух дипломатов, существенно

[1] Ibid. Doc.67. P.71-71; DDF. 2e sér. T.3. No. 108. Note.1. P. 159.

[2] АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 41, 38-39, 40, 44.

[3] Там же. Л. 42-43; Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 182; Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923-1939. М., 2001. С. 339.

[4] DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc.94, note 1, 3. P.100-102; Doc. 95-96. P.103-104; DDF. 2e sér. T.3. Doc. 150. P.221-223.

[5] АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д. 14. Л.183; DDF. 2e sér. T.3. Doc. 156. P. 229.

[6] АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д. 14. Л.180; DBFP. 2nd. ser. Vol. 17. Doc. 101, 103-106, 116, 121. P. 108-139, 147-148; DDF. 2e sér. T.3. Doc. 185.

сократились. Запрашиваемые Москвой подробные сведения о позициях всех участников переговоров Париж Пайяру не передал. Когда же 21 августа Советский Союз еще не выразил официального согласия, Пайяр подчеркнул, что уполномочен своим МИДом ускорить ответ советского правительства, и предложил наметить новую формулу, в некоторой степени учитывающую советские замечания к преамбуле декларации. Настойчивость французской дипломатии, как свидетельствуют архивные материалы, была расценена советской стороной как проявление явной нервозности[1].

23 августа 1936 г. Политбюро ЦК ВКП (б) сняло советские поправки к вводной части французской декларации о невмешательстве в испанскую войну и предложило Литвинову подписать декларацию. В тот же день посредством обмена нотами с французским правительством СССР присоединился к соглашению о невмешательстве[2]. После аналогичной акции Германии 24 августа 1936 г. Соглашение о невмешательстве в дела Испании было подписано ведущими европейскими странами (всего 27 государств). Различие в понимании назначения декларации о невмешательстве, трактовке основных положений предопределяло разный подход в реализации и обрекало этот документ на непродуктивность.

Франция в конце августа 1936 г. предложила создать международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании (Комитет по невмешательству), что являлось серьезным нарушением Устава Лиги Наций. Великобритания заявила о своей готовности предоставить Лондон как место работы данного Комитета, что устроило и Италию, и Германию, без особых симпатий относившихся к правительству Л. Блюма и не уверенных в политической стабильности тогдашней Франции. С данной инициативой, акцентируя ее французское авторство, согласилось и советское правительство[3]. Франция еще не следовала беспрекословно в фарватере британской «испанской» политики. В августе-сентябре 1936 г. эскалация испанского конфликта и позиции Италии и Германии ускорили процесс ее подчинения английским интересам.

Заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (1935), приход к власти левых сил во Франции (1936) дали британским политикам повод опасаться потерять в лице этой страны потенциального политического союзника. Британское руководство поставит на повестку дня задачу «нашей защиты Франции *всеми возможными способами* (курсив наш - *В.М.*) от нашествия коммунизма под влиянием гражданской войны в Испании» и «помочь Л. Блюму освободиться из-под русского влияния». Из меморандума заместителя министра иностранных дел Великобритании Ванситтарта по итогам визита в Германию и Францию в августе 1936 г. следовали тактические установки: максимально подчинить себе французскую политику в Комитете по невмешательству в дела Испании, оказать нажим на французских лидеров, доказывая бесперспективность их сотрудничества с СССР и целесообразность кооперации с Британией перед лицом потенциальной фашистской агрессии[4]. В свою очередь, советская дипломатия регулярно пыталась внушить французской стороне опасность попадания под английское влияние: «И для Франции, и для Англии было бы гораздо лучше, если бы Париж проявлял больше самостоятельности»»[5].

Безусловно, европейские лидеры отдавали себе отчет, что «испанские события создают большое количество осложнений и конфликтов в Европе»[6]. Но понимание форм и методов достижения локализации испанского конфликта у ведущих участников политики «невмешательства» не совпадало. Германия и Италия выступили на стороне мятежников для скорого завершения войны. Советский Союз, пусть не сразу, но поддержал республиканцев,

[1] АВП РФ. Ф.097. Оп. 11. П.102. Д. 14. Л. 179. Запись разговора Вейнберга с Пайяром, 21 августа 1936 г.

[2] Политбюро ЦК РКП (б) - ВКП (б) и Европа. Док. 243. Прим.2. С. 340; АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.53. Л. 52-53.

[3] АВП РФ. Ф. 010. Оп.11. П.71. Д.53. Л.55.

[4] DBFP. 2nd ser. Vol.17. Doc. 84. P.91. Нота сэра Сэрджента, Форин Офис, 12 августа 1936 г.; Doc. 200. P. 270; Ap.1. P.773. Меморандум Р. Ванситтарта, 16 сентября 1936 г.

[5] АВП РФ. Ф.011. Оп.2. П.17. Д.165. Л.253; Ф.069. Оп.21. П.62. Д.4. Л.70.

[6] Там же. Ф.069. Оп.21. П.62. Д.4. Л.96-97.

при этом, подобно европейским партнерам, заявляя о желании ликвидировать интервенцию и превратить испанский конфликт в сугубо испанский. Официальный Париж открыто не поддержал какую-либо сторону, но Франция фактически всю войну позволяла нелегально использовать свою территорию для транзита грузов в республиканскую Испанию.

Дальнейшая французская позиция в испанском вопросе эволюционировала по мере углубления конфликта в соседней стране и обострения кризиса в самой Франции: постепенное ослабление Народного фронта и поправение правительства было фактически пропорционально нарастанию в нем про-франкистских тенденций. Неспособность Франции реально повлиять, в том числе, и на рассматриваемый аспект испанской ситуации в очередной раз демонстрировала ее слабость на европейской сцене. Анализ внешней политики Франции времен Испанской войны свидетельствует о ее постепенной капитуляции на европейской сцене. Отдельные проявления самостоятельности (некоторые демарши в Комитете по невмешательству, Нионская конференция 1937 г.) общей картины принципиально не изменили. Посол Франции в Москве Кулондр, в чьем лице советская дипломатия имела «человека, который не любит ставить ноги, не прощупав почву, и делать поспешных заявлений», подчеркивал в декабре 1936 г., что «наши симпатии идут в одном направлении [с республиканской Испанией]», оговариваясь, что французской политике в этом направлении приходится считаться с английскими настроениями[1]. По выражению министра авиации Пьера Кота (сторонника альянса с СССР), «Блюм намеревался отправиться на встречу с Москвой после остановки по пути в Лондоне» [Colton, 1966, p. 211].

«Испанский козырь» сыграл не последнюю роль и в «борьбе за Францию» 1936-1939 гг. между Великобританией и СССР. Советская дипломатия, обсуждая с французской перспективы потенциального союза, старалась максимально утрировать опасность для нее германской угрозы[2]. Поставленная перед выбором - где больше терять: «на британских качелях или на русской карусели», Франция вынуждена была в итоге склоняться к первым: «Русский аспект в Испании обманет ожидания, создавая при этом разногласия с английскими настроениями. Я [Ванситтарт – *В.М.*] подчеркнул это мистеру Легеру с просьбой повторить Блюму, что тому будет оказана помощь в сопротивлении русскому нажиму»[3]. Цели не потерять Францию как потенциального партнера были подчинены и начавшиеся в ноябре 1936 г. секретные военные франко-советские переговоры, закончившиеся безрезультатно [Белоусова, 1992, с. 85-86]. Вернувшийся из поездки в Париж в конце апреля 1937 г. Кулондр рассказывал Потемкину, что Блюм, Дельбос и Даладье намерены обсуждать проблему контактов французского и советского генеральных штабов «при участии всех членов кабинета», что при тогдашней внутриполитической расстановке во Франции делало эту проблему заведомо бесперспективной. Еще летом 1937 г. советское руководство не теряло надежды на возобновление переговорного процесса[4]. Но оно не хотело создавать впечатление особенной заинтересованности в скорейшей установке контакта штабов[5].

Осложнение ситуации в Европе (в том числе, и политикой «невмешательства» в дела Испании) в 1937-1938 гг., усилило значимость проблемы противников и союзников в назревавшей войне. По мере поправения французского правительства «для французских правых «красная угроза была страшнее «коричневой опасности» [Челышев, 1999, с.22]. Франция уже во многом уступила инициативу в решении глобальных европейских проблем (в том числе, и испанской) Великобритании. «Видя, что Франция каждую свою акцию спешит согласовывать с Лондоном, англичане все больше привыкают к такому положению», - записал в своем дневнике после беседы с Шотаном и министром просвещения Жаном Зеем в январе 1937 г.

[1] Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л. 55-б.

[2] Один из характерных примеров – беседа советского полпреда В.П. Потемкина с Дельбосом 18 ноября 1936 г. – АВП РФ. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.173.

[3] DBFP. 2nd ser. Vol.17. Doc.200. P. 270.

[4] АВП РФ. Ф.0136. Оп. 21. Д.837. Л.3.

[5] Там же. П.169. Д.839. Л.27.

полпред СССР во Франции В.П. Потемкин[1]. В Комитете по невмешательству в дела Испании с лета 1937 г. Франция почти полностью следовала британскому курсу. По мнению И. Майского, Шотану, Блюму и Дельбосу следовало бы почаще вспоминать Барту, который «умел оказывать сильнейшее влияние на Лондон, нередко он диктовал свою волю Форин офису»[2]. В начале декабря 1936 г. после беседы с Кулондром А.Ф. Нейман отмечал: «… ведь и французская политика могла бы, проявив большую твердость, влиять на политику Англии»[3].

Почти за полгода до Мюнхена (1938) - «второго Седана для Франции» - советская дипломатия, как свидетельствуют архивные источники, делала вывод, что «наш пакт [советско-французский, 1935 - *В.М.*] существует только на бумаге, находится в состоянии «анабиоза»[4]. Для Франции и СССР в годы испанской войны антифашизм, к сожалению (в плане ближайшей перспективы), не стал основополагающим принципом сближения. Перед лицом новой угрозы, многократно усиленной событиями в Испании, отношения по линии Париж-Москва не приобрели нового содержания, которое было так необходимо для остановки этой угрозы. Боязнь союзов, сепаратных соглашений в годы испанской войны всеми будущими членами антигитлеровской коалиции привела к тому, что договор становился орудием политической борьбы. Итоги ее станут печальными для всех участников.

Список литературы
References

1. Белоусова З.С. 1992. Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество. Европа между миром и войной. 1918-1939. М., Наука, 7-101.

Belousova Z.S. 1992. Evropeyskaya politika Velikobritanii i Frantsii: protivorechiya i sotrudnichestvo. Evropa mezhdu mirom i voynoy. 1918-1939. M., Nauka, 57-101. (in Russian)

2. Пожарская С.П. 2002. Россия и Испания в годы наполеоновских войн (1808-1812 гг.). Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., Наука, 238.

Pozharskaya S.P. 2002. Rossiya i Ispaniya v gody napoleonovskikh voyn (1808-1812 gg.). Rossiya i Evropa. Diplomatiya i kul'tura. M., Nauka, 238. (in Russian)

3. Челышев И.А. 1999. СССР-Франция: трудные годы 1938-1941. М., Наука, 367.

Chelyshev I.A. 1999. SSSR-Frantsiya: trudnye gody 1938-1941. M., Nauka, 367. (in Russian)

4. Ciano G. 1948. Diplomatic Papers. 1936-1942. L., F.O., 226.

5. Colton J. 1966. Leon Blum. Humanist in Politics. N.Y., 512.

6. Dreifort J.E. 1973. Ivon Delbos at Quai d'Orsay. French Foreign Policy during the Popular Front. 1936-1938. Lawrence, Kansas, 273.

7. Eden A. 1962. Facing the Dictators. L., F.O., 499.

8. Edwards J. 1979. The British Government and the Spanish Civil War, 1936-1939. L., 280.

9. Gallagher M.D. 1971. Leon Blum and the Spanish Civil War. Journal of Contemporary History. Vol.6. N 3, 56-64.

10. Grandmougin J. 1966. Histoire vivante du Front populaire, 1934-1939. P., 501.

11. Joll J. 1960. Intellectuals in Politics; three biographical essays. London,Weidenfeld & Nicolson. 228.

12. Stone G. 1989. The European Great Powers and the Spanish Civil War / Parts to War: New Essays on the Origins of the Second World War. Ed. by R. Boyce and E. M. Robertson. L., 199–232.

13. Thomas H. 1977. The Spanish Civil War. N.Y., s.e., 700.

14. Warner G. 1962. France and Non-Intervention in Spain, July and August 1936. International Affairs. Vol. 38. 2: 203-220.

15. Watt D.C. 1975. Britain, France and Italian Problem. Les relations Franco - britaniques de 1935 a 1939. Paris, 243-262.

16. Whealey R. 1971. Foreign Intervention in the Spanish Civil War. The Republic and the Civil War in Spain. L., N.Y., 213-238.

[1] Там же. Ф.011. Оп.1. П.7. Д.73. Л.9.

[2] Там же. Ф.069. Оп. 21. П.62. Д.4. Л.117

[3] Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л. 56(б). Дневник А.Ф. Неймана. Запись разговора с французским послом Кулондром. 8 декабря 1936 г.

[4] Там же. Ф.011. Оп. 2. П.17. Д.165. Л. 201, 111.

УДК 94(430).086
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-85-89

ПОЛИТИКА ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ В ОТНОШЕНИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СССР НАКАНУНЕ МЮНХЕНА (1938 г.): ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

HITLER'S GERMANY POLICY TOWARDS GREAT BRITAIN AND USSR ON THE EVE OF MUNICH (1938): INFORMATION ASPECT

С.Ю. Крупская, А.Ю. Крупская
S.U. Krupskaya, A.U. Krupskaya

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: krupskaya@bsu.edu.ru, krupskaya_a@bsu.edu.ru

Аннотация
В статье рассматривается информационное сопровождение нацистской Германией кампании по решению судетского вопроса накануне Мюнхенской конференции (1938 г.). Выделяются внешнеполитические линии пропаганды - в отношении Чехословакии, СССР и Великобритании, анализируются их содержательный компонент, значение в подготовке Мюнхена, дается оценка роли пропагандистских и дипломатических усилий Германии в июне – сентябре 1938 г. Пропагандистское обоснование внешнеполитического курса Германии накануне Мюнхенского кризиса для Гитлера и его сподвижников представляло в содержательном плане достаточно сложную проблему.

Abstract
The article examines the informational support of Nazi Germany's campaign to resolve the Sudeten question on the eve of the Munich Conference (1938). The foreign policy lines of propaganda are singled out for Czechoslovakia, the USSR and Great Britain, their substantive component, the significance in the preparation of Munich are analyzed. The role of Germany's propaganda and diplomatic efforts in June-September 1938 are described. The propaganda substantiation of Germany's foreign policy on the eve of the Munich crisis for Hitler and his associates represented a rather complex problem in the content plan. This was due, first of all, to the fact that it was not possible to use the completely "old", approved by the National Socialist propaganda in regional conflicts of different levels of arguments and theses, in the Czech-Slovak direction. These propaganda "tricks" could only be used as auxiliary, since the Sudeten Germans had never been part of Germany and did not constitute the "German majority" in Czechoslovakia (in contrast, for example, from an ethnically close Austria).

Ключевые слова: НСДАП, нацистская пропаганда, идеология, внешняя политика, судетский вопрос, Мюнхенская конференция (1938).
Key words*:* NSDAP, Nazi propaganda, ideology, foreign policy, Sudeten question, Munich conference (1938).

Пропагандистское обоснование внешнеполитического курса Германии накануне Мюнхенского кризиса для Гитлера и его сподвижников представляло в содержательном плане достаточно сложную проблему. Это было связано, в первую очередь, с тем, что использование в полной мере «старых», апробированных национал-социалистической пропагандой в региональных конфликтах различных уровней аргументов и тезисов, в чехословацком направлении не представлялось возможным. Данные пропагандистские «уловки» могли быть использованы лишь как дополнительные или вспомогательные, поскольку

судетские немцы никогда не входили в состав Германии и не составляли «немецкого большинства» в Чехословакии (в отличие, например, от близкой в этническом плане Австрии). Главной задачей нацистской пропаганды в этом направлении был поиск «правильных» аргументов. Поскольку основную массу населения в Чехословакии составляли чехи и словаки, вторыми по численности были судетские немцы, далее шли венгры, русины, поляки, то пропагандисты гитлеровской Германии сделали ставку на тактику «разыгрывания» национальной карты, что могло обеспечить рост сепаратистских тенденций в Чехословакии. Для реализации выбранного курса аппарат Геббельса сосредоточил свое внимание на нескольких аспектах, успешно «раскручиваемых» внутри своего государства и за его пределами. Среди них можно выделить четко прослеживаемый и уже апробированный ранее антисоветский вектор, собственно античехословацкий и осторожный британский. В июне 1938 г. пресса Третьего рейха удвоила усилия по пропагандистской обработке чехословацкого населения, что отразилось в агитационной деятельности судетских немцев. Такая политика демонстративно одобрялась членами немецкого правительства. Например, нацистский деятель Р. Гесс, выступая от имени фюрера, открыто заявил о праве судетских немцев на «самоопределение», о «преступлениях» против национальных меньшинств, чинимых в Чехословацкой республике и неспособности ее правительства навести порядок внутри страны, что представляло серьезнейшую опасность миру в Европе[1].

Параллельно то с усилением, то с ослаблением внимания собственно к «бедам» Чехословакии, в германской прессе была возобновлена антисоветская кампания, с акцентом на том, что «Чехословакия – оплот большевизма». Этот мотив в пропаганде рейха фигурировал и раньше, но с начала июня 1938 г. ему придали особый размах. Поводом, по мнению представительства СССР в Берлине, послужило открытие советской выставки в Праге[2]. Генлейн и члены его партии поддержали антисоветские настроения, распространяя в Чехословакии мнение о том, что между Прагой и Москвой установилось слишком тесное сотрудничество: «Чешские ученики довольно быстро выучились у своих московских учителей методике владения различными видами пропагандистской обработки широких народных масс»[3]. Интересна в этом ключе оценка сложившейся в Чехословакии ситуации генеральным директором Живностенского банка д-ром Прайса, который утверждал, что 1938 год наглядно показал - «дружественные иллюзии, возникшие на фоне мирных договоров и вследствие создания народных объединений, разочаровывают. Мир, последовавший за мировой войной, к сожалению, не был ангельским миром, т.е. миром, являющимся одновременно сглаживанием между отдельными, ранее враждовавшими государствами, и сотрудничеством, освещающим лучами восходящего солнца на горизонте»[4]. В целом, в июне – августе 1938 г. пресса пестрела заголовками о «чудовищных зверствах чехов», «кровавом терроре», о «проповеди ненависти чехами», «чешском империализме», «о нарушении границы чешскими самолетами», «грязных делах правительства» в отношении судетских немцев, подчеркивалось бедственное положение в Судетской области [5]. При этом в отношении последнего утверждения (о голоде и бедственной ситуации) нацистские журналисты использовали инсценировки, чтобы подкрепить материалы «вещественными доказательствами» в виде фотографий[6].

С конца июля 1938 г. с целью нагнетания обстановки гитлеровская пропаганда в очередной раз усилила акцент на антисоветском компоненте проблемы. Поскольку борьба против мирового большевизма трактовалась одной из генеральных линий германской политики, то «задача пропаганды заключалась в том, чтобы показать и доказать всем, что он *(большевизм)* являлся врагом всех народов и наций, то есть врагом всего мира»[7]. Так, одновременно в нескольких изданиях появились статьи, объявлявшие Прагу «Коминтернов-

[1] Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 1493 К. Оп.1. Д.3. Л. 60.
[2] Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 56. Л. 177.
[3] РГВА.Ф. 1493 К. Оп.1. Д.3. Л. 132.
[4] Там же. Л. 15.
[5] Angriff. 1938. 1, 9, 18. Juli; 2, 9, 10, 11, 15, 30. Aug.; Völkischer Beobachter. 1938. 1, 6, 17. Juli u.a.
[6] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 56. Л. 222.
[7] Цит. по: [Sywottek, 1976, S. 114].

ским центром», «Московским форпостом», давались разъяснения к истории советско-чехословацких отношений с позиции «советских происков» и предупреждения об «угрожающей всему миру красной опасности, которая сосредоточена в Чехословакии», о том, что «новый агитатор против мира Пьер Кот рекомендует Чехословакию как базу для советско-российского воздушных налетов бомбардировщиков на Германию»[1]. Такая пропаганда в Чехословакии велась не только через прессу, но и с помощью передач на немецком языке. Геббельс называл Чехословакию «гнездом большевизма» и популяризировал ложные слухи о том, что советские войска и самолеты концентрируются в Праге. Под германским руководством генлейновцы вели свою пропаганду в Судетах, способствуя усилению напряжения и созданию инцидентов. Нелегальная нацистская литература, тайно ввозимая из Германии, широко распространялась во всех пограничных районах [Нюрнбергский, 1954, т. 2, с. 573][2].

С прибытием в Прагу английского политика лорда Ренсимена с посреднической миссией (3 июля – 16 сентября 1938 г.) германские газеты по приказу министерства Геббельса заняли двойственную позицию: «не одобрять, но и не порицать миссию Ренсимена» [Hagemann, 1948, S. 355]. В отношении официальной Праги германская печать, наоборот, открыла острую кампанию. *Deutsche Allgemeine Zeitung* писала, что «все, говорилось в эти дни, теряет свой смысл, поскольку благие желания Германии, с которыми она связывала деятельность лорда Ренсимена и его тяжелую миссию, в Праге поняли совершенно неправильно». Газета в резком тоне выступила против статьи, помещенной в пражской газете *Lidové noviny* по поводу приезда лорда Ренсимена, и замечала, что «в Праге легкомысленно играют величайшей ставкой»[3].

Дополнительное давление Германии на Чехословакию и другие европейские государства осуществлялось через беседы нацистских дипломатов по месту службы в Европе. Так, например, советник посольства Германии в Великобритании Т. Кордт на встрече с Х. Вильсоном (советником правительства Великобритании по вопросам промышленности) от 23 августа подчеркивал, что с 1918 по 1938 гг. Франция считала Чехословакию и страны Малой Антанты успешным средством «укрощения» Германии, но такая политика потерпела сокрушительное поражение. В отношении Бенеша Кордт заметил, что политика того не вызывает в немецкой общественной и правительственной среде никакого доверия [Akten, 1950, S. 485].

В конце августа 1938 г. германское бюро новостей с еще большей, чем прежде активностью, стало предоставлять «объективные и правдивые» сведения об оккупации чехами судето-немецких деревень, об организации повсеместно «неслыханного чешского террора», оскорблениях и даже нанесениях травм судетским немцам и т.д.[4]. Подобные новости молниеносно распространялись на территории Германии и подготавливали благоприятную почву для оправдания дальнейших действий руководства в отношении Чехословакии.

Насчет сроков предполагаемой в отношении Чехословакии акции, немцы усиленно распространяли версию, что рассчитывают обойтись без войны, которую определенно не хотят и делают все возможное, чтобы договориться с Англией. Франция их как будто мало волновала[5]. Расчет гитлеровских пропагандистов на психологический эффект устрашения Франции и ЧСР приводил к распространению в их среде алармистских настроений.

По мере решения нацистским руководством судетского вопроса, им окончательно был сформирован образ мирового врага - коммунизма, большевизма, России, причем, в различных выступлениях непременно подчеркивалась общность идей и целей Германии со всей Европой в борьбе за «мирное пространство». Так, например Гитлер в своем интервью

[1] Berliner Tageblatt. 1938. 29. Juli; Völkischer Beobachter. 1938. 15. Juli, 11. Aug.; Nationalzeitung. 1938. 22. Aug.

[2] Из выступления заместителя Главного обвинителя от США С. Олдермана (3-5 декабря 1945 г.).

[3] Deutsche Allgemeine Zeitung. 1938. 4. Aug.

[4] РГВА. Ф. 1493 К. Оп.1.Д.20. Л.29.

[5] АВП РФ. Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 56. Л. 230.

французскому писателю А. Шатобриану (31 августа 1938 г.) отмечал, что «наибольшую угрозу Европе представляет большевистское проникновение» [The Essential, 2007, p. 574].

Наивысшей своей точки античешская и антисоветская пропагандистские кампании достигли в первой половине сентября 1938 г. накануне Мюнхенской конференции. В германских газетах активно муссировались «старые» и «новые» тезисы, в частности, о «темном средневековом режиме» в Чехословакии, где «чахнет» множество жизней, унижаются «природные немцы», просьбы которых «о свободе, мире и работе на своей родине» слышны по всему миру, о необходимости облегчения их положения через решение вопроса об «исторических провинциях»)[1]. Усилилась и антисоветская направленность пропаганды, подогревавшая состояние истерии среди чехословацкого населения. Так, показательно выступление Геббельса (10 сентября), в котором он заявил о «большевизации Чехословакии» и о том, что «Прага является центром заговоров большевиков против Европейских государств»[2]. Геринг также произнес речь, подчеркивая, что «мелкий сегмент Европы будоражит человечество»[3]. Теперь Германия не позволит «красной Чехословакии» обидеть своих немецких братьев[4]. Дополнительный эффект создавали нацистские газеты, активно поддержавшие своих лидеров. Так, например, *Völkischer Beobachter* пестрела заголовками «Беззащитные судетские немцы отданы на милость чешско-коммунистическим убийцам», «Прага вооружает Красную Гвардию», «Москва подстрекает Прагу к большой провокации», и др.[5].

На фоне повышенной активности германской прессы, требующей «справедливости» в решении судетского вопроса, национал-социалистические лидеры также вели «хитроумную игру», взывая к «человечности» представителей европейских держав. Так, например, Гитлер в беседе с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, заявил (15 сентября 1938 г.), что судето-немецкий вопрос стал самым актуальным, поскольку уже вышел за рамки теоретического обсуждения. Фюрер акцентировал внимание английского коллеги на том, что по его данным, среди судетских немцев насчитывается около 300 погибших и много сотен раненных. Аргументируя свою политику в отношении Чехословакии, фюрер апеллировал к тому, что его власть в Германии держится на доверии нации, интересы которой он обязан защищать, соответственно, он связан в своих поступках. Он не может ни действовать в сложившейся ситуации, ибо нарушит свои обещания, которые он дал всему немецкому народу, и которые обеспечивают ему доверие с его стороны: он обещал, так или иначе, избавить народ от бед, вызванных Версальским договором. Для достижения этой цели он получил от немецкого народа полномочия [Akten, 1950, S. 628]. Гитлер также обратил внимание Чемберлена на то, что в Чехословакии нет мира, поскольку в течение десятилетий там угнеталось немецкое население. Насильственные меры правительства Чехословакии, в частности, расстрел судетских немцев, в совокупности с чешским поведением, которое с каждым днем приобретало все более агрессивные формы, не способствовало устранению данных трудностей. Германские газеты по приказу Геббельса ничего не сообщали о переговорах Гитлера с Чемберленом в Берхтесгадене, активно обвиняли президента Чехословакии Бенеша, который препятствовал возвращению судетских немцев в «лоно рейха», резюмировали, что «одним визитом Чемберлена судето-немецкой проблемы не решить», а «ужиться с чехами на данном этапе невозможно»[6]. В это же время со стороны нацистской пропаганды наблюдается попытка «глобализации» судетской проблемы, например: «Прага угрожает Европе войной!», «Решение, как мира, так и войны, лежит в Праге»[7]. Чешская пресса подробно комментировала призывы Генлейна, распространяемые по немецкому радио. Так, писала народно-социалистическая газета *České slovo*, Германия прибегла к последним средствам пропаганды. Визит Чемберлена в

[1] Angriff. 1938. 1, 2. Sept.; Frankfurter Zeitung. 1938. 3. Sept.; Völkischer Beobachter. 1938. 3, 4, 16, 17, 21. Sept. u.A.

[2] Völkischer Beobachter. 1938. 11. Sept.

[3] Цит. по: [Ширер, 2002, с. 111].

[4] Völkischer Beobachter.1938. 12. Sept.

[5] Ibid. 1938. 17, 21, 23, 24, 25. Sept.

[6] Angriff, Nationalzeitung. 1938. 14, 15, 16. Sept.; Deutsche Allgemeine Zeitung. 1938. 16, 17. Sept.; Frankfurter Zeitung. 1938. 15, 16. Sept.

[7] Völkischer Beobachter. 1938. 19, 26, 27. Sept.

Берхтесгаден хотят использовать для того, чтобы поставить перед свершившимся фактом английского государственного деятеля. Поэтому Генлейн объявил всеобщую забастовку. Со всех сторон республики немецкая пропаганда разжигает все новые пожары волнений, чтобы тем самым можно было показать, что республика не в состоянии поддерживать спокойствие и порядок[1]. Очередной лозунг нацистской пропагандой был выдвинут в 20-х числах сентября: «Гитлер и Чемберлен работают день и ночь в интересах мира»[2]. В 20-х числах сентября во время очередной беседы фюрера с Чемберленом, первый заявил, что судето-немецкий вопрос носит настолько срочный характер, что его нельзя больше откладывать [Akten, 1950, S. 694, 697].

Истерия вокруг чешско-судетского вопроса нагнеталась. 26 сентября 1938 г. Гитлер произнес речь, опубликованную на следующий день в специальном мюнхенском выпуске *Völkischer Beobachter* [Нюрнбергский, 1954, т. 1, с. 330]. А. Франсуа–Понсэ отмечал, что в сентябре дни «рейх ни на секунду не ослаблял свои атаки против Чехословакии». Согласно германским газетам, ситуация в Праге больше не подконтрольна его правительству, заражена даже армия, командование предано Москве [Документы, 1981, т.1, с. 200].

С момента начала работы Мюнхенской конференции по судетским немцам (29 сентября 1938 г.) характер пропаганды изменился. Основное острие было персонифицировано и направлено против президента Бенеша[3]. Соответственно, такой «сценарий» очень напоминал австрийский. Германское руководство, пользуясь разногласиями, а также наличием конфликтогенных факторов по линии отношений Великобритания – СССР, заняло весьма выгодную позицию – нападать на одних, с целью изоляции накануне решения вопроса по Чехословакии (СССР) и демонстрировать дружелюбие, надежду в отношении к другим (Великобритании). Возможность для реализации такой кампании и ее успешность, во многом, были обусловлены одинаковыми позициями государств в отношении СССР, только Германия выражала ее со всей очевидностью и ясностью, а Великобритания маскировала ее, облекала в двусмысленные тезисы и вела дипломатические игры.

Список литературы
References

1. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т. 1. Ноябрь 1937-декабрь 1938. 1981. М., Политиздат. 666.

Dokumentyi i materialyi kanuna vtoroy mirovoy voynyi. 1937-1939. T. 1. 1981. M., Politizdat, 1981. 666. (in Russian)

2. Нюрнбергский процесс. 1954. Сб. мат. В 2 т. М., Политиздат. 788, 944.

Nyurnbergskiy protsess. 1954. Sb. mat. V 2 t. M., Politizdat. 788, 944. (in Russian)

3. Ширер У. 2002. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. Пер. с англ. М., ЗАО Центрполиграф. 533.

Shirer U. 2002. Berlinskiy dnevnik. Evropa nakanune Vtoroy mirovoy voynyi glazami amerikanskogo korrespondenta. Per. s angl. M., ZAO Tsentrpoligraf. 533. (in Russian)

4. Angriff. 1938. 1, 9, 18. Juli; 2, 9, 10, 11, 15, 30. Aug.; 1, 2, 14, 15, 16, 24. Sept.

5. Berliner Tageblatt. 1938. 29. Juli.

6. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1938. 4. Aug.; 16, 17. Sept.

7. Frankfurter Zeitung. 1938. 3, 15, 16, 28. Sept.

8. Nationalzeitung. 1938. 22. Aug.; 14, 15, 16. Sept.

9. The Essential Hitler: Speeches and Commentary / Hitler: [ed. with commentary by] Max Domarus.1st ed. Vol. 2. 1935-1938. Wauconda, Illinois USA, 2007. 688 p.

10. Völkischer Beobachter. 1938. 1, 6, 15, 17. Juli; 11. Aug.; 11, 12, 17, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28. Sept.

11. Hagemann W. Publizistik im Dritten Reich. Hamburg: Verlag, 1948. 597 S.

12. Sywottek J. Mobilmachung für den totalen Krig. Die propagandistische Vorbereitung der Deutschen Bevlkerung auf den Zweiten Weltkrieg. Opladen, 1976. 388 S.

[1] РГВА. Ф. 1493 К. Оп.1.Д.20. Л. 6.

[2] Angriff. 1938. 24. Sept.

[3] Frankfurter Zeitung. 1938. 28. Sept.; Völkischer Beobachter. 1938. 27, 28. Sept.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 902.3
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-90-96

ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НЕКРОПОЛЯ ЧУДОВА МОНАСТЫРЯ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

THE INVESTIGATIONS OF WOODEN BURIAL CONSTRUCTIONS OF THE CHUDOV MONASTERY`S NECROPOLIS OF THE MOSCOW KREMLIN

Е.Е. Васильева
E.E. Vasileva

Институт археологии Российской академии наук,
Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences,
19 Ulyanova St., Moscow, 117036, Russia

E-mail: veda_lv@mail.ru

Аннотация
В статье представлены предварительные результаты археологических исследований на месте демонтированного корпуса №14 Московского Кремля. Ранее на этом месте располагался Чудов монастырь, разрушенный в 1929 – 1930 гг. В ходе широкомасштабных раскопок 2016 – 2017 гг. в восточной части кремлевского холма были исследованы остатки построек Чудова монастыря и часть монастырского некрополя. Число изученных погребений превышает 100, большая часть захоронений совершена в деревянных гробах. В статье дается краткая характеристика погребального обряда, в том числе, деревянных погребальных конструкций и приводится реконструкция их форм.

Abstract
Over 2016-2017, the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences undertook archaeological investigations on the eastern sector of the Kremlin Hill, at the grounds of the former 'Corpus-14' building of the Moscow Kremlin (Russian Federation, Moscow). The paper summarizes preliminary results of archaeological excavations conducted on the site where the Chudov monastery had stood before they were torn down in 1929–1930. The excavations revealed foundations of several Chudov monastery buildings dated to the 15th–17th centuries. These excavations unveiled burials of the monastery's cemetery – whose territory abutted the Archangel Michael Cathedral. The number of investigated burials is more than 100. The burials of the monastic cemetery include several burials in costly whitestone coffins, as well as tombs identifiable as belonging to members of the clergy. But most of the burials are made in wooden coffins. All burials were made according the strictest Christian rites and can be dated to the period of late 14th to 17th century. However, the majority of these burials related to the period of the 15th - 16th centuries. The article gives a brief description of the burial rite, including wooden burial constructions, and provides a reconstruction of their forms.

Ключевые слова: Московский Кремль, Чудов монастырь, монастырский некрополь, деревянные погребальные конструкции.
Keywords: Moscow Kremlin, Chudov monastery, monastery necropolis, wooden burial constructions.

При археологических исследованиях, проведенных Институтом археологии РАН в 2016-2017 годах в восточной части Московского Кремля, появилась уникальная возможность изучения некрополя Чудова монастыря, на месте которого в 1929 – 1932 гг. было возведено здание 14 корпуса, на настоящий момент демонтированное. Комплекс Чудова монастыря занимал выдающееся место в сакральном пространстве средневековой Москвы [Баталов, Беляев, 2010. С. 295, 311].

Чудов монастырь был основан митрополитом Алексеем. В 1365 г., по его инициативе, была построена небольшая каменная церковь Чуда Архистратига Михаила с приделом Благовещения[1] [Кучкин В.А. 1967. С. 249]. При великом князе Василии Васильевиче и митрополите Фотии каменная церковь 1365 г. внезапно обрушилась (упали своды центральной части). По мнению В.А. Кучкина, обрушение произошло между 1425 и 1431 гг. [Кучкин В.А. 1967. С. 7-8]. В.А. Кучкин [1967] относит возведение второй Михайловской церкви к периоду между 1431-1437 гг. К 1501–1503 гг. относится перестройка Михайловского собора (храм был освящен 6 сентября 1503 г.).

В 1775-1778 гг. Михайловский собор значительно реконструируется [Забелин, 1905. С. 308]. Были сломаны окружавшие его с трех сторон каменные паперти и четыре боковые главы, разбирается колокольня, а перед входами в собор устраиваются три открытых крыльца.

Впоследствии собор подвергался незначительным переделкам: пристроены новые крыльца с юга и севера, обновлялся интерьер. В таком виде Михайловский собор сохранялся до первой половины XX в.

Все эти изменения в организации пространства влияли и на структуру монастырского некрополя.

Некрополь начинает формироваться с момента основания нового монастыря, хотя сведений о захоронениях, совершенных в XIV-XV вв. в письменных источниках мало[2]. В XVI и XVII вв. кладбище Чудова монастыря стало престижным местом упокоения представителей крупных боярских и княжеских родов, среди них – Морозовы, Собакины, Трубецкие, Куракины, Оболенские и др. [Амвросий, 1810. С. 539; Забелин, 1905. С. 303-307]. Вплоть до второй половины XVIII века в родовых усыпальницах продолжали погребать некоторых представителей этих фамилий [Путеводитель, 1792. С. 208-225]. Последнее захоронение, совершенное в подклете храма Михаила, принадлежит великому князю Сергею Александровичу, дяде Николая II (погиб 4 февраля 1905 г., погребен 4 июля 1906 г.) [Панова, 2003. С. 109].

Общая характеристика. Территория Чудова монастыря (включая собор Чуда Архистратига Михаила в Хонех) сильно пострадала от строительства 1930-х гг. – значительная ее часть была прорезана котлованами подвальных помещений корпуса №14, глубина заложения которых превышала 5 м.

В границы раскопа 2016 – 2017 гг. попала часть некрополя, расположенная к северу и западу от предполагаемого местонахождения собора Чуда Архистратига Михаила начала XVI века. Погребальные комплексы находились под полами подвалов, и были частично уничтожены при строительстве здания 14 корпуса, его фундаментами и коммуникациями.

Верхний ярус погребений фиксируется сразу после снятия бетонного пола подвалов. Около половины от общего количества могильных ям сохранилось лишь на глубину до 20 см, лишь единичные фиксируются на большую глубину (до 50-90 см), что связано с их просадкой в засыпанные котлованы заглубленных частей построек домонгольского периода [Макаров и др, 2017. С. 21].

Всего исследовано 115 погребений (рис. 1). Участок содержит пять – шесть рядов некрополя, ориентация могильных ям приблизительно совпадает с ориентацией реконструируемого по архивным данным здания собора Чуда Архистратига Михаила начала XVI в. Все захоронения совершены по православному обряду, поза погребенных типичная – вытянуто на спине, преобладающие положения рук – сложены на груди или на животе.

[1] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18. Спб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. С. 316.
[2] Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 11. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897. С. 254.

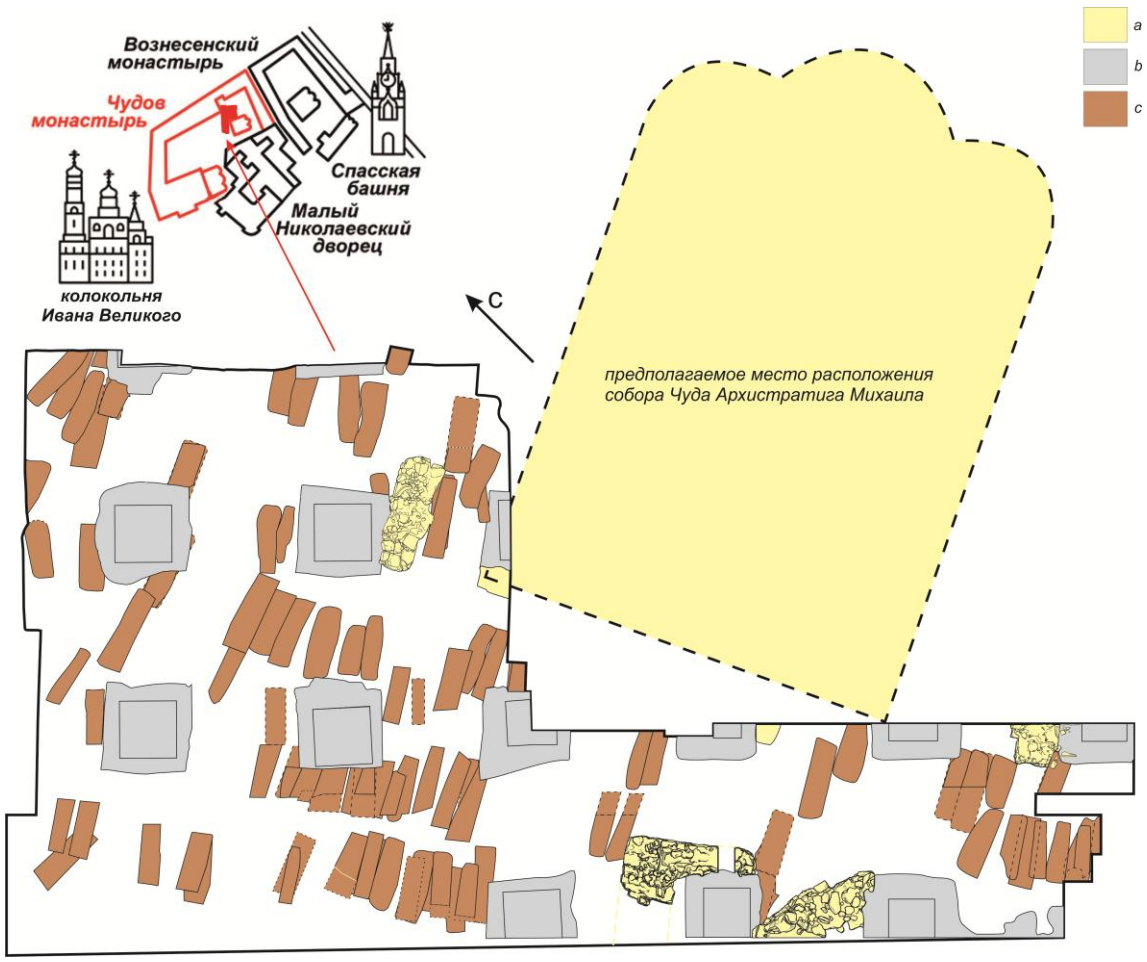

Рис. 1. Схема размещения раскопа 2016 – 2017 гг. Схема расположения погребений.
a – фрагменты выявленных фундаментов; b – фундаменты колонн подвалов корпуса №14;
c – контуры могильных ям

Fig. 1. The scheme of the excavation 2016 – 2017. The scheme of burials`s location a - fragments of found foundations; b - foundations of columns of cellars of the building №14; c - contours of grave pits

Большинство погребальных конструкций представлено деревянными гробами. Встречено всего шесть белокаменных саркофагов.

Точная датировка захоронений затруднена тем, что погребальный инвентарь в них практически отсутствует. Лишь в 12 погребениях встречены ритуальные сосуды – так называемые «елейницы»: 11 керамических (датируются по-разному разными авторами в широких рамках от XV до XVII вв. [Некрополь, 2015. С. 176]) и одна стеклянная (XVII в.[1]).

Кроме того, в двух женских погребениях обнаружены головные уборы – волосники, аналоги которым относятся к XVI–XVII вв.[2] В одном мужском погребении была обнаружена часть воротника с золотным шитьем, который можно по аналогиям датировать XV–XVI вв.

Интересно, что в одном погребении найден фрагмент кирпича, находившийся под головой погребенного. По формату и характерной выделке он близок к строительным материалам Успенского собора конца XV - начала XVI вв. в Ярославле [Яганов А.В., 2012. С. 209-211]. Такой обрядовый элемент интерпретируется как показатель аскетизма погребенного [Макаров, 1981. С. 113; Беляев, 2011а]. Подобная практика встречается и в более поздних захоронениях крупных монастырских некрополей [Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 83, 84].

[1] Определение Е.К. Столяровой.
[2] Определение Н.П. Синицыной.

Белокаменные саркофаги имеют довольно широкую датировку – их можно отнести к периоду XV–XVII вв. [Панова, 2004. С. 85 – 87; Беляев, 2011б. С. 15; Беляев, 2013. С. 86].

Результаты AMS-датирования показали, что уже в XV веке использовались все участки некрополя.

Таким образом, вся совокупность археологических методов датирования позволяет отнести выявленный участок некрополя к концу XIV – XVII вв.

Деревянные погребальные конструкции. Относительно хорошая сохранность деревянных погребальных конструкций дает возможность определить их типы и виды, и исследовать погребальные комплексы престижного некрополя средневековой Руси.

Выявлено 84 деревянных погребальных конструкции, из них 47 гробов сохранились в виде пятен древесного тлена, в основном это части торцов, фрагменты стенок или дна. В некоторых случаях не представляется возможным определить тип погребальной конструкции и существенные ее детали, хотя при фиксации направлений древесных волокон в местах расположения торцов гроб-колоду, к примеру, можно отличить от составного гроба ящичного типа.

Детально реконструировать форму гробов-колод, определить их виды и подвиды мы можем лишь в 38 случаях. Таким образом, мы имеем базу для характеристики деревянных погребальных конструкций, что дает нам возможность проследить состав и типологию полученной коллекции.

Выявленная высота стенок гробов не превышает в среднем 15 – 20 см (с учетом усыхания в грунте), и лишь в отдельных случаях достигает 30 см. Выполнено определение пород дерева для 18 погребальных конструкций. Древесина, использовавшаяся для их изготовления, разнообразна – ель, сосна (по 4 образца), дуб (8 образцов) и липа (2 образца).

Подавляющее большинство исследованных гробов – это колоды прямоугольной, трапециевидной, антропоморфной и ладьевидной форм (рис. 2). В погребениях некрополя не отмечено преобладания той или иной формы. В одном ряду можно встретить разные виды колод, что говорит либо об одновременном бытовании колод разных форм, либо о том, что ряд захоронений продолжался в течение нескольких веков. Материалы, полученные при исследовании некрополя Чудова монастыря в 2016 – 2017 гг, дополняют данные Т.Д. Пановой, которая говорит об использовании трапециевидных колод на кладбищах Москвы в период XV – XVII вв., а антропоморфных – в XV в. [Панова, 2004. С. 71, 72].

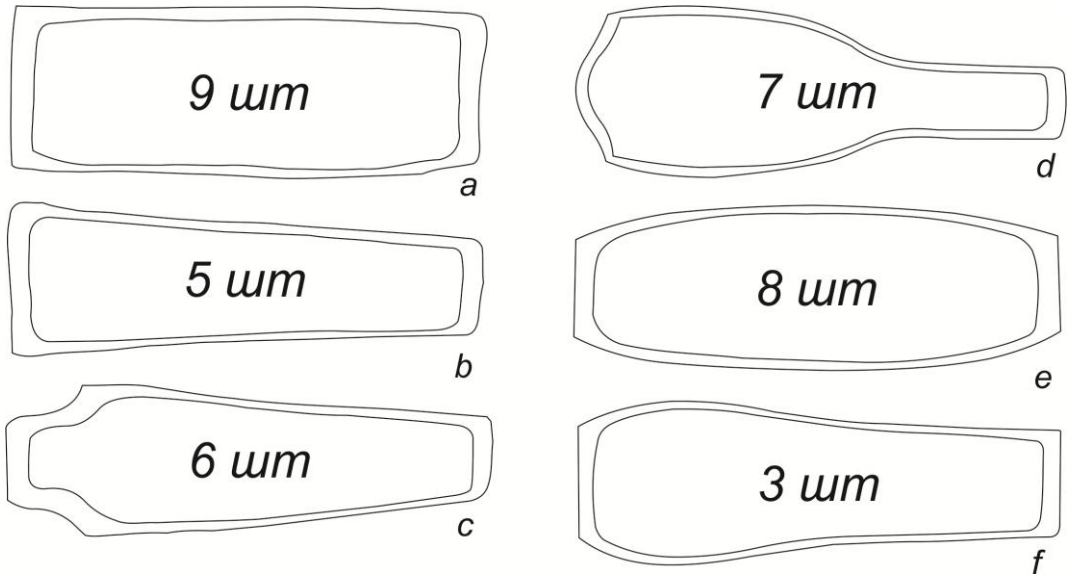

Рис. 2. Деревянные колоды из раскопок некрополя Чудова монастыря: a – прямоугольной формы; b – трапециевидной формы; c, d – антропоморфной формы; e, f – ладьевидной формы. Реконструкция

Fig. 2. The tree trunk coffins from the excavations of the Chudov Monastery`s necropolis: a - rectangular form; b - trapezoid form; c, d - anthropomorphic form; e, f - scaphoid form. Reconstruction

Лишь в одном случае удалось зафиксировать конструкцию составного гроба с креплением на гвоздях. Захоронение было сильно повреждено в 1930-х гг.; сохранилась только головная часть погребения, что не дает нам возможности полностью восстановить форму и размеры гроба. Однако расположение гвоздей дает основание реконструировать его тип сложения: дно со стенками представляют собой единый короб, торцы которого прибиты железными гвоздями к стенкам (рис. 3).

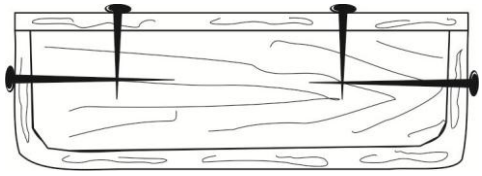

Рис. 3. Разрез составного гроба из раскопок некрополя Чудова монастыря:
а – фото торца в изголовье; б - реконструкция
Fig. 3. The section of the composite coffin from the excavations of the Chudov Monastery`s necropolis: reconstruction

Аналоги встречены при раскопках кладбища, расположенного возле церкви Воздвижения Креста Господня в Великом Новгороде [Гайдуков, Олейников, 2017. С. 32 – 37]. Интересно, что данное захоронение очевидно принадлежит женщине из знатного рода, поскольку она погребена в богатом головном уборе – волоснике с очельем из шелковой ткани, украшенным золотным шитьем. После проведенной реставрации[1] волосника можно сказать, что использованные материалы, техника изготовления, орнаментация позволяют датировать этот головной убор концом XVI – началом XVII вв. Подобные головные уборы были обнаружены при исследовании захоронений русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыря Московского Кремля [Синицына, 2009. С. 78 – 79].

Следует отметить также то, что все гробы выполнены по длине тела погребенного. Лишь в трех случаях (из 38) длина гроба превышает длину тела покойного на 10 – 20 см, а двух – длина гроба чуть меньше, чем длина тела. Встречаются также типовые длины гробов (кратные 5 см), однако они также соответствуют росту умершего. Таким образом, мы не можем с уверенностью утверждать, заказывалось ли изготовление погребальной конструкции для каждого конкретного случая, или для захоронения использовались уже готовые изделия, но можем констатировать соответствие длин гробов и тел усопших.

Несмотря на то, что погребения в западной и северной части центрального ядра территории Чудова монастыря существенно пострадали при строительстве начала 1930-х гг., обнаруженные и проанализированные археологические материалы дают возможность изучить погребальные комплексы одного из наиболее известных русских монастырей. Комплексный анализ материалов дает возможность датировать подавляющую часть захоронений на раскопанном участке периодом с XV по XVII вв.

Установлено, что большинство погребений совершены в деревянных гробах, однако встречено несколько белокаменных антропоморфных саркофагов. Некоторые из обнаруженных деревянных колод имеют близкую (антропоморфную) форму. Схожая ситуация наблюдается и на других кладбищах, содержащих захоронения данного периода [Васильева, Энговатова, 2016. С. 33].

Выявлено значительное количество деревянных погребальных конструкций, сохранность которых позволяет реконструировать их форму и размеры. Размеры чаще всего соответствуют длине тела усопшего. Форма погребальных конструкций традиционна и соответствует материалам, полученным из раскопок других некрополей Москвы периода XV–XVII вв. Одним из признаков статусности захоронения является изготовление колод из стволов 100-200-летних деревьев, в том числе, дуба. Абсолютное преобладание долб-

[1] Реставрация выполняется Н.П. Синицыной.

леных колод также характерно для статусных монастырских некрополей – так, на некрополях Троице-Сергиевой лавры в погребениях XV – XVII вв. встречен только этот тип деревянных погребальных конструкций.

Список литературы
References

1. Амвросий, 1810. Амвросий (Орнатский), епископ. История российской иерархии. Ч. 2. М., В Синодальной типографии, 535-548.

Amvrosii, 1810. Amvrosii (Ornatskyi), episkop. Istoria rossiiskoy ierarhii. Ch. 2. M., V Sinodalnoi tipografii, 535-548. (in Russian)

2. Баталов А.Л., Беляев Л.А., 2010. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., Дизайн. Информация. Картография. 400.

Batalov A. L., Belyaev L. A., 2010. Sakral'noe prostranstvo srednevekovoy Moskvy. M., Dizayn. Informatsiya. Kartografiya. 400. (in Russian)

3. Беляев Л.А., 2011а. Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источники. Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2(5): 72 – 84.

Belyayev L.A., 2011a. Kamen' pod golovoy i lestnitsa v nebo: arkheologiya, ikonografiya, istochniki. Vestnik pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 5: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva. 2(5): 72 – 84. (in Russian)

4. Беляев Л.А., 2011. Опыт изучения исторических некрополей и персональной идентификации методами археологии. (Методика полевых археологических исследований). М., ИА РАН. 56.

Belyayev L.A., 2011б. Opyt izucheniya istoricheskikh nekropoley i personal'noy identifikatsii metodami arkheologii. (Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniy). M., IA RAN. 56. (in Russian)

5. Беляев Л.А., 2013. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., ИА РАН. 264.

Belyayev L.A., 2013. Rodovaya usypal'nitsa knyazey Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Yevfimiyevom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya. M., IA RAN. 264. (in Russian)

6. Васильева Е.Е., Энговатова А.В., 2016. Кладбище при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле: уточнение времени бытования некрополя по археологическим и дендрохронологическим данным. Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сборник статей. Ярославль, Типография ООО «Канцлер», 28 – 33.

Vasil'yeva E.E., Engovatova A.V., 2016. Kladbishche pri tserkvi Ioanna Zlatousta v g. Yaroslavle: utochneniye vremeni bytovaniya nekropolya po arkheologicheskim i dendrokhronologicheskim dannym. Arkheologiya: istoriya i perspektivy: Sed'maya mezhregional'naya konferentsiya: sbornik statey. Yaroslavl', Tipografiya OOO «Kantsler», 28 – 33. (in Russian)

7. Гайдуков П.Г., Олейников О.М., 2017. Великий Новгород. Софийская сторона. Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы охранных археологических исследований. Т. 19. М., Институт археологии РАН. 32 – 37.

Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., 2017. Velikiy Novgorod. Sofiyskaya storona. Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy. T. 19. M., Institut arkheologii RAN. 32 – 37. (in Russian)

8. Забелин И.Е., 1905. История города Москвы. Ч. 1. М., Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К. 283-308.

Zabelin I.Ye., 1905. Istoriya goroda Moskvy. CH. 1. M., Tipo-litografiya T-va I.N. Kushnerev i K. 283-308. (in Russian)

9. Кучкин В.А., 1967. Из литературного наследия Пахомия Серба (Старшая редакция жития митрополита Алексея). Источники и историография славянского средневековья. М., Наука, 242-257.

Kuchkin V.A., 1967. Iz literaturnogo naslediya Pakhomiya Serba (Starshaya redaktsiya zhitiya mitropolita Alekseya). Istochniki i istoriografiya slavyanskogo srednevekovya. M., Nauka, 242-257. (in Russian)

10. Макаров Н.А., 1981. Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей. СА. 2: 111–116.

Makarov N.A., 1981. Kamennyye podushki v pogrebeniyakh drevnerusskikh gorodskikh nekropoley. SA. 2: 111–116. (in Russian)

11. Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю., 2017. Археологические исследования в восточной части московского Кремля в 2014–2016 гг. КСИА. 246: 7 – 27.

Makarov N.A., Engovatova A.V., Koval' V.YU., 2017. Arkheologicheskiye issledovaniya v vostochnoy chasti moskovskogo Kremlya v 2014–2016 gg. KSIA. 246: 7 – 27. (in Russian)

12. Некрополь, 2015. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 2: Погребения XV – начала XVI века. Отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. М., Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль"». 416.

Nekropol', 2015. Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. T. 2: Pogrebeniya XV – nachala XVI veka. Otv. red.-sost. T.D. Panova. M., Federal'noye gosudarstvennoye byudzhetnoye uchrezhdeniye kul'tury «Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml". 416. (in Russian)

13. Панова Т.Д., 2003. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайны. М., Индрик. 224.

Panova T.D., 2003. Kremlevskiye usypal'nitsy. Istoriya, sud'ba, tayny. M., Indrik. 224. (in Russian)

14. Панова Т.Д., 2004. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI – XVI веков. М., «Радуница». 195.

Panova T.D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI – XVI vekov. M., «Radunitsa». 195. (in Russian)

15. Путеводитель, 1792. Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским… Ч. 1. М., В Университетской типографии у В. Окорокова, 201-227.

Putevoditel', 1792. Putevoditel' k drevnostyam i dostopamyatnostyam Moskovskim… CH. 1. M., V Universitetskoy tipografii u V. Okorokova, 201-227. (in Russian)

16. Синицына Н.П., 2009. Методика первичной обработки и консервации археологического текстиля и кожи в лабораторных условиях. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Т. 1: История усыпальницы и методика исследования захоронений. Отв. ред.-сост. Т.Д. Панова. М., Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль"». 72 – 79.

Sinitsyna N.P., 2009. Metodika pervichnoy obrabotki i konservatsii arkheologicheskogo tekstilya i kozhi v laboratornykh usloviyakh. Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. T. 1: Istoriya usypal'nitsy i metodika issledovaniya zakhoroneniy / Otv. red.-sost. T.D. Panova. M., Federal'noye gosudarstvennoye byudzhetnoye uchrezhdeniye kul'tury «Gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Moskovskiy Kreml'"». 72 – 79. (in Russian)

17. Энговатова А.В., Зеленцова О.В., 2005. Исследование участка кладбища XVI – XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры. Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М., ИА РАН. 2: 78 – 87.

Engovatova A.V., Zelentsova O.V., 2005. Issledovaniye uchastka kladbishcha XVI – XVII vekov na territorii Troitse-Sergiyevoy lavry. Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara. M., IA RAN. 2: 78 – 87. (in Russian)

18. Яганов А.В., 2012. Лекальные кирпичи Успенского собора в Ярославле начала XVI в. По материалам археологических раскопок 2004-2008 гг. Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Сборник статей. Ярославль, "Рыбинский дом печати", 209-215.

Yaganov A.V., 2012. Lekal'nyye kirpichi Uspenskogo sobora v Yaroslavle nachala XVI v. Po materialam arkheologicheskikh raskopok 2004-2008 gg. Arkheologiya: istoriya i perspektivy. Pyataya mezhregional'naya konferentsiya. Sbornik statey. Yaroslavl', "Rybinskiy dom pechati", 209-215. (in Russian)

УДК 430
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-97-103

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ)

THE PROBLEMS OF THE STUDY OF THE PEASANTRY RELIGIOUSNESS IN THE LAST QUARTER OF XIX-th– EARLY XX-th CENTURIES REVISITED (BASED ON THE MATERIALS OF TAMBOV DIOCESE)

И.С. Свиридов
I.S. Sviridov

Липецкий государственный педагогический университет
им. П.П. Семенова-Тян-Шанского
Россия, 398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky
42 St. Lenina, Lipetsk, 398020, Russia

E-mail: ilya.sviridov.1992@mail.ru

Аннотация
Актуальность темы исследования обусловливается возросшим интересом к духовной сфере жизнедеятельности в современном российском обществе, что побуждает специалистов обращаться к анализу духовного состояния великорусского крестьянства на рубеже XIX–XX веков. В статье рассматривается состояние религиозности великорусских крестьян на примере Тамбовской епархии на основе архивных статистических данных. При анализе статистического материала, полученного из исповедных ведомостей трех церквей Тамбовской епархии, хранящихся в Государственном архиве Тамбовской области, доказано, что сельский храм посещали и принимали участие в таинствах исповеди и причастия чаще женщины-крестьянки, чем мужчины. Для сравнения были приведены данные о крестьянской пастве из Рязанской губернии за 1865 год. Установлено, что высокий процент религиозности сельского населения был связан с тем, что религия являлась самой сутью восприятия крестьянства. Единственным негативным моментом религиозной жизни крестьянства являлись существовавшая в великорусской деревне плата за требы, сильно возмущавшая как крестьянство, так и приходское духовенство в связи с низким материальным обеспечением последнего государством и личные взаимоотношения между приходским священником и его сельской паствой. Установлено, что в результате начавшихся изменений в церковно-приходской жизни (в том числе ведения самой церковной службы, изменения облика приходского священника) под влиянием первой российской революции 1905–1907 гг., приходской священник отдалился от своей крестьянской паствы, однако религиозность сельского населения осталась на том же высоком уровне, что и в конце XIX века. Об этом, в частности, свидетельствовал случай защиты крестьянами своих сельских пастырей от нападок революционеров и агитаторов.

Abstract
The relevance of the research topic is due to the increased interest in the spiritual area of life in contemporary Russian society, prompting experts to refer to the analysis of the spiritual condition of the Russian peasantry in XIX-th–XX-th centuries. The article examines the state of religiosity of Russian peasants in the Tambov diocese on the basis of archival statistics. In the analysis of the statistical material obtained from the confessional statements of the three churches of the Tambov diocese, stored in the State archive of the Tambov region, proved that the rural Church attended and participated in the sacraments of confession and communion more often women farmers than men. For comparisons have been given information about peasant flock from Ryazan province for 1865. It is established that a high percentage of the religiosity of the rural population was due to the fact that religion was the very essence of perception of the peasantry. The only negative point of the religious life of the peasantry was the great-existed in the vil-

lage a fee for religious rites, highly disturbed as the peasantry and parish clergy due to the low material support of the last government. It has found out that in the beginning of the changes in parish life (including doing most of the Church service, change the image of the parish priest) under the influence of the first Russian revolution of 1905-1907 the parish priest was estranged from his peasant flock, but the religiosity of the rural population remained at the same high level as in the late nineteenth century. This, in particular, was evident in the case of the protection of the peasants in their rural pastors from the attacks of the revolutionaries and agitators.

Ключевые слова: религиозность, исповедь, причастие, плата за требы, церковно-приходские взаимоотношения.
Keywords: religion, confession, communion, the fee for religious rites, the parish relationship.

На протяжении длительного периода российской истории господствующей религией государства оставалось православие, которое исповедовало по данным переписи 1897 года 66,9% крестьян. В настоящее время в рамках истории повседневности у отечественных и зарубежных специалистов появляется интерес к вопросам религиозности, что связано с возрождением многих утраченных в советское время русских исконных ценностей.

В 2004 году выходит в свет научное исследование историка В.Б. Безгина. В нем автор, уделяя пристальное внимание сельским традициям рубежа упомянутых веков, частично затрагивает вопросы православия, деревенских суеверий, женской обрядности и сельских пороков [Безгин, 2004].

Кроме Безгина, одним из видных исследователей обычного права великорусских крестьян является Л.И. Земцов. В своих научных работах он, на материале решений волостных судов двух уездов Рязанской губернии, он делает выводы о преобладании в 1860–1870-х годах в великорусской деревне обычно-правовых норм над юридическими законами [Земцов, 2002].

Также в своих научных статьях Л.И. Земцов касается вопросов взаимоотношения крестьянства и приходского духовенства [Земцов, 2008], пробуждения самосознания великорусских крестьян в начале XX века [Земцов, 2015].

Кроме того, Л.В. Островская, проанализировав отношение к исповеди и причастию сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX века, пришла к выводу что «догматический смысл ее (исповеди – *И.С.*) остался верующему сибирскому крестьянству в массе неизвестным» [Островская, 1984, с. 138]. В этой связи необходимо обратиться к изучению религиозности крестьян одной из черноземных губерний – Тамбовской – на рубеже XIX–XX веков.

Под религиозностью нами понимается качество индивида или группы, проявляющееся в вере и поклонении священному и/или сверхъестественному на уровне сознания, поведения и отношений как в религиозных, так и нерелигиозной сферах. Совершение Таинств и моральный облик священнослужителей является типичным отражением религиозности.

Комплекс источников составили архивные материалы, церковная периодическая печать и воспоминания крестьян. Ценнейшим из них стали исповедные ведомости, хранящиеся в Государственном архиве Тамбовской области (далее – ГАТО), в которых приходские священники отмечали численность посещений церкви прихожанами и их участия в Таинствах.

Хронологические рамки промежутком в тридцатипятилетний период (1873–1909 гг.) обозначены с целью более полно осветить сложившуюся религиозную ситуацию в Тамбовской епархии.

Анализируя исповедные ведомости, нами были составлены три таблицы, характеризующие духовную жизнь трех сельских церквей Елатомского уезда Тамбовской епархии за 1873 год (таблица 1, 2, 3).

Таблица 1
Table 1

Численность жителей с. Пяты Елатомского уезда Тамбовской губернии – прихожан Введенской церкви, совершивших таинства в 1873 г.[1]
The number of inhabitants of the village of Pyatyi Elatomskogo County Tambov province – the parishioners of the Vvedenskoy Church that committed the ordinances in 1873

Исповедовались и причастились	%	Исповедовались, но не причастились	%	Не были на исповеди	%	Исповедовались, но не причастились
795 м.п.	73,4%	-	-	216 м.п.	26,7%	1090 м.п.
886 ж.п.	78,3%	-	-	227 ж.п.	21,6%	1131 ж.п.

Таблица 2
Table 2

Численность жителей с. Потапово Елатомского уезда Тамбовской губернии – прихожан Христорождественской церкви, совершивших таинства в 1873 г.[2]
The number of inhabitants of the village Potapovo Elatomsky County Tambov province- parishioners of the Nativity of Christ, who made ordinances in 1873

Исповедовались и причастились	%	Исповедовались, но не причастились	%	Не были на исповеди	%	ИТОГО
787 м.п.	73,8%	250 м.п.	26,2%	-	-	1065 м.п.
867 ж.п.	82,3%	224 ж.п.	22,6%	-	-	1053 ж.п.

Таблица 3
Table 3

Численность жителей с. Петелино Елатомского уезда Тамбовской губернии – прихожан Вознесенской церкви, совершивших таинства в 1873 г.[3]
The number of inhabitants of the village of Petelino Elatomskogo County Tambov province – parishioners of the Ascension Church, committed the ordinances in 1873

Исповедались и причастились	%	Исповедались, но не причастились	%	Не были на исповеди	%	ИТОГО
485 м.п.	80,8%	-	-	115	19,1%	600 м.п.
501 ж.п.	81,3%	-	-	115	18,6%	616 ж.п.

Анализируя полученные данные по трем селам Елатомского уезда Тамбовской епархии, отметим, что в среднем процент исповедовавшихся и причастившихся крестьян по уезду составлял 77%, причем душ мужского пола, участвовавших в таинствах, в среднем было на 4% больше, чем душ женского пола.

Это объясняется, на наш взгляд, тем, что религия занимала одно из главенствующих мест в повседневной жизни русских крестьян. Стоит отметить, что при посещении сельского храма, по отзывам благочинных Егорьевского, Касимовского, Сапожковского и части Рязанского уездов Рязанской епархии, прихожанам нравится, когда священники «проповедуют ему удобопонятным для него образом, возбуждая к тому внимание подобиями, заимствованными из видимой природы, притчами и примерами в слове Божием» [Отчет о состоянии…, 1866, с. 121].

Причину этого обозначил В.П. Рябушинский, изучивший религиозность крестьянства, в том числе и Тамбовской губернии, и пришедший к выводу, что «религиозное чувство рус-

[1] Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. 181. Оп. 1. Д. 1954. Л. 19. Проценты подсчитаны нами.
[2] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1954. Л. 21.Проценты подсчитаны нами.
[3] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1954. Л. 19, 21, 23 об. Проценты подсчитаны нами.

ского мужика направлялось веяниями, шедшими из глубины русской жизни, веяниями, которые люди древлего благочестия своею проповедью, своими писаниями, наконец, трагедией своей жизни придали особую силу и особое направление» [Рябушинский, 2010, с. 75].

Исповедовавшихся и не причастившихся прихожан числилось 26,2% мужского пола и 22,6% женского пола в Христорождественской церкви, в двух других их не наблюдалось вовсе. Не было на исповеди 26,7% мужского пола и 21,6% женского пола из первой церкви и 19,1% мужского пола, 18,6% женского пола из последней.

К сожалению, за иной год о численности посещавших сельский храм с целью побывать на исповеди и причаститься в архиве сведений нет. Несмотря на это, отметим, что в Вознесенской церкви с. Петелино православных, совершавших Таинства исповеди и причастия было меньше (на 7,6% мужского пола и на 5% женского пола), чем в Введенской церкви с. Пяты.

Для сравнения упомянем, что в Рязанской епархии за 1865 год числилось «исполнивших христианский долг покаяния и приступивших к таинству евхаристии – 1 030 466 чел. обоего пола, исповедовались без приобщения Св. Таин – 7 765 чел. обоего пола, не исповедовались по малолетству – 267 443 чел. обоего пола, по разным достойным уважения причинам – 59 097 чел. обоего пола, по нерадению – 45 521 чел. обоего пола и по расколу – 8 616 чел.» [Отчет о состоянии…, 1866, с. 119]. Отметим, что в Рязанской епархии ситуация была схожей, как в рассматриваемых нами селах Елатомского уезда Тамбовской епархии относительно совершения Таинств – исповеди и причастия.

Теперь обратимся к выявлению черт морального облика священно- и церковнослужителей и отношению крестьянства к своим пастырям. Изучаемый сюжет является важным показателем религиозности крестьянства, поскольку без анализа морального облика священников невозможно полностью воссоздать картину религиозности сельского населения.

Об определяющей роли влияния на крестьян приходского священника писал и крестьянин-самоучка Московской губернии С. Т. Семенов, с которым можно частично согласиться: «Больше всего могли что-нибудь сделать священники. Но, оказывается, по своим умственным и нравственным качествам они-то менее всех способны были что-либо сделать. Преобладающее большинство нашего духовенства у нас не отличается свойствами людей, заслуживающими уважения» [Семенов, 1915, с. 84]. Принимая во внимание мнение Семенова, следует помнить, что мы имеем дело с точкой зрения толстовца, описывавшего происходящие деревенские события. В великорусской деревне отношение к духовенству было очень сложным и противоречивым.

Главная проблема заключалась в том, что основным доходом сельских пастырей являлась плата за требы, по мнению Е. Голубинского – «плата за труд» [Голубинский, 1901, с. 537].Что касается количества расходов, которое крестьяне тратили на совершение церковных обрядов, то В. Д. Кузьмин-Караваев приводил такие общероссийские данные за 1898 год (в том числе и Тамбовской губернии – *И.С.*): «На свадьбу обыкновенная норма – 10 рублей, за крестины, молебен и панихиду – копеек 10, за литургию, по заказу, самое большее, рубль, за погребение – копеек 20–40. А за венчание, хотя бы оно и совершилось одновременно для нескольких пар, не менее 10 рублей» [Кузьмин-Караваев, 1904, с. 368].

Однако от платы за требы страдали не только прихожане, но и сами священнослужители были поставлены в такое тяжелое материальное положение, что им приходилось брать с прихожан деньги.

В начале XX века под влиянием революционно-политических событий 1904–1907 гг. изменяется как облик приходского священника, так и произошли изменения в церковной службе. «На внушение священникам читать внятнее, раздельнее, вразумительнее, те обыкновенно ссылаются на привычку, на то, что у них, по их выражению, "язык перебит"»[1], – сообщал в 1907 году священник 4-го Моршанского округа Иоанн Кошеляевский в отчете епископу Тамбовскому и Шацкому.

[1] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 404. Л. 148.

В это же время (1908 года) тамбовские крестьяне, как и все русские крестьяне, открыто выдвинули свои требования к приходскому священнику. По их мнению, «нужно, чтобы священник приходский был высоко образованный человек в серьезном смысле слова, нужно, чтобы толковостью, бескорыстием, умелостью служения интересам народа он заслужил бы доверие его, а для этого надо поднять уровень образовательных программ в соответствующих учебных заведениях, ввести в курс политическую экономию, прикладную химию, агрономию, помологию; нужно значительно увеличить оклады сельским священников и сделать их в материальной (ныне нищенской) жизни вполне обеспеченными…» [Глинка, 1908, с. 98–99]. Конечно, из среды сельских священников были порядочные и высокообразованные люди, которых крестьяне ценили и уважали (например, священник Ф.В. Тихвинский из Яранского уезда Вятской губернии, выступавший в Думе), но «пороки тех, кто пренебрегал своей пастырской репутацией и нарушал обязательные нормы поведения (попы-пьяницы, вымогатели), все чаще экстраполировались на все духовенство, что существенно понижало его статус в глазах крестьян» [Леонтьева, 1996, с. 98].

Одним из подобных примеров служит жалоба крестьян с. Новой Тотьмы Спасского уезда за 1904 год на местного священника Алексея Молчанова за то, что пастырь, ведя нетрезвую жизнь, пропускает утрени и обедни, пьет в алтаре и угощает самих крестьян водкой[1].

Следует заметить и то, что ситуация в Русской Православной Церкви была крайне напряженной. В ее недрах существовало давнее соперничество белого и черного духовенства, в результате которого «положение священника, особенно сельского, являлось крайне унизительным». «Русские епископы в большинстве случаев представляются духовенству и народу чем-то в роли духовных губернаторов. Всем известно, какие чувства, особенно теперь (во время революции – *И.С.*) вызывает представление о губернаторах, и к чему может вести взгляд на чиновников, как на епископов, да еще на губернаторов. Едва ли не на первом месте должны быть поставлены духовные нужды народа, этого самого тела церкви, для которого и существует духовенство» [Кузнецов, 1907, с. 17–18], – предупреждал современник. Однако, наряду с этим фактом, еще во время революционных событий, «в недрах православной церкви рядом с черными клобуками и финифтяными панагиями, возникало новое течение, народолюбивое, демократическое. Оно рождалось в селах и оттуда забрасывалось в города и достигало столиц» [Тан, 1907, с. 96]. Таких священников крестьяне любили, выполняя их наставления. «Батюшка не велел, потому что все газеты врут. Батюшка распорядился, а батюшка лучше знает» [Тан, 1906, с. 17], – рассуждали крестьяне. Благодаря таким священникам религиозность великорусских крестьян продолжала оставаться на высоком уровне, несмотря ни на какие политические события внутри страны. Так, в 1905 году влияние священника Богоявленского на крестьян одного из сел Кирсановского уезда Тамбовской губернии было настолько велико, что во время волнений 1905 года в его приходе не было никаких выступлений; с приходящими же из города агитаторами крестьяне не имели никаких общих дел.

Но в других селах обстановка была иначе. Так в с. Коноплянка «приход очень нуждается в дельном молодом пастыре, население развращено и холодно и пастве», а в с. Хилково «священник обилие пивных лавок ставит в вину помещикам, отвлекающим в праздничные дни народ на свои работы»[2].

Кроме того, священники жаловались в начале XX века на пороки прихожан, среди которых, по субъективному мнению духовенства, основное место занимали пьянство (грех винопития) и грех сквернословия [там же, лл. 75об.–76]. К богослужениям и Таинствам православные притекали вообще с долгими усердиями; долг Исповеди и Св. Причастия исполнялись все за немногими исключениями; возрастание или уменьшение этого усердия против прежнего вообще нет»[3].

[1] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2453. Лл. 4, 5–5 об., 8.
[2] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2550. Лл. 24об., 27об.
[3] Там же. Л. 76.

Приведем здесь и выдержки из одного из резонансных дел, касавшихся взаимоотношений сельских тружеников и их пастырей, произошедшего в с. Правые Ломки Моршанского уезда Тамбовской губернии. Так, в данном селе местный священник, «имея особое пристрастие к женскому сластолюбию», немало совратил незамужних женщин и невинных девиц несовершеннолетнего возраста разными своими обольщениями их, своими деньгами в соблазн». Реакция последовала незамедлительно – священник был отстранен от должности. Из последствий этого дела следует, что «от таких безнравственных его поступков немало происходит разных драк, ссор и скандалов, между мужьями и женами, между дочерями и их отцами и матерями. Одним словом, он служит здесь очень хорошим рассадником для распутства для молодых людей, так как они делают все по примеру его и объясняют так, что раз их духовный отец поступает так, то почему они не могут последовать его примеру»[1].

Кроме того, в другом приходе (с. Копыл) крестьяне обвиняли псаломщика «в развратной жизни (склонил крестьянскую девицу к развратной жизни) и в том, что тот смеялся над священнодействиями (на возглас священника “мир вам” показывал “шиши”). Тот же псаломщик угнал у одного крестьянина лошадь»[2].

Несмотря на описываемые выше события из жизни священников, религиозность сельского населения Тамбовской епархии значительно выросла, что было связано с проникновения Православия в самое сердце русского мужика. Отметим, что с 1906 по 1909 год в с. Златоустово 5-го Козловского округа Тамбовской епархии численность исповедовавшихся и причастившихся прихожан увеличилась на 5,6% (149 душ мужского пола) и на 7,9% (97 душ женского пола). Численность же не пришедших на исповедь уменьшилась на 5,6%. (10 душ мужского пола) и на 2,6% (7 душ женского пола)[3].

Таким образом, численность исповедовавшихся и причастившихся крестьян разных уездов (Елатомского в 1873 году и Козловского в 1906–1909 гг.) значительно превышала численность не бывших на исповеди, что говорит о глубоком внедрении в сознание русского крестьянства Тамбовской епархии религиозности, а именно православной веры. Несмотря на все коллизии начала XX века (ухудшившиеся личные взаимоотношения сельского священника и его прихожан, влияние революционной пропаганды) религиозность сельского населения Елатомского, Спасского, Кирсановского, Моршанского, Козловского Тамбовской епархии продолжала сохраняться на высоком уровне, а в некоторых случаях даже увеличивалась.

Список литературы
References

1. Безгин В.Б. 2004. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века. М.–Тамбов, Изд-во ТГТУ, 304.

Bezgin V. B. 2004. Krestyanskaya povsednevnost (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka. M.–Tambov, Izd-vo TGTU, 304. (in Russian)

2. Глинка Ф.К. Записки хуторянина. 1908. Ч. 2. Думы и думки хуторян. Что нам нужно, чтобы не развалиться, а окрепнуть экономически и политически и где, в чем и в ком искать на все нам нужные средства. СПб., Типография А.С. Суворина, 124.

Glinka F.K. 1908. Zapiski hutoryanina. Ch. 2. Dumy i dumki hutoryan. Chto nam nuzhno, chtoby ne razvalit'sya, a okrepnut' ehkonomicheski i politicheski i gde, v chem i v kom iskat' na vse nam nuzhnye sredstva. SPb., Tipografiya A.S. Suvorina, 124. (in Russian)

3. Голубинский Е. 1901. История Русской Церкви. Т. 1. Ч. 1. Изд. 2-е. М., Имп. о-во истории и древностей российских при Моск. Университете. 968.

Golubinskij E. 1901. Istoriya Russkoj Cerkvi. T. 1. Ch. 1. Izd. 2-e. M., Imp. o-vo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Mosk. Universitete. 968. (in Russian).

4. Земцов Л.И. 2002. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века. Воронеж, Изд-во Воронежского гос. ун-та. 447.

[1] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2649. Л. 13–13об.
[2] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2327. Л. 2 об.
[3] ГАТО. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2492. Л. 2; Д. 2563. Л. 3.

Zemtsov L.I. 2002. Volostnoy sud v Rossii 60-h – pervoy polovinyi 70-h godov XIX veka. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. 447. (in Russian)

5. Земцов Л.И. 2008. Крестьянство и приходское духовенство в начале XX века. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 1: 73–79.

Zemtsov L.I. 2008. Krestyanstvo i prihodskoe duhovenstvo v nachale HH veka. Nauchnyie vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. 1: 73–79. (in Russian)

6. Земцов Л.И. 2015. Самосознание русского крестьянства в начале XX в. (по материалам думских прений). Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв. Материалы IV Международной научной конференции. 27 февраля 2015 года. Липецк, 221–227.

Zemtsov L.I. 2015. Samosoznanie russkogo krestyanstva v nachale XX v. (po materialam dumskih preniy). Rossiyskaya gosudarstvennost v litsah i sudbah ee sozidateley: IX–XXI vv. Materialyi IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. 27 fevralya 2015 goda. Lipetsk, 221–227. (in Russian)

7. Кузнецов Н.Д. 1907. Участие духовенства и народа в церковном управлении. В кн.: По вопросам церковных преобразований. Доклады, особые мнения и речи в особом присутствии, учрежденном при св. Синоде. М., Печатня А. Снегиревой, 15–85.

Kuznecov N.D. 1907. Uchastie duhovenstva i naroda v cerkovnom upravlenii. V kn.: Po voprosam cerkovnyh preobrazovanij. Doklady, osobye mneniya i rechi v osobom prisutstvii, uchrezhdennom pri sv. Sinode. M., Printing House of A. Snegirev, 15–85. (in Russian)

8. Кузьмин-Караваев В.Д. 1904. Деревенские праздники и свадьбы. В кн.: Земство и деревня. 1898–1903. Статьи, рефераты, доклады, речи. СПб., Тип. т-ва "Общественная польза", 361–371.

Kuz'min-Karavaev V.D. 1904. Derevenskie prazdniki i svad'by. V kn.: Zemstvo i derevnya. 1898–1903. Stat'i, referaty, doklady, rechi. SPb., Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", 361–371. (in Russian)

9. Леонтьева Т.Г. 1996. Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии). Революция и человек. Социально-психологический аспект. Материалы конф., 28–30 нояб. 1994 г. Редкол.: П.В. Волобуев (отв. ред.) и др.. М., Изд. центр ИРИ, 223.

Leont'eva T.G. 1996. Vera ili svoboda? Popy i liberaly v glazakh krest'yan v nachale XX veka (na materialakh Tverskoy gubernii). Revolyutsiya i chelovek. Sotsial'no-psikhologicheskiy aspekt. Materialy konf., 28–30 noyab. 1994 g. Redkol.: P.V. Volobuev (otv. red.) i dr.. M., Izd. tsentr IRI, 223. (in Russian).

10.Островская Л.В. 1984. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.). В кн.: Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России: сборник статей. Редкол.:Н.Н. Покровский (отв. ред) и др. Новосибирск, Наука, Смбмрское отделение, 131 – 151.

Ostrovskaya L.V. 1984. Istochniki dlya izucheniya otnosheniya sibirskikh krest'yan k ispo-vedi (1861–1904 gg.). V kn.: Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya epokhi feodalizma v Rossii: sbornik statey. Redkol.:N.N. Pokrovskiy (otv. red) i dr. Novosibirsk, Nauka, Smbmrskoe otdelenie, 131 – 151. (in Russian)

11.Отчет о состоянии Рязанской епархии за 1865 год. 1866. Рязанские епархиальные ведомости (РЕВ). 5.

Otchet o sostoyanii Ryazanskoj eparhii za 1865 god. 1866. Ryazanskie eparhial'nye vedomosti (REV). 5. (in Russian)

12.Рябушинский В.П. 2010. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступительн. очерк и комментарии В.В. Нехотина., В.Н. Анисимовой, М.Л. Гринберга. М., Мосты культуры. 452.

Ryabushinskiy V.P. 2010. Staroobryadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo / Sost., vstupitel'n. ocherk i kommentarii V.V. Nekhotina., V.N. Anisimovoy, M.L. Grinberga. M., Mosty kul'tury. 452. (in Russian).

13.Семенов С.Т. 1915. Двадцать пять лет в деревне. Пг., Жизнь и знание. 372 с.

Semenov S.T. 1915. Dvadcat' pyat' let v derevne. Pg., Zhizn' i znanie. 372. (in Russian).

14.Тан. 1907. Депутаты второй Думы. Очерки и наброски. Русское богатство. 4: 82–86.

Tan. 1907. Deputaty vtoroj Dumy. Ocherki i nabroski. Russkoe bogatstvo. 4: 82–86. (in Russian).

15.Тан. 1906. Новое крестьянство. Изд. 2-е. СПб., Изд. "Литературного фонда". 762.

Tan. 1906. Novoe krest'yanstvo. Izd. 2-e. SPb., Izd. "Literaturnogo fonda". 762. (in Russian)

УДК 94(47+57)«1917/1991»
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-104-111

ЖЕНСКИЕ БАТАЛЬОНЫ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 ГОДУ КАК ФАКТОР РАЗМЫВАНИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

WOMEN'S BATTALIONS OF THE RUSSIAN ARMY IN 1917 AS A FACTOR IN THE LOOSENING OF GENDER ROLES IN WARTIME

П.Г. Култышев
P.G. Kultyshev

Южный федеральный университет
Россия, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105

South Federal University
105 Bolshaya Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006, Russia

E-mail: halchard@mail.ru

Аннотация
В статье рассматривается проблема создания женских военных подразделений как средства по разрушению гендерного запрета, касаемого возможности прохождения женщинами военной службы в армии. Данный запрет был снят в условиях политической нестабильности и военной угрозы, когда русская армия теряла облик дисциплинированной военной силы. В этих обстоятельствах высшим руководством страны по предложению М.Л. Бочкарёвой было принято решение об организации женских батальонов. Главной целью данных частей было не столько участие в военных действиях, сколько оказание морального воздействия на деморализованных солдат. Однако, реалии армейской службы оказались для многих неподготовленных женщин тяжёлым испытанием. Многие из них оказались не готовы к армейской грубости и беспрекословному подчинению. Отказ от условностей гражданской жизни проходил болезненно и не без вспышек недовольства. Слом гендерного табу весной-осенью 1917 года оказался неудачным по многим причинам. Начинание М.Л. Бочкарёвой, носившее изначально лишь показательный характер по поддержке армии и власти быстро потеряло свой размах как только власть перестала нуждаться в подобной опоре.

Abstract
In the article the problem of creation of women's military units as a means to breaking the gender prohibition regarding the possibility of women passing military service in the army is considered. This ban was lifted in conditions of political instability and the threat of war, when the Russian army was losing the appearance of a disciplined military force. In these circumstances, the leadership of the country at the suggestion of M.L. Botchkareva, have made a decision about the organization of women's battalions. The main purpose of these units was not so much the participation in military actions as providing moral impact on the demoralized soldiers. However, the realities of military service was for many women unprepared ordeal. Many of them were not ready for the army of brutality and unquestioning obedience. The rejection of the conventions of civil life passed painfully and not without flashes of discontent. The breaking of gender taboos in the spring and in the autumn of 1917 proved unsuccessful for many reasons. The initiative of M.L.Botchkareva, which bore originally only indicative for the support of the army and the government quickly lost its momentum once the power has ceased to need such support.

Ключевые слова: гендерное табу, женские батальоны, русская армия, 1917 год, Мария Бочкарёва.
Keywords: gender taboo, women's battalions, Russian army, 1917, Maria Bochkareva.

Для каждого пола в зависимости от конкретной эпохи закреплены свои роли и набор определённых поведенческих стереотипов. Вместе с этим, мужчины и женщины

обладают и определёнными гендерными табу – сферами жизни, куда проникновение представителям противоположного пола крайне затруднено или вовсе запрещено. Общество и государство всячески отслеживает соблюдение подобных писаных и неписанных правил, а зачастую и порицают тех, кто отважится пренебречь ими. Жёсткая регламентация гендерных ролей и соблюдение разнообразных табу является неотъемлемой частью патриархального общества и ценностей присущих данному социуму. В Российской империи, несмотря на постепенную феминизацию и эмансипацию, женский микросоциум оставался перенасыщен самыми различными, порой абсолютно надуманными, ограничениями и правилами.

Однако, особенности развития общества и государства таковы, что в определённый исторический момент, данные ограничения теряют свою былую актуальность и перестают формировать стереотипы и шаблоны массового поведения и сознания. Момент слома гендерного табу, как правило, происходит в период наличия экстремальных условий существования общественных и государственных институтов. Подобными экстремальными условиями могут быть радикальные социально-экономические реформы, смена государственной идеологии, переустройство культуры и повседневности человека и общества. Особым обстоятельством, обладающим крайними чертами экстремальности, по праву считается война. Именно война как явление всеобъемлющего народного характера способна оказать кардинальные перемены на устройство общества и государства. Война, где главные роли отведены мужчинам, также долгое время являлась неким табуированным полем для женской активности. Женщин-воительниц до начала XX века можно пересчитать по пальцам одной руки, женщина не допускалась к участию в войне. Единственным исключением с середины XIX века стало участие женщины в излечении раненных солдат и офицеров. Но в определённый исторический момент, общество, государство и само мужское население оказывается готово пренебречь сохранением своей гендерной избранности и допустить женщин к абсолютно не свойственной для них роли – роли «человека с ружьём». Подобный гендерный переворот знаменует собой слом устоявшихся социальных норм и стереотипов. Женщина, являющаяся олицетворением домашнего уюта, душевной и телесной слабости и самой жизни, оказывается допущена внутрь грубого солдатского коллектива. Более того, женщина отныне является прямым и непосредственным участником массового смертоубийства.

Изучением положения женщин и воздействия войны на поведенческую и эмоциональную картину человеческого сознания в исторической ретроспективе занимаются два направления исторической науки: гендерная история и военно-историческая антропология. Оба направления в силу своей междисциплинарности совмещают в себе не только исторические, но и методологические приёмы из психологии и социологии. Применение данных наработок позволяет проникнуть во внутренний мир людей и приблизиться к понимаю их переживаний и мотивов. Гендерная история и военно-историческая антропология являются сравнительно новыми векторами развития исторического знания, а их методологический аппарат продолжает формироваться и выкристаллизовываться. О развитии и формировании данных направления исторической науки написан ряд программных статей, в которых ведущие специалисты поводят промежуточные итоги развития гендерной истории и военно-исторической антропологии [Сенявская, 2002, с. 135-145; Пушкарёва, 2010, с. 51-64]. При написании данной статьи были использованы не только общенаучные методы (сравнение, обобщение, анализ, синтез, классификация, описание и др.), но и конкретно-методологические подходы, разработанные в ряде смежных гуманитарных дисциплин при изучении социокультурных и социально-психологических феноменов. Их использование обосновано самим типом настоящей статьи. Но, несомненно и то, что основными в силу исторического характера данной работы, стали специальные исторические методы. Среди них, наряду с ключевым – сравнительно-историческим, были привлечены и другие методы: историко-генетический, историко-типологический, историко-психологический и др. В основу настоящего исследования был положен принцип научно-

сти, принцип историзма и принцип стремления к объективности. Последовательное применение этих методов и принципов позволяет рассмотреть и проанализировать события прошлого в их непосредственной взаимосвязи, исходя из исторического контекста.

Нельзя также не сказать о том, что проблема создания и применения в боевых условиях женских батальонов 1917 года нашла своё место в современной российской историографии. Одним из первых, ещё на рубеже 80 – 90-х гг. XX века, кто обратил внимание на данную проблематику, был А.С. Сенин. В своей статье на основе архивных данных он рассматривает историю создания женских команд в 1917 году и приходит к выводу, что женские батальоны «создавались в классовых интересах, буржуазии. Их социальной базой стали в основном выходцы из среды интеллигенции» [Сенин, 1987, с. 182]. В последующие годы данная тема не раз поднималась в различных монографических исследованиях, становясь лишь частью данных работ. Среди таковых следует упомянуть монографию «Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах» Ю.Н. Ивановой [Иванова, 2002]. В данной работе автор изучает особенности участия женщин в различных войнах и военных конфликтах, в которых участвовала Россия и больше половины книги отведено двум мировым войнам. Раздел монографии, повествующий о деятельности Марии Бочкарёвой и создании женских батальонов, написан на интересном фактическом материале, но не раскрывает отношение самих женщин к данному начинанию и цели, которые ставило Временное правительство, приступая к формированию подобных подразделений. Эту лакуну в 2004 году. В определённой степени, восполнят две любопытные монографии: «Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв.» и «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930» [Щербинин, 2004; Стайтс, 2004]. Данные работы весьма разноплановы, и если первая представляет собой весьма качественное исследование женской повседневности под влиянием военной составляющей, то вторая – изучение идеи и практики русского феминизма в XIX – XX вв. В каждой из названных книг имеются небольшие разделы посвящённые истории женских батальонов русской армии в 1917 году. Наиболее полно эта тема раскрыта в работе П.П. Щербинина, которому удалось проследить не только путь создания батальонов, но и заложить основы изучения такого феномена, как «женщина с ружьём». Наличие данных работ позволяет говорить о том, что проблема гендерных сдвигов под влиянием крупных военно-политических катаклизмов вызывает неослабевающий интерес у отечественных исследователей и требует дальнейшего изучения.

Для Российской империи прямое участие женщины в боевых действиях не являлось чем-то новым, но и обыденным это явление не назовёшь. Историческая память о Надежде Дуровой была ещё жива и позволяла говорить о том, что и женщина способна на равных с мужчиной переносить тяготы войны. Но последующие годы сформировали для общества совершенно иною стереотипную связь между войной и женщиной. Эта связь строилась на основе того, что женщина выступала в качестве источника милосердия и сострадания к раненным войнам. Подобная персонификация гуманных сентенций общества целиком и полностью соответствовало духу XIX века и лишь с наступлением века XX и переходу от «войн армий» к «войнам народов» стала возможным полноценная милитаризация женского мира. Данные изменения значимые для общества и массового мировоззрения были не менее важны и для самой женщины. Её переход в совершенно иное гражданское состояние кардинально менял в равной степени, как её сознание, так и её поведение. С того момента как она брала в руки оружие и вливалась в ряды солдат, она переставала принадлежать самой себе. Вся её последующая жизнь в армии целиком и полностью подчинялась жёсткой армейской регламентации. Причёска, одежда, круг общения, свобода перемещения, слов и поступков отныне не зависели от воли «женщины с ружьём», они были подчинены военному уставу и шли строго в русле интересов армии и государства. Попав в среду военных, женщина теряла былую самостоятельность (свойственную для гражданской жизни) и начинала приобретать отдельные маскулинные признаки в своём

поведении, лексике и мышлении. Подобные перемены стали возможны в русской армии и обществе в 1917 году, когда встал вопрос о формировании женских батальонов.

Инициатором создания женских батальонов стала Мария Леонтьевна Бочкарёва[1]. К 1917 году она провела на войне уже три года и благодаря своему неординарному положению и героическим поступкам была весьма известна за пределами самой армии. Судьба М.Л. Бочкарёвой уже хорошо описана, но обращает на себя внимание момент, характеризующий обстоятельства её появления в действующей армии. К 1914 году Мария Бочкарёва успела прожить весьма не простую жизнь и так и не обзавелась семьёй, детьми и домом. Все её попытки по приобретению типичных символов обычного женского счастья наталкивались где на её простодушие, а где и на превратности судьбы. Обладая не простым, но боевым характером Бочкарёва не могла смириться со своим незавидным положением и искала иные пути для самореализации. Одним из вариантов стало для М.Л. Бочкарёвой вступление в ряды действующей русской армии. К лету 1917 года Мария Бочкарёва имела за плечами солидный боевой опыт и могла похвастаться несколькими наградами. Своими поступками и умением мириться с условиями фронтовой жизни, она заслужила авторитет среди сослуживцев и вскоре выступила с инициативой создания особых военных подразделений комплектуемых женщинами на добровольной основе. Инициатива М.Л. Бочкарёвой казалась странной и невозможной, особенно если учесть опыт европейских стран, где женщинам было весьма сложно обойти государственные и общественные барьеры и войти в систему армейского организма. Однако, положение в России к лету 1917 года было весьма сложным как со стороны внутриполитического развития, так и в плане ситуации на фронтах Первой мировой войны. Русская армия неумолимо разваливалась, теряя даже малые признаки регулярной и боеспособной военной силы. С целью поднять боевой дух солдат не желающих продолжать войну, правительство Керенского пошло на авантюру по созданию женских добровольческих батальонов.

В формировании данных подразделений принял участие и главнокомандующий войсками Петроградского военного округа генерал П.А. Половцов позже записавший в своих мемуарах следующее: «Из вновь формируемых частей для спасения Отечества особенно интересным учреждением оказался женский батальон г-жи Бочкаревой. Сия энергичная дама, служившая с успехом на фронте вольноопределяющимся, явилась ко мне с проектом формирования женского отряда. Мысль мне понравилась, главным образом для того, чтобы срамить мужчин, не желающих воевать» [Половцов, 1999, с. 97]. Иными словами главной целью создаваемых подразделений было не их применение на передовой, а попытка устыдить мужской состав русской армии. По-видимому, политические деятели революционной России даже и не предполагали, что «женские батальоны» выйдут за рамки агитационно-идеологического назначения и окажутся в окопах Первой мировой войны. Подобное назначение женских подразделений шло в разрез с тем, чего желала сама Бочкарёва. По её мнению, женские части должны были наравне с мужчинами проводить армейские будни и переносить все тяготы войны. Как показала дальнейшая история «женских батальонов», отнюдь не все добровольцы разделяли подобные устремления и готовы были тянуть солдатскую лямку во имя интересов Родины и государства. Но так или иначе, а идея Марии Бочкарёвой оказалась востребованной. Более того, в мае 1917 года на имя А.Ф. Керенского поступило предложение от Организационного комитета женских маршевых батальонов по созданию женских военных подразделений. И 21 мая 1917 года в одном из залов Таврическо-

[1] Бочкарёва Мария Леонтьевна (1889 – 1920) – одна из первых женщин, получивших офицерский чин поручика в 1917 году и кавалер Георгиевского креста. Бочкарёва М.Л. стала инициатором создания женских военных подразделений и приняла активное участие в их организации. После событий октября 1917 года и не желая сотрудничать с новыми властями, М.Л. Бочкарёва приезжает во Владивосток, а далее с агитационной миссией отплывает в США и Европу. В августе 1918 года М.Л. Бочкарёва пребывает в Архангельск, а чуть позже в Омск. В январе 1920 года, после поражения армии Колчака, М.Л. Бочкарёва будет арестована. 16 мая 1920 года М.Л. Бочкарёву расстреляют в Красноярске.

го дворца с призывом к созданию женских батальонов выступила и сама Мария Бочкарёва [Соловьёв, 1964, с. 183].

В создаваемые части шли представительницы самых различных социальных слоёв, возрастных групп и политических предпочтений. В связи со столь разнообразным контингентом добровольниц Главным управлением Генерального штаба (далее – ГУГШ) было решено начать работу в трёх направлениях: «а) формирование частей чисто боевого назначения, б) создания команд вспомогательного назначения и в) использование женщин-добровольцев на укомплектование тыловых организаций небоевого назначения» [Разложение армии в 1917 году, 1925, с. 73]. Однако, со стороны подобная пестрота личного состава формируемых частей выглядела весьма комично. Капитан П.В. Шагал, получивший в подчинение 3-ю роту 1-го Петроградского женского батальона позже так вспоминал своё знакомство со своими подчинёнными: «Мы вошли в ворота и, дальше, в сад Замка и остановились, разглядывая представившуюся нам картину. Что это? Базар, ярмарка или кулисы какого-то театра на открытом воздухе? В одном углу шли занятия со взводом вполне законченно одетых добровольниц; в другом бегали не то бабы, не то солдаты: одни в юбках и гимнастерках, другие еще в женских платьях. Попадались на глаза грубые деревенские лица, мало чем отличавшиеся от лиц молодых солдат, но иногда и лица интеллигентные. Это была какая-то невообразимая смесь возрастов, социальных положений и классов» [Шагал, 1969, с. 6]. Ещё более красочное описание женщин-добровольниц даёт в своих воспоминаниях Мария Бочарникова: «Первое впечатление – казалось, что я попала на луг, усеянный яркими цветами. Яркие сарафаны крестьянок, косынки сестер милосердия, разноцветные ситцевые платья заводских работниц, элегантные платья барышень из общества, скромные наряды городских служащих, горничных, нянек... Кого здесь только не было!» [Бочарникова, 2001, с. 174]. Столь разнообразный личный состав поднимает справедливый вопрос и о тех мотивах, которыми руководствовались женщины, поступавшие в действующую армию.

Можно предположить, исходя из особенностей женской психологии, мотивы, которыми руководствовались добровольницы были весьма широкими и разноплановыми. Одни женщины шли в «женские батальоны» из-за потери на войне отца, сына, жениха или мужа. Видимо, в момент принятия решения ими двигало чувство мести или атмосфера тоски и безысходности от потери близкого и родного человека могла толкать их на осознанный поиск смерти на войне. Более того, женщины потерявшие любимого человека тяготились обычной гражданской жизнью, которая всё более походила в их сознании на «пир во время чумы». Таким будущим добровольницам легче было перебороть горе среди подобных себе, чем постоянно наталкиваться на сочувствующие взгляды или наблюдать за бесконечным весельем в тылу. Но вместе с этим, женщины переживающие потерю близкого человека шли в армию и с целью занять себя тем, что может по силе воздействия сравниться со смертью родного человека. Безусловно, эмоциональное состояние таких добровольниц не располагало к возвышенным лозунгам об опасности, нависшей над отечеством. Однако, потеря мужа, сына или брата означала для многих крестьянских семей ещё и потерю кормильца, который обеспечивал семью и защищал её. В подобном случае, женщина оказывалась в одиночестве, и лишь государство или ближайшие родственники могли оказать ей хоть какую-либо помощь. Но с наступлением революционных перемен для таких женщин нашёлся и иной путь – армия. Подобный пример в своих публикациях приводила американская журналистка Рита Дорр: «Одна из девушек девятнадцати лет, казачка, хорошенькая, с темными глазами, оказалась совершенно брошенной на произвол судьбы после того, как у нее погибли в бою отец и двое братьев, а мать погибла во время обстрела госпиталя, в котором она работала. Батальон Бочкаревой казался ей безопасным местом, а винтовка – лучшим способом защиты» [5]. Часть других женщин, в основном из крестьянской среды шли на фронт и в армию с целью вырваться из того тяжёлого положения (будь то взаимоотношения внутри семьи или трудное финансовое состояние) в котором они оказались. Одна из крестьянок прямо признавалась, что возможность уйти в армию она использовала, чтобы расстаться с

мужем: «Ох и бил же меня, проклятущий! Половину волосьев повыдрал. Как услыхала я, что баб-то в солдаты берут, убёгла я от него и записалась. Пошел жалиться, а комиссар ему и говорит: «Теперя, апосля леворюции, слабода. Не смеешь бабу трогать, ежели она на хронт едеть защищать Рассею!» Так и уехала» [Бочарникова, 2001, с. 175-176]. Нельзя также исключать и того, что часть женщин вступавших в армейские ряды руководствовались желанием найти для себя выгодную партию в лице молодого офицера или же просто и безответственно следовали капризной моде. Вероятно, были среди добровольц и те, которые тяготились бесправным положением женщины и рассматривали своё поступление в армию как элемент эмансипации и борьбы за свои права.

Оказавшись внутри армейского организма, женщины попадали в абсолютно не знакомую и чуждую для них среду. Их одежда, питание и распорядок дня теперь полностью зависели не от их прихотей и привычек, а подчинялись строгому уставу и приказам вышестоящих офицеров. Армейские будни были не лёгкими: подъём в пять часов утра, умывание, молитва, мимолётные перерывы для приема пищи. Всё остальное же время было отдано строевой подготовке, изучению оружия, устава и т.п. Таким был распорядок каждого дня до 10 часов вечера [Бочкарёва, 2001, с. 15]. Одна из добровольц позже вспоминала: «Была введена строгая дисциплина, и мы почувствовали, что идет не игра в солдатики… » [Бочарникова, 2001, с. 180]. Отношения между самими женщинами были весьма неоднозначны. Женщины различных возрастов и из разных социальных слоёв, с разным финансовым достатком и с разными политическими взглядами с трудом притирались друг к другу и находили что-то общее. Периодические вспышки недопонимания были ожидаемы и легко предсказуемы. Сама Бочкарёва, по воспоминаниям современников и очевидцев, стремилась к сохранению строжайшей дисциплины и беспрекословного подчинения. Ещё в период создания женских частей Мария Бочкарёва заявляла следующее: «В предполагаемом мною батальоне я буду иметь полную единоличную власть, и добиваться послушания» [Казаков, 2013]. И свою власть над подчинёнными Мария Бочкарёва проявляла с вахмистрской жёсткостью и бескомпромиссностью: «4-й взвод, где собрались более интеллигентные особы, жалуется, что Бочкарева слишком груба и бьет морды, как заправский вахмистр старого режима» [Половцов, 1999, с. 98]. Рукоприкладство, грубость и несговорчивость Марии Бочкарёвой в отношении добровольц постепенно становились головной болью для вышестоящего начальства. Вот что по этому вопросу пишет генерал Половцов: «Слухи об ее зверствах доходят даже до Керенского. Кроме того, поднимаются протесты против обязательной стрижки волос под гребенку, заведенной Бочкаревой, как основное условие боеспособности. Стараюсь немного ее укротить, но она свирепа и, выразительно помахивая кулаком, говорит, что недовольные пускай убираются вон, а что она желает иметь дисциплинированную часть» [Половцов, 1999, с. 98]. И данные слова у Бочкарёвой с делом не расходились. В первые дни существования батальона из его состава было исключено порядка 30 женщин, в первую же ночь Бочкарёва поставила на два часа по стойке «смирно» 50 женщин не желавших засыпать после отбоя [Бочкарёва, 2001, с. 223]. Безусловно, подобные жёсткие правила, являвшиеся нормой для армии, были чужды и непонятным женщинам, вызывая в их среде если и не гнев, то желание прекратить подобную практику обращения с ними. Результатом этого стал предсказуемый раскол батальона, сокращение его численности и скорое переформирование [Бочкарёва, 2001, с. 228-233]. В распоряжении Марии Бочкарёвой остались лишь наиболее дисциплинированные и послушные женщины-бойцы. Именно с ними она и была отправлена на фронт, где и приняла участие в военных действиях.

После понесённых потерь и ранения самой М.Л. Бочкаревой идея о расширении женского военного движения стала постепенно угасать. В докладе по ГУГШ от октября месяца 1917 года значится следующее: «…женское военное движение, принявшее в своём начале массовый характер и встретившее благодаря моменту поддержку со стороны военного ведомства, не привело ни к каким положительным результатам, а наоборот, приняло беспорядочный характер… Второй пехотный женский батальон согласно приказания Ва-

шего в бытность командующим Московским военным округом ввиду полного его несоответствия расформирован. Наказный атаман Кубанского казачьего войска… донёс, что никакого батальона в Екатеринодаре налицо не имеется»[1]. Причинами этого были разные факторы. Выступавшая с пламенными речами Бочкарёва уже не находила сочувствующих взглядов, а скорее наталкивалась на стену непонимания, равнодушия и агрессии. Одна из участниц описываемых событий позже вспоминала: «Потом Бочкарева прошла в казармы, где были рядами выстроены добровольцы, и обратилась к ним сначала с патриотическим воззванием, а затем предложила желающим пополнить ее отряд выйти вперед. Но добровольцы были уже не те. От энтузиазма, жертвенности не осталось следа!» [Рычкова, 2001, с. 510]. Политики и военные также более не проявляли заинтересованности в сохранении начинаний Марии Бочкарёвой и вскоре, в октябре 1917 года, последовало решение ГУГШ о постепенном свёртывании женского военного движения, в котором говорилось следующее: «Из 14 разрешённых к сформированию частей налицо имеется только один Первый женский батальон, сформированный в Петрограде… Главное управление Генерального штаба полагало бы все ходатайства… отклонить и разрешённые к формированию женские воинские части, как не создавшиеся до сего времени, расформировать, ограничиваясь наличием одного Первого женского пехотного батальона, находящегося в Левашове и готового к выступлению на фронт. Казалось бы, что существование этого батальона вполне может исчерпать число женщин, действительно желающих служить родине, и явится уступкой моменту»[2].

Формирование женских военных подразделений изначально было непродуманной «уступкой моменту» и спорной попыткой политиков заработать себе дополнительный авторитет и дешёвую популярность. Но за этой военно-политической авантюрой стояли жизни и судьбы сотен женщин, которые, не осознавая будущих трудностей, откликнулись на призыв и взяли в руки оружие. По сути, инициатива Марии Бочкарёвой оказалась обречённой на неудачу из-за того, что ни армия, ни общество, ни государство не желали рассматривать женские батальоны в серьёз, поскольку создавались они не для войны, а как средство по моральному воздействию на разлагающуюся армию. Более того, попытка сломать исключительное право мужчин на службу в армии потерпела крах и по другой, не менее важной причине. Женщины оказались не готовы к особенностям армейской службы не потому, что они были слабы от природы, а в силу того, что государство не позаботилось в мирное время о планомерной и продуманной подготовке женского населения к прохождению службы в армии. Многое из того с чем столкнулись добровольцы было им в диковинку и вступало в острые противоречия с их обычной гражданской жизнью. Более того, к масштабному притоку женщин в армию оказались не готовы и сами мужчины. Появление в рядах армии вчерашних крестьянок, модисток, сестёр милосердия и представительниц иных профессий возмущало и тревожило мужчин, не желавших признавать собственную несостоятельность в военном деле, поскольку создание женских частей, призванное пробудить в солдатах чувство долга и присяги, на деле лишь озлобило последних и стало дополнительным ударом по авторитету Временного правительства не желавшего заканчивать войну.

Список литературы
References

1. Бочарникова М. 2001. В женском батальоне смерти (1917 – 1918). В кн.: Доброволицы. М., Русский путь, 172-236

Bocharnikova M. 2001. V zhenskom batal'one smerti (1917 – 1918). In Dobrovolicy. M., Russkij put', 172-236. (in Russian)

[1] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д.1557. Л. 211-212об.

[2] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д.1557. Л. 211-212об.

2. Бочкарёва М. 2001. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., Воениздат, 445.

Bochkarjova M. 2001. Jashka: Moja zhizn' krest'janki, oficera i izgnannicy. V zapisi Isaaka Don Levina. M., Voenizdat, 445. (in Russian)

3. Иванова Ю.Н. 2002. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., Российская политическая энциклопедия, 272.

Ivanova Ju.N. 2002. Hrabrejshie iz prekrasnyh: Zhenshhiny Rossii v vojnah. M., Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 272. (in Russian)

4. Казаков В. 2013. «Женский батальон смерти» Марии Бочкаревой. URL: http://www.postkomsg.com/history/196519/?id=1&template=print (дата обращения: 01.09.2017):

Kazakov V. 2013. «Zhenskij batal'on smerti» Marii Bochkarevoj. Jelektronnyj resurs URL: http://www.postkomsg.com/history/196519/?id=1&template=print (data obrashhenija: 01.09.2017)

5. О женских батальонах смерти. Часть 1. 2012. URL: http://ljwanderer.livejournal.com/211905.html (дата обращения: 01.09.2017)

O zhenskih batal'onah smerti. Chast' 1. 2012. URL: http://ljwanderer.livejournal.com/211905.html (data obrashhenija: 01.09.2017)

6. Половцов П.А. 1999. Дни Затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа П.А.Половцова). М., Гос. публ. ист. б-ка, 273.

Polovcov P.A. 1999. Dni Zatmenija: (Zapiski glavnokomandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga P.A.Polovcova). M., Gos. publ. ist. b-ka, 273. (in Russian)

7. Пушкарёва Н.Л. 2010. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России. Историческая психология и социология истории, 3 (2): 51-64.

Pushkarjova N.L. 2010. Zhenskaja i gendernaja istorija: itogi i perspektivy razvitija v Rossii. Istoricheskaja psihologija i sociologija istorii, 3 (2): 51-64. (in Russian)

8. Разложение армии в 1917 году. М., Л., 1925.

Razlozhenie armii v 1917 godu. M., L., 1925. (in Russian)

9. Рычкова М.А. 2001. Воспоминания. Женское движение 1917 года. В кн. Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. М., Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. Т. XI. 507-522.

Rychkova M.A. 2001. Vospominanija. Zhenskoe dvizhenie 1917 goda. In Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII – XX vv. M., Studija TRITJe: Ros. Arhiv. T. XI. 507-522. (in Russian)

10. Сенин А.С. 1987. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. Вопросы истории, 10: 176-182.

Senin A.S. 1987. Zhenskie batal'ony i voennye komandy v 1917 godu. Voprosy istorii, 10: 176-182. (in Russian)

11. Сенявская Е.С. 2002. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки. Отечественная история, 4: 135-145.

Senjavskaja E.S. 2002. Voenno-istoricheskaja antropologija kak novaja otrasl' istoricheskoj nauki. Otechestvennaja istorija, 4: 135-145. (in Russian)

12. Соловьёв А.Г. 1964. Записки современника. М., Советский писатель. 356.

Solov'jov A.G. 1964. Zapiski sovremennika. M., Sovetskij pisatel'. 356. (in Russian)

13. Стайтс Р. 2004. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930. Пер. с англ. М., Российская политическая энциклопедия, 616. (Stites R. 1991. The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860 – 1930. Princeton, N.J., Princeton University Press, 464.).

Stites R. Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Feminizm, nigilizm i bol'shevizm, 1860 – 1930 [The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860 – 1930]. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 616. (Stites R. 1991. The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism, 1860 – 1930. Princeton, N.J., Princeton University Press, 464.).

14. Шагал П.В. 1969. Женский батальон. Военная быль. 95: 5-11.

Shagal P.V. 1969. Zhenskij batal'on. Voennaja byl'. 95: 5-11. (in Russian)

15. Щербинин П.П. 2004. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв. Тамбов, Юлис, 508.

Shherbinin P.P. 2004. Voennyj faktor v povsednevnoj zhizni russkoj zhenshhiny v XVIII – nachale XX vv. Tambov, Julis, 508. (in Russian)

УДК 94(47+57)-054.72
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-112-121

К ВОПРОСУ О КОЛИЧЕСТВЕ И НАЗВАНИЯХ КАЗАЧЬИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КИТАЯ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.

REVISITING NUMBER AND NAMES OF THE COSSACK SETTLEMENTS ON THE TERRITORY OF NORTHERN CHINA AT THE TURN OF 1920-s – 1930-s

Е.В. Дроботушенко
E.V. Drobotushenko

Забайкальский государственный университет,
Российская Федерация, 679039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30

Transbaikal State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039

E-mail: DRZZ@yandex.ru

Аннотация
На основе анализа имеющихся научных публикаций и некоторых архивных документов рассматривается спорный, на сегодняшний день, аспект – количественный состав и названия поселений русских казачьих семей на территории северного Китая. Отмечается, что, несмотря на достаточную изученность истории русской эмиграции в Китае в целом и истории казачьего населения региона, четкой картины территориального расселения казаков, названия всех населенных пунктов, количественного состава по поселениям по рассматриваемой территории, на сегодня, историками не создано. Источником исследования выступили отчеты представителей русских эмигрантских организаций в Китае, в которых приводятся данные о существовании казачьих поселений в рассматриваемом районе в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Отмечается, что в научной литературе нет полной, развернутой характеристики судьбы всех казачьих поселений в регионе в последующем, что предопределяет необходимость дальнейшего изучения проблемы.

Abstract
Based on the analysis of the available scientific publications and some archival documents it is considered the controversial aspect – the quantitative composition and names of settlements of Russian Cossack families on the territory of Northern China. It is noted that, despite well coverage of studies of the history of Russian emigrate in China as a whole and the history of cossack population of the region, a clear picture of the territorial distribution of the Cossacks, the names of all settlements, the number of people in the settlements on the territory under consideration, for today, historians have not been created. The sources of the study, were the reports of representatives of organizations of Russian emigrants in China, which provides data on the existance of Cossack settlements in the area in the late 1920s – early 1930s. It is noted that, in the scientific literature there is no complete indignation of the characteristics of the fate of all Cossack settlements in the region in the future, which determines the need for further study of the problem.

Ключевые слова: казачество, поселения, Северный Китай, Трехречье, Хайлар, Якеши, Хэйлунцзян, Цицикар.
Keywords: Cossacks, settlements, North China, three rivers, Hailar, Yakeshi, Heilongjiang, Qiqihar.

История казачества в Китае становилась предметом научного изучения. Отчасти в рамках анализа общей истории русской эмиграции в регионе [Аблажей, 2007; Аблова, 2004; 2007; Ауреленe, 2003]. Однако были и специальные исследования. На наш взгляд, основным специалистом в данной области является иркутский исследователь И. В. Чапыгин.

В своих работах он дает развернутую характеристику жизни и деятельности казачьих сообществ, в частности, на территории Северного Китая [Чапыгин, 2006, 2009, 2013, 2016].

И.В. Чапыгин в исследованиях, в значительной мере, использует источниковые данные. Это материалы периодической печати, воспоминания и документы различных архивов. Так, им анализируется комплекс документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Это фонды 5963 «Казачий Союз в Шанхае», представленный делами за 1925-1931 гг., 6081 «Управление Китайской Восточной железной дорогой. Харбин», с делами за 1896-1945 гг., 7043 «Штаб Русской группы войск Шандунской армии. Цинанфу» [Чапыгин, 2015, с. 12-13].

ГАРФ содержит и иные фонды, не упоминающиеся И.В. Чапыгиным, которые дают нам представление о казачестве на территории Китая, в частности на севере страны. Интереснейшим видится фонд 9145 «Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций». Она представлена делами постоянного хранения за 1918-1945 гг. По данному фонду, интереснейшими документами являются материалы главы русской белой эмиграции на Дальнем Востоке генерала Д.Л. Хорвата (положение о дальневосточном объединении эмиграции, доклады уполномоченных и переписка) из коллекции отдельных документов белоэмигрантских организаций за 1928-1933[1].

Один из докладов о положении казачьих поселков в Северной Барге дает представление об основных локальных районах расселения казачества, а так же о тех изменениях, которые происходили с ними на рубеже третьего-четвертого десятилетий XX в. Автором доклада выступил представитель Главы Эмиграции Дальнего Востока Д.Л. Хорвата в Азиатско-Восточных провинциях Н. Митаревский.

Имеются и иные фонды ГАРФа, дела которые содержат информацию по рассматриваемой проблематике. Это, к примеру, фонд 10017 «Коллекция документов личного происхождения и документов эмигрантских учреждения и организаций»[2].

Интереснейшей является статья И.В. Чапыгина «Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920-1930-е гг.». В ней приводятся количественные данные, а так же названия населенных пунктов и районов расселения казаков в Трехречье (Сяньхэ цюй). Так, говорится о количестве русскоязычного населения в Трехречье, приводимое на 1933 г. майором Симоного Кенузи, проводившим обследование района. Оно составило 5519 чел. Интересны данные о количестве дворов в крупнейшем поселке Трехречья Верх-Кули. Автор говорит о 270 [Чапыгин, 2013, с. 174, 176][3].

Несомненно, одним из ведущих специалистов по русской эмиграции в Трехречье является Е.Е. Ауреленe. Отметим, что она из немногих, кто говорит об очерке В.Н. Жернакова «Трехречье», в котором есть сведения о расселении русских казаков в регионе [Ауреленe, 2003].

Существуют и иные публикации, которые приводят названия некоторых поселков, говорят о количественном составе казачества в Трехречье [Адрианов, 2012; Брагин, 1999; Казачья Эмиграция, 2007; Теве, 2008 и др.]

О том, что в начале 30-х гг. XX в. в Маньчжурию бежало более 300 казачьих семей из Приамурья говорит Н.Е. Аблова, а за ней и некоторые иные авторы. Можно предположить увеличение за счет них казачьего населения региона, однако они речь ведут о Сахаляне (современный Хэйхэ), а не о Трехречье [Аблова, 2004, с. 179; Пушкарев, 2013, с. 19].

Перечень русских поселений Трехречья приводит известнейший исследователей проблематики Ю.В. Аргудяева. В основу легли данные, собранные А. Кайгородовым. Это время основания поселений и время, когда они были покинуты [Аргудяева, 2006].

Определенный интерес представляет работа Г.П. Белоглазова, который, к примеру, приводит количественные данные по населению. Он говорит о 2 130 русских в Трехречье

[1] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 9145. Оп. 1. Д. 254.
[2] Там же. Ф. 10017.
[3] Там же. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 254. Л. 17.

на середину 20-х гг. XX в. [Белоглазов, 2007, с. 111]. Вторит Г.П. Белоглазову А.П. Забияко называя такие же цифры с отсылкой на работу Ю.В. Аргудяевой [Забияко, 2016, с. 7].

Некоторые подробности о том, что в рассматриваемое время происходило в рассматриваемом районе, находим в записке «Трехреченская Голгофа» П. Доценко, которую он прислал в Особую следственную комиссию по расследованию злодеяний большевиков». Личность его комиссией не установлена [Доценко, 2004].

Достаточно интересны работы А.П. Тарасова. В них приводятся названия некоторых населенных пунктов, районы расселения казаков. Автор активно использует исследования китайских ученых. [Тарасов, 2003; 2013а; 2013б; 2016].

Интересна работа В.Л. Кляуса по православным храмам Трехречья. В ней называются населенные пункты, причем с использованием как русскоязычных, так и китайских названий [Кляус, 2014, с. 26]. За авторством В.Л. Кляуса вышел еще целый ряд статей и объемная книга по Русскому Трехречью, однако, их задачи – это упор на фольклорную и культурологическую составляющие. Исторический аспект затрагивается вскользь [Кляус, 2008, 2010, 2015].

О русских в Северном Китае можно встретить упоминания в некоторых исследованиях, изданных на иностранных языках [Ben-Canaan D., Grüner F., Prodöhl I. 2013. Ben-Canaan D., Grüner F., Prodöhl I. 2013; Bisher J. 2006; Lahusen T. 2001; Lary D. 2012. Lary D. 2012; Sladkovskii M.I. 2007; Wolff D. 1999 и др.].

Характеристика историографии проблемы показывает, что, на сегодняшний день казачество в Китае хоть и изучено, но далеко не полностью и не имеет полной, всесторонне восстановленной истории. Объектом анализа данной статьи являются казачьи населенные пункты на территории Северной Барги.

В рассматриваемых нами документах, характеризуемая территория именуется Северной Баргой[1]. Это отметим особо. Нет упоминаний Маньчжурии, хотя в имеющихся публикациях везде речь идет только о ней. Это справедливо, поскольку, территориально к Маньчжурии относили весь Северный и Северо-восточный Китай. Это современный Автономный район Внутренняя Монголия и провинция Хэйлунцзян. Согласно разным подходам к данному региону относят так же провинции Хэбэй, Шаньси, Ляонин и Цзилинь (Гирин). Мы же отметим сам факт разделения представителями русских эмигрантских кругов всей Маньчжурии на части и выделения из нее территории севера Китая отдельно, без рассмотрения северо-востока. В литературе такое встретишь не часто, если вообще встретишь.

Автор одной из записок под Северной Баргой понимает территории четырех локальных районов расселения русскоязычного населения. О них ниже[2]. В иных записках встречаем, что Трехречье – это один из районов Барги в целом, а вся Барга – это западная часть Хэйлунцзянской провинции Северной Маньчжурии [Доценко, 2004].

А.П. Тарасов под Баргой говорит о Хулунбуире. Это, по его словам, территория современного Хулунбуирского аймака (на 2003 г.), хотя, с 2001 г. Хулун-Буир является городским округом [Тарасов, 2003, с. 191; 2013, с. 50; 2016, с. 102].

Вторит А.П. Тарасову такой исследователь как Г.П. Белоглазов, который Баргой называет часть провинции Хэйлуцзян, а именно Хулунбуирский аймак Автономного района Внутренняя Монголия. Он отмечает, что Северная и Восточная Барга лежат в пределах горного хребта Большой Хинган. Северная же Барга – это Трехречье и Приаргунье [Белоглазов, 2007, с. 108-109, 111].

Под Внутренней Монголией Баргу понимает и Ю.В. Аргудяева [Аргудяева, 2006].

Е.В. Ностаева под Баргой понимает всю Северную Маньчжурию [Ностаева, 2010, с. 43].

Известнейший сибирский исследователь истории Китая В.Г. Дацышен Баргой на начало XX в. называет «пограничную с Забайкальем область» [Дацышен, 2014, с. 123].

[1] ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 254. Л. 16.

[2] Там же.

Основным методом исследовательской работы стал общенаучный метод анализа архивных материалов и данных имеющихся научных, сравнения их и попытка воссоздание наиболее правильной картины.

На территории Северной Барги к концу 20-х гг. XX в. выделялось четыре локальных района расселения казаков. Они формировались из групп поселений:

Вдоль железной дороги. Речь шла о том, что казаки проживали в десяти поселениях:

Маньчжурия, Чжалайнор, Цаган, Хорхонтэ, Ваньгунь, Хайлар, Хакэ, Чжаромтэ, Якеши, Мяньдухэ.

Вторая группа населенных пунктов располагалась вдоль тракта Якеши – Трехречье. Это такие населенные пункты как Кацанор, Магойтуй на правом берегу Аргуни и Тынха, Цанкир-Булак, Наджин-Булак.

Третий район расселение – это непосредственно Трехречье, территория заселенная наиболее плотно. Всего это 23 населенных пункта, по трем рекам: Гана (Гану, Ган) Дербулуку (Дербулу), Хаул (Хауле).

Район Трехречья был соединен двумя трактами, одним с поселком Якеши (этот тракт упоминался выше) на расстоянии 170-180 верст и вторым с населенным пунктом Хайлар (Хулунбуир или Хулубуирчэн) на расстоянии 160 верст. Вдоль последнего тракта в конце 20-х гг. XX в. располагалось три постоялых двора, принадлежавших, судя по всему, русскоязычному населению. Вокруг дворов небольшие хутора.

Четвертая группа была представлена поселками вдоль нижнего течения Аргуни на расстоянии приблизительно 100 верст от Трехречья. Начиналась данная локальная группа населенных пунктов поселком возле китайского города Шавесян и дальше вниз по течению: План, Ключи, Дамосово, Аргунское, Верея и ряд поселков за рекой Быстрой, вплоть до места слияния Аргуни и Шилки (частично территория нынешнего Забайкальского края)[1].

В 1929 г. история северного Китая ознаменовалась конфликтом китайских властей с СССР. Ситуация обострилась после захвата правителем Маньчжурии Чжан Сюэляном Китайской Восточной железной дороги. Это вызвало стремительную реакцию советского руководства и на территории КВЖД, начиная с июля 1929 г. произошел ряд столкновений отрядов Чжан Сюэляна с Красной Армией. Китайская сторона достаточно быстро осознала свою слабость и уже в декабре того же года был подписан Хабаровский протокол, по которому стороны восстанавливали позиции по КВЖД, утвержденный между советскими и китайскими властями Пекинским и Мукдэнским договорами.

Конфликт разрешился относительно быстро, но он привел к серьезному изменению ситуации с русским населением на территории Северного Китая.

Отряды Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) совершили ряд рейдов по китайской территории, где сжигали целые поселки, угоняли скот, вырезали мужское население. Так, серьезный рейд совершен в 1929 г. под руководством, по некоторым данным Моисея Жуча [Майер, 2003, с. 32].

Итогом стало то, что к началу 30-х гг. XX в. значительная часть русскоязычного населения вынуждена была покинуть практически все населенные группы первого из называвшихся выше районов расселения. Во втором районе прекратили работу все постоялые дворы на тракте из Трехречья в Хайлар, полностью забросили поселок Шахецзы.

Территория, на которой располагались поселки третьей групп, формально охранялась китайским кавалеристским полком, однако в реальности это практически ничего не давало. Заходившие на территорию Трехречья красноармейские отряды уничтожали целые населенные пункты. Так, целиком были уничтожены поселки Тынхэ, Цанкир-Булак, сожжены Дамосово, Ключи.

При этом следует отметить, что при нападениях со стороны Красной Армии, китайская полиция просто уходила из Трехречья. После этого возвращалась[2].

[1] ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 254. Л. 16.

[2] Там же.

О судьбе поселков четвертой группы в связи с нападениями отрядов РККА данных не было. Возможно, это связано с удаленностью названного локального района.

Таким образом, к началу 1930-х гг. основная масса русскоязычного населения сконцентрировалась в Трехречье. Все поселки располагались по трем рекам. Во второй половине 1920-х гг. на р. Хаул (Хауле) проживало: 20 семей в деревне Ивановка, 20 в Черноушихе, 15 в Каменке и 20 в Комичной.

На р. Дербулук (Дербул) соответственно 40 семей в Дубовой, 50 в Ключевой, 15 в Тулун-Туе (Тулунтуе) Верхнем, 17 в Тулун-Туе (Тулунтуе) Нижнем, 12 в Караганде (Караганах), 20 в Попирае, 25 в Щучьем, 35 в Шахедцзы, 15 в Боржовом (Баржаконе), 60 в Драгоценке и 15 в Концу.

На р. Гана (Гану, Ган), соответственно, 30 семей в Верх-Уроке, 18 в Усть-Урге, 10 в Покровке, 10 в Каодагае, 120 в Верх-Кули, 35 в Лабдарине (Лабудалине, позже – Эргуна), и 20 в Нарманчи (Нармакчи)[1].

Параллельно с архивными данными приведем данные по поселениям Трехречья из упомянутого выше перечня Ю.В. Аргудяевой. Она говорит об их краткой истории, начиная с момента появления и до их оставления русскими, в основном в 1955-1956 гг. Оговоримся сразу, что это автор данных строк встречал потомков русских в Трехречье прекрасно говоривших на русском языке в начале XXI в. Ю.В. Аргудяева не акцентирует внимание на рассматриваемом нами времени, поэтому мы приведем ее перечень для иллюстрации и констатации факта, что, на сегодня, однозначного ответа на вопрос о количестве казачьих поселений в регионе и их названиях, а так же общем количестве населения и количестве семей по отдельным насланным пунктам, остается открытым.

Итак, по Ю.В. Аргудяевой:

- по р. Дербул поселки Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Попирай, Караганы и Щучья.
- по р. Ган: Покровка, Усть-Кули (позже Ся-Кули), Лабдарин (позже – Аргунь), Челотуй и Светлоколуй (Светлый Кокуй).

Ряд населенных пунктов Ю.В, Аргудяева относит к междуречью Дербула и Гана: Баржакон (название по одноименному притоку р. Дербул), Лапцагор, Верх-Ургa (позже – Шан-Ургa), Усть-Ургa (позже – Ся-Ургa), Ширфовая, Верх-Кули (Шан-Кули), Нармакчи, Драгоценка (Саньхэ, при японцах – г. Найрумту) [Аргудяева, 2006].

Как видим, складывается совершенно иная картина. Выпадает третья река Трехречья – Хаул и населенные пункты по ней. Ну и присутствует ряд иных расхождений.

Приведем перечень поселений в Трехречье, который встречаем у В.В. Перминова. Он говорит о 1945 г.: Драгоценка, Дубовая, Ключевая, Тулунтуй, Караганы, Попирай, Щучье, Покровка, Верх-Кули, Усть-Кули, Лабдарин, Чилотуй, Светлый Колуй, Барджакон, Лапцагор, Верх-Ургa, Усть-Ургa, Ширфовая и Нармакчи. Как видим, он соотносится с перечнем Ю.В. Аргудяевой. Для нас очевидно, что в его основе лежат данные А. Кайгородова [Перминов, 2007].

Интереснейшим является перечень поселков, приводимый В.Л. Кляусом. Поскольку он пишет о церквях в русских поселениях Трехречья, данный перечень может быть не полным. Однако он приводит названия ряда селений: Драгоценка, Верх-Кули (Шанкули), Покровка (Банньчжалага), Верх-Ургa (Шануэргэнь), Усть-Ургa (Сяуэргэнь), Ключевая (Сянхулин), Дубовая (Шанхулин), Тэнихэ, Усть-Кули (Сякули), Тулунтуй, Попирай (Тольндзэтуй), Челотуй (Цилоту), Найджин-Булак (Нацзибулагэ), Кыцынор, Ацан, Улуси, Чинкир, Караганы (Калаган), Щучье (Сучин), Баржакон, Солнечный [Кляус, 2014, с. 26]. Представленный перечень, интересен нам, прежде всего китайскими названиями селений. Отсутствующие китайские названия некоторых поселков не известны самому автору. Опять же, появляются названия новых населенных пунктов.

Мы склонны более правильным вариантом считать первый. Это предопределено следующим. Взятые за основу статьи А. Кайгородова писались позднее, а как мы отметим ниже,

[1] ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 254. Л. 17.

ситуация с расселением менялась. Первый перечень составлен очевидцем, а самое главное, он составлен для отчета и представляется нам относительно достоверным источником.

На конец 1920-х гг. абсолютно точных данных по количеству русского населения в Трехречье не было. По приблизительным подсчетам там проживало до 650 семей, общим количеством до 5 000 чел. В отчетах отмечается, что все семьи были многолюдными, некоторые составляли несколько поколений. В отдельные семьи вошли семейства работников, не имевших своего имущество. Таких семейств насчитывалось до 300. Значительная их часть появилась после нападения отрядов РККА[1].

Ухудшение социальной ситуации, страх за свои жизни вынуждал покидать насиженные места и это притом, что в рассматриваемое время Трехречье в экономическом плане было очень благополучным. Собирались прекрасные урожаи, до 300-500 тысяч пудов хлеба в год. К 1930-му г. содержалось 27 896 голов крупного рогатого скота, 5 420 лошадей, 22 000 овец[2].

Итогом внутренних передвижений казачьего населения по региону стало то, что значительная часть семей к началу четвертого десятилетия XX в. стала проживать на незначительной территории Трехречья, однако территории инфраструктурно достаточно хорошо развитой, со множеством дорог.

Здесь вновь вернемся к цифрам, которые приводятся в некоторых работах и источниках. Так, Ю.В. Аргудяева, со ссылкой на хабаровский архив, отмечает, что на конец 1944 г. в Трехречье проживало 9 050 человек (видимо имеется в виду русскоязычное население). Со ссылкой на А. Кайгородова, она говорит о том, что в 1945 г. там проживало 11 000 русских [Аргудяева, 2006].

В.В. Перминов говорит о 20-25 тысячах русских в Трехречье на 1945 г. [Перминов, 2007].

С учетом того, что все русское население Трехречья на начало 1930-х гг. составляло, по наши данным, приблизительно 5 000 чел., серьезно говорить об увеличении на две тысячи человек русского населения региона с конца 1944 по (предположим) конец 1945 г., очевидно, мы не можем. Остановимся на первых цифрах, все же они приводятся со ссылкой на архивные источники. Если отталкиваемся от 5 000 на 1930-й г. или 5 500 на 1933 г. [Чапыгин, 2013, с. 174], увеличение за 10 лет составило более трех с половиной тысяч чел. Сама по себе данная цифра видится сомнительной даже с учетом того, что в регион в 30-е гг. XX в. бежали с семьями забайкальские казаки, которых, как отмечает Ю.В. Аргудяева называли «тридцатниками» [Аргудяева, 2006].

Ниже мы будем говорить о «резне» в Трехречье в 1932 г., и бегстве после нее из региона значительного количества русских. В свете сказанного, для нас, приведенные Ю.В. Аргудяевой цифры на 1945 г. представляются достаточно спорными. Количество же, о котором говорит В.В. Перминов, видится завышенным.

Руководство русских эмигрантских организаций осознавало сложность сложившейся в регионе, в связи с нападением отрядов Красной Армии, ситуации уже в начале 1930-х гг. Было осознание и того, что из Забайкалья в любой момент могут быть переброшены в Трехречье войсковые соединения.

Представитель Главы Эмиграции Дальнего Востока Д.Л. Хорвата в Азиатско-Восточных провинциях Н. Митаревский выдвинул предложение о незамедлительной переброске в Трехречье значительного контингента китайских войск. Второй мерой предлагалось вооружение местного населения и создание из его представителей отрядов самообороны. Как известно, русскоязычное население в данном районе было разоружено китайскими властями.

В случае отказа китайских властей от предложенного варианта решения проблемы, Н. Митаревский предлагал уводить все население вместе со скотом ближе к железной до-

[1] ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 254. Л. 17.
[2] Там же.

роге, что, во-первых, значительно дальше от границы, во-вторых, железная дорога лучше охраняется, а, в-третьих, позволит более оперативно реагировать на возникающие проблемы.

Китайская сторона, в свою очередь, понимала, что требуется какое-либо решение. Цицикарский губернатор в своей позиции обозначал, что проблема присутствует и требует решения. Однако формирование отрядов самообороны запрещено Нанкинским правительством. Таким образом, ни губернатор Хэйлуцзянской провинции Ван Фулин, ни командующий Западным фронтом данный вопрос решить не в состоянии. Решить его до своей смерти в результате подрыва в 1928 г. мог только инспектор трех провинций Северо-востока Китая (Ляонин, Гирин и Хайлунцзян) Маршал Чжан Цзолинь, но вопрос так и остался открытым[1].

В этой ситуации требовалось придумать иной выход. Появилось предложение о выводе всего русскоязычного населения Трехречья за Хинган с выделением там для расселения большого участка земли в районе р. Ронни. Русское населения Трехречье на это было согласно и даже выступало за скорейший переезд, поскольку иного выхода из ситуации не видело[2].

Н. Митаревский считал, что если бы Глава Эмиграции Дальнего Востока Д.Л. Хорват обратился к китайским властям, данный вопрос мог бы быть решен. Однако никаких серьезных действий со стороны Д.Л. Хорвата в данном направлении, судя по всему, предпринято не было[3].

В то же время сложно сказать, насколько вообще описанную проблему казачьих поселений на севере Китая можно было решить. Китайские власти были слабы, и не в состоянии обеспечить защиту региона. А с приходом японцев ситуация стала еще сложнее.

Итогом станет постепенный исход из Трехречья части русскоязычного населения. Перемещались они в сторону Хайлара, а затем, дальше на Харбин и при наличии возможно, либо в Тянцзин и Шанхай, либо в Северную Америку и Австралию[4]. Причиной стала «резня» в Трехречье, та о которой мы говорили выше, и рейд отрядов И. Пешкова и И. Аксенова в 1932 г., а так же наводнение в Харбине 1932 г., получившее название «Великий потоп». Согласно архивным источникам русскоязычное население перебралось в Шанхай, эмигрантская колония которого значительного за счет этого выросла [Казачья эмиграция в Маньчжурии][5].

Часть населения осталась на территории Трехречья. Следующий виток активного переселения русских мигрантов с территории Китая начнется в первой половине 50-х гг. XX в., но и он не приведет к полному исчезновению русских в регионе. Их часть останется в Трехречье. Согласно переписи населения Китайской Народной Республики 1982 г. на территории провинции Хэйлунцзян проживало около 100 русских [Рябова, 2015, с. 152].

Сложность анализа предметного поля данной статьи заключается в том, что, на сегодняшний день, в литературе нет однозначной характеристики количественного состава казачьих поселений в Северном Китае. Расходятся авторы в их названиях. Представляется, что требуется серьезная работа с источниками, документами как центральных, таки и региональных архивов, эмигрантскими периодическими изданиями рассматриваемого периода времени.

Для нас, очевидно, что на сегодняшний день о казачьих поселениях на севере Китая существует самое общее представление. Главным образом, рассматривается территория Трехречья. Весь регион Северной Барги охарактеризован, в рамках предмета статьи, только частично. Помимо вопросов, связанных с количеством населенных пунктов, количеством, проживавших в них, названиями, относительно слабо изучены объемы сельско-

[1] ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 234. Л.17.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 13.
[4] Там же. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 29. Л.Л. 49-50.
[5] Там же. Ф. 10017. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

хозяйственной деятельности, бытовая сторона жизни. Сказанное предопределяет необходимость дальнейшей работы по теме.

Список литературы
References

1. Аблажей Н.Н. 2007. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, Изд-во СО РАН, 300.

Ablazhey N.N. 2007. S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 300. (in Russian)

2. Аблова Н.Е. 2004. КВЖД и российская эмиграция в Китае. М., ИД «Русская панорама», 432.

Ablova N.E. 2004. KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae. M., ID «Russkaya panorama», 432. (in Russian)

3. Аблова Н. 2007 Дмитрий Леонидович Хорват из истории российской эмиграции в Китае. URL: http://www.fondiv.ru/articles/3/191/ (дата обращения: 03.01.2018)

Ablova N. 2007 Dmitriy Leonidovich Horvat iz istorii rossiyskoy emigratsii v Kitae. URL: http://www.fondiv.ru/articles/3/191/ (data obrascheniya: 03.01.2018).

4. Адрианов И.К. 2012. Дальневосточная казачья эмиграция в Маньчжурии в условиях японской оккупации. URL: http://ist-konkurs.ru/raboty/2012/655-30-xx (дата обращения: 03.01.2018).

Adrianov I.K. 2012. Dalnevostochnaya kazachya emigratsiya v Manchzhurii v usloviyah yaponskoy okkupatsii. URL: http://ist-konkurs.ru/raboty/2012/655-30-xx (data obrascheniya: 03.01.2018).

5. Аргудяева Ю.В. 2006. Русское население Трехречья. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche/143-1-0-213 (дата обращения: 03.01.2018).

Argudyaeva Yu.V. 2006. Russkoe naselenie Trehrechya. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/a/argudjaeva_ju_v/russkoe_naselenie_v_trekhreche/143-1-0-213 (data obrascheniya: 03.01.2018).

6. Аурилене Е.Е. 2003. Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920-50-е гг.). Хабаровск, Хабаровский пограничный ин-т Федеральной службы безопасности Российской Федерации, 191.

Aurilene E.E. 2003. Rossiyskaya diaspora v Kitae: Manchzhuriya. Severnyiy Kitay. Shanhay (1920-50-e gg.). Habarovsk, Habarovskiy pogranichnyiy in-t Federalnoy sluzhbyi bezopasnosti Rossiyskoy Fede-ratsii, 191. (in Russian)

7. Аурилене Е.Е. 2004. Российская эмиграция в Китае: 1920-1950. Дисс дис. … д-ра истор. наук. Хабаровск, 376.

Aurilene E.E. 2004. Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: 1920-1950. Diss dis. … d-ra istor. nauk. Habarovsk, 376. (in Russian)

8. Белоглазов Г.П. 2007. Русская земледельческая культура в Маньчжурии в конце XIX – 20-х годах XX в. Вестник ДВО РАН, 5: 108-115.

Beloglazov G.P. 2007. Russkaya zemledelcheskaya kultura v Manchzhurii v kontse XIX – 20-h godah XX v. Vestnik DVO RAN, 5: 108-115. (in Russian)

9. Брагин А. 1999. «Союз казаков» в Маньчжурии. URL: http://www.gipanis.ru/?level=1125&type=page (дата обращения: 03.01.2018)

Bragin A. 1999. «Soyuz kazakov» v Manchzhurii. URL: http://www.gipanis.ru/?level=1125&type=page (data obrascheniya: 03.01.2018).

10.Дацышен В.Г. 2014. Сибирский округ во время военной компании в Китае в 1900-1901 гг. Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 6 (22): 119-127.

Datsyishen V.G. 2014. Sibirskiy okrug vo vremya voennoy kompanii v Kitae v 1900-1901 gg. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 6 (22): 119-127. (in Russian)

11.Доценко П. 2004. Трехреченская Голгофа. В кн.: Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Под. ред. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского. М., Терра-книжный клуб, 512. URL: http://www.xxl3.ru/pages/docenko.htm (дата обращения: 03.01.2018)

Dotsenko P. 2004. Trehrechenskaya Golgofa. V kn.: Krasnyiy terror v godyi grazhdanskoy voynyi: po materialam Osoboy sledstvennoy komissii po rassledovaniyu zlodeyaniy bolshevikov. Pod.

red. Yu. Felshtinskogo, G. Chernyavskogo. M., Terra-knizhnyiy klub, 512. URL: http://www.xxl3.ru/pages/docenko.htm (data obrascheniya: 03.01.2018).

12.Забияко А.П. 2016. Русские в Трехречье: исторический очерк. Emigrantologia Słowian, 2: 5-17.

Zabiyako A.P. 2016. Russkie v Trehreche: istoricheskiy ocherk. Emigrantologia Słowian, 2: 5-17.

13.Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920-1945. URL: http://elan-kazak.org/forum/viewtopic.php?t=926 (дата обращения: 03.01.2018)

Kazachya emigratsiya v Manchzhurii 1920-1945. URL: http://elan-kazak.org/forum/viewtopic.php?t=926 (data obrascheniya: 03.01.2018).

14.Казачья эмиграция в Маньчжурии 1920-1945. Союз казаков на Дальнем Востоке 2007. URL: http://рустрана.рф/article.php?nid=18478 (дата обращения: 03.01.2018)

Kazachya emigratsiya v Manchzhurii 1920-1945. Soyuz kazakov na Dalnem Vostoke 2007. URL: http://rustrana.rf/article.php?nid=18478 (data obrascheniya: 03.01.2018).

15.Кляус В.Л. 2008. Русский фольклор в Трехречье (КНР). В кн.: Сибирские чтения в РГГУ. М., РГГУ, (3): 5-21.

Klyaus V.L. 2008. Russkiy folklor v Trehreche (KNR). V kn.: Sibirskie chteniya v RGGU. M., RGGU, (3): 5-21. (in Russian)

16.Кляус В.Л. 2010. Административная реконструкция русской деревни в Китае. В кн.: Сибирская деревня. Омск: Омскбланкиздат, 3: 466-475.

Klyaus V.L. 2010. Administrativnaya rekonstruktsiya russkoy derevni v Kitae. V kn.: Sibirskaya derevnya. Omsk: Omskblankizdat, 3: 466-475. (in Russian)

17.Кляус В.Л. 2014. Церкви Трехречья. Традиционная культура, 4: 25-34.

Klyaus V.L. 2014. Tserkvi Trehrechya. Traditsionnaya kultura, 4: 25-34.

18.Кляус В.Л. 2015. «Русское Трехречье»: очерки фольклориста и традиционной культуры. М., ИМЛИ РАН, 384.

Klyaus V.L. 2015. «Russkoe Trehreche»: ocherki folklorista i traditsionnoy kulturyi. M., IMLI RAN, 384. (in Russian)

19.Майер В. 2003. Славный сибиряк. В кн.: Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М., ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 1-43.

Mayer V. 2003. Slavnyiy sibiryak. V kn.: Serebrennikov I. I. Grazhdanskaya voyna v Rossii: Velikiy othod. M., OOO «Izdatelstvo ACT»; ZAO NPP «Ermak», 1-43. (in Russian)

20.Ностаева Е.В. 2010. Харчинский вопрос в Барге (1917 г.). Восточный архив, 1(21): 43-48.

Nostaeva E.V. 2010. Harchinskiy vopros v Barge (1917 g.). Vostochnyiy arhiv, 1(21): 43-48. (in Russian)

21.Перминов В. В. 2007. Начало и конец Русского Трехречья. URL: http://www.predistoria.org/archive/index.php?name=News&file=article&sid=553 (дата обращения: 02.01.2018)

Perminov V. V. 2007. Nachalo i konets Russkogo Trehrechya. URL: http://www.predistoria.org/archive/index.php?name=News&file=article&sid=553 (data obrascheniya: 02.01.2018).

22.Пушкарев В.А. 2013. Амурские казаки в Китае: опыт сохранения традиций (1918-1945). Россия и АТР, (81): 17-29.

Pushkarev V.A. 2013. Amurskie kazaki v Kitae: opyit sohraneniya traditsiy (1918-1945). Rossiya i ATR, (81): 17-29. (in Russian)

23.Рябова М.С. 2015. Проблема сохранения идентичности русского национального меньшинства в Китае. Вестник Томского государственного университета, 393: 150-154.

Ryabova M.S. 2015. Problema sohraneniya identichnosti russkogo natsionalnogo menshinstva v Kitae. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 393: 150-154. (in Russian)

24.Тарасов А.П. 2003. Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита, РИС ЗабГУ, 432.

Tarasov A.P. 2003. Zabaykale i Kitay: opyit analiza mezhdunarodnyih svyazey. Chita, RIS ZabGU, 432. (in Russian)

25.Тарасов А.П. 2013а. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.). URL: https://voencomuezd.livejournal.com/735524.html (дата обращения: 02.01.2018)

Tarasov A.P. 2013a. Protivostoyanie krasnyih i belyih v kitayskom Damyisovo (28 sentyabrya 1929 g.). URL: https://voencomuezd.livejournal.com/735524.html (data obrascheniya: 02.01.2018).

26.Тарасов А.П. 2013б. Исторические судьбы Барги и Забайкалья. Азия и Африка сегодня, 4(669): 50-55.

Tarasov A.P. 2013b. Istoricheskie sudbyi Bargi i Zabaykalya. Aziya i Afrika segodnya, 4(669): 50-55. (in Russian)

27.Тарасов А.П. 2014. Русские в Барге: история и поиск национальной идентичности в приграничном Китае. Традиционная культура, 4(56): 3-14.

Tarasov A.P. 2014. Russkie v Barge: istoriya i poisk natsionalnoy iden-tichnosti v prigranichnom Kitae. Traditsionnaya kultura, 4(56): 3-14. (in Russian)

28.Тарасов А.П. 2016. Русская национальная волость Эньхэ в Барге поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае. Проблемы Дальнего Востока, 1: 102-121.

Tarasov A.P. 2016. Russkaya natsionalnaya volost Enhe v Barge poisk russkimi svoey natsional-noy identichnosti v prigranichnom Kitae. Problemyi Dalnego Vostoka, 1: 102-121.

29.Теве И. 2008. К проблеме белой эмиграции в Китае. В кн.: Гражданская война как феномен мировой истории. Екатеринбург, Уральский государственный университет: 306-311.

Teve I. 2008. K probleme beloy emigratsii v Kitae. V kn.: Grazhdanskaya voyna kak fenomen mirovoy istorii. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyiy universitet: 306-311. (in Russian)

30.Чапыгин И.В. 2006. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920-1945 гг.). Дис. … канд. истор. наук. Иркутск, 187.

Chapyigin I.V. 2006. Kazachya emigratsiya v russkoy diaspore Severo-Vostochnogo Kitaya (1920-1945 gg.). Dis. … kand. istor. nauk. Irkutsk, 187. (in Russian)

31.Чапыгин И.В. 2009. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920-1945 гг.). В кн.: История Белой Сибири. Кемерово, ИНТ: 275-281.

Chapyigin I.V. 2009. Kazachya emigratsiya na territorii Manchzhurii (1920-1945 gg.). V kn.: Istoriya Beloy Sibiri. Kemerovo, INT: 275-281. (in Russian)

32.Чапыгин И.В. 2013. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920-1930-е гг. Наука и школа, 4: 173-176.

Chapyigin I.V. 2013. Zabaykalskoe kazachestvo v emigratsii na territorii Severo-Vostochnogo Kitaya (Manchzhurii) v 1920-1930-e gg. Nauka i shkola, 4: 173-176. (in Russian)

33.Чапыгин И.В. 2015. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск, Изд-во ИГУ, 171.

Chapyigin I.V. 2015. Kazachya emigratsiya v Kitae. Irkutsk, Izd-vo IGU, 171. (in Russian)

34.Ben-Canaan D., Grüner F., Prodöhl I. 2013. Entangled Histories: The Transcultural Past of Northeast China. Dordrecht, Springer Science & Business Media, 238.

35.Bisher J. 2006. White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian. Abingdon, Routledge , 492.

36.Lahusen T. 2001. Harbin and Manchuria: place, space and identity. Durham, Duke University Press Book, 276.

37.Lary D. 2012. Chinese Migrations: The Movement of People, Goods, and Ideas over Four Millennia, Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, 254.

38.Sladkovskii M.I. 2007. History of Economic Relations between Russia and China: From Modernization to Maoism. Abingdon, Routledge, 311.

Wolff D. 1999. To the Harbin station. The liberal Alternative in Russian Manchuria. 1898-1914. Stanford, Stanford University Press, 225.

УДК 94(47), 94(100) “1939-1945”
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-122-131

ЗНАЧЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

VALUE OF THE SEVASTOPOL DEFENSIVE OPERATION AT THE INITIAL STAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Е.А. Сидорчук
E.A. Sidorchuk

Государственный университет управления,
Россия, 109542, г. Москва, ул. Рязанский проспект 99

State university of management, 99 Ryazansky Avenue St., Moscow, 109542, Russia

E-mail: zerlo739@mail.ru

Аннотация
Рассматривается влияние Севастопольской оборонительной операции на общий ход сражений Великой Отечественной войны на ее начальном этапе в 1941-1942 гг. А именно вопросы, связанные с длительным удержанием сил и средств 11-ой немецкой армии, совместно с частями стран сателлитов Германии на территории Крыма в ходе обороны Севастополя. Кроме того, рассматривается вклад Севастопольской обороны в осуществление крымских десантов в указанный период и последствия этих операций для обороны города. Так же затрагиваются вопросы, связанные с обстановкой на южном участке советско-германского фронта и в черноморском регионе после оставления советскими войсками Севастополя в 1942 г. Вводятся в научный оборот новые исторические источники по Севастопольской оборонительной операции, - архивные материалы Центрального архива Министерства обороны России.

Abstract
Influence of the Sevastopol defensive operation on the general course of battles of the Great Patriotic War at her initial stage in 1941-1942 is considered. Namely the questions connected with long deduction of forces and means of the 11th German army together with parts of the satellites of Germany in the territory of the Crimea during defense of Sevastopol. Besides, the contribution of the Sevastopol defense to implementation of the Crimean landings to the specified period and consequences of these operations for defense of the city is considered. Also the questions connected with a situation on the southern site of the Soviet-German front and in the Black Sea region after leaving by the Soviet troops of Sevastopol in 1942 are raised. New historical sources of the Sevastopol defensive operation, - archival materials of the Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation are introduced for scientific use.

Ключевые слова: Крымский полуостров; оборона Севастополя; десанты в Крыму; Великая Отечественная война; оборона Крыма; исторический источник.
Keywords: defense of Sevastopol; Crimean peninsula; landings in the Crimea; Great Patriotic War; defense of the Crimea; historical source.

Севастопольская оборонительная операция 1941-1942 гг. освещена в исторической науке в достаточно большом и высокопрофессиональном объеме, но, к сожалению, остаются, не изучены в полной мере, а порой только затронуты некоторые вопросы, которые сопровождали это историческое событие. В контексте начального периода Великой Отечественной войны и международной политики в военный период слабо изучен ряд моментов, которые значительно повлияли на ход всей войны и политической обстановки в ее период. Во-первых, Севастополь не был сдан немцам с хода, он выстоял в двух штурмах осенью

1941 г., что способствовало задержке мощной немецко-румынской группировки в Крыму, в то самое время, когда вермахту недоставало людских ресурсов на других участках советско-германского фронта [Оборона Севастополя, 1943, с. 3]. Во-вторых, каково значение «крымских десантов» 1941-1942 гг. по отношению к обороне Севастополя. Они должны были деблокировать город и помочь в освобождении Крыма, но получилось так, что «вермахт расстроил два параллельных наступления Сталина на южном фронте», одним из которых стало крушение Крымского фронта в мае 1942 г. [Гланц, 2008, с. 52]. Все эти исторические события, связанные с Севастопольской оборонительной операцией, оказали серьезное влияние как на обстановку южного участка советско-германского фронта, так и на общий ход Великой Отечественной войны. Так, в фундаментальном и многотомном исследовании по истории войны говорится какое значение оборона Севастополя сыграла в одном из решающих сражений войны, битве под Курском: «Первоначально операция «Блау» была назначена на 23 июня, но в связи с затяжкой боевых действий в районе Севастополя этот срок был перенесен на 28 июня» [Великая Отечественная война, том 1, 2015, с. 352].

Методологическую основу обзора и исследования значения Севастопольской оборонительной операции в начальный период Великой Отечественной войны составляет принцип историзма. Применение этого принципа предполагает, что комплексное изучение всех аспектов деятельности Севастопольского оборонительного района во взаимосвязи с другими элементами военных, экономических и социально-политических факторов борьбы СССР с немецко-фашистскими войсками позволяет более глубоко понимать причинно-следственные связи происходивших исторических событий в Севастополе в 1941-1942 гг. При рассмотрении значения обороны Севастополя в 1941-1942 гг. был использован сравнительно-исторический метод для анализа архивных материалов Центрального архива Министерства обороны. Он позволил показать объективные особенности военных факторов обороны города и участия в ней различных частей и соединений, в том числе социально-политическую и демагорафическо-статистическую обстановку в рядах войск противника. Использование проблемно-хронологического метода позволило вычленить из всех военных факторов севастопольской обороны фактор крымских десантов и проследить его в историческом развитии. Значение десантов на территорию полуострова является одним из наиболее значимых моментов в контексте истории борьбы за Крым и Севастополь, можно сказать, что оборона Севастополя и десанты в Крым тесно взаимосвязаны в борьбе за Крым. В фундаментальной монографии доктора исторических наук А.В.Басова отмечается, что: «В зимней компании 1941-1942 гг. Крым явился объектом встречных действий сторон. Советские вооруженные силы отразили вражескую попытку захватить Севастополь, осуществили Керченско-Феодосийскую десантную операцию, образовали Крымский фронт и создали условия для освобождения Крыма» [Басов, 1987, с. 312].

Оборона Севастополя 1941-1942 гг. находится сейчас несколько в тени более серьезных военных операций,- Сталинградского и Курского сражений, но это не значит, что в период войны руководство страны уделяло ей гораздо меньше внимания. Наоборот, советское руководство осознавало всю значимость обороны города и внимательно следило за обстановкой. Например, командующий советским военно-морским флотом отмечал, что «Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб, не ограничиваясь изданием директив, детально занимались положением дел в Севастополе не только в связи с общим положением на фронте, но и с учетом обстановки на его южном фланге» [Кузнецов Н.Г., 2000, с. 76]. То есть, высшее военное руководство понимало, что оборона Севастополя является «цементирующим фактором» военной обстановки не просто в Крыму, но и во всем южном регионе. Особенно это обстоятельство усилилось после решения об оставлении Одессы, эвакуации Приморской Армии и перехода ее частей и соединений в Крым, когда осенью 1941 г. главным местом сражений в Черноморском регионе стала борьба за Севастополь.[1]

[1] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 1740. Оп. 1. Д.1. Журнал боевых действий 421 стрелковой дивизии. Л. 23.

Решение произвести эвакуацию войск из Одессы в сентябре 1941г., с ее перебазированием на Крым, далось советскому руководству не легко, так как город мог оборониться еще значительное время и обстановка не была критической, особенно с поддержкой Черноморского флота [Кузнецов Н.Г, 2000, с. 65]. Но противник угрожал Крымскому фронту со стороны Перекопа, также угрожал перерезать линии снабжения Севастополь-Одесса. Можно сказать, что оставление Одессы было заранее проработанным и четко детализированным планом, который был грамотно реализован. Части и соединения, оборонявшие Одессу, отмечали в своих директивных документах: «Согласно указу Верховного Главнокомандования СССР в целях осуществления военной стратегии и дальнейших боевых действиях, войска Одесского оборонительного района и Приморской Армии в начале 2-ой пятидневки октября 1941г. приступили к плановой эвакуации своих войск и материальной части из города Одессы».[1] То есть, было принято решение о нецелесообразности обороны Одессы и привлечения людских и материальных ресурсов, потери которых в летне-осенней компании 1941 г. были очень значительны, для обороны Крымского полуострова и главной базы Черноморского флота,- Севастополь.

Особенно оборона Севастополя начала играть свою «отвлекающую» роль с продвижением немецких войск и их союзников все дальше вглубь СССР. Например, «севастопольская карта» сыграла свою значимую роль в период ожесточенных боев под Ростовом. Развертывание советской наступательной операции по овладению Ростовом совпало по времени со вторым наступлением немцев на Севастополь, для проведения которого они перебросили под Севастополь около семи дивизий, снятых с других участков Южного фронта. Это обстоятельство, несомненно, помогло советским войскам осуществить разгром немцев под Ростовым. Немецкое командование не могло отказаться от штурма Севастополя, так как оно не без основания опасалось, что Красная Армия, перешедшая в наступление под Ростовом и на других участках Южного фронта, начнет активные действия и в Крыму [Оборона Севастополя, 1943, с. 3]. То есть, можно сказать, что в таком случае немецкая сторона опасалась уже не длительности упорных боев за овладение базой Черноморского флота, но и рассматривала возможность контрудара советских войск с севастопольского плацдарма. Отмечала этот факт и немецкая сторона, которая признавала, что: «пока город оставался в руках русских, немцы не могли осуществлять морем снабжение своего южного фланга, который после продвижения в Ростов откатился к реке Миус» [Руге, 2003, с.230]. То есть, помимо отвлечения сухопутных войск Севастополь препятствовал и снабжению войск противника морским путем.

В дальнейшем, в ходе продвижения немецких войск на южном направлении, значение обороны Севастополя возрастало. В конце 1941 г., начале 1942 г. помимо отвлечения значительных немецких сил на штурм города и препятствованию снабжения, «фактор севастопольской обороны» позволял сорвать десантирование крупных сил противника на кавказское побережье. Советские военные историки констатировали, что «удержание Севастополя имело для нас колоссальное значение, так как срывало все планы немецкого командования в отношении высадки морского десанта на Кавказском побережье, в тылу наших войск, оборонявших подступы к Северному Кавказу» [Оборона Севастополя, 1943, с. 3]. Все это привело более чем к полугодовому «топтанию и исчерпанию» немецких сил под Севастополем, в то самое время, когда эти людские и материальные ресурсы были остро необходимы на других участках фронта. Например, в контексте исчерпания людских резервов немецкой стороны, говорят факты из допросов немецких военнослужащих, взятых в плен в конце 1941 г. из состава 24 и 50 пехотных дивизий: «возраст солдат до 35 лет, пополнение не получают, в ротах большой некомплект, другие роты имеют также состав по 50-60 человек».[2] В дальнейшем, противоборствующие стороны готовились к обороне и штурму соответственно, кроме того советская сторона задействовала свои ресурсы на «крымские десанты», а немецкая на их ликвидацию. Поэтому третий и последний

[1] ЦАМО. Ф. 3532. Оп. 1. Д. 5. Журнал боевых действий 2 кавалерийской дивизии. Л. 31.

[2] ЦАМО. Ф.1100. Оп.1. Д.50. 25 стрелковая дивизия. Материалы опроса военнопленных. Л.12

штурм Севастополя, немецко-румынская группировка предприняла только 7 июня 1942 г. Оборона Севастополя позволила задержать мощную немецкую группировку до самого начала немецкого наступления на юге СССР, на Сталинградском направлении. Летом 1942 г. события развивались следующим образом,- 3 июля было объявлено об окончании обороны, несколько ранее,- 28 июня «Гитлер начал операцию «Блау», бросив примерно 2 миллиона солдат на Сталинград и Кавказ и разнеся вдребезги оборону Красной Армии в южной России, насчитывающей 1,8 миллиона солдат» [Гланц, 2008, с. 41]. Таким образом, можно сказать, что к моменту окончания боев за город оборона Севастополя по максимуму позволила задержать и сковать крупные силы врага на южном фронте, а кроме того связать линии его коммуникаций и снабжения. Кроме того, не следует забывать и о том, что военное производство в городе было налажено и многое из необходимой продукции для сражающихся советских войск производилось на месте [Борисов, 1970, с. 104]. Это значит, что оборона Севастополя была еще и самодостаточна в плане военного производства по ряду продукции и позволяла направлять советскому руководству материальные ресурсы на другие участки фронта.

Необходимо рассмотреть значение и роль крымских десантов в контексте обороны Севастополя 1941-1942 гг. Это связано с тем, что в случае успешного проведения данных десантных операций могла идти речь не просто о снятии блокады с города, но и о ведущей роли Севастополя как плацдарма освобождения всего Крыма. Это отмечали и советские военные историки, указывая, что «Севастополь, как главная база черноморского флота мог служить и плацдармом, опираясь на который в любой момент могла развернуться десантная операция Красной армии, предпринятая с целью очищения Крыма от немецких оккупантов» [Оборона Севастополя, 1943, с. 3]. Но при этом «германское командование стремилось как можно скорее ликвидировать эту опасность путем захвата Севастополя» [Оборона Севастополя, 1943, с. 3]. В свою очередь немецкие военные считали, что крымские десанты значительно затянули взятие Севастополя, который был захвачен только летом 1942 г., когда вермахт уже устремился на южном фланге к кавказской нефти. Командующий ВМС ФРГ Фридрих Руге высказывал такую точку зрения, касательно крупнейшего из них, Керченского десанта: «этот русский плацдарм вынудил немцев отвлечь для его ликвидации много войск, и поэтому штурм Севастополя пришлось отложить на шесть месяцев» [Руге, 2003, с. 230]. Все это позволяет сказать, что оборона Севастополя в контексте крымских десантов сыграла важную роль так же, как крымские десанты в обороне главной базы Черноморского флота.

В целом, десантные операции Великой Отечественной войны являются одними из самых драматических событий войны. Ряд исследователей отмечал, что их нельзя было прекратить, как неудачное наступление или сделать прочными и неуязвимыми, как глубокоэшелонированную оборону [Юновидов, 2009, с.6]. Связано это с тем, что какие бы силы и средства не привлекались, как бы ни рассчитывались планы операций, ни одна из крупных операций не носила достаточно напряженный характер. Николай Герасимович Кузнецов, командовавший советскими военно-морскими силами в годы войны, наиболее полно охарактеризовал специфику морских десантов: «Десантные операции следует планировать, заглядывая довольно далеко вперед, ведь после высадки нужно ожидать быстрой и решительной реакции противника. В первую очередь это относится к любой наземной операции. При высадке же десанта с моря дело обстоит еще сложнее. Тылом в этом случае, как в Феодосии, оказывается море, и отступить при необходимости значительно сложнее, чем, допустим, отойти «на исходные рубежи» на суше. Опасность понести большие потери в случае вынужденного отступления тем больше, чем дальше расположен от своих баз или войск занятый десантом город или участок берега» [Кузнецов Н.Г., 2000, с. 96]. Именно такая ситуация и произошла с феодосийской частью десанта.

Касательно крымских десантов, и их проведение и результаты явились подтверждение трагизма десантных операций начального периода войны. Этот факт подтвердил видный американский военный историк Дэвид Гланц. Он отметил, что «одиннадцатая ар-

мия немецкого генерала Эриха фон Манштейна, действовавшая в Крыму, дополнила нанесенный Советам ущерб, отразила слабое советское наступление, начатое никуда не годными войсками Крымского фронта, а затем сбросила остатки этого фронта в море» [Гланц, 2008, с. 43]. Особенно чувствительны были потери, понесенные советской стороной, так «при этом погибло или попало в плен еще 150000 солдат Красной Армии» [Гланц, 2008, с. 43]. И действительно, судьба крымских десантов была трагична, правда советские мемуаристы не были так прямолинейны и предпочитали более размытые формулировки: «Наши войска на Керченском полуострове и в Севастополе в мае 1942 года оказались в очень тяжелом положении» [Кузнецов Н.Г., 2000, с. 98].

Основным крымским десантом является Керченско-Феодосийский десант, проходивший с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. Роль вспомогательных десантов играли высадки в Евпатории, Алуште и Судаке. Необходимо более детально рассмотреть эти события, так как они значительно повлияли непосредственно на оборону Севастополя. Основная задача десанта в Керчи заключалась в создания плацдарма на территории керченского полуострова и освобождении совместно с Севастопольским оборонительным районом Крыма. Советская группировка в Керчи должна была наступать в направлении Карасубазар- Симферополь. Так, например, к концу декабря 1941 г. второй штурм города со стороны немецких войск выдохся, а после начала Керченско-Феодосийского десанта, немецкие воска были срочно переброшены из под Севастополя на восток Крыма. Этот факт отмечается одним из руководителей обороны полковник И.Е Жидиловым: «Натиск гитлеровцев слабеет. Вскоре они вовсе прекращают атаки. На всем нашем фронте наступает относительное затишье» [Жидилов, 1963, с. 143]. Объясняется это не только огромными потерями, которые понесли гитлеровцы во время своего бесплодного наступления. Важнейшую роль сыграла высадка советских войск в Крыму, знаменитая Керченско- Феодосийская операция, нагнавшая ужас на гитлеровцев и заставившая их отвлечь значительные силы от Севастополя на образовавшийся новый фронт» [Десанты Великой Отечественной войны, 2008, с. 256]. Хотелось бы добавить, что ослабление штурма города связано именно с деятельностью десантов на востоке Крыма, а не с прибытием пополнений в город, так 26 декабря 1941 г. в Севастополь прибыла 345 стрелковая дивизия, значительно усилившая поредевшие ряды защитников, но только когда 29 декабря советские войска освободили Феодосию, штурм окончательно затих.

В дальнейшем сложилась прямо противоположная ситуация,- уже войска Севастопольского оборонительного района собирались перейти в наступление для поддержки Керченского десанта. Эти действия должно были сковать оставшееся немецкие войска под Севастополем и не позволить их перебросить на восток Крыма. Так, заместитель командующего Приморской Армией свидетельствовал: «Вскоре командующий Севастопольским оборонительным районом получил телеграмму Военного совета Кавказского фронта. В которой сообщалось об освобождении частями 51-й и 44-й армий Керчи и Феодосии и приказывалось Приморской армии с утра 31 декабря перейти в наступление с целью расширить плацдарм, сковать противника и не допустить переброски его резервов из-под Севастополя к Феодосии и на Керченский полуостров» [Моргунов, 1979, с. 230]. То есть, с советской победой на Керченском направлении, можно было начать наступление с территории Севастопольского оборонительного района и Керченского полуострова с целью освобождения Крыма.

Необходимо вычленить те причины, по которым это не произошло, а наоборот керченский десант после длительной борьбы был уничтожен в мае 1942 г., после чего немецкие войска приступили к подготовке третьего штурма Севастополя. Связано это с рядом причин, во-первых, советское командование переоценило значимость победы и недооценило возможности противника к маневрированию и пополнению резервами. Да, Красная армия оказала активное сопротивление и нанесла контрудары у Ростова и под Тихвином, переломила ход сражения за Москву и отстояла Севастополь, но последующие события показали, что Красная Армия еще не набралась достаточного опыта и недооценивать

немецкие войска смертельно опасно. Ряд исследователей достаточно объективно резюмирует данные события: «Однако надежды Ставки были разбиты, когда предвкушаемый успех быстро превратился в два разгрома под Харьковом и в Крыму. В этих катастрофах явно была виновата сама Ставка; хотя она уже почти целый год набиралась боевого опыта, ей не удалось адекватно оценить ни собственные возможности, ни возможности вермахта» [Гланц, 2008, с. 228].

Во-вторых, необходимо сказать, что личностный фактор не сыграл своей роли, в поражении виноваты ошибки еще в предвоенной подготовке. В наши дни в неудачах керченского десанта принято винить Льва Мехлиса, командира Главного политического управления. К его личности можно относиться по-разному, но в указанный военный период он проявил себя как деятельный организатор, хотя и допускающий «перегибы» в своей работе. Просчеты заключались в «объективных упущениях подготовки и организации управления войск, наиболее ярко проявившихся в боях на Керченском полуострове. Так, перед войной в теории и практике обучения армии и флота десанты не превышали одной дивизии, таким образом, ни теоретически, ни практически войска не были подготовлены к высадке такого десанта. Не обладая специальными десантными судами и высадочными средствами, флот не был готов к подобному десанту и в техническом отношении» [Маношин, 2009, с. 228].

В-третьих, свою роль сыграл природно-географический фактор, так в зимнее время пролив замерзал, и снабжение происходило по ледовым дорогам, как в блокадном Ленинграде, а через некоторое время лед оттаивал, и снабжение шло судами, на чью разгрузку требовалось до нескольких суток. Кроме того, равнинная местность слабо способствовала укрытию войск при слабом противовоздушном прикрытии, в результате чего немецкие самолеты наносили существенные потери советских войскам. Остро ощущалась необходимость в прикрытии и противовоздушными средствами и авиацией, которые «патрулированием прикрывали транспорты и войска».[1]

Таким образом, в результате работы этих факторов к маю 1942 г. крымская группировка немецко-румынских сил не была ликвидирована, а наоборот, разгромив керченский плацдарм, переключилась на штурм Севастополя.

Но необходимо отдать должное Керченско- феодосийскому десанту, он сыграл заметную роль в обороне Севастополя, позволив оттянуть очередной штурм города и даже поставить вопрос об освобождении всего крымского полуострова [Кузнецов А.Я., 2011, с. 3]. Командующий советским военно-морским флотом Н.Г. Кузнецов резюмировал, что «Керченско-Феодосийская операция вошла в историю не только как образец отваги наших воинов. Это была самая крупная десантная операция наших войск в Великую Отечественную войну, хорошо разработанная, несмотря на крайне сжатые сроки ее подготовки. Севастополь был спасен, и значительный плацдарм на Керченском полуострове остался в наших руках» [Кузнецов Н.Г., 2000, с. 96]. В тоже самое время, оставление противнику керченского плацдарма резко активизировало деятельность немецких войск под Севастополем, причем в подготовке и новом штурме города участвовали не только высвободившиеся немецко-румынские войска, но и советская техника, захваченная и оставленная на территории Керчи. Современные российские исследователи отмечают, что поражение Крымского фронта было тяжким событием весны 1942 г., прежде всего оно сказалось на судьбе Севастополя: «В течении мая фронт потерял несколько десятков тысяч человек личного состава, почти 3,5 тысячи орудий и минометов, более 250 танков и 40 самолетов. Захваченную боевую технику и тяжелое вооружение советских войск противник затем частично использовал против защитников Севастополя» [Маношин, 2009, с. 270].

Таким образом, падение керченского плацдарма позволило немецко-румынской группировки перебросить свои войска к Севастополю и усилить их трофейной техникой. Итогом стало то, что советские легкие танки Т-26 из состава Севастопольского оборонительного района вынуждены были бороться с советскими, в том числе тяжелыми танками

[1] ЦАМО. Ф.20134. Оп.1. Д.4. Оперативные сводки 72 истребительной авиадивизии. Л.1

КВ-1, но уже трофейными и с немецкими экипажами. Современная российская историография придерживается такой же точки зрения: «Потеря Керченского полуострова поставила в исключительно тяжелое положение советские войска, защищавшие Севастопольский оборонительный район. Теперь против них были повернуты все силы 11-ой немецкой армии» [Великая Отечественная война, том 3, 2012, с. 210].

Не менее интересной и трагической оказалась судьба других крымских десантов и их связь с обороной Севастополя, которые играли вспомогательную роль по отношению к Керченско-Феодосийскому десанту. Это были десанты в Евпаторию, Алушту, Судак и которые оказались несколько «забыты» в истории войны на территории Крыма, хотя в дальнейшем были освещены в советской историографии, но до сих пор не так известны, как оборона Севастополя или Керчи.

Во-первых, если Керченский десант должен был наступать со стороны Карасубазара, то войска Севастопольского оборонительного района должны были поддержать наступление на Симферополь со своего направления через Бахчисарай. К сожалению, ряд современных исследователей считает, что план десантов, с последующей его проработкой находился на весьма высоком уровне, так как в Евпатории, Алуште и Судаке находились незначительные именно немецкие силы [Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости, 2005, с. 255]. А.Б. Широкорад основываясь на том, что в основном это были румынские части, считает, что план захвата прибрежных населенных пунктов с дальнейшей целью перерезать и нарушить коммуникации противника мог принести серьезный успех. Но надо понимать, что Евпаторийский десант был произведен 5 января 1942 г. и вся немецкая группировка в Крыму, незадействованная в ликвидации Керченского десанта, была аккумулирована на противодесантную деятельность и ожидала новых советских десантов. Поэтому более компетентные лица, в том числе из числа советских мемуаристов, отмечали, что «план отражал незнание состояние войск противника из-за отсутствия разведданных, завышение своих возможностей и просчеты в определении соотношения сил» [Моргунов, 1979, с. 227]. То есть, можно сказать что советские войска ставили перед собой задачи, превышающие по своим возможностям ресурсы страны и армии, а кроме того не учитывали возможности противника, который несмотря на ряд неудач еще был силен.

Во-вторых, личный состав и техника для Евпаторийского десанта подбирались из числа военнослужащих Севастопольского оборонительного района. А это значило, что из имеющих в Севастополе скудных людских и материальных ресурсов необходимо подготовить десант. Заместитель командующего Приморской Армией вспоминал, что «со 2 по 5 января части Севастопольского оборонительного района производили перегруппировку, готовясь к наступлению. Шла также подготовка к высадке десанта в Евпаторию, которая планировалась в ночь на 5 января. Десант состоял из усиленного батальона морской пехоты под командованием капитана Г.К. Бузинова. Ему была придана разведывательная группа разведывательного отдела штаба флота во главе с капитаном В.П. Топчиевым, который еще 5 декабря 1941 г. удачно высаживался со своим отрядом в Евпатории» [Моргунов, 1979, с. 248]. То есть на Евпаторийский десант был выделен всего батальон личного состава. На мой взгляд, малочисленность десанта, это действительно серьезный просчет советского командования. Признавали это и советские военачальники: «Командование оборонительным районом, очевидно, считало наши войска для этого недостаточно сильными. Такие выводы командования подкрепились еще и тем, что высаженные нами десанты в Евпатории 5 января, а через несколько дней в Судаке, не привели к ожидавшимся результатам. Оба десанта, израсходовав свои силы, погибли. В Евпатории погиб мой товарищ, капитан 2-го ранга Николай Васильевич Буслаев. Он был начальником группы контроля при командующем флотом и с первых дней войны стремился перейти на боевую работу. А тут представился такой случай, участвовать в освобождении Евпатории, его родного города, в котором Николай провел свои молодые годы» [Жидилов, 1963, с. 157]. То есть, евпаторийский десант не только не снизил нагрузку на Севастопольский оборонительный район путем создания еще одного советского плацдарма в Крыму, но и сократил

людские и материальные ресурсы обороны Севастополя. Схожая ситуация была и с подготовкой Судакского и Алуштинского десантов, но которые состояли из войск прибывших из Новороссийска. Эти десанты так же состояли из батальона на каждый населенный пункт, с незначительными частями усиления и были высажены через несколько дней после десанта в Евпатории. Оба этих десанта окончились неудачей, личный состав погиб или попал в плен, и лишь некоторым из военнослужащих удалось пробиться в партизаны.

Почему стал возможным провал сразу трех, даже вспомогательных десантных операций? Во-первых, полная асинхронность десантов, их было необходимо проводить одновременно. Ряд современных исследователей отмечает, что: «в рамках уже начавшейся операции Кавказского фронта по освобождению Крыма высаживались еще два морских десанта, в Евпатории и Судаке. Поскольку цель этих операций заключалась в содействии успеху наступления советских войск на полуострове, то и провели их с некоторой задержкой, 5 и 6 января соответственно. Кроме того, 4 и 6 января предпринимались попытки высадить морской десант в Алуште, но не позволила пода» [Десанты Великой Отечественной войны, 2008, с.170]. Во-вторых, малочисленность личного состава десантов свидетельствует о серьезных просчетах советских военачальников, недооценке противника и не применении исторического опыта, в период Крымской войны 1851-1856 гг., «союзные войска» произвели десантирование своих основных сил на удобном, равнинном евпаторийском участке. Учитывая это, более крупный советский десант, хотя бы дивизионного уровня мог реально переломить ход сражения за Крым в целом. С этим мнением согласен и ряд современных исследователей: «Большой десант (несколько дивизий) в районе Евпатории мог решить судьбу Крыма. Район Евпатории для десанта был гораздо более удобен, чем любой другой район Крыма» [Широкорад А.Б., Трагедия Севастопольской крепости, 2005, с. 272].

Ситуация с крымскими десантами 1941-1942 гг. сильно повлияла на проведение Севастопольской оборонительной операции, а порой и сама оборона Севастополя производила десантирование, задействовав свои силы и средства. По ряду указанных выше причин, окончание этих десантных операций было трагичным и не смогло выполнить всех тех задач, что на них возлагались. Основная задача из них,- освобождение Крыма, это подтверждают в своих исследованиях и другие историки: «Задача уничтожения крымской группировки врага и освобождение всего Крыма в тот момент была явно нереальной» [Маношин, 2009, с. 227]. Но в целом, они способствовали сковыванию мощной немецко-румынской группировки на территории Крыма и не позволили направить эти войска на другие участки советско-германского фронта.

В целом, оценивая значения обороны Севастополя в начальный период Великой Отечественной войны можно вычленить три фактора оказавших влияние на весь ход войны.

Во-первых, длительное удержание мощной немецко-румынской группировки на территории полуострова и нанесение ей серьезных людских и материальных ресурсов. Так, отмечалось что: «Героическая оборона Севастополя, Керченско-Феодосийская десантная операция зимой 1941 – 1942 гг. и бои за Керченский полуостров в мае 1942 г. надолго связали крупные силы противника, на длительное время сковали маневренность немецкой армии, спутали и расстроили планы немецкого командования, сорвали пресловутое «весеннее наступлении» немцев в 1942 г. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах, понесли огромные потери людьми» [Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов, 1943, с. 7]. Многие исследователи и мемуаристы, отмечали, что оборона Севастополя сыграла свою значительную роль в преддверии немецких действий 1942 г., зимой и весной 1942 г. советской стороне было понятно, что немецкое наступление состоится летом 1942 г., но был непонятно на каком участке фронта,- центральном или южном. Единственное, что было понятно, это наступление состоится и отвлечение сильной вражеской группировки на другом участке фронта, а именно в Севастопольской оборонительной операции работает на будущую победу СССР. О своих размышлениях, о возможных действиях немецкой стороны наиболее полно поделился Н.Г.Кузнецов: «В это же время появились признаки новой активности немецкой армии в Крыму. Планы Гитлера на весну 1942 года еще не были разга-

даны» [Кузнецов Н.Г., 2000, с. 97]. Небезынтересно отметить, что оборону Севастопольской городской агломерации в дальнейшем рассматривали наравне с обороной Сталинграда как образец проведения оборонительных операций. Так, когда в апреле-июне 1943 г. на всем Курском выступе развернулась работа по созданию оборонительных укреплений, учитывался «опыт оборонительных операций, накопленной войсками под Москвой, Ленинградом, Севастополем, Одессой и Сталинградом» [Ликсо, 2014, 141].

Во-вторых, оборона Севастополя оказывала сильное влияние на партизанское движение Крыма, его снабжение, моральный облик советских партизан и в целом на тот «внутренний фронт» полуострова, который работал, в том числе и на снижение немецкого давления на Севастополь. Так, Военному Совету Черноморской группы войск в докладе о состоянии партизанского движения в Крыму было доложено: «Однако героическая оборона Севастополя снова поднимает настроение людей. Все взоры партизан были обращены в сторону Севастополя, никто и не допускал, что Севастополь будет сдан и это вполне понятно. Партизаны рассматривали Севастополь, как свою опору для дальнейших действий в Крыму» [Русский архив: Великая Отечественная война, 1999, с. 205]. Но имелись и негативные последствия сдачи Севастополя врагу, также имевшие далеко идущие последствия, такие как высокие потери личного состава [Ятманов, 1971, с. 143]. С падением Севастопольского оборонительного района немецкие войска высвободились с Севастополя и переключились на борьбу с партизанами, началось масштабное прочесывания лесных массивов Крыма с 12 июля, то есть через 9 дней после падения Севастополя, а связь с партизанскими отрядами прервалась до 8 сентября [Русский архив: Великая Отечественная война, 1999, с. 207]. Но более серьезные последствия ждали южный участок советско-германского фронта.

В-третьих, захват Севастополя позволил перенести накал борьбы на южный фланг советско-германского фронта. Это были в первую очередь Сталинградское направление и одновременно территории Кавказа, а также еще более усилить давление на Новороссийскую военно-морскую базу, которая стала главной базой Черноморского флота после падения Одессы и Севастополя. Так, советские исследователи отмечали, что «потеря Крыма создала для нас дополнительные трудности в борьбе с врагом. Немцы получили возможность нанести нам удар летом 1942 г. на юге, прорваться к Сталинграду и на Северный Кавказ, захватил военно-морскую базу на Черном море, Новороссийск и этим самым стеснить действия нашего флота» [Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов, 1943, с. 7]. Кроме того, после окончания Севастопольской оборонительной операции и полного захвата Крыма немецкими войсками на повестку дня встал вопрос, связанный с Черноморским флотом. Ряд немецких военачальников «выдвигал вопрос о том, что будет делать и куда вообще денется наш Черноморский флот, потерявший летом 1942 г. такие первоклассные базы как Севастополь и Новороссийск» [Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов, 1943, с. 8]. Именно после захвата Севастополя летом 1942 г. немецкая сторона вновь начинает «разыгрывать турецкую карту». Выражалась это в том числе и по международной линии и по национальной, когда происходило наделение крымских татар, как наиболее близкого к турецкому населению, жителей Крыма различными правами и льготами со стороны оккупационной администрации [Широкорад А.Б., Битва за черное море, 2005, с. 427].

Несмотря на все эти военные и политические факторы, Севастопольская оборонительная операция принесла значительный успех в деле борьбы с немецко-фашистскими войсками и благотворно повлияла на ход этого противостояния, позволив оттянуть на себя значительные силы немецких войск и их союзников.

Список литературы
References

1. Басов А.В. 1987. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. М., Наука, 336.

Basov A.V. 1987. Krym v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941-1945. M., Nauka, 336. (in Russian)

2. Борисов Б.А. 1970. Подвиг Севастополя. Симферополь, Крым, 320.

Borisov B.A. 1970. Podvig Sevastopolya. Simferopol', Krym, 320. (in Russian)

3. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Том первый. Основные события войны. 2015. М., Кучково поле, 976.

Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945 godov. Tom pervyy. Osnovnye sobytiya voyny. 2015. M., Kuchkovo pole, 976. (in Russian)

4. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. Том третий. Битвы и сражения, изменившие мир. 2012. М., Кучково поле, 864.

Velikaya Otechestvennaya voyna 1941-1945 godov. Tom tretiy. Bitvy i srazheniya, izmenivshie mir. 2012. M., Kuchkovo pole, 864. (in Russian)

5. Гланц Д.М. 2008. Советское военное чудо 1941-1943. Возрождение Красной Армии. М., Яуза, Эксмо, 640.

Glants D.M. 2008. Sovetskoe voennoe chudo 1941-1943. Vozrozhdenie Krasnoy Armii. M., Yauza, Eksmo, 640. (in Russian)

6. Десанты Великой Отечественной войны. 2008. М., Яуза. 509.

Desanty Velikoy Otechestvennoy voyny. 2008. M., Yauza. 509. (in Russian)

7. Жидилов Е.И. 1963. Мы отстаивали Севастополь. М., Воениздат, 256.

Zhidilov E.I. 1963. My otstaivali Sevastopol'. M., Voenizdat, 256. (in Russian)

8. Кузнецов А.Я. 2011. Большой десант. Керченско-Эльтингенская операция. М., Вече, 480.

Kuznetsov A.Ya. 2011. Bol'shoy desant. Kerchensko-El'tingenskaya operatsiya. M., Veche, 480. (in Russian)

9. Кузнецов Н. Г. 2000. Курсом к победе. М., Голос, 276.

Kuznetsov N. G. 2000. Kursom k pobede. M., Golos, 276. (in Russian)

10. Ликсо В.В. 2014. Великая Отечественная Война. М., АСТ, 256.

Likso V.V. 2014. Velikaya Otechestvennaya Voyna. M., AST, 256. (in Russian)

11. Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. 2009 М., Вече, 288.

Manoshin I.S. Iyul' 1942. Padenie Sevastopolya. 2009 M., Veche, 288. (in Russian)

12. Моргунов П.А. 1979. Героический Севастополь. М., Наука, 516.

Morgunov P.A. 1979. Geroicheskiy Sevastopol'. M., Nauka, 516. (in Russian)

13. Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. 1943. Б.м., Политуправление Черноморского флота, 38.

Nepokorennyy Krym: materialy dlya propagandistov i agitatorov. 1943. B.m., Polituprav-lenie Chernomorskogo flota, 38. (in Russian)

14. Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. 1943. М., Издательство Народного комиссариата обороны, 46.

Oborona Sevastopolya. Operativno-takticheskiy ocherk. 1943. M., Izdatel'stvo Narodnogo komissariata oborony, 46. (in Russian)

15. Руге Фридрих. Военно-морской флот Третьего рейха. 1939-1945. 2003. М., ЗАО Центрполиграф, 443.

Ruge Fridrikh. Voenno-morskoy flot Tret'ego reykha. 1939-1945. 2003. M., ZAO Tsentrpoli-graf, 443. (in Russian)

16. Русский архив: Великая Отечественная. Т.20. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны.1999. М., Терра, 672.

Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T.20. Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny.1999. M., Terra, 672. (in Russian)

17. Широкорад А.Б. Битва за Черное море. 2005. М., АСТ, Транзит книга, 427.

Shirokorad A.B. Bitva za Chernoe more. 2005. M., AST, Tranzit kniga, 427. (in Russian)

18. Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. 2005. М., Яуза, Эксмо, 272.

Shirokorad A.B. Tragediya Sevastopol'skoy kreposti. 2005. M., Yauza, Eksmo, 272. (in Russian)

19. Юновидов А.С. Десанты 1941года. 2009. М., Яуза, Эксмо, 416.

Yunovidov A.S. Desanty 1941goda. 2009. M., Yauza, Eksmo, 416. (in Russian)

20. Ятманов И.С. Такое не забывается… Воспоминания о героической обороне Одессы и Севастополя в 1941- 1942гг. 1971. Йошкар-Ола, Марккнигоиздат, 143.

Yatmanov I.S. Takoe ne zabyvaetsya… Vospominaniya o geroicheskoy oborone Odessy i Sevastopolya v 1941- 1942gg. 1971. Yoshkar-Ola, Markknigoizdat, 143. (in Russian)

УДК 94(47).084.8
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-132-139

ТАНКИ В УЩЕЛЬЯХ: БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ БРОНЕТАНКОВЫХ И МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ВОЙСК 4-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА В ХОДЕ КАРПАТСКО-УЖГОРОДСКОЙ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ (СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ 1944 г.)

TANKS IN THE GORGES: COMBAT OPERATIONS OF ARMORED AND MECHANIZED TROOPS OF THE 4-th UKRAINIAN FRONT DURING THE CARPATHIAN-UZHGOROD OFFENSIVE OPERATION (SEPTEMBER – OCTOBER 1944)

Т.Р. Латыпов
T.R. Latypov

АО «Зарубежнефть»,
Россия, 101990, Москва, Армянский пер., д. 9/1/1, стр. 1.

JSC «Zarubezhneft»,
b.1, 9/1/1, Armjanskij lane, Moscow, 101990, Russia

E-mail: Latypovv2017@yandex.ru

Аннотация
В ходе Великой Отечественной войны начало освобождению Чехословакии было положено Восточно-Карпатской стратегической наступательной операцией, составной частью которой стала Карпатско-Ужгородская наступательная операция 4-го Украинского фронта (сентябрь – октябрь 1944 г.). Значительную роль в ней сыграли танковые и механизированные войска, которые в сложных условиях горно-лесистой местности причинили значительный ущерб противнику и овладели городами Мукачево и Ужгород. В ходе боев было установлено, что танки и самоходные установки в горных теснинах целесообразно использовать мелкими группами за боевыми порядками пехоты, используя пехотный десант и сопровождение саперов. Приобретенный тактический опыт имел важное значение для последующих боевых действий в горных районах Словакии.

Abstract
The liberation of Czechoslovakia during the Great Patriotic War was initiated by the Eastern Carpathian strategic offensive operation, an integral part of which became the Carpathian-Uzhgorod offensive operation of the 4th Ukrainian Front (September-October 1944). During September, 9 – November, 6, 1944, the troops of the 4th Ukrainian Front, overcoming the fierce resistance of the enemy, approached the Main Carpathian Range, overcame it, descended the southern slopes of the Carpathians and reached the Hungarian Lowland, while liberating part of Czechoslovakia from the Nazi invaders. A significant role in the operation was played by tank and mechanized forces, which, in the difficult conditions of the mountainous wooded area, caused considerable damage to the enemy and seized the cities of Mukachevo and Uzhgorod. During the fighting was established that tanks and self-propelled artillery systems in mountain gorges should be used in small groups behind infantry combat orders, using infantry troops and escorting sappers; special attention in the mountain-wooded area requires the organization of interaction of all combat arms. The acquired tactical experience was of great importance for the subsequent fighting in the mountain regions of Slovakia.

Ключевые слова: 4-й Украинский фронт, Карпатско-Ужгородская наступательная операция, танковые и механизированные войска.
Keywords: 4th Ukrainian Front, Carpathian-Uzhgorod offensive operation, tank and mechanized troops.

Восточно-Карпатская стратегическая наступательная операция, целью которой было оказание помощи повстанцам Словакии, давно привлекает к себе внимание исследователей. В последние годы различные ее аспекты изучались такими авторами, как В.Т. Иминов, В.В. Марьина, Н.В. Филоненко и др. [Иминов, 2014; Марьина, 2014; Филоненко, 2017]. Не в последнюю очередь это определяется спецификой данной операции, ее разработки, осуществления и значения: планировавшееся пятидневное наступление превратилось в двухмесячную битву, а конечная цель так и не была достигнута. Одной из главных причин этого явился тот факт, что малое количество перевалов в Карпатах позволяет успешно обороняться меньшими силами и средствами, чем у наступающей стороны [Лиддел Гарт, 1999, с. 608]. Наступление в условиях горно-лесистой местности представляет собой неординарную задачу для всех родов войск, но особенно сложной эта задача является для бронетанковых и механизированных частей. Предствляется, что изучение боевого опыта танковых и механизированных войск 4-го Украинского фронта в ходе Карпатско-Ужгородской операции 1944 г. является достаточно актуальной темой исторического исследования, почему она и была избрана для данной статьи.

В конце августа 1944 г. на территории захваченной гитлеровской Германией Чехословакии началось восстание против оккупантов. Главной боевой силой восставших был Восточно-Словацкий корпус, представители командования которого вместе с представлявшей эмигрантское правительство Э. Бенеша чехословацкой военной миссией в Москве обратились к советскому руководству с просьбой оказать поддержку восстанию [Самсонов, 1980, с. 587]. Несмотря на то, что для Красной Армии было предпочтительнее обойти Карпаты с севера (через Польшу) и юга (через Румынию), И.В. Сталин в качестве Верховного Главнокомандующего, соблюдая условия советско-чехословацкого договора о дружбе и взаимопомощи от 12 декабря 1943 г., принял решение поддержать союзника [Гречко, 1970, с. 115; Москаленко, 1973, с. 432; Свобода, 1963, с. 264; Рессел, 1978, с. 162]. В соответствии с этим решением был разработан план Восточно-Карпатской стратегической наступательной операции, которая включила в себя Карпатско-Дуклинскую операцию 1-го Украинского фронта (командующий – маршал И.С. Конев) и Карпатско-Ужгородскую операцию 4-го Украинского фронта (командующий – генерал армии И.Е. Петров). По первоначальному плану основной удар через Карпаты в направлении на Прешов, где дислоцировался Восточно-Словацкий корпус, должна была наносить 38-я армия (командующий – генерал-полковник К.С. Москаленко) 1-го УФ, а вспомогательный – 1-я гвардейская армия (командующий – генерал-полковник А.А. Гречко) 4-го УФ, которая силами правофлангового 107-го стрелкового корпуса должна была наступать на Команьчу [История, 1978, с. 155-157]. Однако в ходе операции в наступление перешли не только остальные корпуса 1-й гв. армии, но и 18-я армия (командующий – генерал-лейтенант Е.П. Журавлев) и 17-й отдельный стрелковый корпус (командир – генерал-майор А.И. Гастилович), т.е. все соединения и объединения 4-го УФ. В течение 9 сентября – 6 ноября 1944 г. войска 4-го Украинского фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, подошли к Главному Карпатскому хребту, преодолели его, спустились по южным склонам Карпат и вышли в Венгерскую низменность, освободив при этом часть Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков [История, 1962, с. 319–320; Конев, 1972, с. 304; Штеменко, 1989, с. 465][1].

Немалую роль в этом сыграли танковые и механизированные войска фронта. Они не были особенно многочисленными: в состав 1-й гв. армии входили 31-я гвардейская танковая бригада, 1-й танковый полк и 1511-й самоходно-артиллерийский полк, 18-я армия танковых частей не имела, во фронтовом подчинении находились 5-я гвардейская танковая бригада и 875-й самоходно-артиллерийский полк, а в оперативном подчинении 17-го ск – два дивизиона бронепоездов: 33-й одбп – 665-й, 729-й бп и 46-й одбп – 690-й, 723-й бп (в начале операции бронепоезда совершили несколько огневых налетов, но в дальнейшем ввиду разрушения противником железных дорог задействованы не были). Техники в строю к началу операции име-

[1] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее ЦАМО). Ф. 244. Оп. 3000. Д. 723. Л. 57, 59.

лось следующее количество: 1-й гв. тп: 1 ИСУ-152, 1 ИС-122, 6 ИС-85, итого 8; 31-я гв. тбр: 20 Т-34, 44 ОТ-34 (огнеметные), итого 64; 1511-й сап: 21 СУ-76; 5-я гв. тбр: 22 Т-34, 48 Т-70, 2 «Артштурм» (трофейные Sturmgeschütz III), итого 72; 875-й сап: 19 СУ-76, итого 184 танка и СУ. Для масштабов фронта это было немного, тем более, что составлявшие 48% всей бронетехники танки Т-70 и самоходные установки СУ-76 были легкими и имели сравнительно слабое бронирование и вооружение (Т-70 имел 45-мм пушку; и данный танк, и выпускавшаяся на его базе установка СУ-76 имели спаренные автомобильные двигатели ГАЗ-203 совокупной мощностью 140 л/с) [Свирин, 2006, с. 357–360]. Танковые части были неплохо обеспечены боеприпасами, горючим и продовольствием: боеприпасы от 2,5 (31-я гв. тбр) до 3,5 боекомплектов (1-й гв. тп), горючее от 1,9 (875-й сап) до 3 заправок (1511-й сап, 1-й гв. тп), провиант от 7 (875-й сап, 5-я гв. тбр) до 15 (1511-й сап) суточных дач. (1-я гв. армия к началу операции располагала: боеприпасы – от 1,9 (45 мм) до 3,7 (82 м) б/к, горючего – 2,2 заправки, провиант – 10 суткодач; 18-я армия: боеприпасы от 2,2 (76 мм) до 4,1 (120 мм) б/к, горючего – 3,5 заправки, продовольствие – 12 с/д; на фронтовых складах имелось: боеприпасы – от 1,0 (76 м) до 2,0 (82 мм), горючее – 0,4 заправки, продовольствие – 25 с/д)[1].

Большое значение фронтовым и армейским командованием было уделено подготовке войск к предстоящим боевым действиям в горах. С конца первой декады августа 1944 г. штабом 1-й гв. армии издавались многочисленные указания по организации подготовки командного и рядового состава соединений к условиям боевых действий в горно-лесистой местности. Не были при этом забыты и подвижные соединения: в указании № 01795/оп от 14.8.1944 г. командующему бронетанковыми и механизированными войсками 1-й гв. армии генерал-майору танковых войск С.С. Райкину (начальником штаба управления БТ и МВ 1-й гв. армии был гв. полковник В.Г. Александров) поручалось провести занятия по действиям танков в горах и дать необходимые указания о наиболее правильных методах использования мелких подразделений и отдельных танков и СУ в горно-лесистой местности. В соответствии с этим генерал Райкин 16 августа издал собственные «Указания о боевом использовании танков при наступлении в горах», где обратил внимание на первоочередную необходимость обеспечить связь и снабжение, а также дал ряд тактических советов – в частности, о нецелесообразности применения танков крупными частями на одном направлении и необходимости придавать машины мелкими подразделениями пехоте для совместных действий (при этом танковым подразделениям должны были придаваться саперы), о специфических приемах наблюдения и ведения огня, о возможности ведения параллельного преследования и желательности выхода танков с пехотой в тыл противника и т.п.[2] Наконец, 19 августа 1944 г. штаб 4-го Украинского фронта издал свою «Инструкцию войскам, действующим в горно-лесистой местности», где относительно танковых частей говорилось следующее:

«Применение танков при преодолении горных проходов ограничено. Танки могут действовать небольшими группами в боевых порядках пехоты в полосе дорог, используясь как самоходные орудия. Ограниченная возможность маневра танка делает его более уязвимым. К танкам, как правило, следует назначать прикрытие и обязательно группу поддержки саперов. Целесообразно использовать танки парами и в составе подразделений для закрепления захваченных горных проходов, перевалов и дефиле. Главные силы танков предпочтительно держать за боевыми порядками пехоты в готовности к использованию, как только пехота выйдет в долины или участки, где возможны действия танков. Трудные условия для действий танков требуют особого внимания к организации службы ремонта и снабжения»[3].

Тщательная подготовка к предстоящим боям требовалась еще и потому, что войскам 4-го УФ противостояли не только ландшафт и климат. (В Восточных Карпатах были благоприятные условия для образования туманов – так, в течение сентября 1944 г. наблюдалось 12 дней с туманами и густой дымкой; дальше было еще хуже – с 1 по 10 октября ежедневно шли дожди, во второй половине месяца было еще 10 дождливых дней, в результате чего грунто-

[1] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 620. Л. 9-11, 13, 33.
[2] Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. 1951. Выпуск 14. М., 192. С. 114, 125-126.
[3] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 561. Л. 63-64.

вые дороги были практически трудно непроходимы для автотранспорта и трудно проходимы для гусеничных машин[1]). Перед фронтом находился серьезный противник – 11-й ак 1-й танковой армии (командующий – генерал-полковник Хейнрици), 5-й, 6-й и 7-й ак 1-й венгерской армии (командующий – генерал-лейтенант Миклош), который укрепил свою оборону разнообразными инженерными средствами. Немногочисленные горные проходы, по которым только и могли двигаться танки и самоходные установки, обеспечивались огнем артиллерии, расположенной в ДОТах, на дорогах были созданы минно-взрывные заграждения – колодцы глубиной до 12 м, заполненные взрывчатыми веществами, соединенные между собой системой электрокабеля в бетонных трубах. Наиболее мощные сооружения были возведены на проходившей по Главному Карпатскому хребту оборонительной «линии Арпада», строившейся еще с 1942 г. Линия состояла из бетонных и противотанковых препятствий и была построена так, что если неприятель войдет в долины рек, то будет поражаться со всех сторон. На некоторых участках были построены ДОТы в несколько рядов в глубину на 1500 м. Бетонные ДОТы имели длину 6 м, такую же ширину, высоту 2,5 м, стены были возведены из железобетона толщиной 80 см: каждая долговременная огневая точка имела амбразуры для легкого и тяжелого пулемета, противотанковой пушки и одного противотанкового ружья. Наиболее густое скопление ДОТов находилось в районе Ужок – Майданка. Между собой точки были соединены телефонным проводом, перед ними были выкопаны глубокие рвы и поставлены в три ряда проволочные заграждения высотой 1,2 м на железных столбах, вставленных в бетонные основания, глубиной 6 м. Все дороги были перекрыты противотанковыми и проволочными препятствиями, на пути оставлены только узкие проходы, у которых размещались рогатки для того, чтобы быстро перекрыть их в случае необходимости[2].

Прорывать оборону противника было решено на правом фланге 1-й гв. армии, где на участке Прусек, Струже Мале, Долина, Монастырец оборонялись 96-я пд и 417-й пп 168-й пд немцев. Удар наносили 129-я гв. и 167-я сд 107-го ск с приданными артиллерийскими и танковыми частями. Для выхода в исходное положение последним потребовалось совершить длительные марши в условиях сильно пересеченной местности: 31-я гв. тбр совершила марш 125 км, 1511-й сап – 130 км, 1-й гв. тп – 110 км (части, первоначально остававшиеся в резерве, выполняли задачи отдельными подразделениями и также совершили по 5-6 маршей за месяц: так, 875-й сап совершил 6 маршей общей протяженностью 338 км, 5-я гв. тбр – 5 маршей общей протяженностью 202 км)[3]. Наступление началось 9 сентября 1944 г.; танковые части поддерживали пехоту. 31-я гв. тбр на рассвете сосредоточилась на выжидательных позициях в районе Тренча, имея задачу – после артподготовки с 8.00 наступать одной танковой ротой во взаимодействии с 320-м сп 129-й сд, прорвать оборону противника на рубеже Пловце, Струже Мале, очистить лесной массив от автоматчиков противника и выйти на южную окраину Прусек. В случае выхода авангарда на указанный рубеж в прорыв должна была войти вся танковая бригада и во взаимодействии с 129-й сд к исходу дня выйти в район м. Буковско, отрезая противнику отход.

На рассвете перед началом наступления прошел дождь, вершины высот, леса и передний край противника заволокло туманом. Несмотря на это, после сильной артподготовки 320-й сп во взаимодействии с танковой ротой 31-й гв. тбр пошли в атаку. Горная местность, множество балок с крутыми подъемами и спусками, грязь снижали маневренность и скорость движения танков. Машины, сопровождаемые огнем стрелковых и артиллерийских частей, ведя с хода интенсивный обстрел противника, продвинулись к переднему краю. Достигнув северной опушки леса южнее Плавце, танки не смогли двигаться дальше, так как крутые подъемы и густота леса препятствовали движению. Противник вел сильный артиллерийский огонь; несколько танков застряло в топкой грязи, несколько подорвалось на минах противника, однако 6 танков, маневрируя на поле боя, обошли опушку леса юго-западнее Пловцы и вышли в тыл противнику.

[1] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 620. Л. 2-3.
[2] Там же. Л. 18, 21-22.
[3] Там же. Д. 499. Л. 13; Д. 620. Л. 31-32.

В то же время 129-я сд залегла под сильным артиллерийским и пулеметным огнем противника и продвигаться дальше не смогла. Инициативу взяли в свои руки танкисты: в бой были введены два танковых батальона бригады, которые из-за трудности преодоления местности не могли развернуться и в предбоевых порядках шли по двум пересеченным лощинам в обход леса юго-западнее Пловце. Выйдя к опушке леса, танки начали огнеметать по противнику; не выдержав огня, противник начал отходить в район выс. 396,0. Преследуя отступающих немцев, бригада перевалила высоту, но здесь натолкнулась на минные поля и попала под сильный артиллерийский огонь противника, вследствие чего, понеся большие потери, дальше продвигаться не могла и по приказу командующего 1-й гв. армией была выведена на обратные скаты высоты 396,0.

В течение ночи с 9 на 10 сентября противник укреплял занимаемый рубеж и подтянул в этот район до полка пехоты, несколько артиллерийских и минометных батарей и до 15 танков. Днем 10.9.44 командир 107-го ск генерал-лейтенант Д.В. Гордеев, не решаясь использовать бригаду, поставил задачу одному стрелковому батальону 320-го сп вместе с танковым взводом 2-го тб в 11.30 атаковать противника и овладеть Небещанами. В 14.00 наши войска ворвались на северную окраину населенного пункта, но противник бросил в контратаку пехоту при поддержке нескольких «Пантер» и до 10 легких танков. В неравном бою танкисты 31-й гв. тбр подбили две «Пантеры» и несколько танков, но и сами понесли потери. Всего в ходе боев 9-10 сентября бригада потеряла 8 танков сгоревшими, 5 – подбитыми артогнем, еще 1 танк подорвался на фугасе, так что всего было потеряно 11 машин. Были потери и в личном составе: убито офицеров – 5 чел., рядового и сержантского состава – 9, ранено офицеров – 6, рядовых и сержантов – 29, пропало без вести офицеров – 3, рядовых и сержантов – 2, итого 54 чел. За тот же период 31-я гвардейская танковая бригада нанесла противнику следующий урон: подбито танков «Пантера» – 2, легких танков – 8, орудий – 9, минометов – 6, пулеметных точек – 11, сожжено огнеметанием 75 солдат и офицеров противника, убито и ранено – 180; общий счет, таким образом, был на стороне советских танкистов[1].

Бои войск 4-го УФ за выход к Главному Карпатскому хребту продолжались до конца сентября 1944 г. Противник ожесточенно сопротивлялся и постоянно контратаковал, поэтому на отдельных участках фронта нередко возникали кризисные ситуации. Так, в 18.00 13.9.1944 г. НП и штаб 31-й гв. тбр в центре Чашина подверглись сильному артиллерийскому обстрелу и атаке автоматчиков противника (до 100 чел.) из района горы Романова Гура; охрана штаба успешно отразила атаку противника, уничтожив до 80 чел. Впрочем, подобные эпизоды не меняли общей картины: советские войска продолжали наступать, противник – отступать. 16.9.1944 г. 1-й тб 31-й гв. тбр по приказу командарма совершил 10-километровый марш и с десантом автоматчиков из района Утерце атаковал противника и занял Орелец, а затем Логозев. Отсюда был выслан танковый взвод в направлении Устьянова, который атаковал обозы противника и, уничтожив огнем и гусеницами до 30 подвод, достиг юго-западной окраины населенного пункта. Выделенная танковая рота в 2.00 17.9.1944 г. форсировала р. Сан и ворвалась в Солина, а далее достигла Парашувка, где танки были остановлены сильным огнем противника. Увязав свои действия с подошедшей пехотой 227-й сд, танкисты перешли в атаку и овладели селом; после этого боя бригада приказом командующего была выведена в резерв[2].

Другие бронетанковые части продолжали поддерживать наступление стрелковых соединений. 17 сентября 1511-й сап с огневых позиций в районе Карликув, поддерживая наступление 520-го сп 167-й сд по северным скатам высоты 777,0 на Пшибышув, сопровождал пехоту огнем и гусеницами. Одна батарея была встречена гранатами и автоматным огнем противника; одна самоходка сгорела, движение приостановилось, но после дополнительной артподготовки атакой пехоты и огнем трех батарей самоходно-артиллерийского полка Пшибышув был взят. Одновременно с правого фланга с исходных

[1] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 620. Л. 34-36.
[2] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 620. Л. 38-39.

позиций в районе Воля Петрова вел наступление 1-й танковый полк с ближайшей задачей овладеть высотой 777,0 и в дальнейшем наступать на Вислок Вельке. К 10.00 17.9.1944 г. 1-й тп сосредоточился на исходных позициях и в 11.00 после артподготовки танки во взаимодействии с пехотой 129-й сд пошли в атаку. К 14.00 противник был выбит с высот 675,0 и 777,0; наши войска заняли поселок Буковице и западные скаты выс. 777,0.

Противник, стремясь возвратить утраченные позиции, предпринимал неоднократные контратаки пехотой и танками из леса западнее выс. 777,0. 1-й тп в течение двух дней совместно с подразделениями 129-й сд отбивал немецкие контратаки. Особенно ожесточенным был танковый бой 18.9.1944 г. В 12.00 противник перешел в атаку силой до батальона пехоты при поддержке 4 танков «Тигр» и 2 самоходных орудий «Фердинанд». Несмотря на превосходство противника в танках, экипажи гвардии лейтенантов Шаронова и Комченко уничтожили «Тигр», «Фердинанд» и два штурмовых орудия. За два дня боев танковым полком противнику был нанесен следующий урон: уничтожено танков «Тигр» – 1, самоходных орудий «Фердинанд» – 1, штурмовых орудий – 4, артбатарей – 3, минометов – 10, пулеметов – 20, фаустпатронов – 10, солдат и офицеров – 150, захвачено исправных 75-мм орудий – 4. Свои потери: сгорело танков – 4, подбито – 1, убито 11 чел., ранено 15 чел. В дальнейшем 1-й тп был выведен из подчинения 129-й сд и передан 242-й сд с задачей наступать совместно с пехотой в направлении Вислок Вельке, Чистогоре, Команьча. Противник, понеся большие потери, не выдержал натиска и оставил занимаемый рубеж. 1-й тп к 15.00 овладел Вислок Вельке, где сосредоточился для приведения себя в порядок. С утра 20.9.1944 г. полк был подчинен 167-й сд и наступал в направлении Чистогоре, Команьча, в течение двух дней вел бой на этом направлении за овладение высотами 705,0 и 673,0. За два дня боев танкистами было уничтожено 4 орудия, 1 самоходная установка, 1 бронетранспортер, 2 минометные батареи, 7 пулеметов, 65 солдат и офицеров противника.

Не меньше нанесенных противнику потерь было на счету и других частей: 31-я гв. тбр за период сентябрьских боев уничтожила танков «Тигр» – 2, танков «Пантера» – 5, танков легких – 10, тягачей – 2, СУ – 2, орудий разных калибров – 38, ПТО – 5, шестиствольных минометов – 1, минометных батарей с прислугой – 23, минометов – 38, гранатометов – 7, пулеметов – 35, ДЗОТов – 34, пулеметных точек – 109, блиндажей – 16, повозок с боеприпасами – 4, автомашин – 7, складов с боеприпасами – 6; снято противотанковых мин – 1300, снято фугасов у ж.д. мостов – 8, сожжено огнеметанием – 120 чел., убито и ранено солдат и офицеров противника – 1200 чел. Свои потери были меньше: танков – 19 (16 сгорело, 3 в капремонте), убито офицеров – 16, сержантов и рядовых – 18, ранено офицеров – 26, сержантов и рядовых – 109, без вести пропавших офицеров – 2, сержантов и рядовых – 5, итого 206 чел. 1511-й сап уничтожил: танков – 1, минометных батарей – 4, минометов – 11, орудий полевых – 1, ДЗОТов – 13, станковых пулеметов – 45, ручных пулеметов – 82, блиндажей с пехотой – 12, автомашин с грузами – 3, повозок с грузами – 14, складов с боеприпасами – 1, солдат и офицеров – до 1970. Свои потери: СУ-76 – 11, убито офицеров – 4, сержантов – 7, рядовых – 4; ранено офицеров – 25, сержантов – 18, рядовых – 15; пропало без вести сержантов и рядовых – 3 чел.; всего потерь – 75 чел.[1]

С 1 по 18 октября 1944 г. войска 4-го УФ, ведя бои за перевалы, преодолевали Главный Карпатский хребет, после чего к концу месяца пробивались через оборону противника на южных склонах гор, пока не вышли в Венгерскую долину, достигнув рубежа Стакчин – Собранце – Чоп [Филоненко, 2017, с. 134]. На этом этапе основную поддержку стрелковым дивизиям оказывали бронетанковые части фронтового подчинения. Боевым распоряжением командующего 4-м УФ от 14.10.1944 г. 5-я гв. тбр вошла в оперативное подчинение 18-й армии, образовав костяк сформированной для преследования отступающих немецких войск подвижной группы. Кроме 5-й гв. тбр, в состав группы входили 875-й сап, имевший в строю 19 СУ-76, и отдельный батальон, сформированный из захваченных венгерских танков, зенитный полк и истребительно-противотанковый артполк. Зада-

[1] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 620. Л. 42-44, 47.

чей подвижной группы было сбивать заслоны противника и преследовать его в направлении Ужок, Ужгород. 16.10.1944 г. части подвижной группы преследовали противника, преодолевая искусственные и естественные препятствия, и с боями заняли Ужокский перевал. Но дальше ситуация осложнилась: на рубеже выс. 754,0, ст. Жорнава, выс. 903,0 группа была встречена организованным огнем противника. Дороги, идущие на юг, были несколько раз пересечены противотанковыми препятствиями (надолбы, завалы, проволока, рогатки), полотно шоссейных дорог было взорвано фугасами. Предпринятые меры по отысканию путей обхода не дали положительных результатов; положение оставалось без изменений в течение 18, 19, 20 и 21.10.1944 г.

Командующий 18-й армией генерал-лейтенант Е.П. Журавлев 23.10.1944 г. принял решение перебросить подвижную группу из района Луг в Ракоци Саллас. В 11.00 того же дня части выступили по маршруту: Луг, Ужок, Борыня, Горки Конец, Тухонька, Ракоци Саллас. Преодолев трудные участки горно-лесистой местности, к 13.00 21.10.1944 г. группа сосредоточилась в Ракоци Саллас. Подвижной группе была поставлена задача: преследовать противника в направлении Свалява, Мукачево, выйти в Ужгород и отрезать противнику пути отхода из Карпатских гор. К утру 25.10.1944 г. головной отряд вышел в Сусково, где вступил в соприкосновение с противником и в течение дня вел бой в 1 км западнее Пасека, во взаимодействии с 351-й сд овладев Колчино. На следующий день в 12.00 передовой отряд подвижной группы решительной атакой с северо-востока и юго-востока с боем вошел в Мукачево и овладел городом, после чего, форсировав р. Везинице, продолжил преследовать отходящего противника в направлении на Ужгород. В 10 утра 27 октября совместными ударами с юго-запада, востока и северо-востока части подвижной группы с боями ворвались в Ужгород – крупный узел коммуникаций, важный опорный пункт обороны противника, после чего подразделения 5-й гв. тбр и 875-го сап удерживали город до подхода стрелковых частей. На этом Карпатско-Ужгородская наступательная операция 4-го УФ практически закончилась (наступательные бои местного значения продолжались до 6 ноября 1944 г.) [Михайлик, 2016, с. 78].

Итак, несмотря на свою сравнительную немногочисленность и определенные проблемы со снабжением (ремонт подбитых танков приходилось вести за счет демонтажа сильно поврежденных машин; особенно не хватало запасных частей к легким танкам Т-70, в октябре 1943 г. снятых с производства), бронетанковые части 4-го Украинского фронта сыграли заметную роль в успехе Карпатско-Ужгородской наступательной операции. В течение сентября-октября 1944 г. ими были уничтожены 10 835 солдат и офицеров противника, 34 танка и СУ, 5 бронемашин, 2 тягача, 165 орудий, 5 ПТР, 3 шестиствольных миномета, 86 минометов, 7 гранатометов, 340 пулеметов, 60 ДЗОТов, 109 пулеметных точек, 88 повозок с имуществом, 74 автомашины, 8 складов с боеприпасами, 12 блиндажей. В плен было взято 4350 немецких и венгерских солдат и офицеров, захвачено 106 орудий, 71 пулемет, 7 минометов, 2200 винтовок, 3 бронемашины, 1 СУ, 54 автомашины, 9 мотоциклов, 38 складов, 150 повозок, 110 лошадей, 38 ж.д. вагонов. Свои потери в бронетехнике при этом оказались несколько больше: 46 танков и 21 СУ-76 (подбито, сожжено, подорвались на минах), зато в личном составе – во много раз меньше: убито 146, ранено 342, пропало без вести 12 чел., всего 500 чел. Танкисты и самоходчики получили богатый опыт ведения боевых действий в горно-лесистой местности. Как подчеркивал в своем отчете об операции исполняющий должность начальника штаба БТиМВ 4-го УФ гв. полковник В.Г. Александров, «в горно-лесистой местности особого внимания требует организация взаимодействия всех родов войск, особенно в мелких подразделениях. Организацию взаимодействия необходимо проводить на той местности, где будут действовать подразделения. Для танков указывать по ориентирам боевой курс, место остановок для стрельбы, укрытия при обвалах и пунктах сбора. Танкисты должны четко знать наши артсредства. Особенно четко должно быть организовано взаимодействие с пехотой и саперами. Пехота и саперы должны знать не только номера танков, они должны лично познакомиться с экипажем и договориться о всех мелочах взаимопомощи».

Так развивалось боевое содружество разных родов советских войск, ставшее значимым фактором в достижении победы над немецко-фашистскими захватчиками[1].

Список литературы
References

1. Гречко А.А. 1970. Через Карпаты. М., Воениздат, 484.

Grechko A.A. 1970. Cherez Karpaty. M., Voenizdat, 484. (in Russian)

2. Иминов В.Т. 2014. Восточно-Карпатская операция как оказание непосредственной помощи повстанцам Словакии. Политическое просвещение. 3: 75–80.

Iminov V.T. 2014. Vostochno-Karpatskaja operacija kak okazanie neposredstvennoj pomoshhi povstancam Slovakii. Politicheskoe prosveshhenie. 3: 75–80. (in Russian)

3. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1962. 1941 – 1945 г. (в 6 томах). Т. 4. М., Воениздат, 739.

Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Sojuza. 1962. 1941 – 1945 g. (v 6 tomah). T. 4. M., Voenizdat, 739. (in Russian)

4. История второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). 1978. Т. 9. М., Воениздат, 574.

Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945 gg. (v 12 tomakh). 1978. T. 9. M., Voenizdat, 574. (in Russian)

5. Конев И.С. 1972. Записки командующего фронтом. М., Наука, 368.

Konev I.S. 1972. Zapiski komandujushhego frontom. M., Nauka, 368. (in Russian)

6. Лиддел Гарт Б.Г. 1999. Вторая мировая война. М., АСТ, 739.

Liddel Gart B.G. 1999. Vtoraja mirovaja vojna. M., AST, 739. (in Russian)

7. Марьина В.В. 2014. В Словакию через Карпаты. К 70-летию словацкого национального восстания и Карпато-Дуклинской операции Красной Армии. Россия XXI. 3: 58–91.

Mar'ina V.V. 2014. V Slovakiyu cherez Karpaty. K 70-letiyu slovatskogo natsional'nogo vosstaniya i Karpato-Duklinskoy operatsii Krasnoy Armii. Ros-siya XXI. 3: 58–91. (in Russian)

8. Михайлик А.Г. 2016. Война, возвратившаяся в Будапешт: история боев Красной армии в Венгрии 1944 – 1945 гг. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, 348.

Mikhaylik A.G. 2016. Voyna, vozvrativshayasya v Budapesht: istoriya boev Krasnoy armii v Vengrii 1944 – 1945 gg. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 348. (in Russian)

9. Москаленко К.С. 1973. На Юго-Западном направлении. 1943-1945. Воспоминания командарма. Книга II. М., Наука, 640.

Moskalenko K.S. 1973. Na Yugo-Zapadnom napravlenii. 1943-1945. Vospominaniya komandarma. Kniga II. M., Nauka, 640. (in Russian)

10. Рессел А. 1978. По дорогам войны: Воспоминания. М., Воениздат, 352.

Ressel A. 1978. Po dorogam voyny: Vospominaniya. M., Voenizdat, 352. (in Russian)

11. Самсонов А.М. 1980. Крах фашистской агрессии 1939-1945. М., Наука, 724.

Samsonov A.M. 1980. Krakh fashistskoy agressii 1939-1945. M., Nauka, 724. (in Russian)

12. Свирин М.Н. 2006. Броневой щит Сталина. История советского танка 1917-1943. М., Яуза, Эксмо, 448.

Svirin M.N. 2006. Bronevoy shchit Stalina. Istoriya sovetskogo tanka 1917-1943. M., Yauza, Eksmo, 448. (in Russian)

13. Свобода Л. 1963. От Бузулука до Праги. М., Воениздат, 408.

Svoboda L. 1963. Ot Buzuluka do Pragi. M., Voenizdat, 408. (in Russian)

14. Филоненко Н.В. 2017. Крах агрессора: разгром советскими войсками 1-й венгерской армии в Карпатах осенью 1944 г. Воронеж, ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 229.

Filonenko N.V. 2017. Krah agressora: razgrom sovetskimi vojskami 1-j vengerskoj armii v Karpatah osen'ju 1944 g. Voronezh, FGBOU VO Voronezhskij GAU, 229. (in Russian)

15. Штеменко С.М. 1989. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 560.

Shtemenko S.M. 1989. General'nyj shtab v gody vojny. M., Voenizdat, 560. (in Russian)

[1] ЦАМО. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 620. Л. 51-60.

УДК 614(09)"1945/1955"(470.22)
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-140-149

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КАРЕЛИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – СЕРЕДИНА 1950-х гг.)*

THE RESTORATION AND DEVELOPMENT OF THE HEALTH SYSTEM IN KARELIA IN THE POST-WAR YEARS (THE SECOND HALF OF THE 1940-s – MID 1950-s.

Л.И. Вавулинская
L.I.Vavulinskaja

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre,
11 Pushkinskaya St., Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910, Russia

E-mail: ludvav@mail.ru

Аннотация
В статье на основе введения в научный оборот целого комплекса новых архивных документов рассмотрены основные проблемы восстановления и развития учреждений здравоохранения Карелии в первое послевоенное десятилетие. Показаны общие закономерности и региональные особенности деятельности медицинских учреждений края, связанные с большой разбросанностью и труднодоступностью населенных пунктов, широко применявшимся в республике с конца 1940-х гг. промышленным и сельскохозяйственным переселением из других регионов страны, острой нехваткой медицинских кадров. Отмечается значительная разница в уровне медицинского обслуживания в городской и сельской местности. Показаны неоднозначные последствия реформы организации здравоохранения, осуществленной в СССР в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Подчеркивается, что, несмотря на то, что не все проблемы здравоохранения в республике удалось решить, были сделаны важные шаги по восстановлению лечебных учреждений, улучшению их материально-технической и кадровой оснащенности, расширению специализированной медицинской помощи, внедрению новых методов диагностики и лечения.

Abstract
In the article on the basis of introduction of the whole complex of new archival documents for scientific use the main problems of recovery and development of health facilities of Karelia in the first postwar decade are considered. It points the general regularities and regional peculiarities of activity of medical institutions of the region, associated with a large dispersion and inaccessibility of the settlements, widely used in the Republic since the late 1940s, industrial and agricultural resettlement from other regions of the country, the acute shortage of medical personnel. There is a significant difference in the level of medical care in urban and rural areas. It underlines that the reform of the health care organization, carried out in the USSR in the late 1940s – early 1950s had mixed effects. It is emphasized that, despite the fact that not all health problems in the Republic could be overcome, were made important steps for the restoration of medical institutions, improvement of their material-technical and personnel equipment, expansion of specialized medical care, implementation of new methods of diagnosis and treatment.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинские кадры, охрана материнства и детства, реформа здравоохранения в послевоенные годы.
Keywords: health care, medical personnel, protection of motherhood and childhood, health care reform in the postwar years.

* Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН

Проблема развития здравоохранения в России в советский и постсоветский период является одним из актуальных направлений изучения социальной политики государства. Особый интерес историков вызывает послевоенный период, когда в условиях тяжелейшей разрухи благодаря трудовому героизму людей в кратчайшие сроки была восстановлена система здравоохранения, приняты меры по ликвидации последствий войны, оказанию помощи семье, материнству и детству.

В последние десятилетия по этой проблеме опубликован ряд интересных исследований, в том числе региональных [Апекишева, 2016; Бякина, 1999; Виноградова, 2011; Гуменюк, 2015; Давыдова, 2015; Степанова, 2008; Такташева, 2015; Усольцев, 2016; Фадеев, 2001]. В Республике Карелия проблемы развития здравоохранения в послевоенные десятилетия нашли отражение лишь в обобщающих трудах по истории края и в работах специалистов, возглавлявших Министерство здравоохранения в разные годы [Зелинская, Левин, 1970; Левин, 1957, 1972; История Карелии, 2001].

В статье на основе введения в научный оборот целого комплекса новых архивных документов рассмотрены основные проблемы восстановления и развития учреждений здравоохранения Карелии в первое послевоенное десятилетие. Исследование подготовлено на основе комплексного использования системного, логического, проблемно-хронологического, историко-сравнительного и статистического методов.

Война нанесла огромный ущерб народному хозяйству Карело-Финской ССР (существовала с 31 марта 1940 г. до 16 июля 1956 г., когда вновь была преобразована в Карельскую АССР), в том числе здравоохранению. Были уничтожены республиканская физиотерапевтическая лечебница, 9 больниц, 7 поликлиник, 10 врачебных амбулаторий, 17 фельдшерско-акушерских пунктов, 2 родильных дома, 19 яслей, санитарно-бактериальная лаборатория, санпропускник, психодиспансер, 3 аптеки и ряд других учреждений. Все оставшиеся помещения требовали капитального ремонта. В большинстве лечебных учреждений отсутствовали санитарная техника, печные приборы, медицинское оборудование, хозяйственное имущество. Общий ущерб здравоохранению республики составил 24 861 8 12 руб.[1]

Перед органами здравоохранения КФССР встали неотложные задачи по расширению сети медицинских учреждений, обеспечению их оборудованием и медикаментами, развитию санитарного дела, предупреждению инфекционных заболеваний[2]. Решение этих задач осложнялось острым недостатком врачей и среднего медицинского персонала, недостаточным развертыванием больничной сети, дефицитом твердого оборудования и мягкого инвентаря (кровати, одеяла, матрацы, подушки).

Правительство страны оказало Карелии большую помощь в восстановлении здравоохранения. В конце 1944 г. Наркомат здравоохранения СССР и медицинские учреждения страны направили освобожденным районам республики перевязочные материалы, инструменты и оборудование на сумму 1 млн. рублей [В дружной семье, 1982, 182]. В эти районы уже к началу октября 1944 г. прибыли 70 терапевтов, 12 зубных и 10 санитарных врачей. Закончили специализацию по рентгенологии, туберкулезу, ушным и глазным болезням 9 врачей, еще 9 врачей проходили специализацию по акушерству и гинекологии, венерологии и глазным болезням в Ленинграде и Архангельске. Курсы дезинфекторов закончили 16 человек[3]. Особую тревогу работников здравоохранения вызывал факт возможного заноса инфекционных заболеваний при возвращении в республику реэвакуированного населения. В связи с этим Наркомат здравоохранения КФССР направил 6 врачей-эпидемиологов в качестве уполномоченных Совнаркома по приему прибывавшего в республику населения. В республике была проведена работа по созданию санитарно-эпидемиологических станций в городах, развитию профилактической службы.

В апреле 1945 г. в республике работали 31 больница, 2 роддома, 8 детских и женских консультаций, 47 амбулаторий, 68 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунк-

[1] Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1169. Л. 53.
[2] Там же. Л. 55.
[3] Там же. Л. 54.

тов. Были организованы новые лечебные учреждения: госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны, больница и больница-санаторий для больных туберкулезом, санаторий для детей с закрытой формой туберкулеза легких и санаторий для детей, больных костно-суставным и железистым туберкулезом. К 1948 г. в Карелии насчитывалось уже 68 больниц, а число врачей увеличилось в полтора раза по сравнению с 1940 г. [Куприянов, 1949, с. 33]. В городах работали 80 учреждений амбулаторного типа вместо 60, действовавших в 1940 г., в сельской местности – 292 амбулаторных учреждения. Однако из-за нехватки помещений 11 больниц размещались в крестьянских избах. 32 врачебных участка в сельской местности работали без врачей. В г. Петрозаводске 120 медицинских работников с семьями проживали в зданиях больниц[1].

Первый послевоенный неурожайный год отрицательно повлиял на здоровье населения: 7% жителей республики болели дистрофией. Наибольшее число заболевших было зарегистрировано в северных районах: Калевальском, Кестеньгском и Кемском, а также среди населения, прибывшего в Сортавальский район в начале 1947 г., при этом число умерших составило 1,3%[2]. В правительственной телеграмме зам. министра лесной промышленности СССР Г.Е. Кофтова министру лесной промышленности КФССР А.И. Малышеву от 15 февраля 1947 г. сообщалось: «[По] имеющимся сведениям [на] лесопункте Онегма системы Севкареллеса [на] почве плохого питания рабочие страдают дистрофией. Есть смертные случаи тчк Прошу срочно принять меры тчк»[3]. Совет Министров КФССР выделил для дистрофиков дополнительные пайки, а Министерство здравоохранения СССР в 1946 г. направило в республику 12 т. рыбьего жира, в 1947 г. – еще 64 т.[4] Жир распределялся среди детского населения с профилактической целью и выделялся для больных дистрофией. В результате проведенных мероприятий массовое заболевание пошло на убыль и в начале лета 1947 г. было ликвидировано.

Устранение последствий войны потребовало особого внимания к санитарной и противоэпидемиологической работе. Изменив условия существования населения, война создала скученность и перенаселенность, привела к недостатку материальных средств, необходимых для поддержания должного санитарного уровня. При обследовании лесорубов Кондопожского и Петровского районов республики в конце 1947 г. была обнаружена вшивость у 50% рабочих. В общежитиях поселков Деревянка и Пай Прионежского района вшивость достигала 90%. Не все лесопункты были обеспечены дезкамерами, а отремонтированные 114 бань не полностью удовлетворяли потребности рабочих[5]. Неудовлетворительные санитарные условия способствовали росту заболеваемости и, в первую очередь, острозаразными болезнями. Так, заболеваемость дизентерией на 10 тыс. населения республики в 1945 г. составила 5,7, в 1946 г. – 10,5 и за 11 месяцев 1947 г. – 20,6[6]. Высокой была заболеваемость дизентерией детей раннего возраста.

Местные органы власти особое внимание уделяли поддержке материнства и детства. За два года (1 июля 1944 г. – 1 июля 1946 г.) число родильных коек в республике выросло со 102 до 338, женских консультаций – с 4 до 8, женско-детских консультаций на селе – с 2 до 10[7]. В 1945 г. в г. Сортавала открылся первый в республике санаторий для беременных женщин на 25 коек. В 1946 г. рождаемость в республике выросла на 110% по сравнению с 1944 г. Для рожениц были организованы 542 койки, что позволило обеспечить акушерской помощью в городах и рабочих поселках 100% женщин, а на селе – 87%[8]. Однако фактиче-

[1] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 5/39. Л. 91.
[2] Там же. Л. 92.
[3] Там же. Ф. Р-2716. Оп. 17. Д. 4/28. Л. 47.
[4] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 5/39. Л. 92.
[5] Там же. Л. 98.
[6] Там же. Л.94.
[7] Там же. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 158/1164. Л. 28.
[8] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 5/39. Л. 95.

ски социальная поддержка матерей в сельской местности была незначительной и там во многом сохранялся традиционный уклад и практики заботы о здоровье и родовспоможении.

Оставалась высокой смертность детей в возрасте до одного года (10-12% в 1944-45 гг.)[1]. Власти республики приняли меры по улучшению медицинского обслуживания детей. К 1 июля 1946 г. в Карелии работали 8 городских детских консультаций (вместо 5 на 1 июля 1944 г.), число молочных кухонь увеличилось с 5 до 18, детских коек в отделениях и палатах общих больниц – с 15 до 241. В 1945 г. в Петрозаводске открылась детская больница на 80 коек, в 1946 г. были впервые созданы 2 пищевые станции. Вновь организованы 3 дома ребенка: в Ладве на 75 коек, в Беломорске на 30 коек, в Петрозаводске на 65 коек, открыт детский санаторий в Яккиме на 70 коек. Однако в середине 1946 г. 14 районов республики не имели детского врача[2].

Важной задачей местных органов власти являлось строительство детских садов и яслей. Преимущества при устройстве детей в детские учреждения получали рабочие и служащие. Так, по распоряжению Прионежского райисполкома из детских колхозных яслей были исключены дети колхозников, а взамен них приняты дети служащих. В помещении, рассчитанном на 10-15 мест, находились 37 малышей, причем дети колхозников остались без яслей[3]. Из-за отсутствия средств многие предприятия не могли осуществить строительство детских учреждений. Например, в центральном поселке лесопункта Кяппесельгского леспромхоза Кондопожского района насчитывалось 160 детей, нуждающихся в яслях, но строительство яслей даже не предусматривалось[4]. Многие детские учреждения неудовлетворительно снабжались продуктами питания. В Заонежском районе из 120 детей питанием были обеспечены только 70. Подобное положение было и в других районах республики[5].

В 1946-1949 гг. Правительство республики выделило Министерству здравоохранения 265 млн. руб. на развитие больничной и внебольничной помощи, детские учреждения и санатории. Кроме того, сотни миллионов рублей были отпущены медицинским и санаторным учреждениям других ведомств (Кировской железной дороги, водного здравотдела)[6].

Благодаря расширению сети лечебных учреждений, развитию специализированной помощи, оснащению больниц и поликлиник материальными средствами к концу 1940-х гг. несколько снизилась заболеваемость и смертность населения республики. В 1948 г. по сравнению с 1947 г. смертность в городских больницах уменьшилась на 35%. В Петрозаводской городской больнице за это время случаи смерти от воспаления легких сократились в 5 раз[7]. Детская смертность в республике в 1948-1950 гг. была в два раза ниже, чем в 1940 г.[8].

Одной из острых проблем по-прежнему оставалась нехватка медицинских кадров. На 1 декабря 1947 г. в республике насчитывался 291 врач, или 70% к уровню 1941 г. 32 сельских врачебных участка работали без врачей. В учреждениях здравоохранения республики трудились 1632 средних медицинских работника, из них с законченным средним медицинским образованием – 70%[9].

Министерство здравоохранения СССР в 1947 г. планировало направить в Карелию 70 врачей, а поступили только 39 человек, то есть 55%. Высокой была текучесть кадров: в 1948 г. прибыли в республику 180 врачей, а выбыли 56, в 1949 г. приехали в Карелию 90, а выехали из республики 64 врача. В связи с этим местные власти отдавали предпочтение подготовке квалифицированных медицинских кадров из местных жителей. Была достиг-

[1] Там же. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 158/1164. Л. 31.
[2] Там же. Л. 30, 31.
[3] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 5/39. Л. 96.
[4] Там же. Д. 57/410. Л. 67.
[5] Там же. Д. 5/39. Л. 96.
[6] Там же. Д. 31/212. Л. 90.
[7] Там же. Л. 94.
[8] Там же. Д. 41/292. Л. 5.
[9] Там же. Д. 5/39. Л. 100.

нута договоренность с ленинградскими институтами, которые рассчитывали принять на учебу на льготных условиях вне конкурса 20 человек[1].

Правительство республики приняло меры по специализации врачей для сельских райцентров в больницах г. Петрозаводска, где в 1948-1949 гг. было подготовлено 49 специалистов, прошли переподготовку 138 врачей[2]. Специалисты среднего звена готовились в Петрозаводской фельдшерско-акушерской школе, по линии Общества Красного Креста, на полуторагодичных курсах без отрыва от производства. Численность средних медицинских работников в Карелии возросла в 1949 г. на 20% по сравнению с довоенным временем[3].

В конце 1949 г. в системе Министерства здравоохранения республики работали 448 врачей, из них на селе 15%, в рабочих поселках – 47%. Большинство врачей имели небольшой опыт работы: более 50% врачей – стаж 5 лет и только 18% – более 10 лет. Особенно молодой состав врачей работал в сельских районах. Так, в 14 районах работали только 6 врачей со стажем свыше 5 лет. Хирургическая помощь отсутствовала в 11 из 23 районов, акушерско-гинекологическая и терапевтическая – в 10 и педиатрическая – в двух районах[4].

В 1949 г. органы здравоохранения республики установили связь с Ленинградским Государственным институтом усовершенствования врачей имени С.М. Кирова, который оказывал медикам Карелии значительную помощь. Только за один месяц – октябрь 1949 г. – в Карелии побывали 10 человек профессорско-преподавательского состава института. В октябре того же года бригада из 6 научных работников ГИДУВа исследовала причины дизентерии в Петрозаводске, в районах работали 3 бригады ленинградских врачей по борьбе с малярией[5].

Трудности военного и послевоенного времени не могли не сказаться на качественном уровне деятельности медицинских учреждений. Их недостаточная кадровая укомплектованность и оснащенность материально-технической базы не позволила решить задачу по снижению заболеваемости с временной утратой трудоспособности среди рабочих. В докладе министра здравоохранения КФССР М. Журавлева на съезде сельских врачей республики 14 ноября 1949 г. отмечалось большое количество заболеваний простудного и гнойничкового характера на предприятиях лесной промышленности, недостаточное внимание администрации к обучению рабочих правилам техники безопасности. На 100 рабочих-лесозаготовителей приходилось по причине производственного травматизма 106 дней с потерей трудоспособности, из-за простудных заболеваний – 84 дня и из-за гнойничковых заболеваний – 59 дней. На ряде предприятий (Шуйско-Виданский, Деревянский, Маленгский леспромхозы) заболеваемость с потерей трудоспособности превышала средние по министерству показатели на 50-70%[6].

Скорейшего развертывания и улучшения работы больничной сети требовало и широко применявшееся в республике с конца 1940-х гг. промышленное и сельскохозяйственное переселение, в первую очередь, в лесную промышленность. В апреле 1949 г. для обслуживания рабочих лесной промышленности были организованы 4 больницы, 9 врачебных амбулаторий, 80 фельдшерских пунктов и 16 детских яслей. Осенью 1950 г. в медицинские учреждения лесозаготовительных предприятий поступили 119 средних медицинских работников. Районные и участковые больницы, санитарные эпидемиологические станции пополнились 33 врачами[7].

Тем не менее уровень медицинского обслуживания на селе значительно отставал от города как по количеству учреждений здравоохранения, так и по качеству оказания услуг. В сельской местности практически отсутствовали специализированные виды медицинской помощи. Большинство медиков составляли врачи общей практики, а большую часть

[1] Там же. Д. 31/212. Л. 66, 93 об.
[2] Там же. Л. 174.
[3] Там же. Л. 93 об.
[4] Там же. Л. 156, 174.
[5] Там же. Л. 161.
[6] Там же. Л. 167.
[7] Там же. Д. 57/410. Л. 66.

коек в больницах – так называемые общие койки. Характер и объем диагностических и лечебных мероприятий, осуществляемых врачами общей практики, часто были весьма ограниченными. Сельское население отказывалось от малоквалифицированной медицинской помощи, предпочитая специализированную койку в городе, хотя это было связано с затратой средств и времени на поездки. Значительное число сельских жителей получало лечебную помощь в городах. В 1948 г. из 100 сельчан 30 обратились в городские амбулаторные учреждения; из 100 госпитализированных сельских жителей 45 было помещено в городские больницы; 23,3% родов сельских жительниц принято в городских учреждениях[1]. Больницы Петрозаводска, Сортавалы и других городов республики были перегружены за счет сельского населения. Так, в первом полугодии 1949 г. больные из районов и сельской местности составили 11% пациентов терапевтического отделения петрозаводской городской больницы, 45% больных ушного отделения, 58% больных венерического отделения, 65% туберкулезного и 70% глазного отделения, 13% пациенток родильного дома, 33% больных хирургической больницы[2].

В результате перегруженности больничных учреждений столицы республики частыми были отказы в госпитализации петрозаводчан в городскую больницу. Только в 1948 г. по гинекологическому отделению было зафиксировано 268 отказов, терапевтическому – 399 отказов, хирургическому отделению – 106 отказов[3].

В условиях северного края, с обширными мало населенными районами, с лесопунктами, развернутыми вдали от населенных мест, неотъемлемой составной частью здравоохранения на селе являлись фельдшерско-акушерские пункты. В 1949 г. в сельской местности республики насчитывалось 62 врачебных амбулатории и 250 фельдшерско-акушерских пунктов – в два раза больше, чем в 1944 г.[4] Однако многие из них не имели необходимого медицинского оборудования, автотранспорта для доставки больных и оказания помощи по месту жительства.

В справке секретаря ЦК профсоюза рабочих леса и сплава М. Юрлова зам. министра здравоохранения КФССР К.К. Смирнову о состоянии медицинского обслуживания рабочих лесной промышленности КФССР от 21 августа 1952 г. отмечалось: «Обеспеченность медицинских учреждений лесных поселков средними медицинскими кадрами неудовлетворительная. Большинство фельдшерско-акушерских пунктов имеют по одному медицинскому работнику. Недостаток 23 фельдшеров, 32 акушерок и 100 медсестер. Требуется: зубных врачей – 19 (из них 9 человек во вновь строящиеся больницы и 10 человек в существующие). Врачей других специальностей – 27, из них 18 – во вновь строящиеся и 9 в существующие. ¾ всех фельдшерско-акушерских пунктов не имеют коек, даже родильных, и больше 1/3 не имеют изоляторов (пос. Пийтсиеки и Лахколамби Суоярвского леспромхоза). Большинство участковых больниц, фельдшерско-акушерских пунктов плохо обеспечены медоборудованием, инструментарием, медикаментами, стерильным перевязочным материалом. Плановые выезды врачей-специалистов республики и районных больниц в леспромхозы и сплавные конторы производятся редко и, главным образом, по вызову врачей или фельдшеров с мест… В других леспромхозах врачи совершенно не бывают (пос. Райконкосский, Лоймольский, Лахколамбинский, Пийтсиекский Суоярвского района) и больным приходится обращаться в районные больницы за 65-100 км, теряя до 3-5, а иногда и больше дней рабочего времени»[5].

Среди причин смертности в республике превалировали туберкулез, болезни органов дыхания, пищеварения, сердца и кровообращения, остроинфекционные заболевания[6].

[1] Там же. Д. 31/212. Л. 155.
[2] Там же.
[3] Там же. Л. 125.
[4] Там же. Л. 92.
[5] Там же. Д. 57/410. Л. 66-71.
[6] Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4050. Л. 17-22.

Высокой оставалась смертность детей до одного года[1]. Неблагополучным было положение с заболеваемостью малярией: если до войны случаи этой болезни были отмечены только в одном районе республики, то в 1950 г. – в 9 районах[2].

В целях повышения качества медицинского обслуживания населения Министерство здравоохранения СССР осуществило реформу, направленную на перестройку структуры организации здравоохранения и предусматривавшую объединение больниц и поликлиник. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 31 октября 1949 г. «Об упорядочении сети и установлении единой номенклатуры учреждений здравоохранения» типовыми медицинскими учреждениями были признаны: больница с поликлиникой, больница при промышленном предприятии, детская больница с консультацией и поликлиникой, родильный дом с консультацией, диспансер со стационарным учреждением [Апекишева, 2016, с. 40-41]. Также было принято постановление, обязывающее промышленные министерства строить своими силами и за счет собственных средств учреждения здравоохранения в соответствии с количеством работников[3].

В результате реформы в Карелии были объединены 12 городских больниц, детская больница, 3 городских родильных дома, 14 амбулаторий и поликлиник, все детские и женские консультации. В 1949 г. в результате объединения ликвидировано более 60 мелких медицинских учреждений[4]. Медицинскую помощь сельскому населению в конце 1951 г. оказывали 11 районных и 50 участковых объединенных больниц, а также 287 фельдшерско-акушерских пунктов. В сельских больницах были полностью ликвидированы так называемые общие койки, за счет которых увеличено число специализированных коек, в первую очередь, терапевтических. В республике были организованы 26 санитарно-эпидемиологических станций[5].

Объединение больниц с поликлиниками и другими амбулаторными учреждениями значительно расширило возможности санитарно–профилактической работы, осуществления массовых профилактических прививок и профосмотров, способствовало ранней госпитализации больных, снижению числа неверных диагнозов. Начала внедряться в практику диспансеризация некоторых категорий терапевтических пациентов. В медицинских учреждениях республики применялись новейшие для того времени средства лечения – пенициллин, стрептомицин, облучение онкологических больных радием, а больных с кожными заболеваниями – рентгеном и ряд других лечебных средств и медикаментов.

В то же время проявился ряд существенных недостатков реорганизации, связанных с неподготовленностью региональной сети здравоохранения (большой радиус обслуживания при нехватке медицинских кадров и неразвитости сети учреждений), была допущена явная недооценка значения поликлинического звена в обслуживании населения.

Не имела успеха попытка переложить на промышленные министерства и предприятия задачи по строительству медико-санитарных объектов. В выступлении министра здравоохранения республики М.Д. Журавлева на сессии Верховного Совета КФССР в июле 1950 г. отмечалось, что Министерство лесной и бумажной промышленности до середины 1950 г. даже не приступило к строительству больниц и детских яслей. Между тем в рабочем поселке Чална Пряжинского района, где проживало более 3,5 тыс. человек, из них 90 детей в возрасте до 3 лет, не было ни яслей, ни больницы, а население поселка обслуживал единственный фельдшер[6].

В целях улучшения снабжения работников лесозаготовительных и лесосплавных предприятий медикаментами Главное аптекоуправление КФССР организовало 285 аптечных пунктов. В 1951 г. открыто еще 158 аптечных пунктов, из которых 9 – первой катего-

[1] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 41/292. Л. 5.
[2] Там же. Д. 31/212. Л. 73.
[3] Там же. Д. 41/ 202. Л. 87.
[4] Там же. Д. 41/292. Л. 6; Ф. Р-1411. Оп. 4. Д. 348/2726. Л. 8.
[5] Там же. Ф. Р-1411. Оп. 4. Д. 348/2726. Л. 8.
[6] Там же. Ф. Р-2796. Оп. 3. Д. 41/292. Л. 41.

рии с правом изготовления лекарств. Было налажено также изготовление аптечек первой помощи для лесорубов. В 1951 г. на лесоучастки направлено 586 аптечек, в первом квартале 1952 г. – еще 241 аптечка. В 1951 г. на лесоучастки поступили 16 дезкамер марки с-1[1].

В 1951 г. в Петрозаводске открылась республиканская больница, ставшая одним из передовых учреждений Северо-Запада, что позволило организовать квалифицированную стационарную медицинскую помощь по всем специальностям пациентам из районов Карелии. Совершенствовались формы и методы лечебного процесса, получили широкое применение комплексные и комбинированные методы лечения с применением новых высокоэффективных средств. Были введены прививки против кори в детских учреждениях, на многих предприятиях имелись профилактории. Предпринимались меры по улучшению организации труда и повышению культуры производства, снижению производственного травматизма.

Важное значение придавалось санитарно-профилактической работе. Совет Министров КФССР принял постановления «Об организации регулярной очистки в городах КФССР» (13 июля 1949 г.) и «О взимании с предприятий платы за спуск сточных неочищенных вод в водоемы от производственных и других предприятий в республике, не присоединенных к городской канализационной сети» (7 сентября 1949 г.). В них предусматривался целый ряд мер по улучшению санитарного состояния населенных пунктов республики[2].

Однако во многих районах Карелии оставались серьезные проблемы в деятельности медицинских учреждений. В 1952 г. из 35 больниц городских поселений (без детских больниц и родильных домов) только 13 имели рентгеновские кабинеты, 18 – клинико-диагностические лаборатории, 9 – патологоанатомические отделения. Многие медицинские учреждения испытывали острый недостаток кадров. Так, санитарные врачи имелись лишь в двух из 11 сельских райцентров, в трех районах не было ни одного врача-педиатра, в 4-х районах – ни одного хирурга[3].

В письме председателя исполкома Суоярвского районного совета Н. Макарьева и секретаря Суоярвского райкома партии Н Королева секретарю ЦК КП КФССР А.Н. Егорову с просьбой об оказании помощи Суоярвской городской больнице от 6 апреля 1954 г. отмечалось: «За последнее время в райком КП и исполком райсовета стали поступать от трудящихся района многочисленные жалобы и заявления на неудовлетворительное медицинское обслуживание, особенно со стороны городской больницы, которая выполняет функции районной больницы. Районная больница, рассчитанная всего лишь на 50 коек, была организована после войны, когда население района было небольшое, в данное время, в связи со строительством новых лесных предприятий и значительным ростом населения, удовлетворить нужды трудящихся не может. В больнице из месяца в месяц большая перегрузка больных. В 1953 г. среднегодовое количество коек в больнице вышло 60, в январе 1954 г. – 66, в феврале – 74 койки. За последнее время в связи с открытием пассажирского движения по вновь строящейся железной дороге приток больных имеется и из Петровского района, поэтому создалось очень тяжелое положение с госпитализацией даже тех больных, которым медицинские работники не имеют права отказывать. Если в 1953 г. вместо нормы 5,5-6,6 кв. м на одного больного выходило только 2,8 кв. м, то сейчас больных вынуждены размещать не только без всяких санитарных правил в палатах, а в коридорах. Особенно перегружено родильное отделение. В больнице теперь нет даже дежурной комнаты для врачей, последние вынуждены также дежурство проводить в коридорах…»[4].

Особенно сложным было положение сельских учреждений здравоохранения. Даже спустя 10 лет после окончания войны в сельской местности на 10 тыс. человек приходилось всего 4 врача, в то время, как в городской местности – 22 врача [История Карелии, 2001, с. 729]. Так называемое универсальное медицинское обслуживание и равноправное социальное обеспечение на практике означало общий стандартно невысокий уровень обслужи-

[1] Там же. Д. 57/410. Л. 66.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 6/38. Л. 1-3, 21.
[3] Там же. Ф. Р-1411. Оп. 4. Д. 348/2725. Л. 149.
[4] Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 6198. Л. 38.

вания и несправедливое перераспределение ресурсов в отдельные элитные центры – для жителей столиц или партийной номенклатуры [Советская социальная политика, 2008, с. 24].

Таким образом, послевоенное десятилетие явилось важным этапом в развитии здравоохранения республики. В течение этого времени были восстановлены основные медицинские учреждения, уничтоженные материальные ценности. Число больничных учреждений в республике возросло с 79 в 1946 г. до 141 в 1956 г., численность медицинских кадров увеличилась в 2,8 раза (с 1782 до 4964 человек) [Народное хозяйство, 1957, с. 129, 133]. За счет реализации комплекса государственных мероприятий удалось стабилизировать тенденцию смертности населения и создать условия для увеличения рождаемости. В 1951-1954 гг. число родившихся в республике ежегодно возрастало[1]. Вместе с тем рост сети учреждений здравоохранения отставал от запросов населения.

В силу тяжелых условий послевоенного времени, нехватки денежных средств и материальных ресурсов далеко не все проблемы здравоохранения в республике удалось решить. Тем не менее были сделаны важные шаги по улучшению материально-технической и кадровой оснащенности медицинских учреждений, расширению специализированной медицинской помощи, внедрению новых методов диагностики и лечения, организации государственной помощи матерям и детям.

Список литературы
References

1. Апекишева А.Д. 2016. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы. Научный поиск. 2.1: 40-41.

Apekisheva A.D. 2016. Reformirovanie sovetskogo zdravookhraneniya v poslevoennye gody. Nauchnyy poisk. 2.1: 40-41. (in Russian)

2. Бякина В.П. 1999. Восстановление и развитие здравоохранения в послевоенный период: 1945-середина 50-х годов: (На материалах Северо-Запада СССР). Санкт-Петербург, С.-Петерб. гос. мед. ун-т, 230.

Byakina V.P. 1999. Vosstanovlenie i razvitie zdravookhraneniya v poslevoennyy period: 1945-seredina 50-kh godov: (Na materialakh Severo-Zapada SSSR). Sankt-Peterburg, S.-Peterb. gos. med. un-t, 230. (in Russian)

3. В дружной семье равноправных народов: Документы и материалы. 1982. Петрозаводск, Карелия, 286.

V druzhnoy sem'e ravnopravnykh narodov: Dokumenty i materialy. 1982. Petrozavodsk, Kareliya, 286. (in Russian)

4. Виноградова Т. Н. 2011. Развитие здравоохранения Южного Урала в 1945-1953 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 26.

Vinogradova T. N. 2011. Razvitie zdravookhraneniya Yuzhnogo Urala v 1945-1953 gg. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 26. (in Russian)

5. Гуменюк А.А. 2015. Развитие здравоохранения в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1980-х годов (по материалам Нижнего Поволжья). Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 15. 4: 108-116.

Gumenyuk A.A. 2015. Razvitie zdravookhraneniya v SSSR vo vtoroy polovine 1950-kh – pervoy polovine 1980-kh godov (po materialam Nizhnego Povolzh'ya). Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 15. 4: 108-116. (in Russian)

6. Давыдова Т. В. 2015. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 8 (148): 164-170.

Davydova T.V. 2015. Reformirovanie sovetskogo zdravookhraneniya v poslevoennye gody: istoricheskiy analiz. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 8 (148): 164-170. (in Russian)

7. Зелинская А.И., Левин С.М. 1970. Здравоохранение Карельской АССР за 50 лет Советской власти. В кн.: Здравоохранение Карельской АССР. Сб. ст. Вып. 7. Петрозаводск, Карелия: 5-23.

[1] Там же. Ф. Р-1411. Оп. 8. Д. 22/96. Л. 181.

Zelinskaya A.I., Levin S.M. 1970. Zdravookhranenie Karel'skoy ASSR za 50 let Sovetskoy vlasti. V kn.: Zdravookhranenie Karel'skoy ASSR. Sb. st. Vyp. 7. Petrozavodsk, Kareliya: 5-23. (in Russian)

8. История Карелии с древнейших времен до наших дней. 2001. Петрозаводск, Периодика, 944.

Istoriya Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney. 2001. Petrozavodsk, Periodika, 944. (in Russian)

9. Карелия в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. 1944-1950: Документы и материалы. 1988. Петрозаводск, Карелия, 150.

Kareliya v gody vosstanovleniya i dal'neyshego razvitiya narodnogo khozyaystva. 1944-1950: Dokumenty i materialy. 1988. Petrozavodsk, Kareliya, 150. (in Russian)

10. Куприянов Г. Н. 1949. Отчетный доклад на II съезде Компартии (большевиков) Карело-Финской ССР о работе ЦК КП(б) КФССР. Петрозаводск, Госиздат КФССР, 143.

Kupriyanov G. N. 1949. Otchetnyy doklad na II s"ezde Kompartii (bol'shevikov) Karelo-Finskoy SSR o rabote TsK KP(b) KFSSR. Petrozavodsk, Gosizdat KFSSR, 143. (in Russian)

11. Левин С.М. 1957. История развития больничного дела в Карелии. Петрозаводск, Госиздат КАССР, 23.

Levin S.M. 1957. Istoriya razvitiya bol'nichnogo dela v Karelii. Petrozavodsk, Gosizdat KASSR, 23. (in Russian)

12. Левин С.М. 1972. Охрана народного здоровья в Карелии. Петрозаводск, Карелия, 72.

Levin S.M. 1972. Okhrana narodnogo zdorov'ya v Karelii. Petrozavodsk, Kareliya, 72. (in Russian)

13. Народное хозяйство Карельской АССР: стат. сборник. 1957. Петрозаводск, Госиздат КАССР, 158.

Narodnoe khozyaystvo Karel'skoy ASSR: stat. sbornik. 1957. Petrozavodsk, Gosizdat KASSR, 158. (in Russian)

14. Советская социальная политика: сцены и действующие лица. 2008. Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., ООО "Вариант", 373.

Sovetskaya sots. politika: stseny i deystvuyushchie litsa. 2008. Pod red. E.R. Yarskoy-Smirnovoy, P.V. Romanova. M., OOO "Variant", 373. (in Russian)

15. Степанова О.В. 2008. Охрана здоровья женщин и детей в Алтайском крае (1945 – середина 1960-х гг.). Барнаул, изд-во АлтГТУ, 133.

Stepanova O.V. 2008. Okhrana zdorov'ya zhenshchin i detey v Altayskom krae (1945 – seredina 1960-kh gg.). Barnaul, izd-vo AltGTU, 133. (in Russian)

16. Такташева Ф.А. 2015. Развитие системы охраны здоровья женщин и детей в Сталинградской области в 1945-м – начале 1950-х гг. Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 4(99): 184-189.

Taktasheva F.A. 2015. Razvitie sistemy okhrany zdorov'ya zhenshchin i detey v Stalingradskoy oblasti v 1945-m – nachale 1950-kh gg. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 4(99): 184-189. (in Russian)

17. Усольцев И.А. 2016. Проблема восстановления здравоохранения после окончания Великой Отечественной войны. Теория и практика современной науки. 12-2 (18): 353-355.

Usol'tsev I.A. 2016. Problema vosstanovleniya zdravookhraneniya posle okonchaniya Velikoy Otechestvennoy voyny. Teoriya i praktika sovremennoy nauki. 12-2 (18): 353-355. (in Russian)

18. Фадеев А.В. 2001. Реформа системы здравоохранения СССР в послевоенные годы. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2: 48-50.

Fadeev A.V. 2001. Reforma sistemy zdravookhraneniya SSSR v poslevoennye gody. Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2: 48-50 (in Russian)

УДК 930.2
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-150-157

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА ПО РАЗВИТИЮ УЧРЕЖДЕНИЙ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1950-е ГОДЫ

ACTIVITIES OF THE LENINGRAD CITY COUNCIL FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION INSTITUTIONS IN THE 1950-s.

А.С. Щербаков
A.S. Shcherbakov

Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, 450062, Уфа, ул. Космонавтов 1

Ufa State Petroleum Technological University, 1, Kosmonavtov street, Ufa, 450062

E-mail: as19792004@mail.ru

Аннотация
В статье рассматривается деятельность Ленгорсовета и Ленгорисполкома по управлению и развитию системы школьного образования и ликвидации безграмотности в Ленинграде в 1950 – 1960-е годы. Восстановление и поддержание полноценного функционирования системы жизнеобеспечения городов и районов партийным руководством возлагалось на местные органы советской власти – городские и районные советы депутатов и их постоянно действующие исполнительные комитеты. Анализируется механизм решения сложных задач восстановления, строительства и благоустройства школьных зданий в контексте реализации генерального плана Ленинграда в данный период, обеспечению преподавательскими кадрами ленинградской школы, повышению качества их работы. Повышение интенсивности работы школы выявило проблему недостаточного укомплектования школ педагогическими кадрами в предыдущем учебном году. Несмотря на большие трудности, к началу 1953/1954 года было полностью осуществлено насыщение школ кадрами профессиональных педагогов. В качестве смежного сюжета уделено внимание развитию сети культурно-досуговых учреждений.

Annotation
The article deals with the specifics of the activities of the Leningrad City Executive Committee on the development of the school education system and the elimination of illiteracy in Leningrad in the 1950s-1960s. By the beginning of the 1950s, in Leningrad, basically, the tasks of restoring the municipal economy and eliminating the damage caused by the war and the enemy blockade of the city were solved. The restoration and maintenance of the full-fledged functioning of the life support system for cities and regions by party leadership was entrusted to the local organs of the Soviet government-the city and district councils of deputies and their permanent executive committees. In this connection, the activity of the Leningrad City Council and its executive committee in the sphere of social policy and management of the life support of Leningrad is of interest. The mechanism of solving complex problems of restoration and building of school buildings, providing teaching staff of the Leningrad school, improving the quality of their work is analyzed.

Ключевые слова. Ленинградский городской совет, органы местной власти, народное образование, всеобуч, двухсменная работа классов, культурно-досуговая деятельность.
Keywords. the Leningrad City Council Public education, universal education, two-shift work of classes, cultural and recreational activities.

К началу 1950-х годов в Ленинграде, в основном, были решены задачи по восстановлению городского хозяйства и ликвидации ущерба причиненного войной и вражеской блокадой города [Красносельских, 2009]. Завершение Второй мировой войны повлекло изменения в системе управления страной – как известно были упразднены чрезвычайные

органы власти и управления военного времени в столице и на местах. Восстановление и поддержание полноценного функционирования системы жизнеобеспечения городов и районов партийным руководством возлагалось на местные органы советской власти – городские и районные советы депутатов и их постоянно действующие исполнительные комитеты. В этой связи представляет интерес деятельность Ленинградского городского совета и его исполнительного комитета (далее – Ленгорсовет и Исполком Ленгорсовета/Ленгорисполком) в области социальной политики и управления жизнеобеспечением Ленинграда. Опыт решения Советами этих вопросов в 1950-е – начале 1960-х годов, при всех различиях во времени и характере стоящих проблем, представляет не только научный, но в практический интерес, поскольку эти вопросы и сегодня остро стоят перед обществом. Всесторонний анализ деятельности местных органов власти Ленинграда в первые послевоенные десятилетия будет актуальным и для использования в современной практике органов государственного управления и местного самоуправления.

Тема деятельности местных органов власти в послевоенный восстановительный период обширна и многогранна, она тесно перекликается с хозяйственно-экономической, военно-промышленной и культурной историей. В настоящей статье рассмотрены определенные сюжеты из истории послевоенного периода, которые проливают свет на характер и особенности деятельности Ленгорсовета и Ленгорисполкома, связанные с развитием восстановленного города. В советской историографии изучение данной тематики осуществлялось исходя из особых негласных правил, применимых ко всей системе управления, в целом. Наглядным примером этого служат сами названия работ, опубликованных в разное время, на материалах различных регионов. Почти все они содержат в своем названии фразы «Партийное руководство…...», что подразумевало обращение особого внимания на руководящую роль и значимость Коммунистической партии в системе власти и управления [Арсюткина, 1966; Андреев, 1990; Аюпов, 1975; Добротин, 1984; Егендурыев, 1984; Жотабаев, 1981]. В наше время тема деятельности органов местной советской власти продолжает оставаться актуальной и вызывает интерес, как у историков, так и правоведов [Виноградов, 2015; Дудников, 2010; Дудников, 2013; Звягольский и др., 2016; Смирнова, 2016]. Деятельность органов местной власти Ленинграда в отечественной историографии двух последних десятилетий достаточно полно изучена относительно периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет [Ежов, 1993; Красносельских, 2009; Похилюк, 2015]. Дальнейший период деятельности Ленгорсовета и его Исполнительного комитета по обеспечению жизнедеятельности города не стал до сих пор отдельным сюжетом исторического исследования. Различные аспекты его деятельности рассматривались в общих работах по истории [Ваксер, 2005]. Между тем, комплексное изучение управленческой деятельности органов местной власти Ленинграда в области социальной политики и обеспечения качества жизни представляет несомненный интерес – и само по себе и в русле таких популярных сегодня направлений исторических исследований как история повседневности, факторный анализ (в данном случае – управленческих решений), сюжет городской антропологии и проч. Привлекаемые нами архивные материалы показывают значительный перспективный исследовательский потенциал обозначенной проблематики. Обширные материалы о деятельности местных органов власти Ленинграда содержатся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПБ). Все материалы архивных дел, использованные в данной статье, впервые вводятся в научный оборот.

Организационно-хозяйственная деятельность Ленгорсовета и его Исполкома была направлена на определение основных приоритетов в развитии городского хозяйства: расширение объемов капитального строительства, развитие инженерных и транспортных коммуникаций города, развитие его инфраструктуры, модернизация топливно-энергетического хозяйства города и решение насущных вопросов в социальной сфере. Как установлено исследователями, в этот период Ленгорсовет и его исполнительный комитет обладали значительной самостоятельностью в разработке и принятии решений по различным сферам жизни города и отраслям городского хозяйства. Партийные органы, обладая политической монополией, сохраняли контроль над ситуацией в качестве «руководящей и направляющей силы», обеспечивая непосредственное управление лишь промышленно-оборонным блоком.

Их основная задача заключалась в первую очередь в идеологической работе среди населения, подготовке партийных кадров и политическом контроле [Красносельских, 2009]. По мнению некоторых авторов, такая ситуация в определенной степени была вызвана последствиями печально известного «Ленинградского дела» [Дзенискевич, 1998, с. 84−85.].

Составляя программу действий на ближайшие годы, руководство города исходило из предложений, сформулированных в новом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Прежде всего, он предусматривал дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства. Тем не менее, особое внимание, было уделено образовательной сфере. Развитие детских дошкольных учреждений, общеобразовательных школ, учреждений дополнительного образования, школ рабочей молодежи – находились в центре внимания городских властей. Значительное улучшение демографической ситуации в городе особенно остро поставило вопрос о развитии советской школы. Городу не хватало существовавших к началу 1950-х годов школьных зданий.

Генеральным планом развития Ленинграда на 1951 – 1960 годы предусматривалось строительство новых школ. Их численность рассчитывали, опираясь на прогнозы о возможном увеличении числа учащихся[1].

В пояснительной записке к Генеральному плану прогнозируемая численность учащихся на 1960/1961 учебный год определялась на основе контингента обучающихся на 1954 год в школах с 1 по 3 классах, сведениях о рождаемости за 1947 по 1953 годы, а также с учётом того, что из числа учащихся, оканчивающих 7-е классы, около 10% поступают в техникум[2].

Произведенные расчеты показали, что количество учащихся в общеобразовательных школах составит 14% от всего населения против 13,2% в 1950/1951 учебном году. Из 420 тысяч учащихся в образовательных школах на 1960/1961 учебный год, в городе Ленинграде будет учиться 378 тысяч человек и 42 тысячи – в школах, расположенных в населенных пунктах, подчиненных Исполкому Ленгорсовета.

Для определения существующей и сохраняемой на десятилетний период емкости школьной сети взять количество учащихся, занимающихся в первую смену, с учетом увеличения наполняемости классов в недогруженных школах, что составит 245 тысяч человек.

Таким образом, для ликвидации второй смены в существующих школах необходимо новое строительство школ: 420 – 245=175 тысяч мест или 200 новых двухкомплектных типовых школ. Из общего количества школьных мест 148 тысяч должно быть построено в самом Ленинграде, а 27 тысяч мест – в пригородах. Размещение школ должно было осуществляться с учетом их количества по каждому району Ленинграда или подчиненного Исполкому Ленгорсовета населенному пункту с учетом их равномерного распределения и территориальных возможностей.

В густонаселенных районах города, где строительство новых школ было затруднено, была предусмотрена реконструкция уже существующих школ с целью увеличить их емкость, примерно на 11 тысяч мест.

Те школьные здания, которые были заняты не по назначению, планировалось освободить. В плотно застроенных районах Ленинграда необходимо было освободить 16 школьных зданий вместимостью 15 тысяч мест, и использовать их под размещение школ.

Таким образом, из 148 тысяч школьных мест, подлежащих новому строительству в Ленинграде, 26 тысяч необходимо было возместить за счет возврата и реконструкции существующих школ.

Для строительства новых школ на территории Ленинграда было зарезервировано 136 участков размером 0,4 – 0,8 гектара каждый. Часть из них должна была быть размещена на свободных участках, часть на территории, занятой складами, деловыми дворами или малоценными жилыми зданиями.

---

[1] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 471. Л. 1-2.

[2] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 363. Л. 4.

Только в одном – Куйбышевском районе, оказалось невозможным разместить новые школьные здания. В связи с этим, недостающее количество мест – 3,1 тысячи, намечено было возвести за счет приспособления отдельных жилых или административных зданий.

Строительство школ в населенных пунктах, подчинённых Ленгорисполкому, планировалось в соответствии с потребностью каждого населенного пункта. В местах с небольшим количеством жителей планировалось строительство маломестных школ на 400 мест каждая. Или, когда это диктовалось территориальными и транспортными соображениями, на 2-3 поселка проектировалась 1 школа.

Таким образом, всего в пригородах Ленинграда было намечено построить 36 школ одно- и двухкомплектных, общей емкостью на 27 000 мест.

Важной задачей было хорошее содержание действующих школ и приведение в порядок тех из них, которые нуждались в ремонте. Ежегодно конец лета для Ленгорисполкома знаменовался проведением городского Педагогического совета и принятием решений о совершенствовании работы по подготовке школ к началу нового учебного года, строительстве новых школ в районных новой застройки и плотного проживания населения, ликвидации двухсменности в работе школ, улучшению качества преподавания и проч. Принятые решения ставились на самый жёсткий контроль и их исполнение контролировалось в течение года.

В связи с улучшением демографической ситуации в городе, напряженным периодом оказались 1953 – 1954 годы. На примере учебного 1953 – 1954 года можно проследить, каким был «повседневный» алгоритм решения вопросов улучшения работы ленинградской школы.

3 января 1954 года секретарю Ленинградского городского комитета КПСС И.К. Замчевскому была предоставлена Справка о «Выполнении решения Пленума Ленинградского городского комитета КПСС от 11 августа 1953 года «О готовности школ г. Ленинграда к новому 1953 – 1954 учебному году»[1]. Она была подписана заместителем Председателя Исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся А. Цветковой и составлена на основе справки Отдела народного образования Ленгорисполкома по данному вопросу[2].

Отмечалась, что работники школ и отделов народного образования с помощью общественных организаций проделали значительную работу по подготовке к новому учебному 1953/1954 году.

Так, в области выполнения закона о всеобщем обязательном семилетнем образовании, школы и отделы народного образования перед началом нового учебного года рассмотрели по каждой школе сеть классов на начинающийся год. По состоянию на 1 августа был проведен учет всех детей школьного возраста. Выявилось, что по различным причинам не обучалось 862 ребенка школьного возраста, из них: больных – 284, работающих – 345, нуждавшихся в специальных школах – 150, уклоняющихся от обучения – 83. По вине жилищных органов и исполкомов райсоветов учет детей школьного возраста был проведен неудовлетворительно. По данным учета детей школьного возраста значилось на 14 276 человек меньше, чем обучалось в школах[3]. Несмотря на то, что не все дети посещали школу, классы были переполнены, их было больше, чем школы могли обеспечить хорошими условиями содержания учащихся. По плану классов числилось 9130, фактически их было 9389[4].

Выполнение народнохозяйственного плана на 1953/1954 учебный год по контингентам учащихся характеризовалось следующими данными. В 1 – 4 классах по плану на 1953/1954 год должно было числиться 134 000 учащихся, принято – 136 100; в 5 – 7 классах: по плану – 122 100, принято – 118 200 учащихся; в 8 – 10 классах по плану – 88 400, принято – 89 500 учащихся. В первых классах вместо 50 000 школьников занималось 51 023 человека.

Повышение интенсивности работы школы выявило проблему недостаточного укомплектования школ педагогическими кадрами в предыдущем учебном году.

---

[1] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 471. Л. 1.

[2] Там же. Л. 7-11.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 7-8.

Несмотря на большие трудности, к началу 1953/1954 года было полностью осуществлено насыщение школ кадрами профессиональных педагогов. Дополнительно в 1953 году было направлено на работу в школу 409 молодых специалистов из числа выпускников высших и средних педагогических учебных заведений.

Значительные затруднение вызвало укомплектование школ кадрами учителей физики и математики. Частично дефицит преподавательских кадров был восполнен за счет привлечения на работу в школы лиц, имеющих инженерно-техническое образование, а также за счет увеличения нагрузки на действующих преподавателей до 35 – 40 часов в неделю. Это отрицательно сказывалось на качестве преподавания и знаниях учащихся по физике и математике.

В период с 25 по 28 августа 1953 года Городской отдел народного образования Ленгорисполкома организовал в каждом районе учительское совещание «О задачах учительства в 1953/1954 учебном году». По каждому предмету были проведены секционные совещания учителей, на которых обсуждены меры по улучшению преподавания в новом учебном году. 24 августа было проведено городское совещание директоров школ и заведующих РОНО по вопросу «Об улучшении руководства работой школ и учителей»

В целях повышения квалификации 1 200 учителей и 100 директоров школ и заведующих учебной частью направлены на годичные курсы Института усовершенствования учителей. Для остальных руководящих работников созданы постоянно действующие семинары по специальному плану Гороно[1].

Задачей большой важности было укрепление материальной базы школ. К началу 1953/1954 года построено и введено в эксплуатацию три новых школы на 2 800 ученических мест. Вновь открыта была одна новая школа в Невском районе в освобожденном здании, которое занималось не по назначению. Четвертая школа не была достроена, так как 19 строительный трест не выполнил своего задания по сооружению здания школы.

Несмотря на значительные трудности с денежным обеспечением, все вновь открытые школы были оснащены учебным и хозяйственным инвентарем по нормам министерства просвещения для новых школ. Значительно было пополнено оборудование учебных кабинетов школ как учебным, так и хозяйственным инвентарем. В дополнение к четырем миллионам рублей по бюджету, Советом Министров СССР выделено дополнительно на оборудование школ и детских учреждений Ленинграда еще два миллиона рублей.

Значительную помощь школам оказывали шефские организации. Школе 331 – завод «Экономайзер», школе 349 – Октябрьский вагоностроительный завод, школе 338 – 5-я ГЭС, которые создали при кабинетах физики подшефных школ рабочие комнаты[2].

Из 407 школ города 149 школ имели пришкольные учебно-опытные участки. Однако, огорожено было только 98 из них. Исполкомам районных советов было указано необходимость принять неотложные меры к огораживанию всех учебно-опытных участков.

На капитальный ремонт школ Ленинграда было выделено в 1953 году 19,9 миллионов рублей, к 1 сентября 1953 года освоено было 19,6 млн. Всего было отремонтировано 134 школы. Ремонты школы осуществлялись также с помощью шефов. Так, осуществили ремонты школ: №136 – завод ГОМЗ, №144 – фабрика «Возрождение», №131 – совхоз «Ручьи».

Ленгорисполком возбудил ходатайство перед Советом Министров СССР о строительстве еще 7 школ за счет бюджета Министерства просвещения и 9 школ – за счет бюджета других Министерств. Зав. Ленгороно Д. Патрикеев информирует зам. Председателя Ленгорисполкома А.И. Цветкову, что во исполнение решения Пленума Ленинградского горкома КПСС от 2 – 5 сентября 1953 года на 1953 – 1954 гг. запланировано строительство 10 новых школ во вновь отстроенных районах Ленинграда[3]. Заместителю Председателя Ленгорисполкома А.И. Цветковой также был представлен доклад о выполнении постановления Пленума Ленинградского горкома КПСС от11 августа 1953 года «О готовности школ г. Ленинграда к новому 1953–1954 году»[4]. В нем отмечалось, что по-прежнему

[1] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 471. Л. 3.
[2] Там же. Л. 9-10.
[3] Там же. Л. 5.
[4] Там же. Л. 7.

остро стояла задача всеобщего обучения грамоте молодежи допризывного возраста. Война и послевоенная разруха стали причиной тому, что ряд подростков не знали грамоты. 9 февраля 1954 года Председателю Совета Министров РСФСР А.М. Пузанову Ленгорисполком докладывал о работе по ликвидации неграмотности юношей 15-летнего возраста и старше (до 17 лет). На 1 января 1954 года подлежащих обучению было 425 человек, из них обучалось 307. Председатель Ленгорисполкома обещал с помощью партийных комитетов и советских учреждений, а также общественности обеспечить полный охват юношей.

Наиболее успешно развивалась работа по ликвидации неграмотности в Дзержинском районе Ленинграда. Секретарь исполкома Дзержинского района Лаврентьев 10 марта 1954 года сообщал А.И. Цветковой о ликвидации неграмотности у молодежи призывного и допризывного возраста. На 1 января 1954 года на учете в районном отделе народного образования состояло 233 человека. Из них в школе рабочей молодежи обучалось 204 человека, в группе малограмотных – 25 человек, отказались учиться – 4 человека[1].

Теснейшим образом решение этой задачи было связано со строительством еще одного типа образовательных учреждений – школ рабочей молодёжи. Эта задача в значительной степени была возложена на ленинградские предприятия. Планировалось также открытия групп для малограмотных и в общеобразовательных школах.

Строительство новых школ было сопряжено со значительными трудностями. Например, заместитель Министра электростанций и электропромышленности Н. Шевченко в своем письме 20 февраля 1954 года Председателю Ленгорисполкома П.Ф. Ладанову сообщает о невозможности полного финансирования строительства школы заводом № 496 ввиду недофинансирования предприятия в 1954 году[2].

В связи с острой нехваткой средств на строительство школьных зданий 7 января 1954 года Председатель Ленгорисполкома П. Ладанов просит заместителя Министра электростанций и электропромышленности М.Г. Первухина выделить средства на строительство школы заводом № 240 (3 500 000 рублей). Такая необходимость была вызвана заселением жилого фонда, построенного для предприятия в поселке Металлострой[3]. А 1 марта 1954 года зам. зав. Ленгороно М. Власов сообщал секретарю Курортного райкома КПСС А. Иванову о том, что район отказался от строительства новой школы в поселке Серово Курортного района[4].

Необходимо было улучшать руководство учебно-воспитательной и культурно-просветительской работой школ. Культурно-воспитательные мероприятия расширяли кругозор учащихся, обогащали их внутренний мир, приобщали к высоким образцам отечественной и мировой культуры. Школы широко практиковали проведение коллективных посещений театров и кино. Большое значение имело коллективное обсуждение просмотренных спектаклей и фильмов. Это способствовало развитию навыков эмоционального сопереживания и аналитических способностей у подростков и молодежи.

Ленгорисполком уделял большое внимание формированию сети культурно-досуговых учреждений, доступных детям и подросткам, обучавшимся в школах. В 1950 году в Ленинграде было 52 государственных кинотеатров вместимостью 26,2 тысячи зрителей и 72 профсоюзных киноустановок, расположенных в зданиях клубов, домов культуры и прочих зданиях, вмещающих 24,2 тысячи зрителей.

Для дальнейшего обеспечения растущих культурных потребностей населения, в проект десятилетнего плана развития Ленинграда, было намечено строительств новых кинотеатров в городе и пригородах.

В течение 1951 – 1960 годов было намечено построить 8 новых отдельно стоящих кинотеатров на 3280 мест и 8 встроенных в габариты жилых домов общей вместимостью на 2 400 мест. Строительство планировалось вестись в районах, где они более всего нужны[5].

[1] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 471. Л. 22.
[2] Там же. Л. 17.
[3] Там же. Л. 18.
[4] Там же. Л. 19.
[5] Там же. Д. 363. Л. 19.

Особое воздействие на чувства и эмоции юных зрителей оказывали театры. К 1951 году в Ленинграде было 17 стационарных театров, вмещающих 20,4 тысячи зрителей. Кроме того, в Ленинграде имелось 15 Домов культуры с 17,7 тысяч мест в зрительных залах и около 100 клубов со зрительными залами на 31,1 тысяч мест.

Имевшийся в городе Театр юного зрителя вмещал всего 500 зрителей, что не удовлетворяло потребностей детского населения. Поэтому в период с 1951 до 1960 годы на проспекте Добролюбова планировалось построить новый ТЮЗ на 1000 мест. Составление проекта театра началось в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 9 сентября 1953 года № 11898-р[1].

Формирование личности юного человека немыслимо представить без книги, печатного слова. В период активной застройки города в новых районах была явная нехватка библиотек, как детских, так и для взрослого населения.

До 1960 года во вновь застраиваемых районах города планировалось встроить в первые этажи строящихся жилых домов 20 новых библиотек для взрослых читателей и для детей[2].

Просветительские мероприятия влияли и на выбор школьниками будущей профессии. Совместная работа школьных педагогов и сотрудников детских библиотек помогали школьникам и рабочей молодежи в освоении новых знаний, что повышало качество учебы и работы. Культурно-просветительная работа среди детей, подростков и молодежи играла большую социальную роль. Участие подрастающего поколения в просветительной деятельности стимулировало их самоорганизацию, готовило к участию в общественной жизни, приобщало к правилам поведения в обществе.

Необходимо отметить, что несмотря на трудности восстановительного периода, социальная работа Ленгорисполкома была выстроена достаточно успешно, о чем свидетельствует развитие системы народного образования и просвещения в 1950 – 1960-е годы. Систематической работой и прилагаемыми усилиями преодолевались трудности в развитии народной школы и системы ликвидации безграмотности. Опыт решения Советами этих вопросов в 1950-е – начале 1960-х годов, при всех различиях во времени и характере стоящих проблем, представляет не только научный, но в практический интерес. Проблематика этого времени не утратила своей научной актуальности и значимости, особенно учитывая, что изучение различных аспектов повседневности является одним из приоритетных направлений истории и культурной (социальной) антропологии.

Список литературы
References

1. Арсюткина О.Н. 1966. Деятельность Ленинградской партийной организации по восстановлению жилого фонда города. Диссертация …. канд. ист. наук. Л., 184.

Arsiutkina O.N. 1966. Deiatel'nost' Leningradskoi partiinoi organizatsii po vosstanovleniiu zhilogo fonda goroda. Dissertatsiia …. kand. ist. nauk. Leningrad., 184. (in Russian)

2. Андреев В.П. 1990. Руководство Коммунистической партии городскими Советами РСФСР (1926–1937 гг.). Томск, Издательств ТГУ, 174.

Andreev V.P. 1990. Rukovodstvo Kommunisticheskoi partii gorodskimi Sovetami RSFSR (1926–1937 gg.). Tomsk: Izdatel'stvo TGU, 174. (in Russian)

3. Аюпов Р.С. 1975. Руководство Башкирской партийной организации Советами и хозяйственными органами в годы Великой Отечественной войны /1941–1945 гг./ Уфа, 200.

Aiupov R.S. 1975. Rukovodstvo Bashkirskoi partiinoi organizatsii Sovetami i khoziaistvennymi organami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny /1941–1945 gg. / Ufa, 200. (in Russian)

4. Ваксер А.З. 2005. Ленинград послевоенный 1945–1982 годы. СПб., Остров, 436.

Vakser A.Z. 2005. Leningrad poslevoennyi 1945–1982 gody. SPb., Ostrov, 436. (in Russian)

5. Виноградов С.В. 2015. Деятельность местных органов власти Нижнего Поволжья по укреплению тыла Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Современная научная мысль. 2: 63–73.

[1] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 363. Л. 19.
[2] ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 36. Д. 363. Л. 21.

Vinogradov S.V. 2015. Deiatel'nost' mestnykh organov vlasti Nizhnego Povolzh'ia po ukrepleniiu tyla Krasnoi Armii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Sovremennaia nauchnaia mysl'. 2: 63–73. (in Russian)

6. Дзенискевич А.Р. 1998. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в полит. конъюнктуре. СПб., «Нестор», 139.

Dzeniskevich A.R. 1998. Blokada i politika. Oborona Leningrada v polit. koniunkture. Sankt-Peterburg: "Nestor', 139. (in Russian)

7. Добротин В.Е. 1984. Руководство Московской партийной организации деятельностью Советов столицы в годы четвертой пятилетки (1946–1950 гг.). Диссертация .... канд. ист. наук. М., 214.

Dobrotin V.E. 1984. Rukovodstvo Moskovskoi partiinoi organizatsii deiatel'no-st'iu Sovetov stolitsy v gody chetvertoi piatiletki (1946–1950 gg.). Dissertatsiia .... kand. ist. nauk. Moskwa, 214. (in Russian)

8. Дудников А.А. 2010. Правовой статус местных Советов депутатов трудящихся в послевоенные годы. Вестник Краснодарского университета МВД России. 1: 32–34.

Dudnikov A.A. 2010. Pravovoi status mestnykh Sovetov deputatov trudiashchikhsia v poslevoennye gody. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 1: 32–34. (in Russian)

9. Дудников А.А. 2013. Деятельность местных Советов депутатов трудящихся по осуществлению представительских функций (1945 – 1953). Общество и право. 3 (45): 49 – 53.

Dudnikov A.A. 2013. Deiatel'nost' mestnykh Sovetov deputatov trudiashchikhsia po osushchestvleniiu predstavitel'skikh funktsii (1945 – 1953). Obshchestvo i pravo. 3 (45): 49 – 53. (in Russian)

10. Егендурыев А. 1984. Партийное руководство Советами и общественными организациями в 1952–1961 гг. (по материалам Туркменской ССР). Диссертация .... канд. ист. наук. Ашхабад, 175.

Egenduryev A. 1984. Partiinoe rukovodstvo Sovetami i obshchestvennymi organi-zatsiiami v 1952–1961 gg. (po materialam Turkmenskoi SSR). Dissertatsiia .... kand. ist. nauk. Ashkhabad, 175. (in Russian)

11. Ежов М.В. 1993. Местное самоуправление Ленинграда в годы Великой Отечественной войны: опыт, проблемы, уроки. СПб., СПбГУЭФ, 159.

Ezhov M.V. 1993. Mestnoe samoupravlenie Leningrada v gody Velikoi Otechestven-noi voiny: opyt, problemy, uroki. SPb., SPbGUEF, 159. (in Russian)

12. Жотабаев Н.Р. 1981. Партийное руководство Советами и общественными организациями. Алма-Ата: Казахстан, 48.

Zhotabaev N.R. 1981. Partiinoe rukovodstvo Sovetami i obshchestvennymi organiza-tsiiami. Alma-Ata: Kazakhstan, 48. (in Russian)

13. Звягольский А.Ю., Турицын И.В., Упоров И.В., Епифанцев А.А. 2016. Местные Советы депутатов трудящихся в послевоенное время (1945 – 1953 гг.): организационно-правовые основы формирования и деятельности: Монография. М., НИИ ИЭП, 131.

Zviagol'skii A.Iu., Turitsyn I.V., Uporov I.V., Epifantsev A.A. 2016. Mestnye Sovety deputatov trudiashchikhsia v poslevoennoe vremia (1945 – 1953 gg.): organizatsionno-pravovye osnovy formirovaniia i deiatel'nosti: Monografiia. M., NII IEP, 131. (in Russian)

14. Красносельских А.Г. 2009. Деятельность Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся по восстановлению и развитию городского хозяйства в середине 40 – начале 50-х годов XX века. Диссертация …. канд. ист. наук. СПб., 2009. 175.

Krasnosel'skikh A.G. 2009. Deiatel'nost' Leningradskogo gorodskogo Soveta depu-tatov trudiashchikhsia po vosstanovleniiu i razvitiiu gorodskogo khoziaistva v seredine 40 – nachale 50-kh godov XX veka. Dissertatsiia …. kand. ist. nauk. SPb., 2009. 175. (in Russian)

15. Похилюк А. В. 2015. Деятельность партийных и советских органов Ленинграда по социальному обеспечению семей защитников города в годы блокады. Война. Народ. Победа. СПб., СПбУ МВД РФ, 29–34.

Pokhiliuk A. V. 2015. Deiatel'nost' partiinykh i sovetskikh organov Leningrada po sotsial'nomu obespecheniiu semei zashchitnikov goroda v gody blokady. Voina. Narod. Pobeda. SPb., SPbU MVD RF, 29–34. (in Russian)

16. Смирнова К.С. 2016. Организация деятельности представительных органов местных Советов депутатов трудящихся в период «оттепели» (1953–1964). Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 8–9: 248–250.

Smirnova K.S. 2016. Organizatsiia deiatel'nosti predstavitel'nykh organov mestnykh So-vetov deputatov trudiashchikhsia v period "ottepeli' (1953–1964). Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 8–9: 248–250. (in Russian)

УДК 94:316(47+57)"195/198"
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-158-164

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1950–1980-х ГОДОВ

TRADITIONS AND INNOVATION IN FORMATION THE CONCEPTUAL BASIS OF THE SOCIAL HISTORY OF THE SOVIET STATE DURING THE 1950-s – 1980-s

В.А. Перцев
V.A. Pertsev

Воронежский государственный университет,
Россия, Воронеж, 394018, Университетская площадь, 1

Voronezh State University, University Square 1, Voronezh, 394018, Russia

E-mail: v.pertsev.vrn5@yndex.ru

Аннотация
В статье обобщаются теоретические подходы к формированию концептуального содержания социальной политики советского государства на протяжении предперестроечного времени. Представлены традиционные и новые оценки ключевых направлений социального развития советского общества. Дана периодизация практической реализации социально значимых проектов, формировавшихся с учетом провозглашавшихся в государстве социально-политических ориентиров. С помощью мемуарной литературы рассматривается процесс разработки комплексных вариантов преодоления сохранявшихся трудностей в социальной сфере. Анализируются возможности планового хозяйства в достижении сбалансированного соотношения доходной и расходной частей семейных бюджетов населения. На основании имеющегося фактического материала обосновывается роль нерешенных социальных проблем в кардинальной модернизации идеологических институтов и политической системы советского государства.

Annotation
The article summarizes the theoretical approaches to the formation of the conceptual content of the social policy of the Soviet state during the pre-perestroika period. Traditional and new assessments of key areas of social development of soviet society are presented. Periodization of the process of development and implementation of state social policy has been developed. The correlation of social problems and issues of further development of the national economy of the country is determined. The difficulties of forming the consumer sector in the Soviet state are analyzed. Prospective possibilities of using new groups of historical sources in modern research on social history are estimated. Taking into account the available factual material, the role of unresolved social problems in cardinal modernization of ideological institutions and the political system of the Soviet state is substantiated. Based on the study of the works of domestic authors, the rationale for the social orientation of the Soviet state is detailed, real achievements and problems of its practical implementation are established.

Ключевые слова: социальная история, социальная политика, историческая концепция, советское общество, стратификация населения, социальные проблемы, повседневность.
Key words: social history, social policy, historical concept, soviet society, population stratification, social problems, everyday life.

Период существования советского государства повлиял на формирование специфических подходов к изучению социальной истории. Преобладала точка зрения, согласно которой социальная сфера воспринималась в качестве неотъемлемой составной части государства нового типа. Не высказывались сомнения в отношении социальной направленности функционирования советского государства. Положительные результаты в решении

социальных проблем оценивались в качестве закономерного результата жизнедеятельности социалистического общества. Возникавшие трудности обосновывались, исходя из сложности развития первого в истории общенародного государства, и рассматривались как издержки эволюционного процесса. Аналогичные подходы преобладали не только в концептуальных конструкциях отечественных исследователей [13, 18, 20-22], но и в работах многих зарубежных авторов [26-28]. В перестроечный период в российской исторической науке проявилось критическое отношение к новейшему периоду отечественной историографии. Негативные оценки высказывались не только применительно к изучению отдельных сторон развития советского общества, но и в отношении теоретических построений в рассмотрении всего исторического периода в целом. Объединение традиций и новаций, наличие диаметрально противоположных, или взаимоисключающих оценок, явились характерной особенность развития отечественной историографии в конце XX – начале XXI вв. Изменение общественно-политической, экономической и социальной обстановки в стране повлияло на формирование новых концептуальных подходов, дополняющих или уточняющих традиционные точки зрения, отразилось в выработке новаторских методик для изучения ключевых социальных проблем. Осуществлялось это преимущественно на основе использования комплекса новых исторических источников, о наличие которых в предыдущие десятилетия могли предполагать только самые прогрессивные ученые. Новации проявились в выработке альтернативных подходов к оценке положений отечественной социальной истории, получивших свое научное обоснование в период существования советского государства.

Одной из них явилось рассмотрение социальной ориентированности советского государства. В решениях государственных и партийных органов, общественных организаций обязательно присутствовало обоснование значимости социальной сферы, предлагались пути решения жизненно важных вопросов. Теоретическую основу для объяснения социальной направленности советского государства составляли положения об общенародном характере политической системы, коллективных видах собственности на средства производства.

Исследование исторических событий первых десятилетий функционирования страны позволяет внести существенное уточнение в преобладавшее идеологическое утверждение. Такие социально значимые события, как конфискация имущества обеспеченных слоев российского общества в процессе реализации лозунга «экспроприация экспроприаторов»; эмиграция и принудительная депортация; трудовые мобилизации, раскулачивание и выселение сельскохозяйственного населения в конце 1920 – начале 1930-х гг.; милитаризация трудовой и хозяйственной деятельности в предвоенные и военные годы, сохранявшиеся элементы милитаризации труда в послевоенный период; точечные, субъективно ориентированные социальные гарантии последующих десятилетий, свидетельствуют о том, что вплоть до середины 1950-х гг. социальная направленность советского государства проявлялась в большей степени теоретически, имела ограниченный и выборочный характер.

Конкретные объяснения по этому вопросу, высказывались в советскую эпоху политиками, учеными-обществоведами, практическими работниками, и сводились к утверждению о трудности и непредсказуемости начального периода становления советского государства. Перегибы и крайности социального характера обосновывались исходя из сложных народнохозяйственных проблем, вызванных гражданской и Великой Отечественной войнами, наличием внутригосударственной и международной оппозиции, экономической и идеологической блокады со стороны капиталистических держав.

Основываясь на сохранявшихся расхождениях между провозглашавшимися и осуществлявшимися социально-политическими ориентирами, можно выделить два этапа в развитии социальной сферы советского государства: I этап (1917- середина 1950-х гг.) – декларативный, когда социальные меры присутствовали только в содержательной части нормативно-правовых документов, или реализовывались в ограниченных масштабах, и II этап (середина 1950-х – 1980-е гг.) – конструктивный, в течение которого предпринимались практические усилия для реализации первоочередных социальных задач. Можно констатировать, что социальная направленность внутриполитического развития советского государства являлась, в большей степени, идеологическим клише, к периодической

корректировке которого партийно-государственный аппарат приступал с учетом конъюнктуры складывавшейся внутригосударственной и международной обстановки.

Рубежом, отделившим декларативный период в социальном развитие советского государства от его конструктивного этапа явился 1953 г. После смерти И.В. Сталина лидеры КПСС Н.С. Хрущев и Г.М. Маленков предприняли попытку переориентации приоритетов в развитии народного хозяйства страны с первоочередной роли предприятий группы «А» на ускоренное развитие предприятий группы «Б». Эти решения вселили надежду на скорейшее социально-экономическое обновление. Вспоминая о событиях этого времени, А.И. Микоян написал: «В 1953 г. Хрущев первым выступил на Пленуме о мерах для облегчения положения крестьян и о сельском хозяйстве вообще. И очень хорошо, правильно выступил, подняв давно назревшие проблемы. Конечно, большинство в Президиуме ЦК его поддержало. Это была его несомненная заслуга. Но потом на Верховном Совете с этим же выступил Председатель Совета Министров Маленков» [Микоян, 1999, с. 487].

О необходимости существенных изменений в жизни населения в послесталинский период, говорится в работе М.С. Горбачева: «В 50-х годах после суровых лет войны и восстановления приступил к работе. <…> Целые дни проводил в мастерских, на фермах, в бригадах – положение ужасающее, бедность и разорение полное. <…> Люди заслуживают лучшей жизни – это то, что все больше волновало меня» [Горбачев, 1995, с. 81]. Об ожидании общества качественных изменений и наметившихся переменах можно сделать вывод на основании других мемуарных источников. А.И. Аджубей отмечает: «К середине 50-х годов страна набирала иной, чем прежде, темп развития, входили в практику не только масштабные проекты, но непрерывно обновлялась и повседневная жизнь» [Аджубей, 1989, с. 117].

Актуальным являлся вопрос об абсолютизации социальной сферы в развитии советского государства, об обоснованности утверждения о приоритетности решения назревших социальных проблем в деятельности политических органов, общественных организаций и хозяйственных структур. Необходимо отметить, что аналогичное общественное состояние может быть достигнуто на основе максимального развития материально-технической базы, после завершения индустриального этапа в эволюции человечества и формирования высокопроизводительной промышленной сферы. С учетом такого вывода, построение идеального, социально совершенного государства, представляется отдаленной перспективой.

Исследование социально-экономических процессов позволяет констатировать, что при сосредоточении в руках государства основных средств производства, плановой экономике, максимальной концентрации трудового потенциала на решении важнейших народнохозяйственных вопросов, заинтересованности населения, выражавшейся в распространении социалистического соревнования, движении рационализаторов и изобретателей, при высоком удельном весе безвозмездного труда, достижение паритетного состояния производственных отраслей и социальной сферы становилось вполне реальным. Это позволяло приступить к осуществлению в общегосударственном масштабе социально важных проектов, к которым относились обеспечение населения благоустроенным жильем, пассажирским транспортом, качественным медицинским обслуживанием, дошкольными учреждениями и другими социально значимыми объектами.

Дискуссионным остается вопрос о возможности планового хозяйства полностью удовлетворять возраставшие потребительские запросы населения. Государственный сектор экономики, ориентированный на массовое производство, обеспечивал выпуск товаров для населения только незначительного ассортимента. Регулярное обновление товаров повседневного спроса и длительного пользования становилось возможным при условии регулярного обновления технологического оборудования, машин, механизмов, специальных приборов, использования новых типов материалов. Крупные фабрики и заводы, ориентировавшиеся на создание больших партий потребительских товаров, не обладали производственной гибкостью и мобильностью для своевременного обновления выпускавшихся товаров, не соответствовали изменявшимся запросам потребительского рынка. Обеспечить выпуск небольших по объему, но пользовавшихся спросом у населения товаров, и организовать оказание гражданам качественных повседневных услуг, могли немногочисленные по составу работников предприятия, заинтересованные в соответствии потребностям внутреннего рынка.

Статистические материалы свидетельствуют, что производство средств производства в РСФСР за период с 1980 г. по 1989 г. выросло с 408,1 до 602,1 млрд. руб., т. е. на 47 %; производство предметов потребления с 230,0 до 350,6 млрд. руб., т.е. на 51 %; производство товаров народного потребления со 155,0 до 225,0 млрд. руб., т.е. на 41 %. Отсутствие существенного роста объемов капиталовложений в отрасли экономики, формировавших внутренний рынок товаров для населения, повлияло на состояние потребительской сферы. Намеченные двенадцатым пятилетним планом мероприятия по социальной переориентации экономики, не позволили получить весомых результатов. Удельный вес предметов потребления составлял только около 1/3 совокупного общественного продукта[1].

На протяжении 1980-х гг. структура распределения капитальных вложений по отраслям народного хозяйства РСФСР практически не изменилась. Основной объем капиталовложений направлялся в топливно-энергетический комплекс, на долю которого даже в 1989 г. приходилось 17,8% общего объема капиталовложений, против 15,7% в 1985 г., в добывающие отрасли. Удельный вес капитальных вложений, направленных в непроизводственную сферу государства, вырос всего лишь с 27,5% в 1985 г. до 28,3% в 1989 г.[2].

Стремление партийно-государственного аппарата сформировать устойчивое мнение об эффективном решении важнейших социальных проектов, с одной стороны, и отсутствие финансовых возможностей для их практической реализации, с другой, сопровождались усилением морально-психологических критериев в определении состояния социальной сферы советского государства и уровня жизни народа. Это приводило к идеализации достижений советского государства, базировавшейся на уверенности в исключительности сформировавшегося социалистического общества.

Не менее важным для понимания сущности социальных процессов советского времени являлось обсуждение концепции о триединой основе социальной структуры населения, включавшей рабочих, крестьян и интеллигенцию. В обозначенной формулировке проявлялось следование марксистско-ленинской теории о ведущей роли рабочего класса, о чем свидетельствовали научные выводы исследователей [5, 6, 11-13, 18, 20-22]. Обозначенный подход изначально устанавливал прерогативу пролетариата и отводил второстепенные роли крестьянству и интеллигенции. В действительности, социально-классовая классификация советского общества являлась более многообразной [Грибакина, 1992]. Встречались работники, получившие специальное средне или высшее образование, и продолжавшие трудиться на рабочих должностях. Разноплановой по внутренней организации выглядела интеллигенция, включавшая в свой состав сотрудников научных, образовательных, культурно-развлекательных учреждений, ИТР. Стремление партийно-государственного аппарата сохранить и нормативно закрепить на практике идеологическое положение о пролетарском характере советского государства и социальной основе коммунистической партии в лице рабочего класса, в условиях эволюции советской государственной системы не отвечало реалиям практической жизни [1, 3, 4, 7, 10, 16, 23, 24]. Вне официально признанной социальной структуры общества оказывались многочисленные группы населения, к которым относились студенты, военнослужащие, мигранты, эмигранты и реэмигранты, осужденные [Перцев, 2010, с. 45].

Анализ соответствия социалистического государства положениям марксистской теории оказывается невозможным без установления реальности формирования социально однородного общества, с равными материальными возможностями граждан, на основе абсолютизации принцип, связанного с уравнительностью материальных потребностей населения. С учетом идеологических обоснований социалистического общества, заключавшихся в установках «от каждого по способности – каждому по труду» и «определенной трудовой деятельности – соответствующая оплата», изучения партийно-государственных решений, предусматривавших дифференцированную оплату труда в соответствии с его интенсивностью, сложностью, и общественной значимостью, можно сказать о нереальности с помощью административно-политических методов обеспечить и проконтролировать

[1] Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Статистический ежегодник. М., 1990. С. 12-13;
[2] Там же. С. 13-14.

пропорциональное повышение уровня жизни всех групп населения [Шевяков, 2001, с. 72]. Более высокими были доходы у рабочих ведущих отраслей промышленности, работников, должностные обязанности которых предусматривали выполнение ключевых административных и координирующих функций на важных народнохозяйственных объекта, у специалистов, работа которых была связана со сложными и опасными условиями труда, представителей партийно-государственного аппарата, на которых распространялись дополнительные льготы и привилегии. Сложилась сложная система стимулирующих выплат и государственных гарантий для лиц, трудовая деятельность которых осуществлялась в отдаленных районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, для иных групп.

Повышенные доходы получали граждане с помощью неофициальных, зачастую криминальных, способов. Формировался неформальный слой «теневиков», с более высоким уровнем доходов, чем у основного состава населения. Следовательно, советское общество нельзя считать социально однородным с уравнительными возможностями в обеспечении необходимых жизненных условий. Из этого вывода следует, что потребительские запросы граждан также существенно отличались. В соответствии с постулатом марксистской философии, предусматривающим «рост потребностей населения пропорционально укреплению их материального положения» [Рутгайзер, 1989, с. 84], можно предположить, что сохранявшиеся общественно-политические ограничения, не устраивали формировавшийся «советский олигархический слой». Его участники пытались максимально реализовать возросшие материальные возможности, приобрести предметы роскоши, драгоценности, товары импортного производства, благоустроенное жилье, индивидуальный транспорт. Можно предположить, что по мере приближения к идеологически обоснованной цели социалистического строительства – формированию нового типа общественных отношений – не сглаживались, а, напротив, обострялись имущественные противоречия.

В начале 1990-х гг. появилась точка зрения, согласно которой экономические преступления, воровство, «теневая экономика», «фарцовка» являлись неформальным свидетельством несогласия общества с деятельностью органов государственной власти и управления, выступали специфической формой социального протеста. Меры, расценивавшиеся государственными органами в качестве преступной деятельности, так как они нарушали декларированные обществом правила и нормы поведения, имели личностный характер. Совершались они индивидуально, или группой лиц, однако конечной целью являлось достижения субъективного благополучия отдельного человека или семьи. Сформировавшаяся система фиксации результатов социально-экономической деятельности общества, включала среднестатистическую заработную плату, единую систему ценообразования, регулируемые потребительские цены на продукты питания и товары народного потребления. С помощью рекрутивной политики государственных финансовых органов принудительно нивелировалась накопленная населением денежная масса.

Предприимчивых граждан, сумевших организовать производство необходимых для населения товаров, или оказывавших, не фиксировавшиеся государственными органами, бытовые услуги, можно рассматривать в качестве лидеров процесса разгосударствления. В связи с отсутствием частной собственности на средства производства и официально узаконенных способов предпринимательства, аналогичные поступки выступали в качестве разновидностей преступной деятельности, так как сырье, оборудование, машины и механизмы, использовавшиеся для выпуска дополнительной продукции, являлись собственностью государства. Формой скрытого социального протеста представляется возможным расценивать приоритетное стремление населения приобретать модные импортные товары, более качественную зарубежную радиоаппаратуру и телеаппаратуру, следовать зарубежным аналогам в культурно-развлекательных мероприятиях. В качестве открытой формы социального протеста расцениваются события, произошедшие в г. Новочеркасске Ростовской области 1-2 июня 1962 г.

На протяжении исследуемого периода проявлялось несоответствие между общественно-политическими установками и практикой развития общества. Монопольная роль партийного аппарата в выработке идеологической концепции советского общества и наличие специального аппарата, главной обязанностью которого являлось недопущение

многообразия взглядов и подходов в оценке достижений советского государства, сглаживало и ретушировало наличие аналогичных расхождений. Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., вследствие начавшихся перестроечных процессов и наметившегося отхода от традиционных оценок достижений советского государства, скрывавшиеся противоречия стали достоянием общества. С учетом такой двойственности, на наш взгляд, должна вырабатываться историческая концепция социального развития анализируемого исторического периода.

Список литературы
References

1. Авраамова Е.М. 2002. Формирование среднего класса в России: определение, методология, количественные оценки. Общественные науки и современность, 1: 17-24.

Avraamova E.M. 2002. Formirovanie srednego klassa v Rossii: opredelenie, metodologiya, kolichestvennye otsenki. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1: 17-24. (in Russian)

2. Аджубей А.И. 1989. Те десять лет. М., Советская Россия, 336.

Adzhubey A.I. 1989. Te desyat' let. M., Sovetskaya Rossiya, 336. (in Russian)

3. Александрова О.А. 2002. Российский средний класс: идейный контекст становления. Общественные науки и современность, 1: 25-33.

Aleksandrova O.A. 2002. Rossiyskiy sredniy klass: ideynyy kontekst stanovleniya. Obshchestvennye nauki i sovremennost', 1: 25-33. (in Russian)

4. Беляева Л.А. 2001. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., Academia, 183.

Belyaeva L.A. 2001. Sotsial'naya stratifikatsiya i sredniy klass v Rossii: 10 let postsovetskogo razvitiya. M., Academia, 183. (in Russian)

5. Богомолова Т.Ю. и др. 1992. Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск, ИЭиОПП СО РАН, 192.

Bogomolova T.Yu. i dr. 1992. Sotsial'naya struktura: neravenstvo v material'nom blagosostoyanii. Novosibirsk, IEiOPP SO RAN, 192. (in Russian)

6. Галкин А.А. 1998. Тенденции изменения социальной структуры. Социс, 10: 3-12.

Galkin A.A. 1998. Tendentsii izmeneniya sotsial'noy struktury. Sotsis, 10: 3-12. (in Russian)

7. Гидденс Э. 1992. Стратификация и классовая структура. Социс, 9: 112-123.

Giddens E. 1992. Stratifikatsiya i klassovaya struktura. Sotsis, 9: 112-123. (in Russian)

8. Горбачев М.С. 1995. Жизнь и реформы. В 2-х кн. Кн. 1. М., АО «Издательство «Новости»», 600.

Gorbachev M.S. 1995. Zhizn' i reformy. V 2-kh kn. Kn. 1. M., AO «Izdatel'stvo «Novosti»», 600. (in Russian)

9. Грибакина Э.Н. 1992. Социальная сфера общества, ее специфика (классообразующий срез). Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 179.

Gribakina E.N. 1992. Sotsial'naya sfera obshchestva, ee spetsifika (klassoobrazuyushchiy srez). Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 179. (in Russian)

10.Заславская Т.И. 2001. Социоструктурный аспект трансформации российского общества. Социс, 8: 3-11.

Zaslavskaya T.I. 2001. Sotsiostrukturnyy aspekt transformatsii rossiyskogo obshchestva. Sotsis, 8: 3-11. (in Russian)

11.Ильин В.И. 1996. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского общества. Сыктывкар, Изд-во СГУ, 349.

Il'in V.I. 1996. Gosudarstvo i sotsial'naya stratifikatsiya sovetskogo i postsovetskogo obshchestva. Syktyvkar, Izd-vo SGU, 349. (in Russian)

12.Иноземцев В.Л. 2000. Прошлое, настоящее и будущее классового общества (попытка нетрадиционной оценки). Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика, 5: 24-31.

Inozemtsev B.JI. 2000. Proshloe, nastoyashchee i budushchee klassovogo obshchestva (popytka netraditsionnoy otsenki). Vest. Mosk. un-ta. Ser. b. Ekonomika, 5: 24-31. (in Russian)

13.Кугель С.А. 1963. Закономерности изменения социальной структуры при переходе к коммунизму. М., Экономиздат, 134.

Kugel' S.A. 1963. Zakonomernosti izmeneniya sotsial'noy struktury pri perekhode k kommunizmu. M., Ekonomizdat, 134.

14.Микоян А.И. 1999. Так было. М., Вагриус. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/index.html. (дата обращения: 26.08.2016).

Mikoyan A.I. 1999. Tak bylo. M., Vagrius. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/index.html. (data obrashcheniya: 26.08.2016).

15.Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Статистический ежегодник. 1990. М., Республиканский информационно-издательский центр, 676.

Narodnoe khozyaystvo RSFSR v 1989 g.: Statisticheskiy ezhegodnik. 1990. M., Respublikanskiy informatsionno-izdatel'skiy tsentr, 676. (in Russian)

16.Наумова Т.В. 1999. Становление среднего класса в реформируемой России. Социально-гуманитарные знания. 4: 36-44.

Naumova T.V. 1999. Stanovlenie srednego klassa v reformiruemoy Rossii. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 4: 36-44. (in Russian)

17.Перцев В.А. 2010. Реэмиграция и репатриация в СССР в 1950-1960-е годы (На материалах Центрального Черноземья). Вестник Воронежского государственного университета, Серия: История. Политология. Социология, 1: 42-51.

Pertsev V.A. 2010. Reemigratsiya i repatriatsiya v SSSR v 1950-1960-e gody (Na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya). Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya, 1: 42-51. (in Russian)

18.Радаев В.В., Шкаратан О.И. 1996. Социальная стратификация. М., Аспект Пресс, 318.

Radaev V.V., Shkaratan O.I. 1996. Sotsial'naya stratifikatsiya. M., Aspekt Press, 318. (in Russian)

19.Рутгайзер В.М. 1989. Социальная сфера: проблемы планирования. М., Экономика, 238.

Rutgayzer V.M. 1989. Sotsial'naya sfera: problemy planirovaniya. M., Ekonomika, 238. (in Russian)

20.Руткевич М.Н. 1982. Развитие социально-классовой структуры советского общества. М., Знание, 63.

Rutkevich M.N. 1982. Razvitie sotsial'no-klassovoy struktury sovetskogo obshchestva. M., Znanie, 63. (in Russian)

21.Руткевич М.Н. 1987. Совершенствование социальных отношений в советском обществе. М., Знание, 47.

Rutkevich M.N. 1987. Sovershenstvovanie sotsial'nykh otnosheniy v sovetskom obshchestve. M., Znanie, 47. (in Russian)

22.Самсонов В.В. 1991. Организация сельского быта в СССР: историко-социологический аспект. Саратов, Изд-во Сарат. ун-та, 132.

Samsonov V.V. 1991. Organizatsiya sel'skogo byta v SSSR: istoriko-sotsiologicheskiy aspekt. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 132. (in Russian)

23.Стариков Е.Н. 1995. Социальная структура переходного общества: «горизонтальный срез». Полис, 5: 97-105.

Starikov E.N. 1995. Sotsial'naya struktura perekhodnogo obshchestva: «gorizontal'nyy srez». Polis, 5: 97-105. (in Russian)

24.Тихонова Н.Е. 1999. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., РОССПЭН, 320.

Tikhonova N.E. 1999. Faktory sotsial'noy stratifikatsii v usloviyakh perekhoda k rynochnoy ekonomike. M., ROSSPEN, 320. (in Russian)

25.Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. 2001. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России: методы измерений и анализ причинных зависимостей. М., Изд-во РПЭИ, 84.

Shevyakov A.Yu., Kiruta A.Ya. 2001. Ekonomicheskoe neravenstvo, uroven' zhizni i bednost' naseleniya Rossii: metody izmereniy i analiz prichinnykh zavisimostey. M., Izd-vo RPEI, 84. (in Russian)

26.Kedrovskaja L.G. 1979. Das staatliche System für wissenschaftlich-technische Information: Struktur und Grundsätze der Gestaltung. Übers. aus dem Russ. durch das Zentralinst. für Inform. u. Dokumentation der DDR. Berlin, Zentralinst. für Inform. u. Dokumentation der DDR, 37.

27.Luchterhandt G., Ryshenkow S., Kusmin A. 1999. Politik und Kultur in der russischen Provinz: Nowgorod-Woronesh-Saratow-Jekaterinburg. Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen; Internationales Institut für Geisteswissenschaftliche und Politische Studien, Moskau. Bremen, Ed. Temmen, Veröffentlichungen zur Kultur und Gesellschaft im östlichen Europa, Herausgegeben von Wolfgang Eichwede, 7, 240.

28.Malte Rolf. 2006. Das Sowjetische Massenfest. Hamburger Edition, Hamburg, 454.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 322
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-165-175

ЦЕРКОВЬ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: ОТ «РУССКОГО МИРА» К ГЛОБАЛИЗАЦИИ

THE CHURCH AND THE FOREIGN POLICY: FROM "RUSSIAN WORLD" TO THE GLOBALIZATION

Р.Н. Лункин
R.N. Lunkin

Институт Европы Российской академии наук, Россия, 125993, Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3

Institute of Europe Russian Academy of Sciences, 11-3B, Mokhovaya street, Moscow, 125993, Russia

E-mail: romanlunkin@gmail.com

Аннотация
По мере роста угроз безопасности в Европе и миграционных вызовов стала более остро осознаваться проблема сохранения христианской идентичности европейского континента, в том числе через защиту христиан на Ближнем Востоке. Одновременно обострились отношения России и Запада. Российское православие предложило свой ответ на глобальные вызовы. Автор проанализировал роль РПЦ и эффективность использования ее потенциала в рамках внешней политики России. В статье используются методы исторического и социологического анализа выступлений и действий представителей Русской Церкви и органов государственной власти. Автор отмечает, что на постсоветском пространстве РПЦ стала символом консолидации русскоязычного населения и успешного сотрудничества с местными властями. Автор рассматривает эволюцию роли РПЦ от концепции «русской цивилизации» до «русского мира» и осознания роли РПЦ в рамках глобального православия. Во внешнеполитической линии России конца 1990-х — начала 2000-х годов православный фактор был особенно заметен в рамках взаимодействия с Содружеством независимых государств. В 2010-е годы стремление государства сделать Церковь одним из идеологических инструментов в отстаивании прав христиан на Ближнем Востоке и в борьбе против международного терроризма стало сочетаться с противоречивым восприятием РПЦ на постсоветском пространстве. После 2014 года украинский кризис поставил под угрозу прежние достижения Церкви и будущее ее подразделений в целом в республиках бывшего СССР. Автор делает вывод, что Русская Церковь была вынуждена пересмотреть свое видение «русского мира», а новая роль православия в глобальном мире сделала РПЦ более демократичной.

Abstract
With the raising of the security dangers in Europe and the challenges of the migration the problem of saving the Christian identity of the continent was recognized as more actual and sharp. As well as the problem of the discrimination of Christians in the Middle East. Russian Orthodoxy suggested it's own response on the global challenges. The author analyzed the role of the Russian Orthodox Church (ROC) and the effectiveness of using of the ROC potential in the foreign policy of Russia. The methods of the historical and sociological analysis of the public declarations and actions of the representatives of the ROC and the state officials were used in present article. The author pointed that on the post-Soviet space the Russian Church became the symbol of consolidation of the Russian speaking population and of the successful partnership with the local authorities in the national states. The author described the evolution of ROC

role from the concept of "Russian civilization" to the "Russian world" and the awareness of the ROC role in the global Orthodoxy. In the general line in foreign policy of Russia in the end of 1990s and the beginning of 2000s the Orthodox factor was especially marked in the relationship of Russia with the countries of the Commonwealth of independent states. In 2010s the attempts of the Russian state to make the Church one of the ideological instruments in defending of the rights of Christians in the Middle East and in the countering with the international terrorism was overlapped with the contradictory perception of the ROC in the former Soviet Union. The Ukrainian crisis after 2014 put under threat the previous achievements of the Church and the future of ROC branches in general in post-Soviet countries. The author concluded that the Russian Church forced to revise the vision of the "Russian world" and began to work out the idea of the project of it's own Orthodox globalism.

Ключевые слова: религиозный фактор, православие, межконфессиональные отношения, Русская православная церковь, католицизм, Содружество независимых государств, постсоветское пространство, украинский кризис, политология религии.
Key words: religious factor, Orthodoxy, interconfessional relations, Russian Orthodox Church, Catholicism, Commonwealth of Independent States, former Soviet Union, Russian-Ukrainian crisis, political science of religion.

После распада Советского Союза Русская православная церковь (РПЦ) стала одним из первых общественных институтов, который предложил свой проект интеграции на евразийском пространстве. Патриарх Алексий II неоднократно подчеркивал, что РПЦ является единственной организацией, которая сохранила свое духовное, каноническое, административное единство в республиках бывшего СССР [«Единство Церкви – одна из наших главных забот», 2003]. Идеологическим основанием ведущей роли Церкви стали концепции «русской цивилизации», «восточнославянской цивилизации», «русского мира», основным автором которых являлся митрополит Калининградский и Смоленский Кирилл (с 2009 года – патриарх Кирилл) [Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VI ВРНС, 2002]. Становление национальных церквей, входящих в РПЦ, на евразийском пространстве привело к тому, что представление о русском мире стало постепенно меняться. В 2010-е годы повестка дня русского мира неожиданно вышла далеко за рамки границ бывших советских республик, а частично и за рамки евразийской проблематики. Трансформация восприятия русского мира оказалась связана с целым рядом факторов – от изменения внешнеполитической конъюнктуры до стремления РПЦ соблюдать политическую корректность в отношении руководства государств, соседствующих с Россией. Попробуем понять, как это повлияло на внешнеполитическую линию РПЦ и в целом на политическое мировоззрение Церкви. Безусловно, приведенный анализ сконцентрирован на восприятии РПЦ своей миссии в странах СНГ с акцентом на отношениях со славянскими республиками, но выработанная в итоге идеология напрямую касается позиции РПЦ в процессе евразийской интеграции. В статье применяется методы компаративного анализа и контент-анализа материалов, принятых в рамках социологического и политологического исследований. Деятельность Церкви рассматривается сквозь призму институционального подхода.

Церковные интересы и постсоветская интеграция

Основой общественно-политического мировоззрения РПЦ с распада СССР до конца 2000-х годов была идея «русской цивилизации». Эта же концепция была движущей силой внешней политики Русской Церкви, поскольку за международные контакты в РПЦ с 1989 по 2009 год отвечал глава Отдела внешних церковных связей (ОВЦС) митрополит Кирилл.

Идеологическим центром РПЦ был и остается Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС). ВРНС собирает политиков и православных активистов стран СНГ и русской диаспоры из разных стран с 1993 года (позиционирует себя как международная организация, создана по инициативе митрополита Кирилла, он же является главой ВРНС). Термин

«русская цивилизация» приобрела в церковных кругах сакральный, «парарелигиозный» смысл. Верность русской цивилизации осмысляется в качестве долга православного христианина. Важнейшая характеристика русской цивилизации – его жестко декларируемая этничность, особенно бросающаяся в глаза в условиях, когда нынешнее российское государство утверждает свою многонациональную природу [Филатов, 2006]. По словам митрополита Кирилла, «Мир скоро востребует свойственные русской цивилизации идеалы самоограничения, приоритета духовного над материальным, жертвенности и долга – над потребительством и эгоизмом, любви и справедливости – над "правом сильного". Востребует мир и российский опыт общежития разных культур и убеждений, разных религий. Русскому народу никогда не было свойственно стремление силой, хитростью или коварством переделывать другие нации" [Выступление митрополита Кирилла…, 2002: 77]. Во внешнеполитической сфере отличительными качествами «русской цивилизации» стало антизападничество, критика секуляризма, нивелирование ценностей прав человека и демократических институтов, выраженное в Декларации о правах и достоинстве человека [Декларация о правах и достоинстве человека X ВРНС, 2006].

Активизация деятельности ОВЦС приходится на начало 2000-х годов, но почва для этого взаимодействия создавалась митрополитом Кириллом и раньше. Сотрудничество Русской Церкви и МИД РФ в рамках реализации международной стратегии России, в отличие от советского времени, стало взаимовыгодным. Церковь стремилась закрепиться во внешнеполитической повестке с помощью целого ряда инициатив, которые выходили за рамки обычного для Церкви межхристианского сотрудничества. Основой для международного деятельности РПЦ стало объединение усилий традиционных религий и противостояние «западным ценностям», глобализации и правам человека в их либеральной интерпретации. Этой цели служила деятельность Всемирного саммита религиозных лидеров (проводился ежегодно с 2006 по 2011 гг.), собиравшегося по инициативе Межрелигиозного совета России (МСР, создан фактически по инициативе ОВЦС в 1998 году).

С 2003 года при участии митрополита Кирилла начался принципиально новый этап сотрудничества. Именно митрополит Кирилл предложил и развил ту программу действий, которая, в конце концов, сделала Церковь и церковную позицию в международных отношениях одним из важных политических факторов. Это позволило Церкви защищать свои интересы при помощи власти, но и государству более активно вовлекать РПЦ для выстраивания идеологического образа России за рубежом. В 2003 году была создана Рабочая группа по взаимодействию МИД России и Русской Православной Церкви, действующая до сих пор, и принят «Порядок взаимодействия Русской православной церкви и Министерства иностранных дел РФ».

Заявления МИД РФ говорят о том, что РПЦ стремилась использовать силу внешнеполитического ведомства в своих конкретных интересах. К примеру, антикатолическая кампания, проводимая РПЦ, была также поддержана на международном уровне. В 2001 году МИД РФ поддержал РПЦ в ответ на обращение депутатов Госдумы РФ об угрозе «экспансии католицизма» в России в связи с визитом папы Римского в Украину.

Одним из характерных черт «русского мира» должно было стать и укрепление православного славянского братства на постсоветском пространстве. В самом начале 2000-х фокус взаимодействия с РПЦ был направлен на страны СНГ - «развитие духовных и культурных связей Российского государства со странами-участницами Содружества Независимых Государств, а также защиты российских граждан и соотечественников за рубежом». То есть, в основном, сотрудничество касалось церквей, подчиненных РПЦ, в странах бывшего СССР и лишь иногда окормления русских в Африке или Латинской Америке, мероприятий в Совете Европы и т.д.

Речь министра иностранных дела РФ Игоря Иванова в 2004 году показательна для понимания предназначения православного фактора в глазах МИД РФ в отношениях России со странами СНГ тогда и после начала распада СНГ в 2009 году (выход Грузии): «Содружество своими границами почти совпадает с пределами канонической территории Московско-

го Патриархата. Для России СНГ — один из главных внешнеполитических приоритетов. Мы заинтересованы в том, чтобы нас окружал надежный пояс дружбы и добрососедства. Духовная общность существенно помогает нам в развитии сотрудничества с Молдавией, создает духовные основы для строительства Союзного государства с Белоруссией. Не сомневаюсь, что многовековые традиции дружбы и сотрудничества двух единоверных народов смогут сыграть весомую роль в деле восстановления дружественных отношений и взаимовыгодного партнерства с Грузией» [Выступление министра иностранных дел РФ И.С. Иванова на VIII ВРНС, 2004]. Соответственно, вопрос о духовной общности с Украиной в то время даже не ставился, так как это воспринималось в качестве самоочевидного факта.

Обращение к понятию «русский мир», объединяющему славянские православные народы, а также народы бывшего СССР, которые находятся в орбите русской культуры, потребовало наднационального подхода. Как отметил митрополит Кирилл на VIII ВРНС, церковь предпринимает усилия по консолидации всего русского мира, и это понятие уже не носит этнического характера [Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VIII ВРНС, 2004].

Укрепление приходов и духовных центров РПЦ в дальнем зарубежье было чрезвычайно важно для церковного руководства, и с самого начала это было бы трудновыполнимой задачей без участия государства. Большинство православных приходов представляют из себя небольшие бедные общины, состоящие из групп русских эмигрантов разных волн и лишь изредка новообращенных из числа местного населения. Укрепление этих приходов, реставрация старых и строительство новых храмов в дальнем зарубежье было связано с тем, что православие стало новым элементом во внешней политике государства, а РПЦ удалось добиться особого статуса своих храмов в разных странах мира.

Конкретным политическим содержанием концепция «русского мира» стала наполняться с 2007 года, когда был подписан Акт о каноническом общении Русской Православной Церкви Заграницей с Русской Православной Церковью Московского Патриархата. Президент Владимир Путин лично встречался с главами обеих Церквей (патриархом Алексием II и митрополитом Лавром), помогая преодолению разногласий и «курируя» этот процесс соединения условно «белой» и «красной» Церквей. Путин также присутствовал и на подписании Акта о каноническом общении, который назвал «событием поистине всенародного, исторического масштаба и огромного нравственного значения». По словам Путина, «Возрождение церковного единства - это важнейшее условие для восстановления утраченного единства всего "русского мира", одной из духовной основ которого всегда была православная вера» [Время собирать церкви, 2007].

Тема окормления русской диаспоры и распространения русской культуры стала ключевой на фоне повсеместного присутствия РПЦ в представительствах России за рубежом. Конкретную административную и финансовую поддержку Русская Церковь стала получать после 2009 года, когда патриархом был избран митрополит Кирилл (Гундяев). На посту главы ОВЦС его сменил ближайший сподвижник - интеллектуал, богослов и композитор, митрополит Иларион (Алфеев). Отношения МИД РФ и РПЦ стали более систематичными. Еще в 2005 году было подписано соглашение между МГИМО и РПЦ, в 2013 году между Общецерковной аспирантурой РПЦ и МГИМО. При посольствах стали создаваться часовни и домовые храмы, были достигнуты договоренности о распространении православной литературы в духовных центрах и дипломатических представительствах за рубежом. Развивается партнерство РПЦ с Фондом «Русский мир» и с Россотрудничеством. Например, только в течение 2015 года Россотрудничество совместно с РПЦ провело около 150 мероприятий в 54 странах дальнего зарубежья, а также порядка пятидесяти тематических мероприятий в странах СНГ и Балтии [Митрополит Иларион: возможность проведения Всеправославного собора вызывает сомнение, 2015].

Вопросы собственности стали важным элементом в церковно-государственных отношениях во внешнеполитической сфере. Еще в 2001 году митрополит Кирилл высказывал сожаление о том, что СССР отказалось от церковных зданий за рубежом: «К сожалению,

большая часть нашей зарубежной собственности ушла из юрисдикции России и Русской Православной Церкви. Ныне Церковь активно взаимодействует с МИДом, прилагая огромные усилия для того, чтобы преодолеть последствия преступного недомыслия эпохи государственного атеизма» [Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Религия и дипломатия», 2001]. В 2000-е годы усилиями Церкви и российских дипломатов удалось добиться регистрации Эстонской Православной Церкви Московского патриархата и были решены имущественные проблемы ЭПЦ МП. В ходе судебных процессов был передан в ведение РПЦ в 2009 году Успенский собор в Лондоне (Сурожская епархия), что привело к расколу и переходу части прихожан во главе с епископом Василием (Осборном) в Константинопольский патриархат. К РПЦ также по суду отошел собор в Ницце в 2011 году, в 2015 году началось строительство храма и культурного центра в Париже.

Таким образом, Русская Церковь получила от российского государства достаточно большую идеологическую, административную и финансовую поддержку. По существу именно светская власть помогла РПЦ ощутить свое присутствие на разных континентах, а патриарху Кириллу стать христианским деятелем международного масштаба (об этом говорят визиты главы РПЦ в Японию в 2012 году, в Китай в 2013 году, и яркий визит в Латинскую Америку в 2016 году после встречи с папой Франциском в Гаване). После 2009 года Церковь вынуждена была приспосабливаться к новой повестке дня отношений России с Евросоюзом и США, и к противоречивой роли России на постсоветском пространстве. В 2000-е годы глава ОВЦС говорил о двойных стандартах прав человека на Западе, которые обвиняют Россию в нарушении прав религиозных меньшинств, а сами не замечают притеснения русских в странах Балтии и на Западной Украине. Во время «оранжевой» революции 2004-2005 годов в Украине РПЦ, как и российская власть, поддерживала Виктора Януковича в противовес Виктору Ющенко. Став патриархом, Кирилл перестал использовать понятие «русская цивилизация» как связанное с этническими коннотациями и перешел к термину «восточнославянская цивилизация». В 2009 году на встрече с премьер-министром Украины Юлией Тимошенко патриарх Кирилл заявил: «Мы вместе составляем опору восточнославянской цивилизации. Это должно помогать нам выстраивать отношения по всем направлениям… обе страны объединяют общая религия, история и культура. Вместе с тем, что религиозный фактор не в полной мере вовлечен в сферу, которую можно характеризовать как отношения Украины и России… Для нас Киев - это Константинополь, это духовная столица русского православия… Я очень надеюсь, что найду в лице украинского правительства людей, которые понимают роль религиозного фактора». Глава РПЦ назвал отношения Украины и России «не периферийными, а центральной задачей» [Патриарх Кирилл – Юлии Тимошенко…, 2009].

На встрече с президентом Белоруссии Александром Лукашенко в 2012 году патриарх Кирилл также отмечал, что «Народы пошли по пути суверенной организации своей государственной жизни. И церковь с уважением относится к этому национальному выбору. Но это уважение она сопровождает усилиями, направленными на сохранение духовного культурного пространства той самой исторической Святой Руси». Глава РПЦ также особо подчеркнул: «Мы сегодня озабочены вопросами интеграции на постсоветском пространстве…. Церковь будет постоянно подчеркивать важность совместной жизни братских народов при всем уважении к суверенитетам стран и сделанному историческому выбору» [Патриарх Кирилл: Церковь поддерживает интеграционные процессы на постсоветском пространстве, 2012].

Интеграция постсоветского пространства при участии РПЦ является одной из первых и насущных задач Церкви, поскольку от этого зависит единство ее частей, которые де факто существуют самостоятельно в других государствах. В первые годы своего патриаршества Кирилл проявил себя как проповедник и дипломат, стремясь связать воедино Белоруссию, Молдавию и, в первую очередь, Украину (которую посещал до 2014 года чаще всего – 11 визитов с 2009 года, последний в июле 2013 года), и создавая новые епар-

хии в Центральной Азии. Показательно, что руководство Московской патриархии всегда подчеркивало, что признают государственный строй и суверенитет стран СНГ.

«Русский мир» после 2014 года

Российско-украинский кризис 2014 года показал, что Церковь не может во всем солидаризироваться с МИД России и способна занимать независимую позицию ради своих интересов. Прежде всего, ради сохранения своего единства с Украинской православной церковью (чуть меньше половины приходов Московского патриархата находится в Украине – около 12 тысяч, в России – более 16 тысяч [Состав и количество религиозных организаций, 2015; Доклад митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия, 2017]). Отношения с украинским православием обусловлены, в том числе, историческими особенностями его существования в рамках Константинопольского, а затем и Московского патриархатов. Сложность современной ситуации в том, что политическое руководство Украины и националистические движения поддерживают Киевский патриархат, возникший в начале 1990-х годов в качестве «национальной церкви» и альтернативы УПЦ.

На фоне межцерковных разногласий в Украине РПЦ публично не делала официальных заявлений по Донбассу, не признавала публично переход Крыма под власть России, не включилась в патриотические кампании в федеральной прессе, связанные с Украиной. В 2014 году патриарх одним из первых устанавливал контакты с и.о. президента Турчиновым и избранным президентом П. Порошенко. Глава РПЦ также пересмотрел идею «русского мира», заявив, что это культурное понятие, а не стремление возродить «советскую империю» (как часто оценивают «русский мир» в масс-медиа в Украине и других республиках бывшего СССР) [Лункин, 2015, с. 65-83].

Патриарх Кирилл лишил понимание «русского мира» прежних политических коннотаций. В программе «Слово пастыря» глава РПЦ отметил: «Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром. Русский мир — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. Русский мир — от киевской купели крещения. Русский мир — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами — и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную». По словам патриарха Кирилл, «Русский мир — это цивилизационное, а не политическое понятие, как бы кому ни хотелось его превратно истолковать» [Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир — особая цивилизация, 2014].

Однако попытки расширить понятие «русского мир» для того, чтобы и далее его можно было употреблять на пространстве СНГ, не привели к ожидаемому результату. 18 июля 2015 года патриарх Кирилл попытался разделить светское и церковное понимание русского мира, высказав недовольство тем, что это понятие может использоваться как внешнеполитическая доктрина России. Патриарх подчеркнул: «К сожалению, наши противники используют слова "Русский мир" как некий жупел, как пугало, заявляя, будто это некая доктрина, которая служит исключительно внешнеполитическим интересам Российской Федерации. Однако нет ничего более далекого от истины, чем отождествлять Русский мир исключительно с Российской Федерацией. Русский мир — это одновременно и Украинский мир, и Белорусский мир. Это мир всея Руси. Это мир, который создан через Крещение в Днепре, это мир князя Владимира, это система ценностей, которая проникла в культуру, в быт нашего народа». «Несмотря на то, что одно упоминание Русского мира уже стало на Украине, в рамках действующей политической доктрины, почти преступлением, мы будем продолжать — тихо, спокойно, но настойчиво — свидетельствовать об этой правде, о правде киевской купели Крещения, о создании нашими предками целой восточнославянской цивилизации, которую мы условно называем Русским миром», — заявил глава РПЦ [Святейший Патриарх Кирилл: «Нет ничего более далекого от истины…»].

После этих двух заявлений о русском мире патриарх перестал употреблять это понятие, потому что всегда отныне при упоминании русского мира необходимо делать соответствующие оговорки. В РПЦ осознали, что защита «русского мира» в выступлениях главы Церкви будет воспринята в Украине как отстаивание внешнеполитических интересов России.

Вынужденный отказ от концепции «русского мира» вывел на первый план более абстрактную глобальную миссию православия и Русской Церкви как флагмана мирового православия. Но на пути православной глобализации во главе с РПЦ стоят, по крайней мере, два конкурента. Дело в том, что роль мировой христианской церкви на международной арене уже исполняет Католическая церковь, а первенствующую роль в мире православных юрисдикций исторически играет в Евросоюзе и в значительной степени в США Константинопольский (Вселенский) патриархат. Во время подготовки Всеправославного собора 18-26 июня 2016 года произошло размежевание позиций РПЦ и Константинополя, в результате чего Московский патриархат с рядом других церквей отказался от участия в соборе. Отношения с Вселенским патриархатом оказались тесно связаны с украинским вопросом. По словам А.А. Красикова, «Апокалипсисом для РПЦ могло бы стать появление еще одной «сверхцеркви» – канонического Киевского патриархата, который поглотил бы другие православные институции Украины [Красиков, 2016. Вселенское и Русское православие…]. Таким образом, реализация амбиций РПЦ на то, чтобы возглавить «православную глобализацию», связана с целым рядом проблем и угроз и после 2014 года оказалась неосуществимой.

В противоположность сложным внутриправославным отношениям диалог с Ватиканом предоставил больше возможностей для РПЦ ощутить себя мировой христианской церковью. Как отмечают исследователи, «Высказывания католических и православных религиозных лидеров дают представление и об общности их подходов к важным проблемам современной жизни, и о близости предлагаемых решений, основанных на христианской системе ценностей. Сближает их и осознание себя самостоятельными субъектами мировой политики» [Яковлев, 2013, с. 26]. Глава ОВЦС митрополит Иларион с 2009 года активизировал сотрудничество с Католической церковью, основываясь на общих целях – противодействия секуляризации, потребительскому обществу, защиты прав христиан. Вытеснение христианского населения с Ближнего Востока в ходе сирийской войны стала поводом для возвращения РПЦ в повестку дня российской внешней политики. Тема войны с терроризмом и защиты христиан одновременно отвечала и интересам РПЦ, и линии МИД РФ.

Символом православной глобализации во главе с РПЦ стала встреча папы и патриарха 12 февраля 2016 года в Гаване (Куба). Встреча сделала патриарха христианским лидером глобального масштаба. Совместное заявление папы Франциска и патриарха Кирилла можно назвать большой внешнеполитической победой РПЦ [Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла, 2016]. Русской Церкви удалось решить целый ряд задач, выступая на равных с Ватиканом.

Во-первых, это призыв к миру на Ближнем Востоке и к защите христиан в том регионе, где активное участие принимают вооруженные силы РФ.

Во-вторых, это призыв к совместной борьбе с международным терроризмом и преодолению конфликтов, чтобы избежать «новой мировой войны».

В-третьих, осуждение нарушений прав христиан в рамках идеологии секуляризма, а также критика европейской интеграции.

В-четвертых, Католическая церковь де факто встала на сторону Московского патриархата в украинском вопросе. По крайней мере, именно так это было воспринято в Украине, прежде всего, греко-католиками. Положения, касающиеся мира в Украине, безусловно, были обращены к различным церквям в этой стране: греко-католикам был послан сигнал о необходимости сдерживать свою критику Украинской православной церкви (УПЦ МП) и РПЦ – в заявлении было отмечено, что «метод униатизма» неприемлем. После встречи в Гаване папа Франциск также подчеркивал необходимость соблюдать минские соглашения [Папа о встрече с Патриархом Кириллом, 2016].

Вступая на путь «глобальной миссии» руководство РПЦ осознало, что в международных делах ей не обойтись только своими силами. РПЦ стала активнее сотрудничать с Общиной св. Эгидия – это католическое движение известно своими миротворческими проектами и помощью христианам и в целом беженцам на Ближнем Востоке и других частях мира. Помощь украинским беженцам РПЦ также осуществляла, в том числе в сотрудничестве с американскими миссиями. В 2015 году ОВЦС и Ассоциация Билли Грэма в рамках программы «Samaritan's Purse» («Сума самарянина») вместе реализовывали проект «Гуманитарная благотворительная помощь пострадавшим в ходе вооруженного конфликта на востоке Украины на территории РФ».

Патриарх Кирилл благодаря, прежде всего, выстраиванию отношений с папой Римским на международном уровне, и сохранению статус кво в Украине, стал самым открытым по отношению к Западу российским общественным деятелем на фоне кризиса отношений России и Запада.

***

Развитие отношений РПЦ и государства в период 2000-х происходило в русле общего процесса возвращения православия в общественную сферу и роста доверия к Церкви после религиозного бума 1990-х годов. Православие остается символом сохранения этих традиций, ядром русской культуры, идентичности России как государства и как пространства русской культуры. Однако провозглашение этих ценностей может предполагать различную степень участия представителей РПЦ во внешнеполитических процессах, исходя из интересов самой Церкви.

Например, РПЦ не ассимилировала церковные структуры в Южной Осетии и Абхазии, не включила в свой состав и не признала независимую церковь в Абхазии после 2008 года, поскольку признает каноническую территорию Грузинской православной церкви. В Крыму приходы также остались частью Украинской православной церкви МП. РПЦ показала, что не устанавливает свою власть автоматически там, где есть российская. Церковь оказалась в сложном положении – следование политике властей, её оправдание (часто беспочвенное отождествление позиций РПЦ с государством) может отдалить церкви в республиках бывшего СССР от Московского патриархата или даже может привести к их отделению от РПЦ под давлением антироссийски настроенных властей (как это происходит в Украине). В Белоруссии президент А. Лукашенко уже ставил вопрос о создании самостоятельной национальной церкви [Зачем Лукашенко визит папы Римского, 2016], в Молдавии параллельно с Молдавской митрополией МП действует конкурирующая Бессарабская митрополия, как часть Румынского патриархата, которую РПЦ не признает. РПЦ приходится иметь дело с новой реальностью - единой славянской православной цивилизации не существует [Митрофанова, 2010].

Однако совсем не следовать внешнеполитическому курсу российского руководства РПЦ также не может. РПЦ также продолжает использовать потенциал МИД РФ для защиты Украинской церкви Московского патриархата от дискриминации в Украине. Уполномоченный МИД РФ по вопросам прав человека, демократии и верховенства права Константин Долгов, к примеру, осуждал рейдерские захваты храмов УПЦ в Украине, заявления Верховной Рады о создании единой УПЦ, законопроекты Рады, направленные против УПЦ.

Экстремальные условия украинского кризиса, выход РПЦ на международную арену после встречи патриарха и папы помогают руководству РПЦ отказаться от многих мифов - от самых крайних проявлений антизападной ксенофобии, нетерпимости к инославным внутри страны и критики демократии (что уже сделали практически все христианские церкви Европы). По мере развития темы прав человека (и защиты прав христиан как их части) во внешнеполитической сфере происходит смягчение позиций РПЦ по отношению к демократии и внутри России. К 2016 году произошла значительная эволюция – Церковь уже не отрицает необходимости прав человека, а после проповеди патриарха о «ереси человекопоклонничества» 20 марта 2016 года представители РПЦ (прежде всего,

глава ОВЦС митрополит Иларион) вынуждены были оправдываться по поводу того, что они имели в виду гуманизм, а совсем не права человека и демократию как таковые. Ранее представить себе такого рода оправдания было бы трудно. Взаимодействовать с Западом и быть представителем «православной цивилизации», противостоящей Западу – это явное противоречие [Казарян, 2016, с. 116]. «Глобальное православие» РПЦ уже намного более открыто и демократично, чем «русский мир» (его отличие от понимания и использования светскими политиками, что уже нанесло урон восприятию РПЦ на постсоветском пространстве, очевидно), и тем более, чем «русская цивилизация». «Новый образ» РПЦ явно более привлекателен для ее поместных церквей в национальных государствах.

Список литературы
References

1. Коныгина Н. 2007. Время собирать церкви. Российская газета. № 4367 (0) 18.05.2007. URL: https://rg.ru/2007/05/18/akt.html (дата обращения: 19.02.2018).

Konygina N. 2007. Vremja sobirat' cerkvi. Rossijskaja gazeta. № 4367 (0) 18.05.2007. URL: https://rg.ru/2007/05/18/akt.html (data obrashhenija: 19.02.2018).

2. Выступление митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VI Всемирном Русском Народном Соборе. Журнал Московской патриархии. 2002. 1.

Vystuplenie mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla na VI Vsemirnom Russkom Narodnom Sobore. Zhurnal Moskovskoj patriarhii. 2002. 1. (in Russian)

3. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации И.С. Иванова на VIII Всемирном Русском Народном Соборе, 03.02.2004. URL: https://vrns.ru/documents/61/1223 (дата обращения: 19.02.2018).

Vystuplenie ministra inostrannyh del Rossijskoj Federacii I.S. Ivanova na VIII Vsemirnom Russkom Narodnom Sobore, 03.02.2004. URL: https://vrns.ru/documents/61/1223 (data obrashhenija: 19.02.2018).

4. Декларация о правах и достоинстве человека. X ВРНС «Вера. Человек. Земля. Человек. Миссия России в XXI в.» (4-6.04.2006). URL: https://vrns.ru/documents/63/1179 (дата обращения: 19.02.2018).

Deklaracija o pravah i dostoinstve cheloveka. X VRNS «VERA. ChELOVEK. ZEMLJa. ChELOVEK. MISSIJa ROSSII V XXI VEKE» (4-6.04.2006). URL: https://vrns.ru/documents/63/1179 (data obrashhenija: 19.02.2018).

5. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на VIII ВРНС, 2004. VIII ВРНС «Россия и православный мир» (3-5.02.2004). URL: https://vrns.ru/documents/61/1222 (дата обращения: 19.02.2018).

Doklad mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla na VIII VRNS, 2004. VIII VRNS «Rossija i pravoslavnyj mir» (3-5.02.2004). URL: https://vrns.ru/documents/61/1222 (data obrashhenija: 19.02.2018).

6. Доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Религия и дипломатия» (Москва, 27-28 апреля 2001 года) 17.06.2001. URL: https://mospat.ru/archive/2001/06/nr106173/ (дата обращения: 31.10.2017).

Doklad mitropolita Smolenskogo i Kaliningradskogo Kirilla na konferencii «Religija i diplomatija» (Moskva, 27-28 aprelja 2001 goda.) 17.06.2001. URL: https://mospat.ru/archive/2001/06/nr106173/ (data obrashhenija: 31.10.2017).

7. Доклад митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (29 ноября – 2 декабря 2017 года). 30 ноября 2017. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5074040.html (дата обращения: 31.10.2017).

Doklad mitropolita Kievskogo i vseja Ukrainy Onufrija na Arhierejskom Sobore Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (29 nojabrja – 2 dekabrja 2017 goda). 30 nojabrja 2017. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5074040.html (data obrashhenija: 31.10.2017).

8. «Единство Церкви – одна из наших главных забот». Святейший Патриарх Алексий ответил на вопросы газеты «Известия». «Известия». 9 июня 2003 года. URL: https://iz.ru/news/277613 (дата обращения: 19.02.2018).

«Edinstvo Cerkvi – odna iz nashih glavnyh zabot». Svjatejshij Patriarh Aleksij otvetil na voprosy gazety «Izvestija». «Izvestija». 9 ijunja 2003 goda. URL: https://iz.ru/news/277613 (data obrashhenija: 19.02.2018).

9. Зачем Лукашенко визит папы Римского и независимая Церковь. Сентябрь 8, 2016. URL: http://www.odigitria.by/2016/09/08/zachem-lukashenko-vizit-papy-rimskogo-i-nezavisimaya-cerkov/ (дата обращения: 31.10.2017).

Zachem Lukashenko vizit papy Rimskogo i nezavisimaja Cerkov'. Sentjabr' 8, 2016. URL: http://www.odigitria.by/2016/09/08/zachem-lukashenko-vizit-papy-rimskogo-i-nezavisimaya-cerkov/ (data obrashhenija: 31.10.2017).

10. Казарян Н. 2016. Всеправославный собор: формирование новой православной геополитики. Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 34. 1.

Kazarjan N. 2016. Vsepravoslavnyj sobor: formirovanie novoj pravoslavnoj geopolitiki. Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom. T. 34. 1. (in Russian)

11 Красиков А.А. 2016. «Вселенское и Русское православие в поисках идентичности». Аналитическая записка № 29, (№ 59). URL: http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an59.pdf (дата обращения: 26.09.2016).

Krasikov A.A. 2016. «Vselenskoe i Russkoe pravoslavie v poiskah identichnosti». Analiticheskaja zapiska № 29, (№ 59). URL: http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/an59.pdf (data obrashhenija: 26.09.2016).

12. Красиков А.А. 2016. Икона и топор. Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М., ИЕ РАН. 5-25. (in Russian)

Krasikov A.A. 2016. Ikona i topor. Religioznye missii na obshhestvennoj arene: rossijskij i zarubezhnyj opyt. M., IE RAN. 5-25. (in Russian)

13. Лункин Р.Н. 2016. Церкви и политика в российско-украинском кризисе 2014-2015 годов. Религиозные миссии на общественной арене: российский и зарубежный опыт. М., ИЕ РАН.

Lunkin R.N. 2016. Cerkvi i politika v rossijsko-ukrainskom krizise 2014-2015 godov. Religioznye missii na obshhestvennoj arene: rossijskij i zarubezhnyj opyt. M., IE RAN.

14. Митрополит Иларион: возможность проведения Всеправославного собора вызывает сомнение. ОВЦС. 30.12.2015. URL: https://mospat.ru/ru/2015/12/30/news126496/ (дата обращения: 26.09.2016).

Mitropolit Ilarion: vozmozhnost' provedenija Vsepravoslavnogo sobora vyzyvaet somnenie. OVCS. 30.12.2015. URL: https://mospat.ru/ru/2015/12/30/news126496/ (data obrashhenija: 26.09.2016).

15. Митрофанова А.В. 2010. Международные славянские движения и интересы России. Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 4 (47): 226-233.

Mitrofanova A.V. 2010. Mezhdunarodnye slavjanskie dvizhenija i interesy Rossii. Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie. 4 (47): 226-233. (in Russian)

16. Папа о встрече с Патриархом Кириллом. Радио Ватикана. (in Russian)c] URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2016/02/19/ (дата обращения: 19.02.2018).

Papa o vstreche s Patriarhom Kirillom. Radio Vatikana. URL: http://ru.radiovaticana.va/news/2016/02/19/ (data obrashhenija: 19.02.2018).

17. Патриарх Кирилл – Юлии Тимошенко: «Мы составляем основу восточнославянской цивилизации», 29.04.2009. (in Russian)URL: http://www.religion.in.ua/news/vazhlivo/248-patriarx-kirill-yulii-timoshenko-my-sostavlyaem.html (дата обращения: 19.02.2018).

Patriarh Kirill – Julii Timoshenko: «My sostavljaem osnovu vostochnoslavjanskoj civilizacii», 29.04.2009. URL: http://www.religion.in.ua/news/vazhlivo/248-patriarx-kirill-yulii-timoshenko-my-sostavlyaem.html (data obrashhenija: 19.02.2018).

18. Патриарх Кирилл: Церковь поддерживает интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Русский век: портал российских соотечественников. 15.10.2012. URL: http://ruvek.info/?module=news&action=view&id=9935 (дата обращения: 19.02.2018).

Patriarh Kirill: Cerkov' podderzhivaet integracionnye processy na postsovetskom prostranstve. Russkij vek: portal rossijskih sootechestvennikov. 15.10.2012. URL: http://ruvek.info/?module=news&action=view&id=9935 (data obrashhenija: 19.02.2018).

19. Святейший Патриарх Кирилл: Русский мир — особая цивилизация, которую необходимо сберечь. Патриархия.Ru. 8 сентября 2014 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html (дата обращения: 19.02.2018).

Svjatejshij Patriarh Kirill: Russkij mir — osobaja civilizacija, kotoruju neobhodimo sberech'. Patriarhija.Ru. 8 sentjabrja 2014 g. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html (data obrashhenija: 19.02.2018).

20. Святейший Патриарх Кирилл: «Нет ничего более далекого от истины, чем отождествлять Русский мир исключительно с Российской Федерацией». Патриархия.Ru. 20 июля 2015 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4164499.html (дата обращения: 19.02.2018).

Svjatejshij Patriarh Kirill: «Net nichego bolee dalekogo ot istiny, chem otozhdestvljat' Russkij mir iskljuchitel'no s Rossijskoj Federaciej». Patriarhija.Ru. 20 ijulja 2015 g. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4164499.html (data obrashhenija: 19.02.2018).

21. Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. Патриархия.Ru. 13 февраля 2016 г. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html (дата обращения: 19.02.2018).

Sovmestnoe zajavlenie Papy Rimskogo Franciska i Svjatejshego Patriarha Kirilla. Patriarhija.Ru. 13 fevralja 2016 g. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html (data obrashhenija: 19.02.2018).

22. Состав и количество религиозных организаций, сведения о которых внесены в ведомственный реестр зарегистрированных в Российской Федерации некоммерческих организаций на 01.07.2015 года. Интерфакс-Религия. URL: http://www.interfax-religion.ru/?act=reference&div=98 (дата обращения: 19.02.2018).

Sostav i kolichestvo religioznyh organizacij, svedenija o kotoryh vneseny v vedomstvennyj reestr zaregistrirovannyh v Rossijskoj Federacii nekommercheskih organizacij na 01.07.2015 goda. Interfaks-Religija. http://www.interfax-religion.ru/?act=reference&div=98 (data obrashhenija: 19.02.2018).

23. Филатов С.Б. 2006. Русская Православная Церковь в поисках культурно-эстетического национального идеала. Русское Ревью Кестонского института № 13. Октябрь. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition13/02ROC.html (дата обращения: 19.02.2018).

Filatov S.B. 2006. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v poiskah kul'turno-jesteticheskogo nacional'nogo ideala. Russkoe Rev'ju Kestonskogo instituta № 13. Oktjabr'. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition13/02ROC.html (data obrashhenija: 19.02.2018).

24. Филатов С.Б. 2014. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. Монтаж и демонтаж секулярного мира / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. М., РОССПЭН. 9-41.

Filatov S.B. 2014. Russkoe pravoslavie, obshhestvo i vlast' vo vremena politicheskoj turbulentnosti. RPC posle oseni 2011 g. Montazh i demontazh sekuljarnogo mira / pod red. A. Malashenko i S. Filatova; Mosk. Centr Karnegi. M., ROSSPJeN. 9-41.

25. Яковлев А.И. 2013. Религиозный фактор в мировой политике в эпоху глобализации: от секуляризации к фундаментализму. Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 4. 4-38.

26. Jakovlev A.I. 2013. Religioznyj faktor v mirovoj politike v jepohu globalizacii: ot sekuljarizacii k fundamentalizmu. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 4: 4-38. (in Russian)

УДК 327.8(73):323.2(479.22)"2003/2004"
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-176-182

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ВЕДЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ДЖ. БУША НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

BASIC METHODS OF IMPLEMENTATION OF GEORGE BUSH'S INFORMATION POLICY IN THE FORMER SOVIET UNION

К.Н. Лобанов, Л.Ю. Медовкина
K.N. Lobanov, L.J. Medovkina

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71
Донецкий национальный университет,
Украина, 83001, Донецк, ул. Университетская, 24

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
71 Gorkogo St., Belgorod, 308024, Russia
Donetsk National University, 24 University St., Donetsk, 83001, Ukraine

E-mail: lobanov-pol@yandex.ru, MedovkinaL@gmail.com

Аннотация
Статья посвящена особенностям информационной политики Дж. Буша во время грузинской революции 2003 года. Проанализированы манипуляционные методы, применявшиеся для возникновения «цветной революции», выявлены особенности деятельности неправительственных организаций в сфере продвижения демократии. В статье выяснены особенности методов воздействия на гражданское общество, а именно, привлечение значительных объемов денежных средств, приглашения консультантов для обучения местных организаторов свержения власти. Установлено, что Запад формировал новый, демократически настроенный электорат и осуществлял контроль над проведением выборов в Грузии. В результате проведенного анализа, сделаны выводы, что политика «демократизации» за пределами США является важной частью неоконсервативной модели создания международного порядка ценностей, соответствующих американской модели поведения. Содействие «цветным революциям», является проявлением «мягкой силы» США.

Abstract
The article dwells upon the peculiarities of the information policy of George W. Bush during the Georgian revolution in 2003. The manipulation methods used for outbreaking of the "color revolution" were analyzed. The peculiarities of the activities of non-governmental organizations in promoting democracy were revealed. The article clarifies the peculiarities of methods of influencing on civil society with the help of attracting significant amounts of money, inviting consultants to train local organizers of the government's overthrow. It was found out that the West has formed a new, democratically-minded voters and handled the elections in Georgia. As a result of the analysis, it was concluded that the policy of "democratization" outside the United States is an important part of the neo-conservative model of creating an international order of values corresponding to the American model of behavior. The promotion of "color revolutions" is a manifestation of the "soft power" of the United States.

Ключевые слова: США, Грузия, цветная революция, неправительственные организации, СМИ
Key words: USA, Georgia, color revolution, non-governmental organizations, media

Администрация Джорджа Буша-младшего, как и административный аппарат его предшественников, стремилась защищать идеалы демократии по всему миру. После развала Советского Союза в самом сердце Евразии образовались новые независимые государства. Для Соединенных Штатов они могли представлять угрозу – существовала веро-

ятность того, что эти страны вернутся к социализму или вновь объединятся в какой-либо враждебный для США блок. Запад решил предотвратить такое развитие событий и «создать» лояльные правительства на территории стран постсоветского пространства. Эти процессы вошли в историю как «цветные революции».

Грузинская революция ноября 2003 года стала первой из так называемых «цветных революций» на постсоветском пространстве. Несомненно, этот процесс был инициирован и полностью проконтролирован Западом. В данной работе рассматриваются методы информационной политики, которые использовались в ходе подготовки и проведения выборов президента М. Саакашвили.

Актуальность выбранной темы состоит в том, что феномен «цветных революций» до сих пор существует и практикуется Западом. Важно понимать, какие манипулятивные методы применялись в прошлом, чтобы суметь спрогнозировать новые очаги возникновения «цветных революций» в наше время.

Объектом настоящего исследования является специфика информационной политики Дж. Буша.

Предметом исследования выступают методы ведения информационной политики на постсоветском пространстве.

Цель работы состоит в том, чтобы выделить основные методы ведения информационной политики Дж. Буша на постсоветском пространстве на примере Грузии и составить общее представление о модели проведения «цветных революций».

Для достижения цели исследования необходимо выполнить следующие задачи:

- выяснить, что заключает в себе понятие «мягкая сила» и какова ее роль в проведении «цветной революции»;
- описать методы информационной политики, которые использовала администрация Дж. Буша для подготовки грузинской революции;
- обозначить основные источники финансирования проведения информационных кампаний;
- охарактеризовать изменения в информационной политики Дж. Буша в Грузии после проведения революции.

Научная новизна исследования заключается в том, что сегодня развернулась острая борьба геополитических конкурентов России и США за влияние на постсоветском пространстве и все чаще такое противостояние происходит в информационной сфере.

При подготовке научной статьи использованы актуальные электронные ресурсы, которые описывают современную действительность. Были проанализированы работы авторов, которые изучают приоритеты США постсоветском пространстве. Особое внимание в работе уделено анализу переговоров и интервью политических деятелей, глав государств.

При написании работы использовались такие методы исследования как аналитический, системный, исторический, сравнительный, а также представлены методы познания социально–экономических и социально–политических процессов. К тому же, анализ последних исследований показал, что, несмотря на достаточно веское обоснование роли и направление развития геополитических устремлений США и России на территории постсоветского пространства, применение методологических и практических подходов к познанию сущности темы, еще требует дальнейшего исследования проблемы определения соотношений, приоритетности, места постсоветского пространства (стран входящих в его состав) в условиях современной международной системы.

Сторонники продвижения демократии широко использовали идеи и методы ведения протестов, сформулированные Джином Шарпом в работе «От диктатуры к демократии» [Sharp, Sharp2003]. В каждой «цветной революции» присутствовала моральная и финансовая поддержка извне, особенно со стороны западных фондов, поддерживающих демократические институты и процессы. Западная форма «мягкой» политической силы использовалась для подрыва определенных режимов. Эта политика основана на идеях таких писателей, как Джозеф Най, выступавших за переход от использования военной силы и принуждения к поощрению внутренних изменений посредством манипулирования понятиями и ценностями граждан [Nye, 2004].

Следует отметить, что «притягательными» могут быть политические ценности (демократия, свобода, справедливость), предметы культуры (поп-музыка, искусство) и потребительские товары (еда из «Макдональдса», мобильные телефоны и т.д.). Главной же стратегией для популяризации изменений внутри страны является манипулирование понятиями и ценностями граждан. Страны, которые получают преимущество от применения «мягкой силы», в своей политике исповедуют глобальный либерализм, плюрализм и автономию. Авторитет этих государств усиливается благодаря внутренней и международной деятельности. Такое определение силы дает значительное преимущество Соединенным Штатам и Европе [Nye, 2002]. С этой точки зрения внешняя политика включает в себя поддержку объединений гражданского общества мирными и законными средствами, смену режима в авторитарных государствах. Данной практики американские администрации придерживались годами.

Политика «демократизации» за пределами США является важной частью неоконсервативной модели создания международного порядка ценностей, соответствующих американской модели поведения. Содействие «цветным революциям», которые противостоят якобы незаконным выборам в авторитарных государствах, является проявлением «мягкой силы». В отличие от «Революции гвоздик» в Португалии 1974 года, которая была левоориентированной и защищала не только демократическое реформирование, но и национализацию собственности, «цветные революции» были право-ориентированными. Митингующие требовали свободы, права на частную собственность, рыночные механизмы и противодействовали государственному регулированию. Более того, они выступали за поддержку вхождения в западные альянсы такие, как НАТО и Европейский союз (ЕС) [Lane, 2009].

Такая поддержка и была результатом применения «мягкой силы», которая годами внедрялась в странах постсоветского пространства. Суть этой силы заключалась в формировании положительного образа западных стран и демократии в целом. Данный метод использовался с целью создания плацдарма для революций и доказал свою эффективность.

Одним из первых предвестников предстоящей революции в Грузии можно считать визит в Тбилиси с 4 по 5 июля 2003 года бывшего госсекретаря США Джеймса Бейкера, действующего имени президента Дж. Буша. Основной задачей миссии было обсуждение с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе путей проведения политических и экономических реформ в Грузии через свободные и справедливые парламентские выборы, которые намечались на осень 2003 года. Дж. Бейкер также обсудил с президентом сотрудничество США и Грузии по проблеме борьбы с терроризмом и другие вопросы безопасности. Миссия Дж. Бейкера отразила готовность Соединенных Штатов сотрудничать «со всеми гражданами Грузии, которые приветствовали продвижение реформ и борьбу с коррупцией с целью строительства демократической, процветающей и стабильной Грузии» [George, 2003]. По-видимому, основной целью визита Дж. Бейкера было дать понять Э. Шеварднадзе, что если Грузия не встанет на путь «демократических реформ» при нем, это произойдет при другом президенте.

Следует отметить, что уже в 1990-е годы американские политические консультанты тренировали будущих коллег по политическим кампаниям в ряде бывших коммунистических государств, которые теперь считаются «переходными демократиями».

Некоторые неправительственные организации (НПО) по продвижению демократии играли центральную роль в инициировании процесса, вошедшего в историю как «Революция роз». Продуктом десятилетнего непрерывного финансирования и поддержки со стороны западных правительств и организаций стала сеть хорошо сплоченных, устоявшихся и престижных грузинских НПО. Фонд «Открытое общество Грузии» (OSGF) венгерского миллиардера Джорджа Сороса финансировал как самые радикальные и активные НПО, так и телевизионную станцию «Рустави-2» – уста и рупор революции [Lazarus, 2010].

До выборов оппозиция имела ключевого медиа-союзника – независимый телеканал «Рустави-2». В общем климате относительной свободы СМИ он был признан самым профессиональным телеканалом в Грузии и получил широкую популярность «после нескольких лет открытой и бесстрашной критики режима Э. Шеварнадзе [Usupashvili, 2004]. «Рустави-2» стал четко ассоциироваться с антиправительственным телеканалом в июле 2001 года, когда популярный 25-летний телеведущий Георгий Саная был застрелен в своей

квартире. Бывший сотрудник министерства внутренних дел был признан виновным в этом убийстве. Многие считали, что это преступление специально признали убийством по личным мотивам, чтобы скрыть целенаправленную ликвидацию Г. Саная за критику коррупции в эфире «Рустави-2». Смерть Г. Саная вызвала настоящую бурю. Тысячи людей вышли на улицы, чтобы провести его в последний путь [Sanaia, 2001].

Три месяца спустя налоговая полиция устроила рейд на офисы «Рустави-2» и совершила попытку закрыть канал, выкупить его или убедить не выпускать передачи о коррупции. Но это не остановило телеканал. Операция закончилась провалом, что впоследствии привело к отставке правительства. До парламентских выборов «Рустави-2» открыто поддерживал оппозицию, активно привлекал общественность к активности и спонсировал опросы общественного мнения. В 2003 году к «Рустави-2» присоединились еще два независимых финансируемых телеканала: «Имеди», принадлежавший олигарху Барди Патаркацишвили и «Мзэ», финансируемый ведущим банкиром и бывшим министром экономики, промышленности и торговли Вано Чхартишвили. В то время как «Имеди» оставался в значительной степени аполитичным в преддверии выборов, «Мзе» критиковал режим, хоть и в меньшей степени, чем «Рустави-2» [Areshidze, 2007, pp. 105-106, 111, 124, 133].

Голосом оппозиции в Грузии стал основанный Эроси Кицмаришвили телеканал «Рустави-2», имеющий крупнейшую аудиторию. Этот телеканал получил 9925 долларов США, значительную сумму по тем временам, от «Фонда Евразия» – юридического лица, созданного при поддержке USAID. Его деятельность также контролировалась «Internews» – другой некоммерческой организацией, поддерживаемой USAID и основанной в Калифорнии, которая обучала и консультировала журналистов. Информация, транслируемая «Рустави-2», была частично получена от западных правительств и НПО, и, по словам бывшего посла США в Грузии Ричарда Майлза, телеканал даже немного «переусердствовал», пытаясь ускорить свержение режима Э. Шеварнадзе.

По мнению Белого дома, лучшим кандидатом для замены Э. Шеварднадзе был М. Саакашвили – выпускник Университета Джорджа Вашингтона и Колумбийского университета. Соединенные Штаты предоставили ему команду социологов, стратегов и консультантов для помощи в проведении президентской кампании.

Если привлечение полу-публичной, полу-частной компании NED и размывало границу между официальным и неофициальным ведением внешней политики, то прямое политическое вмешательство отдельных американских граждан делало это еще сильнее. Когда президент Грузии Эдуард Шеварднадзе (бывший министр иностранных дел Советского Союза при М. Горбачеве) был вынужден уйти в отставку после фальсификации выборов и народного восстания, которое произошло в конце 2003 года, финансиста-миллиардера и международного политического активиста Джорджа Сороса стали подозревать в причастности к организации государственного переворота. Дж. Сорос, фонды которого занимаются дестабилизацией националистических режимов, финансировал оппозиционный телеканал «Рустави-2», газету «24 часа» и грузинское молодежное движение «Кмара», так же как он поддерживал студенческое движение «Отпор» в Сербии три года ранее. Тогда «Отпор» был намеренно вовлечен в операцию по свержению Слободана Милошевича.

Студенты-активисты в Грузии признали, что они действовали подобно студентам в сербском восстании и воспроизводили этот сценарий шаг за шагом. Активисты «Отпора» проводили трехдневные занятия о методике проведения бескровной революции, в которой приняло участие более 1000 грузинских студентов. Эти мероприятия профинансировал «Институт открытого общества» Дж. Сороса.

Возможно, деятельность Дж. Сороса кажется самым ярким проявлением влияния внешних сил на смещение Э. Шеварднадзе, но такие организации, как Агентство США по международному развитию (USAID), Национальный демократический институт по международным вопросам (NDI), Международный республиканский институт (IRI), Freedom House и Государственный департамент также предпринимали различные меры для управления результатами выборов в стране.

Посла США в Белграде, Ричарда Майлза, который был ключевым игроком в свержении С. Милошевича, перевели в Тбилиси, где он «повторил тот же трюк», обучив Михаила Саакашвили методам устранения Э. Шеварднадзе.

После вынужденной отставки Э. Шеварднадзе Соединенные Штаты выделили 14 миллионов долларов, чтобы помочь грузинскому правительству выплатить зарплаты, а М. Саакашвили вступил в должность в январе 2004 года. Чтобы добиться его победы, сторонники М. Саакашвили в парламенте намеренно устроили перерегистрацию, что привело к сокращению списков на одну треть и, таким образом, гарантировало официальную явку в 50% (зарегистрированных лиц) – минимум, необходимый для проведения выборов.

С помощью средств от USAID организация NDI финансировала методологию параллельного подсчета голосов (PVT) и активно лоббировала создание коалиции оппозиционных партий [Areshidze Irakly, 2007]. USAID потратил в общей сложности 2,7 млн долларов на избирательную кампанию, а Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) провела «одну из [своих] самых продолжительных и масштабных миссий по наблюдению за выборами» [Jawad P., 2008].

Тогдашний президент Украины Леонид Кучма утверждал, что поражение Э. Шеварднадзе было «спланированной игрой Запада». На результат в 96.24% в пользу М. Саакашвили в январе 2003 года США отреагировали как на законный демократический процесс выражения воли народа [Jawad P., 2008].

В 2004 году, после революции, состоялась встреча Джорджа Буша и Михаила Саакашвили в «овальном кабинете». В ходе встречи Дж. Буш, заявил, что США внимательно следили за революцией, которая произошла в Грузии. Он также отметил, что ценит твердую приверженность демократии и свободе М. Саакашвили. И убедительно заявил, что президент Грузии сделает все возможное, чтобы завоевать доверие народа, представлять волю народа, бороться с коррупцией, работать над системой, основанной на честности, порядочности и правах человека.

В свою очередь, президент Грузии, М. Саакашвили заявил, что «сотрудничество и дружба с США помогли нам тогда, когда нам это было нужно больше всего [February 25, 2004]… но наше сотрудничество – это не только безопасность. Речь идет не только об экономике. В первую очередь речь идет о наших общих ценностях. И мы гордимся, что являемся частью антитеррористической коалиции».

Во время встречи М. Саакашвили поблагодарил Дж. Буша за то, что США стали союзником Грузии, «не только близким союзником, но и сильным союзником», акцентируя внимание на том, что благодаря такой поддержке Грузия станет более демократичной, а демократия является приоритетной в политике государства. Также президент Грузии указал, что свобода слова, свободное предпринимательство, свободный рынок – главные приоритеты в политике государства. Было также высказано предположение о том, что Грузия может стать образцом для всего региона, но для достижения поставленных целей страна нуждается в помощи и поддержке США.

Президенты обсудили революцию. М. Саакашвили отметил, что «революции – это был лучший момент моей жизни и жизни всего поколения. И мы так гордимся, что в нашей борьбе за демократию и за право людей на выбор нас поддержали Соединенные Штаты. Вашингтон стал первым, кто нам помог. И я уверен, что мы никогда этого не забудем». В свою очередь президент США Дж. Буш, высказываясь о революции, заявил, что «это был исторический момент [February 25, 2004.]. Это был то момент, когда люди начали говорить. Это был момент, когда правительство поменялось, потому что люди мирно выражали свое мнение…».

Следующая встреча двух глав государств состоялась уже в Тбилиси в 2005 году. Джордж Буш лично посетил Тбилиси и совместно с М. Саакашвили выступил с обращением к людям. Он говорил, что грузины являются примером для других стран, стремящимся к демократии, ссылаясь, в частности, на страны Ближнего Востока. Он отметил, что вслед за «Революцией роз» произошли аналогичные революции в Украине и в других странах. «Ваше мужество вдохновляет демократических реформаторов и пускает клич,

который раздается по всему миру: свобода – это будущее каждой страны и каждого народа на планете», – сказал он.

Буш даже выучил несколько фраз на грузинском языке, которыми он начинал и заканчивал свое выступление. Здесь, в грузинской столице, Дж. Буш сделал отсылку к намерениям России по отношению к Грузии, заявив, что территория и «суверенитет Грузии должны уважаться всеми народами».

Визит Дж. Буша – первого президента США, который посетил Грузию с визитом, транслировался в прямом эфире на грузинском телевидении. Это был необычайно дружелюбный прием для лидера, чья политика после терактов 11 сентября вызвала ожесточенную оппозицию во многих странах.

Следует отметить, что двусторонняя и многосторонняя помощь, финансовая поддержка Западом нового правительства Грузии ощущалась и после революции. Заключив новые соглашения по сотрудничеству в области энергетики и безопасности, администрация Дж. Буша включила Грузию в свой новый Фонд «Вызовы тысячелетия» и пообещала выделить почти 300 млн. долларов США в целях развития[Nichol J., 2008, p.31.]. Грузия также была немедленно принята в Европейскую политику соседства, а в июне 2004 года Европейская комиссия объявила об удвоении общего бюджета помощи Грузии до 125 млн. евро на период 2004-2006 годов [Youngs R., 2006]. В течение следующих двух лет западные доноры выделили Грузии более 1 миллиарда долларов и предоставили гранты [Papava, 2006, pp. 657–667]. Миллиардер Джордж Сорос, выступая в Грузии в 2005 году, сказал: «Я очень доволен и горжусь участием фонда в подготовке грузинского общества к тому, что стало называться «Революция роз», но роль фонда в этом процессе и моя личная роль сильно преувеличены» [John, 2017].

Осуществлять контроль над СМИ новому правительству также помогали американцы. Л. Митчелл[Mitchell, 2008] цитирует Боба Эванса, возглавлявшего американскую НПО, обвиняемую в реализации крупнейшей медиа-программы USAID в Грузии. Эванс вспоминает: «Несколько раз нам говорили, что мы должны полностью поддерживать новый режим и закрывать глаза на недостатки нового правительства... За спиной мы слышали, что они больше не собираются спонсировать сферу СМИ, потому что в Грузии «уже состоялась революция».

В 2005 году USAID действительно завершило свою медиа-программу в Грузии. Прекратив финансирование независимого медиа-сектора в Грузии и игнорируя репрессивные действия грузинского правительства, западные правительства поспособствовали созданию среды полного государственного контроля и репрессий, цензуры, которая характеризовала сферу СМИ в Грузии. Их [USAID] действия «стали сигналом для администрации М. Саакашвили о том, что все якобы в порядке с точки зрения Запада» [Anable D., 2006, p.7-43.]. Грузинское руководство стремилось исключить из эфира любую критику и добиться управления всеми национальными телевизионными каналами. Правительство успешно использовало регулятивные органы, налоговые органы, суды и даже полицию в своих рейдах на «оппозиционные» каналы. Широко распространено мнение, что редакционная политика всех общенациональных телевизионных станций находится под полным контролем властей. За исключением двух небольших оппозиционных каналов, владельцы тех или иных лояльных к правительству телеканалов теперь находятся в собственности или под управлением оффшорных компаний с владельцами, которых невозможно отследить.

«Революция роз» побудила западных доноров перенести свои ресурсы от поддержки гражданского общества и средств массовой информации Грузии к оказанию прямой помощи новому «демократическому» правительству. Постреволюционные приоритеты USAID в Грузии заключались в том, чтобы «обучить сотрудников офиса президента и премьер-министра коммуникации и информационно-пропагандистской деятельности», «оказать содействие судебной системе в проведении структурных реформ» и «реализовать проект укрепления парламента, который бы отвечал приоритетам правительства».

Администрация Джорджа Буша-младшего прилагала значительные усилия для осуществления демократических преобразований в Грузии. Используя заранее выработанные методы воздействия на гражданское общество, привлекая значительные объемы

денежных средств, приглашая консультантов для обучения местных организаторов свержения власти, Запад формировал новый, демократически настроенный электорат и осуществлял контроль над проведением выборов.

Американские неправительственные организации и частные доноры стали настоящими политическими органами, работающими через различные объединения и средства массовой информации, вместо того, чтобы укореняться в гражданском обществе и действовать от имени граждан. Спонсоры, прямо или косвенно финансируемые зарубежными правительствами, принимали участие в повстанческой деятельности, представляя демократию с точки зрения своего видения и способствуя фальсификации выборов, чтобы легализовать государственный переворот и получить политическое преимущество.

Список литературы
References

1. Anable D. 2006. The role of Georgia's media – And Western aid - In the Rose Revolution. Harvard International Journal of Press/Politics 11 (3): 7-43.

2. Areshidze Irakly. 2007. Democracy and Autocracy in Eurasia, pp. 105-106, 111, 124, 133.

3. Areshidze Irakly. 2007. Democracy and Autocracy in Eurasia: Georgia in Transition. Eurasian Political Economy and Public Policy Studies Series. East Lansing: Michigan State University Press,. XVII, 360.

4. Bush George W. 2003. "Statement by the Press Secretary: Presidential Envoy James Baker to Visit Tbilisi, Georgia," July 3 Available at: http://www.presidency.ucsb.edu/george_w_bush.php (accessed 8 November 2017)

5. Congressional Research Service (CRS). 2008. Armenia, Azerbaijan, and Georgia: political developments and implications for US interests. edited by J. Nichol. Washington, D.C., p.31.

6. Jawad P. 2008 Conflict Resolution through Democracy Promotion? The Role of the OSCE in Georgia/Journal Democratization Volume 15 Available at: http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13510340801972288 (accessed 10 November 2017)

7. John C.K. 2017 Color Revolutions Turn Black, ETH Zurich. Available at: http://www.css.ethz.ch/en/services/digital-library/articles/article.html/119208/pdf (accessed 8 November 2017)

8. Jawad P. 2008. Conflict Resolution through Democracy Promotion? The Role of the OSCE in Georgia. Democratization 15 (3):611-29.

9. Lane David 2009. ‘Coloured Revolution’ as a Political Phenomenon, Journal of Communist Studies and Transition Politics, 25:2-3, 113-135.

10. Lazarus Joel. 2010. Neo-liberal State Building and Western ‘Democracy Promotion’: the case of Georgia, St Anthony’s College University of Oxford, 2010 SGIR 7th Pan-European Conference on International Relations, Stockholm, Sweden, September 9-11: 35.

11. Mitchell L. 2008. Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 192.

12. Nichol J. 2008. Congressional Research Service (CRS). Armenia, Azerbaijan, and Georgia: political developments and implications for US interests. Washington, D.C., p.31.

13. Nye Joseph. 2004. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. Available at: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/joe_nye_wielding_soft_power.pdf (accessed 8 November 2017)

14. Nye Joseph. 2002. ‘Why Military Power Is No Longer Enough’, The Guardian, 31 March. Available at: http://www.guardian.co.uk/world/2002/mar/31/1. (accessed 10 November 2017)

15. Papava V. 2006. 'The Political Economy of Georgia's Rose Revolution', Orbis, 50(4): 657–667.

16. President Bush Welcomes Georgian President Saakashvili to White House. Remarks by the President and Georgian President Saakashvili. 2004. The Oval Office, February 25. Available at: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2004/02/20040225-1.html (accessed 10 November 2017)

17. Sanaia Giorgy. 2001. A Famous Georgian Journalist, Was Found Murdered in His Own Flat” Civil.Ge, July 27

18. Sharp Gene. 2003. From Dictatorship to Democracy. Boston, MA: Albert Einstein Institution, 102.

19. Usupashvili David. 2004. 'An Analysis of the Presidential and Parliamentary Elections in Georgia: A Case Study, November 2003–March 2004'.

Youngs R. 2006. Survey of European Democracy Promotion Policies 2000-2006. Available at: http://www.fride.org/EuropeanDemocracy2000-06 (accessed 10 November 2017)

УДК 321.01
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-183-189

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

KEY ASPECTS OF PERFECTION OF GOVERNMENT MANAGEMENT IN REALIZATION OF STATE INDUSTRIAL POLICY: POLITICAL ANALYSIS

Д.Н. Нечаев
D.N. Nechaev

Воронежский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, Россия, 394030, Воронеж, ул. Карла Маркса, д. 67а

Plekhanov Russian University of Economics (Voronezh branch)
67a, Karl Marx st., Voronezh, 394030, Russia

E-mail: nechaevpolitia@rambler.ru

Аннотация
Цель данной статьи – анализ категории «управления» и «хорошего управления» с позиции отечественных и зарубежных исследователей. Концепт «хорошее управление» анализируется применительно к государственной промышленной политике на общенациональном и региональном уровнях. Разрабатываются категории, смежные с категорией управления: государственная политика, государственный дирижизм, конкурентная стратегия. Обосновывается с позиций кейнсианской школы присутствие государственного дирижизма в производственной сфере России и его влияние на модернизацию предприятий, усиление их конкуренции на внутреннем и внешнем рынках. Автор дает анализ кейнсианству и институционализму как экономическим теориям, отмечает их сходство в усилении роли государства в управлении экономическими и социально-политическими процессами. Отмечается, что государственные органы власти и управления обеспечивают господдержку предприятий, содействуют продвижению определенных идей и оценок в общественном мнении.

Abstract
The purpose of this article is to analyze the category of «governance» and «good governance» from the perspective of Russian and foreign researchers. The concept of "good governance" is analyzed with reference to state industrial policy at the national and regional levels. The categories that are adjacent to the governance category are developed: public policy, state dirigism, competitive strategy. The presence of state dirigism in the production sphere of Russia and its influence on the modernization of enterprises, the strengthening of their competition in the domestic and foreign markets, is substantiated from the standpoint of the Keynesian school. The author analyzed the Keynesianism and institutionalism as economic theories, notes their similarity in strengthening the role of the state in the economic and socio-political processes. It is noted that state authorities and administrations provide state support to enterprises, promote certain ideas and assessments in public opinion.

Ключевые слова: управление, «хорошее» управление, государственная политика, государственный дирижизм, промышленная политика, конкурентная стратегия.
Key words: governance, «good» governance, state policy, state dirigism, industrial policy, competitive strategy.

Эффективность современной государственной политики РФ в различных отраслях и сферах, в том числе в реальном секторе экономики, со всей актуальностью ставит в повестку дня приоритет «хорошего» управления. Проблематика «хорошего» управления активно подвергалась анализу в зарубежной управленческой науке в 80-е и 90-е годы XX века. Дан-

ный аспект стал одним из базовых при обсуждении на XVIII Всемирном конгрессе международной ассоциации политической науки (Квебек, 2000 год), где управление рассматривалось в ракурсе шести концептуализированных категорий: «минимальное государство, корпоративное управление, новый публичный менеджмент, хорошее управление, социокибернетическая система и самоорганизующиеся сети» [Смирнов, 2000, с. 168]

Рассматривая концепт управления, стоит иметь ввиду точку зрения Э. Остром о том, что в мире пока ни государство, ни рынок не преуспели в предоставлении человеку возможности «устойчивого экономического развития на базе производительного использования систем природных ресурсов» [Остром, 2010, с. 22].

Вместе с тем достижение наивысших результатов при реализации государственной политики в различных отраслях и сферах, как, к примеру, в промышленной и социальной политике, невозможно без осознания партнерства государственных (министерств и ведомств) и негосударственных (корпораций, предприятий, индивидуальных предпринимателей) акторов, различных сетевых структур. По оценке ряда исследователей (П. Бьерк, Х. Йохансон, Р.А.В. Родес и др.) управление – это не только функционирование правительственных (государственных), но и негосударственных структур и организаций.

Р.А.В. Родес рассматривает роль государственного управления в реализации различных типов политики через призму функционирования политических институтов, вне зависимости от подходов идеализма или, к примеру, постмарксизма. Исследователь полагает, что «ключевым аспектом формально-юридического анализа институтов, идеализма, постмарксизма и нового институционализма является взаимодействие идей и институтов. По-разному анализируется историческая эволюция и встроенных в них формально-правовых институтов. Поэтому мы читаем конституции как текст для убеждений, которые они вкладывают в институты» [Rhodes, 2006, p. 103].

Значительный вклад в разработку категории управления внес и профессор из Женевы Марк Хафти. Подвергая анализу категорию управления, М. Хафти подчеркивает, что в настоящее время в политической и других науках нет четкого и общепринятого определения данного понятия. Однако вместе с тем М. Хафти дает авторское определение, в котором он выделяет три группы подходов. Согласно первому из них, управление рассматривается с позиций государственного управления, в качестве синонима к слову «правительство». Второй подход предполагает рассмотрение управления с точки зрения имеющейся системы норм. Третий подход связан с тем, что управление представляет собой основу для не-иерархических систем координации [Hufty, 2009].

Н. Мэннинг и Н. Паринсон в работе «Реформа государственного управления: международный опыт» подчеркивают важность и необходимость расширения способностей правительства (по сути системы государственного управления) к осуществлению легитимных изменений в своей политике. В том числе и в рамках реализации отраслевых политик. Они выделяют ряд мер, способных повысить эффективность госуправления с целью получения больших результатов. Это «укрепление принципа профессиональных качеств в кадровой политике и сокращение патронажа, способствующие повышению компетентности и одновременно снижению рисков; … характер контракта о найме на работу между государственным служащим и государством (*прим. авт.* повысить отдачу); … значимость индивидуальных контрактов о достижении конкретных результатов деятельности» [Мэнинг, Парисон, 2003, с. 38].

При анализе концепта «управление» применительно к государственной промышленной политике, как на общенациональном, так и на региональном уровнях, особое значение приобретает сетевой подход. Данный подход детально исследовался и в англосаксонской, и в немецкой школах. По оценке Л.В. Сморгунова, в первом случае «англосаксонская школа считает плодотворным его использование при изучении взаимодействия государства и групп интересов … в отношении к особым политическим решениям» [Сморгунов, 2001, с. 103], в другом случае «немецкая школа видит в политических сетях современную форму государственного управления, отличную от иерархической и от рыночной … теория политических сетей пытается опереться на коммуникативные процессы в постиндустриальном обществе и демократическую практику» [Сморгунов, 2001, с. 103].

Не сбрасывая со счетов важность «хорошего» управления, стоит иметь ввиду и сопутствующие управлению понятия. В условиях международной (между территориями национальных государств) и межрегиональной (между территориями национального государства) конкуренции, к примеру, в осуществлении промышленной политики, особое значение имеют категории «конкуренция», «конкурентная стратегия» и «конкурентные преимущества».

М. Портер выделяет пять составляющих структуры конкуренции: «рыночную власть покупателей …; рыночную власть поставщиков; угрозу вторжения новых участников; опасность появления продуктов или услуг-заменителей; усиление конкуренции» [Сморгунов, 2001, с.103].

Любая фирма или территория, по М. Портеру в той или иной отрасли имеет конкурентную стратегию, сформулированную или стихийную. Разработка конкурентной стратегии относится к системе управления и по существу имеет задачу в отыскании четкой формулировки того, как территория (фирма) «будет вести конкуренцию, какими должны быть его цели и какие средства и действия понадобятся для достижения этих целей» [Портер, 2016, с. 26].

М. Портер определяет ключевые аспекты конкурентной стратегии фирмы через так называемое «колесо конкурентной стратегии», осью которого становятся цели и общее определение конкурентных намерений и конкретных экономических и неэкономических задач, а спицами – ключевые направления деловой политики, среди которых: производственная специализация, целевые рынки, маркетинг, исследования и разработки, рабочая сила, производство, оптовые каналы сбыта, продажи, финансы и контроль, закупочная деятельность и снабжение [Портер, 2016, с. 27].

При реализации государственной политики в различных отраслях имеет смысл рассмотреть еще одну дефиницию, которую Д. Осборн и П. Пластрик используют в описании стратегий обновления государства с целью повышения его эффективности. Это категория «reinventing government», что в буквальном переводе означает «переизобретение». Наиболее точное определение – «обновление систем государственного управления». При этом ключевое слово – «обновление».

В итоге, Д. Осборн и П. Пластрик обосновали десять принципов обновления современных систем государственного управления, которые влияют на эффективность отраслевых политик государства, в том числе и в промышленной сфере. Наиболее актуальные из них: оценка работы учреждений не по затратам, а по результатам; руководство целями и миссией, а не законами и правилами; предупреждение возникновения проблем; предпочтение рыночным механизмам перед бюрократическими; сосредоточенность на стимулировании решения возникающих в обществе проблем всеми секторами [Осборн, Пластрик, 2001. с. 12-17].

Разумеется, современные системы управления и государственная политика в отраслях, как общенациональная, так и региональная, имеет выход на осознание понятия о развитии. В то же время, как отмечает А. Лёш, понятие о развитии не существовало бы, если бы все события совершались в одно время, равно как не было бы понятия о своеобразии, если бы все концентрировалось в одном месте. Соответственно, «лишь пространственный фактор порождает специфические особенности, получающие дальнейшее развитие во времени» [Лёш, 2007, с. 634].

В этой связи А. Лёш, развивая теорию размещения промышленности в целях пространственного развития, обращает особое внимание на две группы вопросов, связанных с выбором местоположения отдельных экономических объектов (теории размещения предприятий промышленности и сельского хозяйства) и проблемы территориальной агломерации предприятий, на всестороннее рассмотрение функционирования экономических районов. Логично, что решение данных проблем и вопросов невозможно без эффективных коммуникаций и партнерства государственных и негосударственных акторов. Их эффективное взаимодействие означает пример современного управления.

При реализации государственной политики в отраслях и сферах, как и в целом в системе государственного управления, в том числе и в современной России, особое значение имеет идеологический фактор, исходящий из сути основных экономических и поли-

тический теорий. И это при том, что, согласно Ст. 13 Конституции России, ни одна из идеологий (консерватизм, либерализм, социализм и др.) не может быть государственной.

Вместе с тем, идеологии в пространственно-временном континууме постсоветской России вызывают «к жизни определенную политическую практику… в реальности, например в управлении, сохраняются элементы идеологии предшествующего общества» [Комарова, 2012, с. 170-171].

Рассматривая государственную промышленную политику в постсоветской России (1992-2017 гг.) как на общефедеральном, так и на региональном уровнях, стоит иметь ввиду, что на выработку и реализацию данной политики серьезное влияние оказали ряд экономических теорий и идеологий. В частности, в период 90-х годов XX – первое десятилетие XXI вв. содержательной основой экономической и промышленной политики являлся либерализм, а точнее – монетаризм («широкое использование рынка ослабляет нагрузку на социальную ткань, так как снимает необходимость подчиняться общему мнению во всех видах охватываемой рынком деятельности» [Фридман, 2016, с. 51]). Ставка государства на то, что рынок все отрегулирует во многом была ошибочной. Результатом данной политики стал процесс деиндустриализации.

Экономические кризисы 1998, 2008-2009 гг. стали побудительным мотивом деятельности органов власти и управления РФ в корректировке экономической и промышленной политики, внедрении содержательных элементов кейнсианства («кейнсианских» рецептов) в госуправление и госполитику. В частности, сохранение автопрома в РФ было обусловлено стимулированием совокупного общественного спроса по Дж. М. Кейнсу (госпрограмма «Автомобили в обмен на автохлам»). Данные кейнсианские рецепты (больший объем и масштаб государственного регулирования экономики) привели и к смягчению социальных проблем, большей эффективности социальной политики.

Базовый подход Дж. М. Кейнса состоит в том, что «склонность к потреблению и объем новых инвестиций совместно определяют объем занятости, который в свою очередь совершенно определенным образом связан с величиной реальной заработанной платы» [Кейнс, 2015. с. 36]. Применение данного подхода к работе промышленных предприятий в РФ в период 2009-2010 гг. привело не только к сохранению, но и к модернизации, появлению смежных и новых производств за счет государственных и частных инвестиций в промышленный сектор, сохранению объектов социальной инфраструктуры и оживлению моногородов, но и к недопущению социальных протестов и потрясений.

Реанимирование промышленной отрасли, придание ей динамики развития связано и с задействованием теории и практик институционализма. Ведь институты, как отмечает Д. Норт, влияют на функционирование экономических систем, являя собой «правила игры» в обществе [Норт, 1997, с. 17]. Следовательно, они «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия – будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен» [Норт, 1997, с. 17].

Таким образом, параллельно «кейнсианским рецептам», стимулирующим совокупный спрос на промышленную продукцию в РФ были задействованы и рецепты институционализма, инициировавшие повсеместное создание институтов развития (ОЭЗ, Корпорации развития, ТОРов и ТОСЭРов и др.), следствием которых стали позитивные институциональные изменения.

Кейнсианство и институционализм как экономические теории, предусматривают большее участие государства в управлении экономическими и социально-политическими процессами, определяют ценность традиций, что роднит эти течения с идеологией консерватизма. При этом, к рубежу 2014-2015 гг. после введения экономических санкций против РФ и ответного эмбарго, в повестку дня государственной экономической политики была поставлена задача перехода к стратегического планирования, что имеет отношение к элементам системы плановой экономики, уходящей своими корнями к идеологии социализма. Таким образом, экономическая и промышленная политика в РФ являются полем противодействия экономических теорий и базовых идеологий.

Вопрос о роли государства в современном научном дискурсе применительно к отраслевым политикам – это не только вопрос об этатизме и антиэтатизме («диапазон толкований от восприятия этого института в качестве высшей формы рациональной организации общества до «пустого» места в пространстве социума» [Соловьев, 2011, с. 70]), это и вопрос о способности «государства к направленным изменениям внешней среды … как показатель его институциональной состоятельности» [Соловьев, 2011, с. 70].

Ключевым трендом в дискурсе о государстве становится обсуждение аспекта «о его трансформации, адаптации к изменениям среды, дифференциации на различные типы» [Харкевич, 2012, с. 122]. А его онтологическое ослабление понимается, прежде всего, как «проявление его незавершенности, как развитие и изменение бытия» [Харкевич, 2012, с. 123]. При этом вопрос о сильном государстве в постсоветскую эпоху не снимается, его функции в регулировании экономики и социума, включая государственный дирижизм, не отменяются. Новые явления в политическом развитии России и ее регионов со всей необходимостью актуализируют вопрос об исследовании проблематики государственного дирижизма, его специфике, области применения, а также получаемого эффекта.

Стоит отметить, что феномен экономического дирижизма оформился во Франции и как научная категория (Ф. Перру и его исследование «Экономика XX века») и как экономическая практика, касающаяся прямого контроля национального правительства инфраструктуры и транспортной системы (железных дорог, авиаперевозок), ТЭКа (производства электроэнергии, добычи природного газа), а также отрасли телефонной и почтовой связи. При этом директивное регулирование не затрагивало остальных отраслей экономики, где частный сектор мог с успехом функционировать самостоятельно, без государственной поддержки.

Как отмечает российский исследователь В. Андрианов практика государственного дирижизма во Франции сводилась к ключевым направлениям контроля правительства за экономикой: «1) стимулирование спроса с помощью инвестиций в сферу высоких технологий и научно-исследовательских работ; 2) маневрирование государственными расходами в зависимости от экономической конъюнктуры; 3) индикативное планирование экономики, обеспечивающее условия для долгосрочных инвестиций, и направленность на поддержку крупных, доминирующих на национальном рынке предприятий и экспортеров; 4) повышение уровня жизни трудящихся и удовлетворение их потребностей» [Андрианов, 2006, с. 4-6].

Современное понимание государственного дирижизма укладывается в осознание особого явления, где выделяется «руководящая и направляющая роль государства в управлении экономикой, активное участие органов государственной власти в регулировании экономических процессов и отношений» [Райзберг, 2011, с. 106].

Кроме того, к этому также стоит добавить, что в основе теории и практики дирижизма лежит убеждение, что все экономические проблемы могут быть преодолимы политической волей. Направления государственного дирижизма в промышленной сфере страны и регионов сочетаются с направлениями классического государственного дирижизма. Во-первых, государство в лице федеральной и региональной власти посредством бюджетных вливаний стимулирует спрос на продукцию с помощью инвестиций в технологическую модернизацию предприятий; во-вторых, оно маневрирует государственными расходами в зависимости от экономической конъюнктуры (вливание бюджетных средств в предприятия в период экономического кризиса и послекризисных явлений 2009-2013 были наиболее масштабными); в-третьих, направленность на поддержку крупных промпредприятий, доминирующих на общефедеральном рынке и, в-четвертых, повышение уровня оплаты труда для работающих в государственных (бюджетное финансирование) и частных (система госзакупок) организациях.

Реализация государственных отраслевых политик в РФ неизбежно приводит к вопросу о роли государства, органов власти и управления. Точнее, о масштабе и объеме его присутствия в дирижизме конкретными отраслями, включая промышленную отрасль. Советская традиция ориентировала на монополию государства в этой отрасли отечественной экономики. Постсоветская традиция либо выводила государство из этой отрасли (приватизация, разгосударствление в 90-е годы XX века), либо сводило к минимальному участию государства в дирижизме промышленным акторам (период 2000-х годов).

Приведем конкретные примеры по развитию и упадку отечественной промышленности (РСФСР в СССР, Российская Федерация) в XX веке. Если обратиться к данным объема производства промышленной продукции в РСФСР и РФ в сопоставимых ценах, то можно отметить заметные подъемы и спады. В исследовании «Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001» автор-составитель С.Г. Кара-Мурза на основе данных официальной статистики указывает на то, что к 30-м годам прошлого века Россия (РСФСР) обрела статус промышленно-аграрной страны, выйдя на новый этап индустриализации, процесс которой был исключительно интенсивным вплоть до 80-х годов. К 1940 г. объем промышленной продукции в РСФСР «вырос по сравнению с 1913 г. в 8,7 раз. После войны страна вступила в новый этап индустриального развития, и к 1980 г. объем промышленного производства был в 161 раз больше, чем в 1913 г.» [Райзберг, 2011, с. 106]. Устойчивый рост промпроизводства продолжался до 1990 г., после которого вступили в действие законы, отменяющие принципы плановой экономики. Последующие реформы привели к тому, что к 1997 году 95,6% промышленных предприятий, производящих 89,6% продукции, были негосударственными. Крупные заводы, комбинаты и фабрики были расчленены на мелкие предприятия и фирмы. Так, если в РСФСР в 1990 г. насчитывалось 26,9 тыс. промпредприятий, на которых трудилось 23,1 млн. человек, то к 1997 г. количество промпредприятий увеличилось до 159 тысяч, численность персонала на которых сократилась до 14,0 млн. человек [Райзберг, 2011, с. 162].

Как мы видим, минимальное участие государства в промышленной отрасли приводит к ее деградации и упадку. В данном разрезе достаточно веско звучит мнение американского политического философа Р. Нозика о том, что «минимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано» [Нозик, 2016, с. 193].

Подводя итоги, стоит выделить два ключевых положения. Первое, если в экономике России, как и в экономике других стран, допускается в различных масштабах государственное регулирование и государственный дирижизм, а промышленный сектор – один из сегментов экономики, то вследствие этого логичны и практики государственного дирижизма в производственной сфере, причем, как на федеральном, так и на региональном уровнях. При этом государственные органы власти и управления, обеспечивая господдержку предприятий, содействуют продвижению определенных идей и оценок в общественном мнении. И второе положение. Государственный дирижизм в производственной сфере РФ, особенно на региональном уровне, распространяется в первую очередь на модернизацию предприятий, усиление их конкуренции на внутреннем и внешнем рынках.

Список литературы
References

1. Андрианов В. 2006. Государственный дирижизм во Франции: история и современность. Маркетинг, 1: 3-11.

Andrianov V. 2006. Gosudarstvennyj dirizhizm vo Francii: istorija i sovremennost'. Marketing, 1: 3-11. (in Russian)

2. Кара-Мурза С.Г. 2001. Белая книга. Экономические реформы в России. 1991-2001. М., Алгоритм, 432.

Kara-Murza S.G. 2001. Belaja kniga. Jekonomicheskie reformy v Rossii. 1991-2001. M., Algoritm, 432. (in Russian)

3. Кейнс Дж. М. 2015. Общая теория занятости, процента и денег. Пер. с английского профессора Н.Н. Любимова. М., Гелиос АРВ, 352.

Kejns Dzh. M. 2015. Obshhaja teorija zanjatosti, procenta i deneg. Per. s anglijskogo professora N.N. Ljubimova. M., Gelios ARV, 352. (in Russian)

4. Колосов В.А., Мироненко Н.С. 2002. Геополитика и политическая география. М., Аспект Пресс, 479.

Kolosov V.A., Mironenko N.S. 2002. Geopolitika i politicheskaja geografija. M., Aspekt Press, 479. (in Russian)

5. Комарова Л.Г., Комарова А.С. 2012. Идеологические аспекты государственного управления персоналом организации. Человек. Сообщество. Управление, 1: 170-173.

Komarova L.G., Komarova A.S. 2012. Ideologicheskie aspekty gosudarstvennogo upravlenija personalom organizacii. Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie, 1: 170-173. (in Russian)

6. Лёш А. 2007. Пространственная организация хозяйства. Пер. с нем., под редакцией академика А.Г. Гранберга. М., Наука, 664.

Ljosh A. 2007. Prostranstvennaja organizacija hozjajstva. Per. s nem., pod redakciej akademika A.G. Granberga. M., Nauka, 664. (in Russian)

7. Мэнинг Э., Паринсон Н. 2003. Реформа государственного управления: международный опыт. Пер. с англ. М., Издательство «Весь Мир», 496.

Mjening Je., Parinson N. 2003. Reforma gosudarstvennogo upravlenija: mezhdunarodnyj opyt. Per. s angl. M., Izdatel'stvo «Ves' Mir», 496. (in Russian)

8. Нозик Р. 2016. Анархия, государство и утопия. Пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М., ИРИСЭН, Социум, 424.

Nozik R. 2016. Anarhija, gosudarstvo i utopija. Per. s angl. B. Pinskera pod red. Ju. Kuznecova i A. Kurjaeva. M., IRISJeN, Socium, 424. (in Russian)

9. Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., Фонд экономической книги «Начала», 180.

Nort D. 1997. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. Per. s angl. A.N. Nesterenko. M., Fond jekonomicheskoj knigi «Nachala», 180. (in Russian)

10. Осборн Д., Пластрик П. 2001. Управление без бюрократов: Пять стратегий обновления государства. Пер. с англ. М., ОАО Издательская группа «Прогресс», 536.

Osborn D., Plastrik P. 2001. Upravlenie bez bjurokratov: Pjat' strategij obnovlenija gosudarstva. Per. s angl. M., OAO Izdatel'skaja gruppa «Progress», 536. (in Russian)

11. Остром Э. 2010. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности. Пер. с англ. М., ИРИСЭН, Мысль, 447.

Ostrom Je. 2010. Upravljaja obshhim: jevoljucija institutov kollektivnoj dejatel'nosti. Per. s angl. M., IRISJeN, Mysl', 447. (in Russian)

12. Портер М. 2016. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. Пер. с англ. 6-е изд. М., Альпина Паблишер, 453.

Porter M. 2016. Konkurentnaja strategija: Metodika analiza otraslej i konkurentov. Per. s angl. 6-e izd. M., Al'pina Pablisher, 453. (in Russian)

13. Портер М.Э. 2001. Конкуренция. Пер. с англ. М., Издательский дом «Вильямс», 495.

Porter M.Je. 2001. Konkurencija. Per. s angl. M., Izdatel'skij dom «Vil'jams», 495. (in Russian)

14. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. 2011. Современный экономический словарь. 6-е изд., перабoт. и доп. М., ИНФРА-М, 512.

Rajzberg B.A., Lozovskij L.Sh., Starodubceva E.B. 2011. Sovremennyj jekonomicheskij slovar'. 6-e izd., perabot. i dop. M., INFRA-M, 512. (in Russian)

15. Смирнов В.В. 2000. Некоторые итоги конгресса МАПН в Квебеке. XVIII всемирный конгресс международной ассоциации политической науки. Полис, 6: 166-169.

Smirnov V.V. 2000. Nekotorye itogi kongressa MAPN v Kvebeke. XVIII vsemirnyj kongress mezhdunarodnoj associacii politicheskoj nauki. Polis, 6: 166-169. (in Russian)

16. Сморгунов Л.В. 2001. Сетевой подход к политике и управлению. Полис, 3: 103-112.

Smorgunov L.V. 2001. Setevoj podhod k politike i upravleniju. Polis, 3: 103-112. (in Russian)

17. Соловьев А.И. 2011. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти. Полис, 5: 70-98.

Solov'ev A.I. 2011. Latentnye struktury upravlenija gosudarstvom, ili Igra tenej na like vlasti. Polis, 5: 70-98. (in Russian)

18. Фридман М. 2016. Капитализм и свобода. Пер. с англ. М., Новое издательство, 288.

Fridman M. 2016. Kapitalizm i svoboda. Per. s angl. M., Novoe izdatel'stvo, 288. (in Russian)

19. Харкевич М.В. 2012. Политическое усиление государства через его онтологическое ослабление. Полис, 5: 122-129.

Harkevich M.V. 2012. Politicheskoe usilenie gosudarstva cherez ego ontologicheskoe oslablenie. Polis, 5: 122-129. (in Russian)

20. Hufty M. 2009. The Governance Analytical Framework. Preliminary version. Available at: http://graduateinstitute.ch/webdav/site/developpement/groups/hufty_greg/public/Governance_Analytical_Framework.pdf (accessed 05 May 2017)

21. Rhodes R.A.W. 2006. Old institutionalisms. Edited by R.A.W. Rhodes, Sarah A. Binder, Bert A. Rockman. In: The Oxford Handbook of Political Institutions. Oxford, Oxford University Press, 90-111.

УДК 32.019.51
DOI:10.18413/2075-4458-2018-45-1-190-196

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И КОРПОРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

THE INSTITUTIONAL NATURE OF THE DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN COMMUNICATION SPACE IN THE SYSTEM OF SOCIO-POLITICAL AND CORPORATE INTERACTION

Е.С. Селиванова
E.S. Selivanova

Воронежский государственный технический университет
Россия, 394006 г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 84

Voronezh State Technical University
84, 20 let Oktjabrja St., Voronezh, 394006, Russia

E-mail: arsep@list.ru

Аннотация
В данной статье разрабатывается проблематика цифровизации информационно-коммуникационной сферы общественно-политических и корпоративных транзакций. Обосновывается подход, при котором сокращение данных транзакций требует институционализации норм и практик цифрового присутствия политических и корпоративных акторов. Автор анализирует потенциал средств массовой коммуникации, которые порождают самостоятельное пространство, насыщенное информацией, предоставляемой средствами массовой информации и новыми медиа. В статье разрабатываются категории информации, информационно-коммуникационных технологий, средств массовой коммуникации, цифровизации общественно-политической сферы, средств массовой информации и медиапространства. Автор статьи приходит к выводу о том, что динамичный переход к цифровизации информационной, общественно-политической и экономической сфер возможен только при наличии политической воли федерального центра и стратегически выверенной и активно реализуемой государственной политики. При этом определяющие действия по разработке нормативной базы, созданию благоприятного делового климата и возможностей разрабатывать и использовать цифровые технологии остаются за государственным сектором.

Abstract
In this article, the problems of digitalization of the information and communication sphere of socio-political and corporate transactions are being developed. It is justified an approach, in which the reduction of transaction data requires the institutionalization of norms and practices of the digital presence of political and corporate actors. The author analyzes the potential of mass media, which generate an independent space, saturated with information provided by the media and new media. The author elaborates the categories of information, information and communication technologies, mass communication, digitalization of the socio-political sphere, media and media. The author comes to the conclusion that a dynamic transition to the digitalization of information, socio-political and economic spheres is possible only if there is a political will of the federal center and a strategically verified and actively implemented state policy. At the same time, the state sector is decisive for developing a regulatory framework, creating a favorable business climate and opportunities to develop and use digital technologies.

Ключевые слова: институционализм, информация, информационно-коммуникационные технологии, общественно-политическая сфера, цифровизация, медиапространство.
Key words: institutionalism, information, information and communication technologies, social and political sphere, digitalization, media space.

Развитие информационно-коммуникационных технологий актуализирует вопрос перехода от постиндустриального уклада общественно-политической и экономической жизни к информационному. В основе этих предположений лежит изменяющееся отношение к производству, хранению и распространению информации. Именно эта категория является центральной категорией межотраслевого цифрового и коммуникационного прогресса.

Как отмечает авторитетный исследователь природы и сущности информации Дж. Глик, в настоящее время становится «слишком много информации – и так много ее утеряно. Непроиндексированный сайт в интернете так же забыт и заброшен, как и книга в библиотеке, поставленная не ну та полку. Вот почему успешные мощные коммерческие предприятия в информационной экономике построены на фильтрации и поиске» [Глик, 2016, с. 437].

Действительно, в условиях, когда объемы информации, в том числе производимой отдельными пользователями интернет-среды, частными или корпоративными, с каждым днем растут в геометрической прогрессии, неизбежно может возникнуть вопрос о содержательной стороне самовоспроизводящегося контента. Так, «при рождении информации смысл был безжалостно принесен в жертву, а ведь это то самое свойство, которое дает информации ее ценность и значение» [Глик, 2016. с. 443].

Российский исследователь В.Н. Сунгоркин на Петербургском международном экономическом форуме также выражал опасения по поводу интенсификации информационных потоков, в том числе в интернет-пространстве. По его оценке, «появление Интернета, который дал выход в информационное пространство всем и каждому, породило запрос и потоки версий и оценочных суждений по любому мало-мальски важному событию… Не существует больше простого и компактного описания какого-либо явления, значимого для принятия решения, которое бы всех устроило … поскольку для процессов в Интернете критически важным становится математический аппарат (ведь то, что гуманитарии называют дискуссией, можно перевести на строгий язык big data и воспринимать как счетную задачу), назревает битва за трактовку уже самих математических законов. Пока хотя бы их принимают как данность. Но не постигнет ли и математику та же судьба, что и «просто факты»? Не погрузимся ли мы окончательно в глобальную неопределенность, потеряв последние четкие берега, которые представляет собой арифметика? … В основе медиабизнеса – создание аудитории и ее последующая продажа рекламодателю или продажа информации потребителю» [Сунгоркин, 2017, с. 53-58].

Тем не менее, исследователями отмечаются и исключительно положительные аспекты доступности информации. В своей работе «Гении и аутсайдеры» канадский социолог и журналист М. Гладуэлл приводит наблюдения невролога Д. Левитина, который, в свою очередь, отмечает, что «для достижения уровня мастерства, соразмерного со статусом эксперта мирового класса, требуется 10 000 часов практики. … Но пока еще никому не встретился случай, когда высочайший уровень мастерства достигался бы за меньшее время. Складывается впечатление, что ровно столько времени требуется мозгу, чтобы усвоить всю необходимую информацию» [Гладуэлл, 2013, с. 40].

Логическим продолжением исследования феномена усложнения информационных потоков становится развитие средств массовой коммуникации, способствующим донесению массовой информации конечным ее потребителем. Канадский философ, филолог, литературовед, теоретик медиа и коммуникации Г.М. Маклюэн в ходе анализа природы и сущности средств массовой коммуникации на общественное сознание и отдельного человека прибегает к удивительно точной метафоре. Исследователь обращает наше внимание на способность электрического света трансформировать любую структуру пространства, времени и общества, в которую он проникает или с которой он соприкасается. Таким образом, сообщением электрического света становится тотальное изменение, иными словами чистая информация без каких-либо рамок, ограничивающих его трансформационную силу. Эту характеристику и особенность электрического света Г.М. Маклюэн переносит на средства коммуникации, указывая на их способность переупорядочивать и трансформировать жизнь каждого человека, который с ними соприкасается.

В отношении того, каким образом происходит переупорядочивание и трансформация человеческой жизни при соприкосновении со средствами коммуникации, Г.М. Маклюэн также дает ответ. С точки зрения исследователя, любое средство коммуникации и сообщения, транслируемые с его помощью, являются внешним расширением, внешней проекцией человека. Так, «любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел, и такое расширение вовне требует, помимо прочего, новых пропорций, или новых равновесий, между другими органами и расширениями тела» [Маклюэн, 2014, с. 54].

Примечательно и то, что «созерцание, использование или восприятие любой нашей проекции в технологическую форму с необходимостью означает принятие его вовнутрь себя. Послушать радио или прочесть печатную страницу значит принять эти расширения на самих себя в нашу личностную систему и претерпеть «замыкание», или автоматически вытекающее из этого искривление восприятия» [Маклюэн, 2014, с. с. 56].

Особого внимания заслуживает способ коммуникации. Согласно Д. Кола, он «может быть описан как динамичная система, включающая средства коммуникации и формы присвоения этих средств индивидами, группами, институтами» [Кола, 2001, с. 249].

Совокупность средств массовой коммуникации (СМК) порождает самостоятельное пространство, насыщенное информацией, предоставляемой средствами массовой информации и новыми медиа. Это, в свою очередь, также играет значимую роль в процессе воздействия массовой информации на конкретного индивида. Так, российский исследователь И.М. Дзялошинский указывает на преобразующую функции СМИ, которые «в процессе сбора, обработки («фильтрации») и передачи информационных данных о фактах реальности способны их видоизменять (или искажать), отдавая им свои медиатированные значения (mediated meanings), возникающие в ходе фабрикации мнимых образов (событий) реальности» [Дзялошинский, 2014, с. 12]. При этом ученый акцентирует внимание на происходящей медиатизации социальных институтов, характерным признаком которой является инкорпорирование схем и правил, характерных для средств массовой коммуникации, в систему правил, организующих действия и взаимоотношения людей в рамках определенного социального института, то есть превращение социальных институтов в активных субъектов медиа пространства» [Дзялошинский, 2014, с. 13].

Польский исследователь К.М. Цвынар отмечает, что «СМИ, которые согласно своему первоначальному образу были основаны на мышлении «согласно ценностям» и были призваны исполнять информационную, образовательную, воспитательную функции, приняли роль средства реализации политических и экономических интересов. Информация, которая служит практическим целям, прежде всего, оценивается в категориях экономической и утилитарной ценности, и в то же время познавательные и интеллектуальные цели содержания сообщений СМИ отходят на второй план» [Цвынар, 2015, с. 100-101].

Нельзя не отметить и повсеместную цифровизацию средств массовой информации и медиапространства в целом. По мнению экспертов, такого рода «оцифровка» в наше время характерна для любых средств массовой коммуникации. Благодаря цифровым технологиям масс-медиа подступили к еще одному типологическому признаку – мультимедийности, т.е. возможности совмещать на одной площадке различные коммуникативные средства. Однако мультимедийность по своей природе является скорее технической характеристикой» [Качкаева, 2010].

Профессор НИУ ВШЭ И.М. Дзялошинский определил составные части медапространства, указав на то, что основу медиапространства составляют средства производства и распространения массовой информации, а также сама массовая информация. В качестве субъектов, отношения между которыми задают виртуальные границы медиапространства, выступают производители медиаконтента; институты, регулирующие процессы производства, распространения и потребления медиаконтента; потребители информации [Дзялошинский, 2011].

Частной составляющей медиапространства, по оценкам экспертов, является медиасреда и медиасфера, под которой понимается некая «совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, т.е. сфера, которая через посредничество средств массовых коммуникаций связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей» [Дзялошинский, 2011].

Активное взаимодействие пользователей массовой информации с медиасферой и медиасредой порождает, по мнению экспертов, так называемую медиазависимость. Сущность ее проявляется в том, что «во-первых, чем больше человек зависит от того, что его потребности удовлетворяются в результате использования СМК, тем значимее их роль в его жизни, следовательно, тем сильнее влияние.

Во-вторых, степень зависимости аудитории от информации, поставляемой медиа, является главной переменной величиной в понимании, когда и почему медиасообщения изменяют убеждения, чувства или поведения аудитории. В-третьих, в индустриальном обществе люди становятся более зависимыми от медиа, чтобы: а) понимать общественный мир; б) поступать осознанно и эффективно; в) фантазировать или уходить от действительности.

Отдельным сегментом медиапространства становится совокупность коммуникационных практик в сети интернет. Этот сегмент, опять же вызывает обеспокоенность экспертов. Так, «человеческие знания просачиваются в Сеть, в облако. Веб-сайты, блоги, поисковые системы и энциклопедии, исследователи современных мифов и их разоблачители. Везде истина находится рядом с ложью» [Глик, 2016, с. 446].

Тем не менее, развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего для корпоративных пользователей становится базовой возможностью выстраивания прагматических коммуникаций с настоящими и потенциальными потребителями. В настоящее время под информационно-коммуникационными технологиями поминают (ИКТ) – «технологии, основная задача которых заключается в обеспечении фиксации информации, ее обработки, передачи, распространении и раскрытии» [Информационно-коммуникационные технологии, 2016].

Значимым сегментом в вопросе выстраивания информационно-коммуникационных технологий становится работы в пространстве социальных сетей, или новых медиа. Принято считать, что термин «социальная сеть» впервые применил социолог Джеймс Барнс [Barnes, 1954, p. 39-58] в середине 50-х годов прошлого века. Однако широкое, а после и вовсе повсеместное распространение термин получил в начале 2000-х годов с развитием интернет-технологий.

Среди сетевых ресурсов все большую роль играют «онлайновые социальные сети, которые помимо выполнения функций поддержки общения, обмена мнениями и получения информации их членами в последнее время все чаще становятся объектами и средствами информационного управления и ареной информационного противоборства. В недалеком будущем они неизбежно станут существенным инструментом влияния, в том числе – в целях манипулирования личностью, социальными группами и обществом в целом» [Губанов, 2010, с. 4].

Таким образом, интернет-среда для выстраивания информационно-коммуникационных средств и прагматических коммуникаций становится «полигоном» для использования проверенных инструментов и проведения коммуникационных инструментов, целью которых служит формирование нематериального коммуникационного потенциала частных и корпоративных акторов.

Ряд исследователей характеризуют процесс развития информационно-коммуникационных технологий не иначе как цифровую революцию. Так, авторы из Группы Всемирного банка, подготовившие Доклад о мировом развитии «Цифровые дивиденды-2016» уверены, что «мы переживаем величайшую информационно-коммуникационную революцию в истории человечества» [Доклад о мировом развитии,

2016]. В своем аналитическом продукте исследователи отмечают, что «более 40 % населения планеты имеет доступ к интернету, и каждый день в сеть выходят новые пользователи. Среди беднейших 20 % домохозяйств мобильный телефон есть почти в каждых 7 из 10. Число беднейших домохозяйств, располагающих мобильным телефоном, выше, чем имеющих доступ к чистой питьевой воде» [Доклад о мировом развитии, 2016].

Применение цифровых технологий как в различных отраслях хозяйственной деятельности, так и в формировании социально-политического взаимодействия существенно сокращает транзакционные издержки. Снижается и стоимость таких транзакций для всех участников взаимодействия: частных лиц, предприятий и государственных структур. Выгоды от повсеместного распространения информационно-компьютерных технологий авторы Доклада называют «цифровыми дивидендами», которые выражаются в обеспечении экономического роста и благосостояния компаний, создании новых рабочих мест для людей, желающих расширять свои возможности. Третья сфера, в которой «цифровые дивиденды» могут принести максимально ощутимую отдачу, по оценкам авторов доклада, приходится на государственный сектор ввиду того, что использование цифровых технологий в работе органов власти и управления позволит поступательно расширять спектр оказания государственных услуг и повышать их качество.

Однако для получения «цифровых дивидендов» национальное государство, по мнению авторов доклада, должно приложить все усилия к тому, чтобы создать требуемый устойчивый «аналоговый фундамент», который бы складывался из «нормативно-правовой базы, создающей динамичную деловую среду и позволяющей фирмам в полной мере использовать цифровые технологии для конкуренции и инноваций; навыков, позволяющих работникам, предпринимателям и государственным служащим использовать открывающиеся в цифровом мире возможности; и подотчетных институтов, использующих интернет для расширения прав и возможностей граждан».

Получению «цифровых дивидендов» населением национального государства фактически должна предшествовать институционализация норм и практик цифрового присутствия. Как справедливо указывал классик институционального подхоа Д. Норт, «формальные правила можно изменить за одну ночь путем принятия политических или юридических решений, неформальные ограничения, воплощенные в обычаях, традициях и кодексах поведения, гораздо менее восприимчивы к сознательным человеческим усилиям», при этом «стремление механически перенести в эти условия государственно-рыночные пропорции, сложившиеся в течение десятилетий на Западе, и вредно, и опасно, поскольку забегание вперед в поведенческих системах вызывает движение вспять» [Норт, 1997, с. 21, 10].

Проблематика развития цифровых технологий, цифровой экономики в целом прочно укоренилась в информационно-политической повестке дня [Иловайская, 2007; Мамонов, 2011; Кузьмин, 2009; Марков, 2011; Володенков, 2017]. Президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию 1 декабря 2016 года отметил высокий потенциал развития отрасли информационных технологий в России, обозначив перспективу двукратного увеличения экспорта ИТ-продукции из России. Глава государства указал на необходимость формирования в стране цифровой экономики, ориентированной на повышение эффективности всех отраслей за счет использования информационных технологий с опорой на российские научные, исследовательские и инжиниринговые центры [Цифровая экономика, 2017].

Выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума, состоявшегося 1-3 июня 2017 года, президент России В.В. Путин также уделил внимание развитию в стране цифровой экономики. Главным условием президент назвал создание необходимой для этого нормативной базы. Глава государства отметил конкурентоспособность российских IT-компаний, указав при этом на необходимость наращивать кадровые, технологические и интеллектуальные преимущества в сфере цифровой экономики. В этих целях определены четыре приоритетных направления развития российской цифровой экономики.

Резюмируя, отметим, что динамичный переход к цифровизации информационной, общественно-политической и экономической сфер возможен только при наличии политической воли федерального центра и стратегически выверенной и активно реализуемой государственной политики. Соответственно, определяющие действия по разработке нормативной базы, созданию благоприятного делового климата и возможностей разрабатывать и использовать цифровые технологии остаются за государственным сектором.

Список литературы
References

1. Володенков С.В. 2017. Модель информационного взаимодействия общества и власти в современной России. URL: http://g3-group.ru/projects/infvz (дата обращения: 18.05.2017).

Volodenkov S.V. 2017. Model' informacionnogo vzaimodejstvija obshhestva i vlasti v sovremennoj Rossii. URL: http://g3-group.ru/projects/infvz (data obrashhenija: 18.05.2017).

2. Гладуэлл М. 2013. Гении и аутсайдеры: Почему одним все, а другим ничего? Пер. с англ., 4-е изд. М., Альпина Бизнес Букс, 264.

Gladujell M. 2013. Genii i autsajdery: Pochemu odnim vse, a drugim nichego? Per. s angl., 4-e izd. M., Al'pina Biznes Buks, 264. (in Russian)

3. Глик Дж. 2016. Информация. История. Теория. Поток. Пер. с английского М. Кононенко. М., Издательство АСТ: CORPUS, 576.

Glik Dzh. 2016. Informacija. Istorija. Teorija. Potok. Per. s anglijskogo M. Kononenko. M., Izdatel'stvo AST: CORPUS, 576. (in Russian)

4. Губанов Д.А., Новинков Д.А., Чхартишвили А.Г. 2010. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. Под ред. чл.-корр. РАН Д.А. Новикова. М., Издательство физико-математической литературы, 228.

Gubanov D.A., Novinkov D.A., Chhartishvili A.G. 2010. Social'nye seti: modeli informacionnogo vlijanija, upravlenija i protivoborstva. Pod red. chl.-korr. RAN D.A. Novikova. M., Izdatel'stvo fiziko-matematicheskoj literatury, 228. (in Russian)

5. Дзялошинский И.М. 2014. Медиатизация социальных институтов. В сб. VIII Всероссийской научно-практической конференции: Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра. СПб., СПбГУП, 12.

Dzjaloshinskij I.M. 2014. Mediatizacija social'nyh institutov. V sb. VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii: Jelektronnye sredstva massovoj informacii: vchera, segodnja, zavtra. SPb., SPbGUP, 12. (in Russian)

6. Дзялошинский И.М. 2011. Медиапространство России. Экологический аспект. Вопросы теории и практики журналистики, 1: 64-79.

Dzjaloshinskij I.M. 2011. Mediaprostranstvo Rossii. Jekologicheskij aspekt. Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki, 1: 64-79. (in Russian)

7. Доклад о мировом развитии – 2016. Цифровые дивиденды. Обзор. 2016. Международный банк реконструкции и развития. Всемирный банк. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf (дата обращения: 30.01.2018).

Doklad o mirovom razvitii – 2016. Cifrovye dividendy. Obzor. 2016. Mezhdunarodnyj bank rekonstrukcii i razvitija. Vsemirnyj bank. URL: https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf (data obrashhenija: 30.01.2018).

8. Иловайская Л.Б. 2007. Интернет-технологии как инструмент института паблик рилейшнз в России. Вестн. Поволж. акад. гос. службы, 13: 54-58.

Ilovajskaja L.B. 2007. Internet-tehnologii kak instrument instituta pablik rilejshnz v Rossii. Vestn. Povolzh. akad. gos. sluzhby, 13: 54-58. (in Russian)

9. Информационно-коммуникационные технологии, 2016. URL: http://zsj.ru/informatsionno-kommunikatsionnyie-tehnologii.html (дата обращения: 01.02.2018).

Informacionno-kommunikacionnye tehnologii, 2016. URL: http://zsj.ru/informatsionno-kommunikatsionnyie-tehnologii.html (data obrashhenija: 01.02.2018).

10. Качкаева А.Г. 2010. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются мультимедийные. М., 200.

Kachkaeva A.G. 2010. Zhurnalistika i konvergencija: pochemu i kak tradicionnye SMI prevrashhajutsja mul'timedijnye. M., 200.

11. Кола Д. 2001. Политическая социология. Пер. с фр.; Предисл. А.Б. Гофмана. М., Изд-во «Весь Мир», «ИНФРА-М», 406.

Kola D. 2001. Politicheskaja sociologija. Per. s fr.; Predisl. A.B. Gofmana. M., Izd-vo «Ves' Mir», «INFRA-M», 406. (in Russian)

12. Кузьмин И.Ю. 2009. Перспективы внедрения информационно-коммуникативных технологий в процесс управления государством. Современные проблемы науки и образования, 3: 84-96. URL: http://www.science-education.ru/pdf/2009/2009_03.pdf#page=84 (дата обращения: 20.01.2018).

Kuz'min I.Ju. 2009. Perspektivy vnedrenija informacionno-kommunikativnyh tehnologij v process upravlenija gosudarstvom. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija, 3: 84-96. URL: http://www.science-education.ru/pdf/2009/2009_03.pdf#page=84 (data obrashhenija: 20.01.2018).

13. Маклюэн Г.М. 2014. Понимание медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. В. Николаева. 4-е изд. М., Кучково поле, 464.

Makljujen G.M. 2014. Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka. Per. s angl. V.Nikolaeva. 4-e izd. M., Kuchkovo pole, 464.

14. Мамонов М.В. 2011. Информационная политика и изменение общественного мнения. Полис, 5: 26-32.

Mamonov M.V. 2011. Informacionnaja politika i izmenenie obshhestvennogo mnenija. Polis, 5: 26-32. (in Russian)

15. Марков Е.А. 2011. Власть и СМИ в России: уроки прошлого. Saarbrucken, Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 316.

Markov E.A. 2011. Vlast' i SMI v Rossii: uroki proshlogo. Saarbrucken, Lambert Academic Publishing GmbH & Co, 316.

16. Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М., Фонд экономической книги «Начала», 180.

Nort D. 1997. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. Per. s angl. A.N. Nesterenko. M., Fond jekonomicheskoj knigi «Nachala», 180. (in Russian)

17. Сунгоркин В. 2017. Завтра Земля вполне может оказаться плоской. Известный медиаменеджер об относительности правды, информационной защите и монетизации предчувствий. ПМЭФ, 53-58.

Sungorkin V. 2017. Zavtra Zemlja vpolne mozhet okazat'sja ploskoj. Izvestnyj mediamenedzher ob otnositel'nosti pravdy, informacionnoj zashhite i monetizacii predchuvstvij. PMJeF, 53-58. (in Russian)

18. Цвынар К.М. 2015. Средства массовой информации в современной культуре: информация и просвещение или манипуляция? Политическая концептология, 2: 100-101.

Cvynar K.M. 2015. Sredstva massovoj informacii v sovremennoj kul'ture: informacija i prosveshhenie ili manipuljacija? Politicheskaja konceptologija, 2: 100-101. (in Russian)

19. Цифровая экономика. URL: http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/779/ (дата обращения: 30.01.2018).

Cifrovaja jekonomika. URL: http://minsvyaz.ru/ru/activity/directions/779/ (data obrashhenija: 30.01.2018).

20. Barnes J.A. 1954. Class and Communittees in a Norwegian Island Parish. Human Relations, 7: 39-58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
INFORMATION ABOUT AUTHORS

Алешина Е.Ю. – заведующий кафедрой иностранных языков и методики преподавания иностранных языков Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Белащенко Д.А. – старший преподаватель кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат исторических наук

Бочаров С.Г. – старший научный сотрудник Научного и образовательного Центра превосходства «Археометрия», старший научный сотрудник Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань; старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, Казань, кандидат исторических наук

Бросова Н.З. – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук

Вавулинская Л.И. – старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, кандидат исторических наук

Вартанян Ш.А. – заведующий кафедрой судебной медицины Ереванского государственного медицинского университета, Республика Армения, доктор медицинских наук, профессор

Васильева Е.Е. – аспирант, младший научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской академии наук, Москва

Востриков П.В. – аспирант кафедры всеобщей истории Курского государственного университета

Деведжян С.Г. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, кандидат исторических наук

Дроботушенко Е.В. – декан исторического факультета Забайкальского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Енгибарян А.А. – профессор кафедры медицинской биологии Ереванского государственного медицинского университета, Республика Армения, доктор медицинских наук

Крупская А.Ю. – аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета

Крупская С.Ю. – старший преподаватель кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук

Култышев П.Г. – старший преподаватель кафедры истории России Южного федерального университета, кандидат исторических наук

Латыпов Т.Р. – руководитель направления отдела Договорно-правового управления АО «Зарубежнефть», Москва, кандидат юридических наук

Лобанов К.Н. – начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина, доктор политических наук

Лункин Р.Н. – ведущий научный сотрудник отдела социальных и политических исследований Института Европы РАН, Москва, кандидат философских наук

Малай В.В. – заведующий кафедрой международных отношений и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук

Манохин Я.В. – аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета

Медовкина Л.Ю. – доцент кафедры международных отношений и внешней политики Донецкого национального университета, кандидат исторических наук

Митрофанов В.П. – профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук

Нечаев Д.Н. – професор, заведующий кафедрой социологии, политологии и гуманитарных дисциплин Воронежского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор политических наук

Перцев В.А. – доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения исторического факультета Воронежского государственного университета, кандидат исторических наук

Писаревский Н.П. – профессор кафедры истории древнего мира и археологии Воронежского государственного университета, доктор исторических наук

Свиридов И.С. – аспирант кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского

Селиванова Е.С. – доцент кафедры связей с общественностью Воронежского государственного технического университета, директор АНО «Агентство региональных социально-экономических проектов», кандидат политических наук

Сидорчук Е.А. аспирант кафедры истории и политологии Государственного университета управления, Москва

Худавердян А.Ю. – старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, Ереван, кандидат исторических наук

Цымбалова А.Е. – старший преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, кандидат политических наук

Шмелева О.Е. – аспирант кафедры всеобщей истории Ивановского государственного университета

Щербаков А.С. – доцент кафедры истории и зарубежного регионоведения Уфимского государственного нефтяного технического университета, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов, заместителям главного редактора: «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович); «Актуальные вопросы политологии» – lpolovneva@bsu.edu.ru (Половнева Людмила Сергеевна); ответственный секретарь серии журнала – onoprienko@bsu.edu.ru (Оноприенко Инна Григорьевна); сайт журнала: http://www.bsu.edu.ru/bsu/science/bsu-science-journal/

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

Редколлегия оставляет за собой право редактирования англоязычных текстов.